

ВАДИМ РОГОВИН

Партия расстрелянных

Введение

Преступления, совершённые за два с половиной года великой чистки (июль 1936 - конец 1938 года) были столь масштабны и чудовищны, что обнародование всей правды о них было чревато потрясением постсталинского политического режима. Поэтому после XX съезда КПСС её лидеры тщательно дозировали "дозволенную" правду о трагических событиях 30-х годов, смешивали её с сохранявшимися в неприкосновенности сталинистскими мифами и фальсификациями, многократно отступали от собственных разоблачений, а с середины 60-х годов вообще наложили табу на обращение к теме сталинского террора.

Длившийся более двух десятилетий запрет на всякое упоминание о том, что жило кровоточащей раной в сознании советских людей, не смягчал, а лишь отягчал неизбывную боль от этой раны. Общественная атмосфера, которая была порождена попытками обуздать, стереть историческую память народа, ярко передана в поэме А. Твардовского "По праву памяти":

*Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую быль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль - забыть!..
Забыть велят и просят лаской
Не помнить - память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвящённых не смущать...
Спроста иные затвердили,
Что будто нам про чёрный день
Не ко двору все эти были,
На нас кидajúщие тень.
Но всё, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!¹.*

Официальные идеологи КПСС, не отличавшиеся богатством исторического воображения, были настолько уверены в незыблемости и долговечности господствовавшего политического режима с его идеологической герметичностью, что полагали: правдивые научные исследования и художественные произведения о сталинском терроре смогут увидеть свет не ранее, чем через столетия. Именно такие сроки отводил Суслов для публикации романа В. Гроссмана "Жизнь и судьба".

Но действительность развивалась не по сценариям недалёковидных и консервативных партократов, закосневших в сталинистских предрассудках. Изъятие темы массовых репрессий из официальной советской историографии фак-

¹ Твардовский А. Поэмы. М., 1988. С. 327-330.

тически отдало эту тему на откуп зарубежной советологии и отечественному диссидентству. А поскольку после XX съезда КПСС было невозможно сохранять такую закрытость от внешнего мира и такую беспощадность к инакомыслию, как в сталинские времена, духовный вакуум в сознании советских людей стал заполняться идеологией, проникавшей через каналы самиздата и "тамиздата".

Серьёзный перелом в массовом сознании вызвала публикация за рубежом книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", потайными путями проникавшей и широко распространявшейся в СССР. Эта книга была воспринята советскими читателями как откровение прежде всего потому, что в ней были собраны многочисленные "человеческие свидетельства", запрещённые к публикации в нашей стране. Казалось, что, наконец, сказана вся правда о государственном терроре в СССР. Между тем сам избранный Солженицыным жанр "устной истории", основанной исключительно на мемуарных источниках, не позволял представить полную и адекватную картину событий, происходивших в нашей стране до смерти Сталина. К тому же используемые источники зачастую предвзято переинтерпретировались и истолковывались Солженицыным в целях подгонки их под авторскую концепцию, выводящую сталинский тоталитаризм из идеологии и революционной практики большевизма.

Новый всплеск общественного интереса к теме сталинского террора возник в годы политической встряски, официально именуемой "перестройкой". Открытие советских архивов обнаружило, что в них с бюрократической аккуратностью собирались все документы, вышедшие из недр партийных или гэбистских канцелярий. Фетишизм по отношению к продуктам канцелярского, в том числе палаческого пера в сталинские времена был столь велик, что на каждом деле заключённого значилась мистическая формула: "Хранить вечно".

Поток публикаций документальных материалов и воспоминаний о великой чистке вызвал живейший отклик общественного мнения, которое в конце 80-х годов оказалось погружённым в осмысление событий полувековой давности. Этим было вызвано увеличение в несколько раз тиражей периодических изданий, предоставивших свои страницы ранее запретным мемуарам, художественным произведениям и аналитическим статьям о событиях 20-30-х годов. Дальнейшее движение по этому пути позволило бы представить адекватную картину внутрипартийной борьбы в ВКП(б) и её террористического завершения. Однако очень скоро первые честные исследования трагических страниц отечественной истории были перекрыты валом массивной антикоммунистической пропаганды. "Демократическая" публицистика переключила свои усилия с критики сталинизма на механическое репродуцирование исторических версий идеологов первой русской эмиграции и наиболее реакционных западных советологов. Назначение этих идеологических операций было таким же, как назначение исторических фальсификаций сталинской школы: выжечь, обмануть, исказить, отравить историческую память и социальное сознание советского народа.

В ходе непрекращающегося и по сей день идеологического шабаша позиции "демократов" и их "национально-патриотических" оппонентов парадоксальным образом сомкнулись в отвержении большевизма и Октябрьской рево-

люции. Само понятие "большевизм" стало наиболее бранным словом как в "правой", так и в "левой" публицистике, хотя конечные выводы этих идеологических течений оказались прямо противоположными. Если "демократы" выводят сталинский тоталитаризм из якобы изначальной "утопичности" и "преступности" большевистских идей, то "патриоты" (включая тех, кто называет себя коммунистами), напротив, всё более оправдывают и превозносят сталинизм, противопоставляя его большевизму.

Многие сталинисты приближаются к пониманию социально-политического смысла великой чистки, считая её рубежным пунктом в развитии советского общества, знаменовавшим окончательный разрыв сталинизма с идейно-политическим наследием Октябрьской революции. Такого рода концепция выдвигается, например, в работах эмигранта А. Зиновьева, внёсшего в недавнем прошлом, пожалуй, второй по значимости (после Солженицына) вклад в поношение всей послеоктябрьской истории, а ныне превратившегося в откровенного апологета Сталина и сталинизма. Отвергая представление о КПСС как о политической партии, возникшей до Октябрьской революции и связанной идейной преемственностью с большевизмом, Зиновьев называет её детищем Сталина, созданным "в жестокой борьбе с представителями ленинской гвардии"¹.

Аналогичные мысли, типичные для современных "державников" и "государственников", ещё более определённо формулирует публицист С. Карамурза, исходящий их взгляда на Россию как особое, непохожее на остальной мир "традиционное общество", взорванное Октябрьской революцией и восстановленное Сталиным. На этом основании он прямо объявляет сталинизм "реставрацией после революции (с жестоким наказанием революционеров)"². Как сможет убедиться читатель этой книги, подобные суждения излагались, только более квалифицированно, ещё в 30-е годы идеологами правого крыла русской эмиграции.

Идеологический "ренессанс сталинизма" оказался возможным потому, что на протяжении последнего десятилетия "разборка" нашего исторического прошлого велась на уровне не серьёзного научного исследования, а легковесных публицистических перебранок и эскапад, а ходе которых беззастенчиво игнорировались или извращались действительные исторические факты.

Сопоставление исторических версий "демократического" и "национал-патриотического" толка подтверждает правоту известной мысли Гёте: "Говорят, что посредине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Ниоим образом: между ними лежит проблема"³.

Сложность научной разработки проблематики, связанной с великой чисткой, определяется прежде всего тем, что последняя ни по своему характеру, ни по своим масштабам не имеет прецедентов и аналогов в политической истории человечества. В этом - её отличие, например, от гражданской войны 1918-1920

¹ Правда. 1995. 17 мая.

² Правда. 1995. 24 мая.

³ Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С 393.

годов, в которой можно найти немало общего с другими великими гражданскими войнами.

В начале 30-х годов Троцкий предполагал написать книгу "1918 год", в которой он намеревался сравнить гражданскую войну в Советской России с войной между северными и южными штатами в Америке. В интервью агентству "Associated Press America" он говорил, что американских читателей должны будут поразить аналогии между этими войнами, как они поражали его самого при изучении гражданской войны в США¹.

Несколько поколений советских людей по праву гордились победой революционного народа над совокупными силами белых армий и иностранных интервентов, подобно тому, как американцы и ныне гордятся победой северян в гражданской войне 60-х годов прошлого века. Трагической полосой в развитии советского общества они считали годы насильственной коллективизации и великой чистки - двух фактически гражданских войн, в которых число жертв было значительно большим, чем в гражданской войне 1918-1920 годов.

Если насильственная коллективизация сопровождалась ответными вооружёнными выступлениями крестьян, то великая чистка на первый взгляд представляется пароксизмом бессмысленного иррационального насилия. Даже многие серьёзные исследователи сводят её политическую функцию исключительно к устрашению народа и тем самым - к предупреждению всякого сопротивления господствующему режиму. Такая концепция, сохраняя многочисленные белые пятна в истории советского общества, сводит сложную и противоречивую картину исторических событий к упрощённой схеме: всемогущий Сталин, всецело подчинившаяся ему партия и рабски бессловесный народ.

Заполнение белых пятен и введение на основе этого в исторический анализ нового слагаемого - сопротивления подлинно коммунистических сил сталинскому режиму - приводит к выводу, что сталинизм был способен подавить это нарастающее сопротивление лишь применением государственного террора в таких формах и масштабах, которые ещё не встречались в человеческой истории.

С этих позиций в моей предыдущей книге "1937" освещались механизмы возникновения и первые этапы великой чистки. Книга "Партия расстрелянных", представляющая самостоятельное историческое исследование, является продолжением этой работы. В ней анализируются события, охватывающие период с июня 1937 до конца 1938 года, рассматриваются политические субъекты и социальные объекты великой чистки, её восприятие различными социальными группами в СССР и политическими силами за рубежом.

Как и в моих предшествующих работах, посвящённых истории внутрипартийной борьбы в ВКП(б) и международном коммунистическом движении, главное внимание уделяется противостоянию и борьбе сталинизма и троцкизма. Логика этой борьбы, в которой идейная сила каждого из этих политических течений была обратно пропорциональна его материальной мощи, вела не только к физическому истреблению приверженцев левой оппозиции, но и к ликвидации по крайней мере двух поколений большевиков, подготовивших и

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 23. С. 9.

отстоявших Октябрьскую революцию. Специфика этого истребительного похода против большевизма состояла в том, что он вёлся сталинской кликой под прикрытием большевистской фразеологии и символики. Бесчисленные судебные и внесудебные подлоги строились с учётом социалистических начал, преобладавших тогда в массовом сознании. Иными словами, для зверского подавления великого революционного движения изнутри использовались политические лозунги, заимствованные у самого этого движения.

Само название этой книги взято по аналогии с выражением "партия расстрелянных", которым именовали коммунистическую партию Франции, ставшую главной силой антифашистского сопротивления и главным объектом гитлеровского террора в этой стране. С ещё большим основанием это выражение применимо к большевистской партии, члены которой составили не менее половины жертв великой чистки. 1936-1938 годы стали годами окончательной замены ленинской партии сталинской, годами ликвидации большевизма как массовой политической и идеологической силы.

I

"Массовые операции"

Одной из главных вех великой чистки явился июньский пленум ЦК 1937 года, подавивший всякое сопротивление сталинскому террору в Центральном Комитете партии. Этот пленум, предоставивший органам НКВД чрезвычайные полномочия, открыл серию так называемых "массовых операций".

2 июля 1937 года Политбюро приняло постановление "Об антисоветских элементах". Как сообщалось на июньском пленуме ЦК 1957 года, в архиве был обнаружен проект этого решения, написанный рукой Кагановича. В ответ на обвинение в авторстве данного документа Каганович заявил, что он, как это часто бывало на заседаниях Политбюро, писал его под диктовку Сталина¹.

В постановлении указывалось: "Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, - являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах, совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности". На этом основании партийным органам поручалось "взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД"².

9 июля Политбюро утвердило состав областных и республиканских троек и численность бывших кулаков и уголовников, которые должны быть подвергнуты во внесудебном порядке расстрелу и высылке.

10 июля Хрущёв направил Сталину донесение, в котором говорилось: "Сообщаю, что всего уголовников и кулацких элементов, отбывших наказание и осевших в г. Москве и Московской области учтено 41305 чел. Из них уголовного элемента учтено - 33436 чел. Имеющиеся материалы дают основание отнести к 1-й категории уголовников 6500 чел. и ко 2-й категории - 26936 человек... Кулаков, отбывших наказание и осевших в г. Москве и районах области, учтено 7869 человек. Имеющийся материал даёт основание отнести из этой группы к 1-й категории 2000 чел. и ко 2-й категории - 5869 чел."³.

31 июля Политбюро утвердило приказ наркома внутренних дел, который предписывал начать операцию "по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников". В приказе контингенты, подлежащие внесудебным репрессиям, были расширены и стали включать следующие категории:

¹ Исторический архив. 1994. № 2. С. 49-50.

² Труд. 1992. 4 июня.

³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 81.

"продолжающие вести активную антисоветскую деятельность бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания, бежавшие из лагерей или трудпосёлков или скрывшиеся от раскулачивания;

члены антисоветских партий (эсеры, грузины, муссаватисты, дашнаки, бывшие белые, жандармы, каратели, реэмигранты, скрывшиеся из мест репрессий);

наиболее активные антисоветские элементы, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях;

уголовники, ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой".

В приказе содержалась разнарядка или лимит на репрессии по всем республикам, краям и областям. Всего предполагалось арестовать 258950 человек, из них 72950 должны были быть осуждены "по первой категории". В лагерях планировалось расстрелять 10 тыс. чел.

Данную "операцию" предписывалось провести в четырёхмесячный срок, а следствие по делам репрессированных - проводить "ускоренно и в упрощённом порядке". При этом репрессии распространялись и на семьи репрессированных. "Водворению в лагеря или труд поселения" подлежали те семьи, "члены которых способны к активным антисоветским действиям". Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживавшие в крупных городах, пограничных районах и курортных районах Кавказа, подлежали выселению "в другие районы, по их выбору"¹.

Размытость и неопределённость содержащихся в приказе формулировок открывали дорогу самому необузданному произволу. О том, как данная "массовая операция" проводилась в Московской области, рассказывал на следствии председатель областной особой тройки Семёнов. Он сообщил, что "за один вечер мы пропускали до 500 дел и судили людей по несколько человек в минуту, приговаривая к расстрелу и на разные сроки наказания... Мы не только посмотреть в деле материалы, а даже не успевали прочитать повестки". Сослуживец Семёнова показал: "Мне неоднократно приходилось слушать такие разговоры Семёнова с Якубовичем после заседания тройки, когда Семёнов говорил Якубовичу: "Ты сколько сегодня осудил?", на что Якубович отвечал: "Человек 500". Семёнов же тогда говорил Якубовичу, смеясь: "Мало... А я - шестьсот!"

В начале 1938 года "тройка" по Московской области пересмотрела дела 173 находившихся в тюрьме инвалидов, из которых 170 приговорила к расстрелу. Как показал Семёнов, "этих лиц расстреляли мы только за то, что они были инвалиды, которых не принимали в лагеря"².

Аналогичным образом обстояло дело и в других областях. Бывший заместитель начальника Ивановского УНКВД по милиции Шрейдер вспоминал, что в области действовал следующий порядок работы тройки. Составлялся так называемый "альбом", на каждой странице которого значилось имя, отчество, фамилия арестованного и совершённое им "преступление". После этого

¹ Труд. 1992. 4 июня; Реабилитация. С. 13.

² Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1992. С. 115, 120, 127.

начальник управления НКВД писал большую букву "Р" и расписывался. Остальные члены тройки обычно подписывали страницы "альбома" на завтра - авансом.

В результате данной процедуры с июля 1937 года до января 1938 года в области были расстреляны все бывшие эсеры; все коммунисты, имевшие какое-то, даже самое косвенное отношение к троцкистам; многие бывшие анархисты и меньшевики; почти все бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги¹.

Помимо этих категорий, на рассмотрение особых троек выносились дела уголовников, неоднократно судимых за убийства, бандитизм, грабежи, побег из мест заключения и т. п. Такими методами Сталин надеялся в горячке большого террора заодно избавиться и от уголовного рецидива.

Вошедшие во вкус секретари обкомов и начальники УНКВД неоднократно обращались в Москву с просьбой об увеличении выделенных им лимитов. Эти вопросы рассматривались на Политбюро либо решались единолично Сталиным, дававшим соответствующие распоряжения Ежову. В результате "массовая операция" была продлена фактически до конца 1938 года. Во второй половине 1937 года Политбюро санкционировало превышение установленных лимитов почти на 40 тыс. чел. 31 января 1938 года Политбюро утвердило "дополнительное количество подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активно антисоветских элементов" - 57200 человек. На протяжении последующих восьми месяцев решениями Политбюро по отдельным республикам и областям и эти лимиты были превышены ещё на 90 тыс. человек. Таким образом, жертвами данной "массовой операции", растянувшейся почти на год, стали более 400 тыс. человек².

Второй "массовой операцией" была повальная расправа с представителями ряда национальностей, прежде всего тех, которые имели свои компактные территориальные образования, входившие в состав Российской империи и ставшие после Октябрьской революции независимыми государствами (поляки, финны, латыши, литовцы, эстонцы). "Обоснованием" этих репрессий служила негласная установка о том, что лица, принадлежащие к данным национальностям (равно как и представители других наций, имевших свои государственные образования за пределами СССР), будь они даже заслуженными революционерами, склонны к шпионской работе в пользу "своего" государства.

Этнические чистки проводились по приказам наркома внутренних дел, утверждаемым постановлениями Политбюро. Так, 31 января 1938 года Политбюро приняло следующее постановление: "Разрешить наркомвнуделу продолжить до 15 IV 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев^{3*}, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно соответствующих приказов НКВД СССР. Оставить до

¹ Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 71.

² Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 189-191.

³ Под харбинцами имелись в виду лица, добровольно вернувшиеся в СССР после продажи Советским правительством Японии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел по этим операциям... Предложить НКВД провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить (так в тексте - В. Р.) кадры болгар и македонцев...¹.

Эти "массовые операции", превратившиеся фактически в этнический геноцид, отличались особенно грубым произволом. Так, в Ростове латыши и поляки арестовывались по спискам, составленным на основе данных адресного бюро. В феврале 1938 года здесь были арестованы 300 иранцев - весь состав артели чистильщиков обуви².

В показаниях председателя Особой тройки НКВД по Московской области Семёнова говорилось: "Во время проведения массовых операций 1937-1938 гг. по изъятию поляков, латышей, немцев и др. национальностей аресты проводились без наличия компрометирующих материалов... Арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние, даже беременные, и всех, как шпионов, подвели под расстрел без всяких материалов, только потому, что они - националы"³.

С особой свирепостью проводилась расправа над коммунистами, принадлежавшими к данным национальностям. По словам одного из ближайших ежовских приспешников Радзивиловского, органами НКВД на местах было получено следующее указание Ежова: "С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться "альбомным" порядком. Надо доказать, что латыши, поляки, немцы и др., состоящие в ВКП(б), - шпионы и диверсанты"⁴.

Наиболее многочисленными категориями среди репрессированных "националов" были поляки и латыши. Расправа над ними шла параллельно с ликвидацией социально-культурных прав этих национальностей. Например, в начале 30-х годов на Украине и в Белоруссии действовало 670 польских школ, 2 польских вуза, 3 театра, на польском языке выходили одна центральная, 6 республиканских и 16 районных газет. Все они в 1937-1938 годах были закрыты. В Москве были закрыты латышские театр, клуб и школа⁵.

Уже в 1936 году было репрессировано 35820 поляков. Как вспоминал Хрущёв, "когда в 1936, 1937, 1938 годах развернулась настоящая "погоня за ведьмами", какому-либо поляку трудно было где-то удержаться, а о выдвижении на руководящие посты теперь не могло быть и речи. Все поляки были взяты в СССР под подозрение"⁶.

Большое число латышей находилось в СССР потому, что после гражданской войны в Латвии установился полуфашистский режим, ведущий беспощадную борьбу с революционерами. Это вызвало значительный приток в Советский Союз политических эмигрантов из Латвии. В СССР остались все бой-

¹ Московские новости. 1992. 27 июня. С. 19.

² Кислицын С. А. Сказавшие "Нет" (Эпизоды из истории политической борьбы в советском обществе в конце 20-х - первой половине 30-х гг.). Ростов-на-Дону, 1992. С. 62.

³ Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 118.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Так это было. т. I. М., 1993. С. 86.

⁶ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 65.

цы латышской стрелковой дивизии, сыгравшей огромную роль в защите Советской власти.

В декабре 1937 года был издан приказ НКВД о массовых арестах латышей. Большинство арестованных стали жертвами групповых расстрелов. Только с 5 января по 20 июля 1938 года было проведено 15 расстрельных акций, в которых было убито 3680 латышей¹.

В "Картотеке Юрасова"² приведены имена более тысячи репрессированных латышей, большинство которых были расстреляны в 1937-1938 годах. Среди них - немало рядовых рабочих, колхозников, инженеров, учителей и т. д. Основную часть списка составляют представители квалифицированных слоёв интеллигенции - профессора, журналисты, литераторы, хозяйственники, дипломаты, офицеры, чекисты и т. д. Свыше половины списка составляют члены ВКП(б), свыше трети - большевики с подпольным стажем, участники революции 1905-1907 годов, члены обществ каторжан и ссыльнопоселенцев, делегаты съездов ВКП(б). Почти все эти люди были расстреляны по обвинению в шпионаже в пользу буржуазной Латвии.

Не обладавшие высоким социальным статусом латыши, литовцы и эстонцы были выселены из Москвы, Ленинграда и других крупных городов в места спецпоселений.

Несколько тысяч финнов было репрессировано только в Ленинградской области, где одновременно были закрыты все действовавшие там финские школы, техникумы, дома культуры, церкви, газеты, издательства, финское отделение в Институте имени Герцена³.

В 1937-1938 году были проведены первые массовые депортации целых наций. Наиболее крупной из них было выселение корейцев с Дальнего Востока.

10 июня 1924 года Председатель Совнаркома Рыков подписал "Устав союза корейцев, проживающих на территории СССР", согласно которому корейская община получила широкие юридические права и возможности в развитии национальной культуры⁴. В Дальневосточном Крае был создан национальный корейский район с 55 корейскими сельскими советами⁵.

В апреле 1937 года в "Правде" появилась статья, в которой говорилось, что японские секретные службы заслали на территорию Дальнего Востока своих многочисленных корейских и китайских агентов, "маскирующихся под уроженцев этого района"⁶.

21 августа 1937 года было принято секретное постановление СНК и ЦК "О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного Края". В нём перед НКВД ставилась задача переселить к 1 января 1938 года корейцев из ДВК в Казахстан и Узбекистан. Все высланные превращались в

¹ Даугава. 1989. № 12. С. 118-119.

² Даугава. 1989. № 4-12.

³ Так это было. т. III. С. 283.

⁴ Белая книга о депортации корейского населения в 30-40-е годы. Кн. I. М., 1992. С. 32-36.

⁵ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 141.

⁶ Правда. 1937. 23 апреля.

"спецпоселенцев", которым запрещалось возвращаться в родные места¹. Это решение базировалось на обвинении корейцев в массовом шпионаже и готовности выступить на стороне Японии в случае её нападения на СССР.

11 сентября Сталин направил в Дальневосточный крайком телеграмму, в которой говорилось: "По всему видно, что выселение корейцев - дело назревшее... Предлагаем принять строгие и срочные меры по точному исполнению календарного плана"².

В ходе депортации, завершившейся в октябре 1937 года, из ДВК было выселено около 172 тыс. корейцев. 25 тысяч корейцев и 11 тысяч китайцев были арестованы³.

Депортация некоторых национальных меньшинств была проведена и в республиках Закавказья, где она коснулась прежде всего проживавшего там курдского населения. До 1937 года в Армении действовал курдский национальный театр, в Армении и Грузии - курдские школы, выпускались национальные газеты. Все эти учреждения были закрыты в 1937-1938 годах, когда значительная часть курдов была переселена в среднеазиатские республики и в Казахстан. Из Азербайджана в Казахстан были насильственно переселены иранцы⁴.

"Массовые операции" осуществлялись в строжайшей тайне, ибо расправы над уже наказанными однажды людьми, равно как и этнический геноцид не могли быть обоснованы никакой, даже самой изощрённой софистикой.

Жертвы "массовых операций" составляли примерно половину беспартийных, репрессированных в годы великой чистки. Для коммунистов составлялись свои собственные "лимиты" (см. гл. XXV), но расправам над ними предшествовали, как правило, партийные санкции и более длительное следствие. Эти расправы приняли такой размах, что Сталин в январе 1938 года осуществил маскировочный маневр, призванный создать впечатление: Центральный Комитет обеспокоен массовыми исключениями из партии и хочет их приостановить.

¹ Белая книга о депортации корейского населения в 30-40-е годы. Кн. I. С. 64.

² Известия. 1992. 10 июня.

³ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 144; Так это было. т. III. С. 277.

⁴ Так это было. т. I. С. 87, 96-97.

II

Январский пленум ЦК: "об ошибках парторганизаций"

Очередной пленум ЦК проходил И, 14, 18, 20 января. В его работе принимали участие 28 из 71 члена ЦК, избранного на XVII съезде. Из них более половины были членами или кандидатами в члены Политбюро.

Упомянув о словах Молотова на сессии Верховного Совета: "Во всех важных вопросах СНК обратится за советом в ЦК", "Бюллетень оппозиции" писал: "Молотов забывает уточнить, о каком ЦК идёт речь. Ведь "сталинского" ЦК, выбранного XVII съездом, больше не существует в природе. Нет даже кворума. Не большинство же ЦК, которое ныне сидит в ГПУ или расстреляно, имеет в самом деле в виду Молотов?"¹.

Главным вопросом повестки дня пленума, был вопрос "Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков". С докладом выступил Маленков, не являвшийся даже кандидатом в члены ЦК. Это был беспрецедентный случай в истории партии, никогда не встречавшийся ранее и не повторившийся позже.

В докладе указывалось, что в 1937 году было исключено из партии около 100 тыс. коммунистов (за первое полугодие - 24 тыс. и за второе полугодие - 76 тыс. чел.), а в партийных комитетах скопилось не менее 65 тыс. не рассмотренных апелляций, в большинстве случаев направленных лицами, исключёнными ещё в период обмена и проверки партдокументов (1935-1936 годы). Говоря о необоснованности множества исключений, Маленков сообщил, что в ряде областей Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) после рассмотрения апелляций восстановила от 40 до 75 процентов исключённых².

Для доказательства того, что массовые исключения инспирировались "врагами народа", Маленков приводил показания ряда арестованных клеветников, в которых они объясняли свои действия стремлением вызвать недовольство и озлобление коммунистов. Особенно выразительными были показания некоего Трегуба из Киева, который рассказывал, что он и его приятели выступали на партийных собраниях с клеветническими обвинениями и писали доносы во все партийные и советские инстанции. Хотя такое поведение объяснялось в докладе желанием клеветников "скрыть собственные преступления перед партией", показания Трегуба характеризовали не столько его личные намерения, сколько чудовищную атмосферу, сложившуюся в 1937 году. "Я, например, выступал на партсобрании Станкостроя, - сообщал Трегуб, - указывая пальцами на сидевших на собрании коммунистов, и называл одних троцкистами, других бухаринцами, третьих вредителями, четвёртым выражал политическое недоверие, других обвинял в связях с врагами и, наконец, написал список не менее чем на

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 21.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 633. л. 3-4.

15-20 человек. На заводе Станкострой я добился такого положения, что в парторганизации численностью в 80-85 человек находится под сомнением и расследованием не менее 60 коммунистов... Опасаясь клеветы, честные работники стали разбегаться (с завода). Другие принимали все меры, чтобы избежать нападок с нашей стороны, вплоть до подхалимства перед нами... Мы с Ворожейкиным начали ходить на партсобрания других организаций с заранее подготовленными списками людей, которых мы намерены были обвинить в принадлежности к врагам. Мы неожиданно появлялись на собраниях парторганизаций, к которым не имели отношения, взбирались на трибуну без всякой очереди и, не зная людей совершенно, приклеивали ярлыки врагов народа коммунистам. Нас с Ворожейкиным уже все знали. При нашем появлении не только возникало смущение в собрании, но потихоньку члены партии, боясь, убегали из помещения, ибо часто бывало так, что к намеченным спискам прибавлялись фамилии, случайно пришедшие в голову тут же на собрании. Таким образом, получалось, что парторганизации и так терроризированы своими местными псевдоразоблачителями, а наше появление... окончательно утверждало как бы правдивость их материалов".

Доносительство не только не утаивалось, а наоборот, возводилось в ранг партийной доблести. Об этом свидетельствует следующее признание Трегуба: "Посылая списки в НКВД, я делал это так, чтобы всем было известно о посылке мною в НКВД целого списка"¹.

В докладе Маленкова приводились многочисленные примеры обвинений, по которым рядовые коммунисты исключались из партии. Так, Аминева исключили и сняли с работы только потому, что его брат был исключён из комсомола за связь с врагами народа. Вслед за Аминевым были сняты с работы все его родственники. Кушев был исключён и лишён работы за то, что на занятиях политкружка после "правильных" ответов на три вопроса о возможности построить "полный социализм" и "полный коммунизм" в одной стране, на четвёртый схоластический вопрос: "А окончательно коммунизм построим?" ответил: "Окончательно вряд ли построим без мировой революции. Впрочем, посмотрю в "Вопросах ленинизма" что по этому поводу говорит тов. Сталин". Вслед за Кушевым была снята с работы по обвинению в связи с ним его жена. Быков, подавший в парторганизацию заявление об аресте своего брата, с которым "никакой связи не имел", немедленно был исключён из партии. Когда он спросил парторга о причинах исключения, тот сказал: "Ты понимаешь, мы должны тебя исключить. А ты собери данные и апеллируй"².

Подобные примеры приводились и в опубликованном тексте постановления пленума. Здесь сообщалось, что на одном из предприятий Курской области председатель заводского профкома была исключена из партии и арестована только потому, что беспартийный рабочий, подготовленный ею к выступлению на предвыборном собрании, сбился в своей речи и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного Совета. В другом районе работница, вызванная в НКВД по делу "одной арестованной троцкистки", сообщила об

¹ Там же. л. 32-37.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 634. л. 21-23.

этом начальнику спецчасти предприятия, в результате чего была снята в работы за "связь с троцкистами", а муж её сестры - уволен за то, что "не сообщил о связях своей жены с троцкистами"¹.

Ораторы, выступавшие в прениях, пытались ответить на вопрос, в чём причины подобных расправ, учиняемых под самыми нелепыми предложениями. Упомянув, что на Украине было много случаев исключений "по одной, ничего не говорящей анонимке", Косиор объяснял это тем, что "мы пережили очень бурный период, когда врагов обнаруживали и выбрасывали из партии пачками, большими и значительными группами, когда вопрос о том, чтобы разоблачить и вытащить наружу врага, стоял впереди других вопросов". Косиор признавался, что даже он, член Политбюро, зачастую опасается защитить исключаемого, хотя "фактов, по которым его исключают, и незначительно... У нас на местах бывает так: вот, скажем, пустили слух насчёт предстоящего ареста того или другого члена партии, ибо он был близко связан с арестованными. В организации рассуждали так: прежде чем его арестуют, мы должны исключить его из партии, потому что, когда его арестуют, то нас спросят, где вы были, почему проглядели"².

На пленуме речь шла о необоснованности исключений, но не арестов, которые, по словам выступавших, служили подтверждением правильности исключений. Более того, Багиров заявил о своей готовности "привести факты, когда и сейчас некоторые подлежат аресту, а ходят на свободе", на что даже Маленков счёл нужным отреагировать репликой: "Тов. Багиров, это не арестованные, раз они ходят на свободе"³.

Касаясь клеветнических заявлений, Багиров рассказал, что в Баку действовала некая Морозова, "полуграмотный человек", которая при помощи других "врагов" строчил а доносы, в результате чего "не осталось ни одного ответственного работника (включая самого Багирова - В. Р.), на которого она не написала бы заявления". В этой связи состоялся следующий диалог между Багировым и Сталиным:

Сталин: Авторы заявлений напугали партийных руководителей.

Багиров: Если бы это было так, тогда бы мы растерялись совсем (*Общий смех*)...

Сталин: Они боятся авторов заявлений⁴.

Несмотря на оглашение на пленуме столь неблагоприятных фактов, его заседания проходили в привычной для пленумов ЦК мажорной тональности. Особенно бравурными нотами отличалось выступление Кагановича, который заявил: "Я думаю, что можно без преувеличения сказать, что последний год - год выкорчевывания врагов партии и врагов народа - для честных большевиков... оказался годом такого большевистского воспитания и такой закалки, которой мы в обычное время не получили бы за десятки лет". Каганович назвал "нашей великой сталинской победой" выдвижение за последний год более ста тысяч

¹ КПСС в резолюциях и решениях.. т. 5. М., 1971. С. 306.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 633. л. 125-126, 132-133.

³ Там же. л. 42, 62.

⁴ Там же. л. 65-68.

новых руководителей¹. Столь же оптимистично расценивал перспективы "кадровой политики" Ярославский: "Не может быть, чтобы... нельзя было выдвинуть тысячи, десятки и сотни тысяч людей, которые могли бы заменить врагов, оказавшихся в наших рядах"².

О существовании плана радикальной замены арестованных коммунистов "молодыми кадрами" свидетельствует выступление Косарева, рассказавшего, что в июне 1937 года было принято решение о вовлечении в партию 140 с лишним тысяч комсомольцев, "проверенных в борьбе с врагами"³.

На пленуме рассматривались ещё два вопроса - о новом составе Совнаркома, который предстояло утвердить проходящей в эти дни сессии Верховного Совета, и о вредительстве в сельском хозяйстве. По вопросу об изменениях в Совнарком выступил Молотов, предложивший "укрепить Совнарком" новыми зампредами в лице Чубаря (первый зам.), Косиора и Микояна. Упомянув, что "председателя Госплана, как вы знаете, не существует на воле", Молотов сообщил о выдвижении на этот пост 35-летнего Вознесенского. Столь же радикальное "омоложение" предлагалось осуществить при назначении новых наркомов. Так, наркомом внешней торговли был выдвинут Чвялев, который несколькими месяцами ранее работал заведующим учебной частью Академии внешней торговли⁴.

С докладом о вредительстве на селе выступил Эйхе, назначенный два месяца назад наркомом земледелия. Его сообщение о том, что "земельная система оказалась особенно засоренной врагами партии и народа" вызвало одобрение Сталина, подтвердившего: "в первых рядах стоит". Доклад Эйхе, опубликованный в центральных газетах, призван был заполнить брешь в цепи обнаруженного "вредительства", показать, что оно коснулось сельскохозяйственной отрасли не в меньшей степени, чем промышленности. Сталин положительно оценил старания Эйхе, заявив при сообщении об исчерпанности докладчиком времени: "продлить можно, доклад очень хороший"⁵.

Постановление пленума по основному пункту повестки дня было опубликовано в печати уже 19 января. В нём давалось достаточное представление о масштабах новой фактической чистки партии, превзошедшей по числу жертв все предшествующие официальные чистки. Так, в Киеве первый секретарь горкома неизменно обращался к коммунистам с вопросом: "А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?" В результате "компрометирующие заявления" были поданы на половину членов городской парторганизации. В некоторых сельских школах Украины было прекращено преподавание основных учебных дисциплин, поскольку большинство учителей были уволены.

Особенно поразительным было сообщение о том, что в партколлегию КПК по Куйбышевской области "являются многие исключённые райкомами ВКП(б)

¹ Там же. л. 165-166, 184.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 634. л. 166.

³ Там же. л. 183.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 636. л. 98-100.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 782. л. 79, 98.

как враги народа, *с требованием либо их арестовать*, либо снять с них позорное клеймо (курсив мой - В. Р.)".

Постановление, не скупившееся на примеры беззакония и произвола, создавало впечатление, что несправедливость допускается, как правило, в деле партийных репрессий, но не арестов. Подкреплению широко бытовавшего тезиса о том, что органы НКВД "не ошибаются", призвано было служить сообщение: в ряде областей исключено из партии большое количество коммунистов, объявленных врагами народа, тогда как органы НКВД "не находят никаких оснований для ареста этих исключённых".

В постановлении напоминалось, что ещё в письме ЦК от 24 апреля 1936 года "Об ошибках при рассмотрении апелляций исключённых из партии во время проверки и обмена партийных документов" запрещалось снимать с работы исключённых из партии. Между тем во многих организациях ещё до разбора апелляций продолжали лишать работы и жилья не только самих исключённых, но и "связанных с ними" лиц - знакомых, родственников и т. д.

Постановление называло две группы участников клеветнических кампаний. К первой были отнесены "отдельные коммунисты-карьеристы, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путём применения огульных репрессий против членов партии". К этой, реально существующей категории клеветников была прибавлена другая, фантомная категория "искусно замаскированных врагов", пытающихся "перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительных врагов народа". Эти "вредители-двурушники", которые "в провокационных целях... добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и порядочных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии", плодили, согласно постановлению, ещё одну категорию врагов - людей, недовольных и озлобленных огульными репрессиями, которых "троцкистские двурушники... ловко подцепляют и умело толкают за собой в болото троцкистского вредительства". Постановление фактически нацеливало не на ослабление, а на усиление внутрипартийного террора, требуя "разоблачить и истребить до конца" "вольных и невольных врагов народа (курсив мой - В. Р.)".

Как и в предшествующих массовых кампаниях по исправлению "перегибов", виновными в бесчинствах были объявлены местные аппаратчики, которые "подходят... преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии" "вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б)". Рядовым коммунистам, испытывавшим на себе "бездушно-бюрократическое отношение", противопоставлялись "некоторые руководители", которые "считают пустяковым делом исключение из партии тысяч и десятков тысяч людей"¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях... т. 5. М., 1971. С. 304-312.

III

Январский пленум ЦК: дело Постышева

Главным козлом отпущения на пленуме явился Постышев, которого Сталин перед этим уже провёл через несколько ступеней падения и унижения. В начале 1937 года Постышев был снят с поста первого секретаря Киевского обкома и горкома, а затем - и с поста секретаря ЦК КП(б) Украины. 30 марта того же года он был избран первым секретарём Куйбышевского горкома, в июне - первым секретарём Куйбышевского обкома.

После перевода в Куйбышев дальнейшую судьбу Постышева нетрудно было предугадать. В июне 1937 года Троцкий писал: "Постышев поднялся до секретаря ЦК благодаря своему ревностному участию в борьбе с троцкизмом. На Украине Постышев производил в 1933 г. чистку партийного и государственного аппарата от "националистов" и довёл до самоубийства украинского народного комиссара Скрыпника травлей за "покровительство националистам". Четыре года спустя оказалось, что Постышев, оставленный после своих подвигов диктатором на Украине, сам провинился в покровительстве националистам: в качестве опального сановника, его перевели недавно в Волжскую область. Надо полагать, ненадолго. Не только раны, но и царапины не зарубцовываются более. Прибегнет ли Постышев к самоубийству или будет каяться в несовершенных преступлениях, спасения ему во всяком случае нет"¹.

На новой должности Постышев стремился реабилитировать себя умножением "бдительности". Толчком к свирепым расправам над партийным аппаратом области послужил приезд в августе 1937 года в Куйбышев секретаря ЦК Андреева, который заявил Постышеву: "Центральный Комитет считает, что борьбы у вас с врагами нет, что вам надо мобилизовать куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов". После этого подхлестывания, по словам второго секретаря Куйбышевского обкома Игнатова (новобранца 1937 года, ставшего спустя 20 лет членом хрущёвского Политбюро), "стиль (у Постышева) появился другой, он везде и всюду начал кричать, что нет порядочных людей... Стал кричать, что везде и всюду враги". Как рассказывал Игнатов, "у нас две недели все секретари городских райкомов и весь аппарат райкомов в городе Куйбышеве бегали с лупами. Постышев берёт лупу, вызывает к себе представителя райкома и начинает рассматривать тетради, все тетради у нас оборвали, на обложках находили фашистскую свастику и дошли до того, что на печенках есть олени - фашистские значки, на конфетах карамель, - там цветок, это тоже фашистский значок"². Поиски фашистской символики или силуэта Троцкого на обертках и тетрадях не были изобретением Постышева. К такого рода "расследованиям" широко прибегали и в других местах, иногда вовлекая в поиск враждебных эмблем даже школьников.

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 56-57. С. 2.

² Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995. С. 164.

Проводимый Постышевым беспощадный террор против партийных кадров был беспрецедентным даже по меркам 1937 года. Так, через неделю после перевыборов Куйбышевского горкома из 41 члена его нового состава было арестовано 17 человек. По указанию Постышева (и в его присутствии) на одном из заседаний Куйбышевского горсовета из его состава были выведены 34 депутата. Только за последние пять месяцев 1937 года в Куйбышевской области было исключено из партии 3300 коммунистов¹.

За санкцией на арест наиболее крупных работников Постышев обращался непосредственно к Сталину. Так, 29 ноября 1937 года он направил Сталину шифровку, в которой просил санкционировать арест начальника Пензенского отдела НКВД Филиппова за "контрреволюционный разговор", заключавшийся в следующем: "Многих исключаем из партии, коммунисты сыплются как горох", "не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов". На этой шифровке была немедленно наложена резолюция: "За арест. Сталин"².

Новацией Постышева, которая ещё до пленума была поставлена ему в вину, явился роспуск более 30 райкомов на том основании, что большинство их руководителей оказались врагами народа. Эта акция была проведена столь поспешно, что даже реляции о ней, направленные в ЦК, не давали адекватного представления о масштабах погрома, учинённого над партийными комитетами. Как говорил Маленков, "никто в обкоме толком не знал, сколько райкомов у них распущено: сначала сказали, что 13, потом сказали, что 20, а когда им сказали, что у них распущено 30 райкомов, они удивились. А теперь оказывается, что распущено 34"³.

9 января 1938 года Политбюро приняло постановление, в котором решение Куйбышевского обкома о массовом роспуске райкомов было расценено как "политически вредное" и "провокационное". "За огульное применение без всяких на то оснований и без ведома ЦК ВКП(б) такой исключительной в партийном руководстве меры, как роспуск партийных комитетов", Постышеву был объявлен строгий выговор, он был снят со своего поста и "направлен в распоряжение ЦК"⁴.

В этом качестве Постышев вышел на трибуну январского пленума. Его рассказ о терроре против партийных кадров выглядел столь чудовищным даже в глазах много повидавших членов ЦК, что на протяжении его речи сыпались настоячивые вопросы: неужели все партийные работники в области были врагами? В качестве критиков Постышева, с негодованием реагировавших на его объяснения, выступали даже такие матёрые палачи, как Ежов, Берия и Багиров.

О характере речи Постышева, фактически превратившейся в его допрос, даёт представление следующий фрагмент стенограммы:

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 640. л. 1-3.

² Известия. 1992. 10 июня.

³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 162.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 994. л. 55.

Постышев: ...Руководство там (в Куйбышевской области) и партийное, и советское было враждебное, начиная от областного руководства и кончая районным.

Микоян: Всё?

Постышев: ...Что тут удивляться? ...Я подсчитал и выходит, что 12 лет сидели враги. По советской линии то же самое сидело враждебное руководство. Они сидели и подбирали свои кадры. Например, у нас в облизполкоме вплоть до технических работников самые матёрые враги, которые признались в своей вредительской работе и ведут себя нахально, начиная с председателя облизполкома, с его заместителя, консультантов, секретарей - все враги. Абсолютно все отделы облизполкома были засорены врагами.... Теперь возьмите председателей райисполкомов - все враги. 60 председателей райисполкомов - все враги. Подавляющее большинство вторых секретарей, я уже не говорю о первых, - враги, и не просто враги, но там много сидело шпионов: поляки, латыши, подбирали всякую махровую сволочь...

Булганин: Честные люди хоть были там?.. Получается, что нет ни одного честного человека.

Постышев: Я говорю о руководящей головке. Из руководящей головки, из секретарей райкомов, председателей райисполкомов почти ни одного человека честного не оказалось. А что же вы удивляетесь?

Молотов: Не преувеличиваете ли вы, тов. Постышев?

Постышев: Нет, не преувеличиваю. Вот, возьмите облизполком. Люди сидят. Материалы есть, и они признаются, сами показывают о своей враждебной и шпионской работе.

Молотов: Проверять надо материалы.

Микоян: Выходит, что внизу, во всех райкомах враги..

Берия: Неужели все члены пленумов райкомов оказались врагами?..

Каганович: Нельзя обосновывать тем, что все были мошенники¹.

Зная, что тотальная чистка партийных кадров развёртывается по всей стране, Постышев, совсем недавно обвинённый в либерализме, не мог понять, почему его теперь упрекают в прямо противоположном - излишнем рвении при "выкорчевывании врагов народа". Отсюда рефрен, проходящий через всё его выступление: "Что же вы удивляетесь?"

Однако Сталину, наметившему полное уничтожение прежнего партийно-государственного аппарата, массовый роспуск партийных комитетов представлялся всё же опасной мерой, способной вызвать столь же массовый протест коммунистов. Поэтому во время речей последующих ораторов, упоминавших о данной инициативе Постышева, Сталин бросал угрожающие реплики: "Это расстрел организации. К себе они мягко относятся, а районные организации они расстреливают... Это значит поднять партийные массы против ЦК, иначе это понять нельзя"².

После этого почти каждый выступающий счёл нужным бросить камень в Постышева. Особенно яростные обвинения прозвучали в выступлении Кага-

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 160-162.

² Там же. С. 164.

новича, который заявил, что чрезмерное усердие Постышева в Куйбышеве является продолжением его недостаточного усердия в Киеве. "Слепота т. Постышева, проявившаяся в Киеве, - утверждал Каганович, - граничит с преступлением, потому что он не видел врага, даже тогда, когда все воробьи на крышах чирикали... Главный его грех в том, что он не умеет отличить врага от друга,.. друга от врага. Это его первородный грех. Если он в Киеве не мог отличить врага от друга, если он врага принимал за друга, то этот же грех привёл его к тому, что в Куйбышеве он не смог отличить друга от врага и записывает друзей во враги".

Каганович сообщил, что перед пленумом Постышева намечалось назначить председателем Комиссии советского контроля, но после его речи на пленуме "вряд ли Центральный Комитет сумеет доверить ему такой пост"¹.

После этого вконец деморализованный и запуганный Постышев попросил слово для заявления, в котором униженно каялся в своих ошибках. "Как я произнёс эту речь - я и сам понять не могу, - говорил он, - ...Я ошибок наделал много. Я их не понимал. Может быть, я и сейчас их ещё не понял до конца. Я только одно скажу, что я речь сказал неправильную, непартийную, и прошу Пленум ЦК меня за эту речь простить".

Обсуждение "дела Постышева" завершилось кратким выступлением Сталина, в котором говорилось: "У нас здесь в президиуме ЦК, или Политбюро, как хотите, сложилось мнение, что после всего сложившегося надо какие-либо меры принять в отношении тов. Постышева. И мнение сложилось такое, что следовало бы его вывести из кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК"². Такое решение было немедленно принято.

Этот некоторый просвет в судьбе Постышева длился лишь около месяца. 10 февраля Политбюро приняло решение: "Ввиду компрометирующих материалов, поступивших от НКВД и куйбышевской организации, передать дело о т. Постышеве на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)"³. 17 февраля Политбюро направило членам ЦК на утверждение постановление Комиссии, в котором Постышев обвинялся не только в расправах над честными коммунистами, но и в рассылке сельским райкомам "провокационных и вредительских директив" о привлечении коров колхозников на полевые работы во время сева и уборки и т. д. Постышеву ставились в вину также "исключительные доверие и поддержка", которые он оказывал "врагам народа". Опираясь на показания, полученные от ряда лиц из окружения Постышева, Комиссия "устанавливала", что он "по меньшей мере знал от них о наличии контрреволюционной, правотроцкистской организации, был осведомлён об участии в ней своих ближайших помощников и о проводимой ими вредительской и провокационной работе"⁴. На основании всех этих обвинений Постышев был в опросном порядке исключён из ЦК и партии, а в ночь на 22 февраля

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 633. л. 171-172, 186.

² Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 166-167.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 995. л. 4.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 640. л. 1-3.

арестован. Спустя год он был приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В глазах рядовых членов партии решения январского пленума выглядели как некоторое смягчение террора. Однако в 1938 году было арестовано и расстреляно не меньше людей, чем в предшествующем году, обычно считающемся кульминацией великой чистки. Сигналом к дальнейшему развёртыванию массовых репрессий стал третий московский процесс, представивший внутрипартийный заговор намного более грандиозным, чем все заговоры, о которых шла речь на предшествующих процессах.

IV

Подготовка к третьему процессу

Третий открытый процесс готовился намного дольше, чем два предыдущих. Его главные подсудимые находились под следствием больше года - время, достаточное для исторжения самых фантастических показаний.

Подсудимые процесса (21 человек) составляли четыре основных группы. К первой относились два бывших члена Политбюро, бывшие лидеры правой оппозиции Бухарин и Рыков. Во вторую входили три бывших известных троцкиста. Двое из них (Крестинский и Розенгольц) порвали с левой оппозицией ещё в 1926-1927 годах и до ареста в 1937 году ни разу не исключались из партии и не подвергались репрессиям. Не сломленным на протяжении более длительного времени оставался Раковский, который капитулировал лишь в 1934 году.

К третьей группе относились пять человек, обвинённых в медицинских убийствах: три беспартийных кремлёвских врача, секретарь Горького Крючков и секретарь Куйбышева Максимов-Диковский (вся "вина" последнего, за которую он был расстрелян, сводилась к тому, что он якобы не вызвал врачей к почувствовавшему недомогание Куйбышеву и не воспрепятствовал ему уйти с работы домой). Последнюю, наиболее многочисленную группу составляли наркомы, секретари республиканских партийных организаций и другие высокопоставленные бюрократы, никогда не принимавшие участия в оппозициях и отобранные из огромного числа лиц, арестованных в 1937 году.

Говоря о причинах признаний на открытых процессах, Авторханов отвергал версию Кестлера, согласно которой эти признания диктовались фетишистской преданностью партии, отождествляемой со Сталиным. "Людей, которые давали под пытками желательные Сталину признания, - писал Авторханов, - мы видели на московских процессах, но Рубашовых (деятели типа главного персонажа романа Кестлера - В. Р.) там не было, хотя не было и врагов советской власти. Рубашовы всё-таки встречались, встречал их я сам, но на среднем этаже элиты. Это были люди политически ограниченные. "Революции без жертв не бывает, в интересах социализма я выполняю приказ партии и буду подтверждать на суде свои показания!" - так рассуждали они. Таких простачков чекисты спокойно пускали на суд и так же спокойно расстреливали их после суда. Так же поступали и с теми, кто сдавался, не выдержав пыток. Однако мы видели только десятки людей на процессах, но мы не видели сотен и тысяч других, которых Сталин не допустил до открытого суда"¹.

Процессу предшествовал долгий отбор лиц, наиболее податливых к требованиям следствия. Об этом свидетельствует отсутствие на суде людей, многократно упоминаемых подсудимыми в качестве руководителей и активных деятелей "право-троцкистского блока". Среди этих "невидимых подсудимых" были заместители председателя Совнаркома Рудзутак и Антипов, секретарь ЦИК СССР Енукидзе, известные дипломаты Карахан, Юренев, Богомолов, секретарь

¹ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С. 310.

ри обкомов Разумов и Румянцев и многие другие. Одни из них были расстреляны до процесса, другие - спустя несколько месяцев после него. По-видимому, все они отказались выступить на открытом процессе с вымышленными показаниями.

Одной из наиболее известных жертв сталинского террора был Енукидзе. С 1918 года он работал секретарём ВЦИК и был снят с этой должности в 1935 году по обвинению в засорении аппарата Кремля антисоветскими элементами, в покровительстве лицам, враждебным Советской власти, и ведении аморального образа жизни.

В 1937 году Енукидзе был арестован. По свидетельству Орлова, он так объяснил следователям причину своего конфликта со Сталиным: "Всё моё преступление состояло в том, что, когда он сказал мне (в конце 1934 года - В. Р.), что хочет устроить суд и расстрелять Каменева и Зиновьева, я попытался его отговаривать. "Сосо, - сказал я ему, - спору нет, они навредили тебе, но они уже достаточно ответили за это: ты исключил их из партии, ты держишь их в тюрьме, их детям нечего есть... Они старые большевики, как ты и я"... Он посмотрел на меня такими глазами, точно я убил его родного отца, и сказал: "Запомни, Авель, кто не со мной - тот против меня"¹.

На расправу с Енукидзе Троцкий откликнулся статьёй "За стенами Кремля". В ней он писал, что после победы в гражданской войне, Енукидзе, как и многим другим бюрократам, казалось, что "впереди предстоит мирное и беспечальное житие. Но история обманула Авеля Енукидзе. Главные трудности оказались впереди. Чтобы обеспечить миллионам больших и малых чиновников бифштекс, бутылку вина и другие блага жизни, понадобился тоталитарный режим. Вряд ли сам Енукидзе - совсем не теоретик - умел вывести самодержавие Сталина из тяги бюрократии к комфорту. Он был просто одним из орудий Сталина в насаждении новой привилегированной касты. "Бытовое разложение", которое ему лично вменили в вину, составляло, на самом деле, органический элемент официальной политики. Не за это погиб Енукидзе, а за то, что не сумел идти до конца. Он долго терпел, подчинялся и приспособлялся, но наступил предел, который он оказался неспособен переступить".

Первоначально Сталин обещал предоставить Енукидзе взамен поста секретаря ЦИК СССР почётную должность председателя Закавказского ЦИКа. Назначение Енукидзе вместо этого на должность начальника кавказских курортов, "носившее характер издевательства - вполне в стиле Сталина, - не предвещало ничего хорошего". Предъявленное ему вслед за этим обвинение в бытовом разложении, слишком широком образе жизни и т. д. означало, что Сталин решил действовать в рассрочку. Однако после постигшей его опалы Енукидзе не сдался. Второй суд над Зиновьевым-Каменевым, завершившийся их расстрелом, "видимо, ожесточил старого Авеля... Авель возмущался, ворчал, может быть, проклинал. Это было слишком опасно. Енукидзе слишком много знал. Надо было действовать решительно".

Конечно, Енукидзе не устраивал заговоров и не готовил террористических актов. "Он просто поднял поседевшую голову с ужасом и отчаянием... Енукид-

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991. С. 282.

зе попробовал остановить руку, занесённую над головами старых большевиков. Этого оказалось достаточно". Но Енукидзе не сдался и после своего ареста. Он отказался дать какие-либо показания, которые позволили бы включить его в число подсудимых показательного процесса. "Подсудимый без добровольных признаний - не подсудимый. Енукидзе был расстрелян без суда - как "предатель и враг народа"^{1*}".

Замечая, что "Ежов без труда подвел под маузер всех, на кого пальцем указал Сталин", Троцкий писал: "Енукидзе оказался одним из последних. В его лице старое поколение большевиков сошло со сцены, по крайней мере, без самоунижения"².

Признательных показаний не удалось, по-видимому, добиться и от бывших грузинских оппозиционеров, прежде всего Мдивани, о "преступлениях" которого упоминалось ещё на процессе Радека-Пятакова. Эти люди, чья борьба со Сталиным по вопросам национальной политики началась в 1922 году, примкнули в дальнейшем к левой оппозиции и после её разгрома были направлены в ссылку. Из них лишь Коте Цинцадзе остался непримиримым до самого конца и, отказавшись выступить с капитулянтским заявлением, умер в Сибири от тяжёлой болезни. Мдивани, Окуджава и другие капитулировали в 1929 году и в награду за это были возвращены на ответственные посты. Об их политических настроениях в 30-е годы свидетельствовало выступление Берии, который озлобленно писал, что Мдивани и его товарищи "болтали о якобы "невыносимом режиме",... о применении каких-то "чекистских" методов, о том, что положение трудящихся в Грузии якобы ухудшается"³.

9 июля 1937 года Верховный суд Грузии в однодневном закрытом заседании рассмотрел дело семи подсудимых, включая Мдивани и Окуджаву, и приговорил их к расстрелу по ставшим уже привычными обвинениям в "шпионской, вредительской и диверсионной работе" и подготовке террористических актов.

Комментируя итоги тбилисского процесса, Л. Седов писал: "Старые грузинские революционеры в противоположность многим из своих бывших московских друзей не дали себя сломить... Кроме того, Сталин, вероятно, надеется при помощи закрытых "судов" укрепить подорванную исходом московских процессов инквизиторскую технику добычи признаний. Будущих подсудимых поставят перед альтернативой: тайный суд с непременным расстрелом или ложные признания с надеждой на радековский "шанс"⁴.

Из видных грузинских оппозиционеров уцелеть удалось одному Кавтарадзе, прошедшему в застенках НКВД через пытки и инсценировки расстрела, но в 1939 году освобождённому по личному приказу Сталина и даже возвращённому на руководящую работу. Случай с Кавтарадзе был единственным случаем "прощения" Сталиным бывшего активного оппозиционера. Тем не менее

¹ Хотя в печати сообщалось, что Енукидзе, равно как и Шеболдаев, вместе с пятью другими обвиняемыми были расстреляны по приговору суда, состоявшегося в декабре 1937 года, оба они были расстреляны двумя месяцами ранее.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 73. С. 15.

³ Заря Востока. 1937. 27 мая; Правда. 1937. 5 июня.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 56-57. С. 9.

уже в послевоенное время, когда Кавтарадзе находился на посту заместителя министра иностранных дел, Сталин на одном из правительственных приёмов неожиданно отозвал его в сторону и угрожающе сказал: "А всё-таки вы хотели меня убить"¹.

НКВД намеревался сфабриковать открытый процесс над "резервным центром правых", куда планировалось включить бывших участников групп Сырцова-Ломинадзе, Рютина и А. П. Смирнова-Эйсмонга². Однако эти лица, чьи имена упоминались на процессе "право-троцкистского блока", отказались признать себя виновными и были расстреляны по приговорам закрытых судов. Такой суд над Сырцовым произошёл в сентябре 1937 года, над А. П. Смирновым (именовавшимся на процессе "право-троцкистского блока" членом "центра" правых) - в феврале 1938 года.

Наибольшие трудности для организаторов процесса представляло вымогательство признаний у пяти главных подсудимых, присутствие которых на суде Сталин считал обязательным (Бухарин, Рыков, Раковский, Крестинский и Розенгольц). Все они несколько месяцев до ареста жили с сознанием его неминуемости. По свидетельству Бармина, когда он в начале 1937 года беседовал с Крестинским, ещё остававшимся первым заместителем наркома иностранных дел, тот находился в столь угнетённом состоянии, что "с видимым усилием пытался отвечать на деловые вопросы, но сейчас же забывал о них... Ощущение обречённости Крестинского меня не покидало во время этого разговора"³.

В марте 1937 года Сталин заявил Крестинскому, что человеку, находившемуся в прошлом в оппозиции, неудобно оставаться на таком посту, где приходится вступать в частые контакты с иностранцами. Крестинский был переведён в наркомат юстиции и, проработав там два месяца, был арестован⁴.

До состояния предельной деморализованности был доведён и Розенгольц, который до своего ареста упорно добивался встречи со Сталиным, желая убедить его в своей невиновности. На процессе это его стремление было истолковано таким образом, будто на этой встрече он намеревался убить Сталина.

По-видимому, особую сложность для устроителей процесса представляло получение признательных показаний от Раковского - старейшего деятеля революционного движения и личного друга Троцкого на протяжении трёх десятков лет. Перебрасываемый с 1928 года всё в более тяжёлые условия ссылки, Раковский капитулировал позже других лидеров оппозиции. Вслед за этим открылась полоса его глубокого политического падения. После своего восстановления в партии в ноябре 1935 года он направил Сталину унижительное письмо следующего содержания:

"Я узнал вчера о моём обратном принятии в партию и вчера же я получил свой партийный билет.

Это было для меня большим и радостным событием.

¹ Правда. 1988. 7 октября.

² Кислицын С. А. Сказавшие "Нет". С. 46- 56.

³ Trotsky Archives. Houghton Library. The Harvard University. (Далее - Архив Троцкого). № 15865. С. 39.

⁴ Архивы раскрывают тайны... М., 1991. С. 240-241.

Позвольте мне по этому случаю выразить Вам свою горячую благодарность и свою глубокую признательность.

Даю Вам заверение, дорогой Иосиф Виссарионович, как вождю нашей великой партии и как старому боевому товарищу, что я применю все мои силы и способности, чтобы оправдать Ваше доверие и доверие ЦК.

С большевистским приветом. Искренне Вам преданный Х. Раковский¹.

В дни первого московского процесса Раковский выступил с позорной статьёй, требующей расстрела для подсудимых².

Арестованный в январе 1937 года, Раковский представил обширные письменные показания о мотивах, побудивших его к оппозиционной деятельности. В них он, в частности, указывал, что пришёл к выводу о перерождении пролетарской диктатуры в СССР. "Оставаясь социалистической в своей основе, поскольку земля и другие орудия и средства производства являются общественным достоянием, - писал он, - пролетарская диктатура превратилась в государство сословное. Службное сословие подменило пролетариат и трудящиеся массы (как носителей власти - В. Р.)"³.

Разумеется, следствию требовались не эти показания, фактически обличающие сталинский режим, а такие, которые бы политически компрометировали оппозицию. Показания такого рода Раковский стал давать лишь после нескольких месяцев заключения. О причинах этого он попытался осторожно рассказать на процессе. "Я помню и никогда этого не забуду, пока буду жив, - говорил он, - то обстоятельство, которое меня окончательно толкнуло на путь показаний. Во время одного из следствий я узнал... что разразилась японская агрессия против Китая, против китайского народа, я узнал относительно неприкрытой агрессии Германии и Италии против испанского народа. Я узнал относительно лихорадочных приготовлений всех фашистских государств для развязывания мировой войны. То, что читатель обыкновенно вычитывает каждый день по маленьким дозам в телеграммах, я это получил сразу в крупной, массивной дозе. Это на меня подействовало потрясающим образом... Я считал, что отныне моя обязанность - помочь в этой борьбе против агрессора... и я заявил следователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания"⁴.

Разумеется, следствие не ограничивалось подобной игрой на грозящей Советскому Союзу военной опасности и другими изоощрёнными идеологическими и психологическими приёмами.

Большинство следователей, готовивших данный процесс, были арестованы в 1938 году. На допросах они сообщили, что показания обвиняемых были получены в результате обещаний Ежова сохранить им жизнь, а также зверских истязаний и издевательств. В 1956 году бывшая начальница санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм рассказала, что во время следствия Крестинского

¹ Источник. 1994. № 6. С. 95.

² Раковский Х. Не должно быть никакой пощады! - Правда. 1936. 27 августа.

³ Чернявский Г. И., Станчев М. Г. В борьбе против самовластия. Х. Г. Раковский в 1927-1941 гг. Харьков, 1993. С. 275.

⁴ Судебный отчёт по делу "антисоветского право-троцкистского блока". М., 1938 (далее - Процесс право-троцкистского блока). С. 282-283.

доставили с допроса в санчасть в бессознательном состоянии: он был тяжело избит, вся его спина представляла сплошную рану¹.

Задолго до процесса Сталиным был организован ряд провокационных акций, к которым относились командировка Раковского в Японию, а Бухарина - в Европу. Ещё в 1937 году Троцкий высказывал предположение, что эти командировки были устроены, чтобы впоследствии приписать Раковскому и Бухарину связь с иностранными разведками². И действительно, Раковский "признался" на суде в том, что во время пребывания в Японии он был завербован тамошними спецслужбами. От Бухарина, упорно отказывавшегося признать обвинения в шпионаже, удалось добиться лишь признания о достижении им соглашения с меньшевиком Николаевским относительно того, что в случае провала "заговора" II Интернационал поднимет кампанию в защиту "заговорщиков"³. Уже во время процесса Николаевский выступил с заявлением, в котором утверждал, что во время его встреч с Бухариным по поводу покупки советским правительством материалов архива Маркса и Энгельса, не происходило "ничего, хотя бы отдалённо напоминающего переговоры политического характера. Встречи не носили характера каких-то тайных свиданий и были превосходно известны организаторам теперешнего московского процесса"⁴.

Некоторых обвиняемых, по-видимому, шантажировали компрометирующими фактами, имевшими место в их биографии. Так, Зеленский и Иванов обвинялись в работе до революции на царскую охранку. Комментируя эти обвинения, Троцкий напоминал, что сразу после Октябрьской революции партийные комитеты и органы ЧК приступили к тщательному изучению полицейских архивов с целью выявления провокаторов, которые понесли суровое наказание. Вся эта работа была завершена в 1923 году. В её ходе, помимо данных о полицейских агентах, были получены материалы, свидетельствовавшие, что некоторые молодые революционеры вели себя на допросах в полиции недостаточно осторожно или малодушно, отрекались от своих взглядов и т. д. Сталин сконцентрировал все такие материалы в своём архиве и шантажировал ими в чём-то скомпрометированных лиц с целью добиться от них полного послушания. К числу таких лиц могли относиться Зеленский и Иванов. Троцкий выражал абсолютную уверенность в том, что они никогда не были агентами охранки; "но у Сталина были какие-то документы, которые дали ему возможность сломить волю этих жертв и довести их до последней стадии морального унижения. Такова система Сталина!"⁵.

О том, что предположение Троцкого близко к истине, косвенно свидетельствует процедура, через которую был проведён Постышев. За 8 месяцев до его ареста было принято постановление Политбюро, в котором "устанавливался факт подачи т. Постышевым в 1910 г. унижительного ходатайства на имя командующего Московским военным округом о смягчении судебного пригово-

¹ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 239.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 14.

³ Процесс право-троцкистского блока. С. 379-380.

⁴ Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 12.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 11-12.

ра". Объясняя "этот недопустимый факт" "молодостью и несознательностью Постышева", Политбюро объявило ему выговор за то, что он не сообщил Центральному Комитету о подаче этого ходатайства¹.

Наиболее сложная проблема связана с поведением в тюрьме Бухарина. В последнем слове на суде он рассказал, что около 3 месяцев "запирался". Для него был установлен более суровый режим, чем для его сопроцессников, в результате чего он в тюрьме "работал, занимался, сохранил голову"². В начале следствия ему было разрешено послать жене письмо с просьбой отобрать и прислать книги из его библиотеки, которые могут понадобиться для его научных занятий. Ларина дважды передавала книги, которые Бухарин использовал для работы над своими рукописями. Некоторые книги, необходимые для работы, передавал Бухарину и его следователь Коган.

Всего Бухарин написал в тюремной камере более 50 печатных листов. По-видимому, что такое количество относительно завершенных работ самого разного жанра, написанных с использованием многочисленных отечественных и зарубежных источников, он не мог бы создать, если бы к нему применялись пытки и издевательства.

Все тюремные сочинения Бухарина направлялись Сталину, который до своей смерти хранил их в своём личном архиве. Они увидели свет только в 1994-1996 годах. Среди трёх больших сохранившихся рукописей хронологически первой является работа "Социализм и культура", представляющая вторую часть труда "Кризис капиталистической культуры и социализм"³ (первая часть под названием "Деграция культуры при фашизме", написанная в основном до ареста Бухарина, до сих пор не найдена). Эта книга включает, помимо острой критики фашизма, апологетическую картину "построения социализма" в СССР.

Вслед за этим Бухарин написал незавершенный автобиографический роман⁴, теоретическую работу под названием "Философские арабески"⁵ и книгу стихов⁶.

В архиве Сталина хранятся 4 письма Бухарина, направленных из тюрьмы. Из них ныне известно обширное письмо, написанное за три месяца до суда и снабжённое бухаринскими пометками: "Весьма секретно. Лично. Прошу никого другого без разрешения И. В. Сталина не читать". В этом письме Бухарин многократно возвращался к описанию своего невротического состояния ("я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой"; "совсем не знаю, в каком я буду состоянии завтра и послезавтра etc. Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что я и пальцем не смогу пошевелинуть"; "господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу!").

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 989. пункт 39.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 687.

³ Бухарин Н. И. Тюремные тетради. Т. I. М., 1996.

⁴ Бухарин Н. И. Времена. М., 1994.

⁵ Бухарин Н. И. Тюремные тетради. Т. II. М., 1996.

⁶ Некоторые стихи опубликованы во втором томе "Тюремных тетрадей".

"Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, - писал Бухарин, - я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии... Мне не было никакого "выхода", кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе вышло бы, что я "не разоружаюсь".

Пытаясь дать теоретическое обоснование такому своему поведению, Бухарин "соорудил примерно такую концепцию": у Сталина имеется "какая-то *большая и смелая политическая идея* генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других - по-другому, третьих - по-третьему". Умоляя Сталина не воспринять эти соображения таким образом, будто он упрекает вождя "даже в размышлениях с самим собой", Бухарин писал: "Я настолько вырос из детских пелёнок, что понимаю, что *большие* планы, *большие* идеи и *большие* интересы перекрывают всё, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне *наряду с всемирно-историческими* задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах". Единственный парадокс, который мучает его, заключался, по словам Бухарина, в том, что Сталин, возможно, не исходит из этой "всемирно-исторической" идеи, а действительно верит в его преступления. "*Тогда* что же выходит? Что я *сам* помогаю лишиться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое *зло!* *Тогда* это ничем не оправдано. И всё путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?"

Убеждая Сталина: "все последние годы я... научился по-умному тебя ценить и любить", Бухарин в заключение письма просил у него "последнего прощения (Sic! - В. Р.)" и заверял: "Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных".

Заявляя, что "ничего... не намерен у тебя ни просить, ни о чём не хочу умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится", Бухарин тем не менее обращался с несколькими просьбами: 1. дать ему возможность умереть до суда, ибо "мне легче тысячу раз *умереть*, чем пережить предстоящий процесс"; 2. в случае вынесения ему смертного приговора "заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтобы я заснул и не просыпался)... дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжалось!.. *Молю* об этом..."

Вместе с тем, лелея надежду, что ему будет сохранена жизнь, Бухарин предлагал в этом случае выслать его в Америку, где он "провёл бы кампанию по процессам, вёл бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким и вёл бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом". Бухарин предлагал и гарантии, которые при этом можно было бы использовать: послать с ним квалифицированного чекиста, задержать в СССР его жену и т. д.

Считая, что такой вариант может заинтересовать Сталина, Бухарин выдвигал и запасной вариант: выслать его "хоть на 25 лет в Печору или Колыму, в лагерь: я бы поставил там: университет, краеведческий музей, технич. станции

и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фитомузей, журнал лагерный, газету"¹.

Это письмо было разослано в 1956 году членам и кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС. Но даже оно не побудило деятелей "коллективного руководства" к каким-либо реабилитационным акциям по отношению к Бухарину.

Письмо Бухарина, разумеется, не могло вызвать у Сталина ничего, кроме глумливого удовлетворения. Оно побудило его лишь к тому, чтобы продолжать коварную игру с Бухариным. В этих целях Бухарину было позволено написать за полтора месяца до суда письмо жене, в котором сообщалось о работах, написанных им в тюрьме. Судя по содержанию данного письма, Бухарину было обещано, что все его рукописи будут переданы его жене. Бухарин даже просил её перепечатать их на машинке "по три экземпляра".

Бухарину была обещана и встреча с женой ("во всех случаях и при всех исходах суда я после него тебя увижу"). Понимая, что при этой встрече откровенный разговор будет невозможен, Бухарин писал: "Что бы ты ни прочитала, что бы ты ни услышала, сколько бы ужасны ни были соответствующие вещи, что бы обо мне ни говорили, что бы я ни говорил,.. помни о том, что великое дело СССР живёт, и это главное, а личные судьбы - преходящи и мизерабельны"².

Бухарина обманули и на этот раз. Его жена была арестована и выслана из Москвы ещё в июне 1937 года, и письмо до неё, разумеется, не дошло.

Организаторы процесса, тщательно отобрав подсудимых и применив к ним во время предварительного следствия все возможные моральные и физические истязания (в различных комбинациях), могли считать, что процесс пройдёт без каких-либо помех и накладок. Однако такие накладки начались уже в первый день суда.

¹ Источник. 1993/0. С. 23-25.

² Бухарин Н. И. Тюремные тетради. Т. I. С. 5.

V

Эпизод с Крестинским

В обвинительном заключении схема заговора была построена следующим образом. В 1928 году был образован центр подпольной организации "правых", а в 1933 году ими был создан "контактный центр" для связи с троцкистами, в результате чего и возник "право-троцкистский блок". В "центр" этого блока после арестов 1936 года входили: Розенгольц и Крестинский - от троцкистов, Бухарин, Рыков, Рудзутак и Ягода - от правых, Тухачевский и Гамарник - от военных¹.

Однако эта конструкция дала осечку уже на первом заседании суда, когда произошёл непредвиденный и тревожный для его организаторов эпизод. Во время опроса Ульрихом подсудимых, признают ли они свою вину, Крестинский ответил: "Я не троцкист. Я никогда не был участником "право-троцкистского блока", о существовании которого ничего не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне"².

После нескольких дополнительных вопросов к Крестинскому Ульрих вынужден был перейти к опросу других обвиняемых, которые послушно подтвердили свои показания на предварительном следствии. Вслед за этим Вышинский приступил к допросу Бессонова, который превратился в перекрёстный допрос Бессонова и Крестинского. Бессонов заявил, что Крестинский в 1933 году, будучи полпредом СССР в Германии, давал ему, Бессонову, как советнику посольства, указания "не допустить нормализации отношений между СССР и Германией". В ответ на вопросы прокурора по этому поводу Крестинский отверг все показания Бессонова, заявив, что в его разговорах с последним "не было ни одного звука о троцкистских установках"³.

Когда Вышинский задал Крестинскому вопрос, почему тот говорил на предварительном следствии неправду, проявив тем самым "неуважение к следствию", Крестинский ответил, что надеялся опорочить эти показания "на судебном заседании, если таковое будет". Тогда Вышинский, вовсе выйдя за рамки допроса Бессонова, стал задавать вопросы Гринько и Розенгольцу об их преступных связях с Крестинским. Розенгольц подтвердил, что вёл с Крестинским "троцкистские переговоры", а Гринько - что Крестинский помог ему установить связь с иностранной разведкой. Однако Крестинский продолжал упорно утверждать: его показания на предварительном следствии "от начала до конца являются неправильными" и объясняются тем, что он считал: "если я расскажу то, что я сегодня говорю... то это моё заявление (о своей невиновности. - В. Р.) не дойдет до руководителей партии и правительства"⁴.

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 166, 170, 351.

² Там же. С. 37-38.

³ Там же. С. 51-52.

⁴ Там же. С. 50, 54, 58.

В ходе допроса Крестинский упомянул о своём письме Троцкому от 27 ноября 1927 года, где говорилось о его "разрыве с троцкизмом". Вышинский заявил, что такого письма в деле нет. Крестинский в ответ на это указал, что это письмо было изъято у него при обыске¹.

Вечернее заседание Вышинский начал с допроса Гринько, который сообщил, что Крестинский связал его с "фашистскими кругами одного враждебного Советскому Союзу государства". Во время этого допроса прокурор обратился к Рыкову, который подтвердил, что неоднократно говорил с Крестинским как с "членом нелегальной организации"². Однако Крестинский по-прежнему упорно отрицал все эти факты.

На утреннем заседании 3 марта о Крестинском речи не было. Зато вечернее заседание в тот же день Вышинский начал с допроса Крестинского, который превратился в перекрёстный допрос Крестинского и Раковского. На вопрос о своих отношениях с Раковским Крестинский ответил, что после ссылки Раковского переписывался с ним и просил Кагановича о переводе Раковского из Астрахани как города с неблагоприятным климатом в Саратов. Раковский же заявил, что Крестинский "с троцкизмом никогда не порывал", и в подтверждение этого сообщил, что в 1929 году получил письмо от Крестинского, в котором последний уговаривал его вернуться в партию, "естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности"³.

После этого Вышинский объявил, что по его указанию "были проверены документы, изъятые при обыске у Крестинского", в результате чего было обнаружено письмо Троцкому, существование которого прокурор ранее отрицал. Были зачитаны отрывки из этого письма, в котором Крестинский писал, что тактика оппозиции за последние полгода была "трагически неправильной", а также отрывки из капитулянтского заявления Крестинского в ЦК, опубликованного в апреле 1928 года в центральных газетах.

Комментируя этот эпизод процесса, Троцкий замечал: "В 1927 году Крестинский написал мне из Берлина в Москву письмо, в котором извещал меня о своём намерении капитулировать перед Сталиным и советовал мне сделать то же самое. Я ответил гласным письмом о разрыве всяких отношений с Крестинским, как и со всеми другими капитулянтами... Но ГПУ продолжает строить свои фальшивые процессы исключительно на капитулянтах, которые уже в течение многих лет являются игрушками в его руках. Отсюда необходимость для прокурора Вышинского доказать, что мой разрыв с Крестинским имел "фиктивный характер". Доказать это было возложено на другого капитулянта, 65-летнего Раковского, который заявил, что капитуляции были "маневром"... Раковский не объяснил, однако, а прокурор его, конечно, не спросил, почему сам он, Раковский, в течение семи лет не производил этого "маневра", а предпочитал оставаться в тяжёлых условиях ссылки в Барнауле (Алтай), изолированный от всего мира. Почему осенью 1930 года Раковский написал из Барнаула в негодующем письме против капитулянтов свою знаменитую фразу: "са-

¹ Там же. С. 53.

² Там же. С. 70, 72.

³ Там же. С. 143-144.

мое страшное - не ссылка и не изолятор, а капитуляция". Почему, наконец, сам он капитулировал только в 1934 году, когда физические и моральные силы его иссякли окончательно?"¹.

После зачитания выдержек из капитулянтских писем Крестинского последний внезапно заявил, что полностью подтверждает свои показания, данные на предварительном следствии. Тогда прокурор обратился к нему с вопросом, как следует в таком случае понимать его вчерашнее заявление, которое "нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе". В ответ Крестинский сказал: "Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжёлыми впечатлениями от оглашения обвинительного акта, усугублённым моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду... И вместо того, чтобы сказать - да, я виновен, я почти машинально ответил - нет, не виновен"².

Между тем едва ли можно было назвать "машинальным" последовательное отвержение Крестинским обвинений на протяжении двух судебных заседаний.

По-видимому, на "признание" Крестинского оказало влияние поведение "обличавшего" его Раковского, считавшегося на протяжении многих лет самым непреклонным из оппозиционных лидеров.

Что же касается Раковского, то он в своём дальнейшем поведении на суде, казалось, следовал всем требованиям прокурора. Признав свою агентурную связь с "Интеллидженс Сервис" начавшуюся якобы ещё в 1924 году, он прибавил, что Троцкий тогда же "благословил его на это дело". В 1934 году, по словам Раковского, эта связь была возобновлена через известную английскую филантропку леди Пейджет³. Однако при конкретном описании выполненных им заданий иностранных разведок Раковский фактически дезавуировал свои признания в шпионаже, сообщив, что передавал японцам данные о влиянии отмены карточной системы на уровень заработной платы, а англичанам - "анализ новой конструкции с точки зрения отношений периферических республик с центром"⁴. Понятно, что выполнение такого рода "заданий", даже если бы оно в действительности имело место, никак нельзя было назвать шпионажем.

Характеризуя поведение Раковского на суде, Виктор Серж замечал, что "он как будто намеренно компрометировал процесс показаниями, ложность которых для Европы очевидна... Раковский говорит о Эмиле Бюре, о Мадлен Паз, о Ф. Дане (как лицах, с которыми у него были шпионские связи -В. Р.), зная, что они немедленно объявят о лжи по всему свету". Раковский, продолжал Серж, не мог прямо вскрыть "амальгаму" процесса, потому что в этом случае "ему тотчас же заткнули бы рот и другие ввали бы на него и за него... Нет, возможен либо такой тонкий саботаж, либо истерический выпад, как у Крестинского"⁵.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 13.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 146.

³ Там же. С. 261, 270, 275.

⁴ Там же. С. 268, 277.

⁵ Последние новости. 1938. 12 марта.

VI

Бухарин и Вышинский

Больше всего трудностей доставило Вышинскому поведение на суде Бухарина.

В начале своего допроса Бухарин обратился к суду с ходатайством: предоставить ему возможность свободно излагать свои показания и остановиться в них на анализе идейно-политических установок блока. Этим он хотел избавить себя хотя бы на время от бесцеремонных и издевательских вопросов прокурора. Однако Вышинский потребовал отклонить это ходатайство как ограничивающее право обвинителя. Тем не менее и при допросе, проходившем в форме, навязанной прокурором, Бухарин сумел сказать многое из того, что не было желательным Вышинскому, и отвергнуть многое из того, что Вышинский требовал от него признать.

Тысячи современников в СССР и за рубежом, десятки исследователей более позднего времени с особым вниманием перечитывали и продумывали страницы стенографического отчёта, включавшие допрос Бухарина, чтобы найти объяснение его поведению на суде - настолько оно отличалось от поведения всех других подсудимых.

Уже в первые минуты допроса Бухарин признал себя виновным "за всю совокупность преступлений, совершённых этой контрреволюционной организацией ("право-троцкистским блоком"), независимо от того, знал ли я или не знал, принимал или не принимал прямое участие в том или ином акте, потому что я отвечаю, как один из лидеров, а не стрелочник этой контрреволюционной организации"¹. Однако, выступив с таким суммарным признанием, Бухарин в дальнейшем последовательно разрушал все предъявленные ему конкретные обвинения.

На этих позициях Бухарин держался весьма твёрдо на всём протяжении процесса. В отличие от Крестинского и Ягоды, отрицавших, а затем признававших порочащие их факты, он ни разу не отошёл от своей позиции, категорически отвергая свою причастность к шпионажу и убийствам. Он безоговорочно отрицал, что ему было что-либо известно о подготовке убийства Кирова и о шпионской деятельности "блока"². Всем этим Бухарин довел Вышинского до такого состояния, что тот заявил: он будет вынужден прекратить допрос, "потому, что вы, очевидно, придерживаетесь определённой тактики и не хотите говорить правду, прикрываясь потоком слов, крючкотворствуя, отступая в область политики, философии, теории и так далее, что вам нужно забыть раз и навсегда, ибо вы обвиняетесь в шпионаже и являетесь, очевидно, по всем данным следствия, шпионом одной из разведок". Однако и после этого Бухарин продолжал отрицать свою связь с иностранными разведками, указав, что об

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 331.

² Там же. С. 334-335, 358, 369, 374-376.

этом на предварительном следствии прокурор его не спрашивал^{1*}. После этого вконец растерянный Вышинский обратился к Бухарину с вопросом, вовсе нелепым в устах прокурора, проводившего предварительное следствие: "Не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы: английской, германской или японской?", на что Бухарин, разумеется, ответил: "Никакой"².

Тот же приём - решительное отвержение обвинений, о которых речь не шла на предварительном следствии, - Бухарин использовал на процессе ещё не раз. По-видимому, Бухарин, переданный в руки Вышинского 1 декабря 1937 года, в течение трёх месяцев задал прокурору столь нелёгкую работу, что тот, не сумев добиться от него ряда необходимых признаний, решил удовлетвориться порочащими Бухарина показаниями других подсудимых.

Особенно щедро обвинения против Бухарина были рассыпаны в показаниях Иванова, который заявил, что Бухарин ещё в 1921 году говорил о подготовке им кадров, которые по первому его зову готовы будут "устранить Ленина... вплоть до физических методов". Далее Иванов утверждал, что в 1926 году Бухарин (находившийся тогда в блоке со Сталиным - В. Р.) говорил ему, что "нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией", а для этого "работать в подполье по собиранию кадров, по завлечению в наши сети наиболее влиятельных членов партии". По словам Иванова, с 1928 года он приступил по заданию Бухарина к превращению "Северного Кавказа в русскую Вандею", т. е. к подготовке и организации кулацких восстаний. Наконец, Иванов рассказывал о своих беседах с Бухариным в конце 1936 года и начале 1937 года (когда Бухарин находился в добровольном заточении в своей квартире и ни с кем, кроме своих родных, не общался - В. Р.), в которых Бухарин проинформировал его о мерах, предпринимаемых для ускорения нападения Германии и Японии на СССР и для убийства членов нелегальной организации "правых", которые были склонны "раскаяться перед Советской властью"³.

Во время допроса Иванова Бухарин полностью отверг все его показания. При дальнейших допросах он отвёл ссылку Вышинского на порочащие его показания Иванова и Шаранговича на том основании, что оба они являются провокаторами⁴. Между тем Иванов обвинялся на суде в работе на царскую охранку до революции, а Шарангович - в работе на польскую разведку с 1920 года. Бухариным же их имена были названы в таком контексте, что было очевидно: он имеет в виду их провокаторские функции на данном процессе.

По-видимому, Сталин непосредственно перед процессом потребовал от Вышинского добиться на суде признания Бухарина о его связях с иностранными разведками. Непреклонность Бухарина в этом пункте привела Вышинского в такую ярость, что он стал задавать Бухарину вопросы, на которые заведомо не мог получить положительного ответа. Уже в начале допроса он стал

¹ Эти слова были опущены в газетном отчёте и восстановлены в полном стенографическом отчёте о процессе после того, как присутствовавшие на суде иностранные журналисты привели их в своих корреспонденциях с процесса.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 377-378.

³ Там же. С. 110-113, 117-118.

⁴ Там же. С. 343.

перечислять страны, в которых Бухарин находился в эмиграции, и спрашивать, не был ли он там завербован местной полицией. На это Бухарин ответил, что его связь с полицией заключалась в том, что он неоднократно сидел в российских и зарубежных тюрьмах. При последнем возвращении к этому вопросу произошёл следующий диалог между прокурором и обвиняемым:

Бухарин: ...Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю.

Вышинский: Это было бы правильнее всего.

Бухарин: Это ваше мнение, а моё мнение другое¹.

Столь же определённо Бухарин разрушал и другие предъявленные ему обвинения. В ответ на настойчивые вопросы прокурора он заявлял, что ничего не знал о связях "блока" с белоэмигрантскими кругами, немецкими фашистами и Польшей, что вопрос об ослаблении обороноспособности СССР в его присутствии никогда не обсуждался, что он не придерживался пораженческой ориентации, выступал против открытия фронта в случае войны и был против каких бы то ни было территориальных уступок Германии². Отвергая утверждение прокурора о том, что лидеры правых обсуждали вопрос об отторжении Белоруссии от СССР, Бухарин заявил Вышинскому: "Я имею право говорить суду не так, как вы хотите, а так, как есть на самом деле"³. Наконец, в ответ на глумливые выпады прокурора он раздраженно заявил: "Я не считаю место и время особенно удобными для острот. Острие я тоже способен..."⁴.

Вместе с тем Бухарин называл действительные факты своей политической деятельности, хотя иногда подавал их в утрированном виде. Он рассказал, что уже в 1919-1920 году "из своих учеников Свердловского университета сколачивал определённую группу, которая очень быстро стала перерастать во фракцию". Речь шла о т. н. "бухаринской школе", которая в период легальной борьбы с левой оппозицией была главным идеологическим орудием правящей фракции во главе со Сталиным. Далее Бухарин назвал основные группы, примыкавшие в 1928-1929 годах к правой оппозиции, и сообщил, что приходил к Ягоде "за тенденциозно подобранными материалами". Об этом факте - изучении материалов ГПУ о враждебной реакции крестьян на чрезвычайные меры - Бухарин рассказал ещё на апрельском пленуме ЦК 1929 года. Наконец, он описал свои переговоры конца 20-х годов с Каменевым и Пятаковым, на которых обсуждался вопрос об образовании антисталинского блока⁵. И эти факты также имели место.

Все эти признания, однако, никак не годились для того, чтобы обвинить Бухарина в преступной заговорщической деятельности, в чём состояла главная задача Вышинского. Ещё меньше отвечали этой задаче показания Бухарина о мотивах, по которым "правые" на рубеже 30-х годов хотели "опрокинуть столь доблестное руководство Сталина". Бухарин заявил, что "правые" считали кол-

¹ Там же. С. 342-344, 384.

² Там же. С. 173, 332, 361, 365, 385.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же. С. 344-346.

хозы "музыкой будущего", "жалели раскулаченных из-за так называемых гуманитарных соображений", выступали против "переиндустриализации" и чрезмерной бюджетной напряжённости, смотрели "на наши громадные, гигантски растущие заводы, как на какие-то прожорливые чудовища, которые всё пожирают, отнимают средства потребления от широких масс"¹. Всё это были действительные взгляды "правых", которые излагались в их декларациях и в известной статье Бухарина "Заметки экономиста".

Такой крен в показаниях вызвал раздражение Ульриха, который прервал Бухарина, заявив: "Вам было предложено дать показания о вашей антисоветской контрреволюционной деятельности, а вы читаете лекцию". Однако Бухарин и дальше продолжал говорить об идеологических установках "правых", и в частности, об их "сползании на рельсы буржуазно-демократической свободы". Это заявление Вышинский поспешил истолковать в прямо противоположном смысле: "Коротко говоря, вы скатились к прямому оголтелому фашизму"².

Далее Бухарин говорил о выработке правыми в 1932 году "рютинской платформы", которая якобы была названа по имени Рютина с тем, чтобы "прикрыть правый центр и его самые руководящие фигуры". Однако и это вызвало недовольство Ульриха, заявившего: "Пока ещё вы ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях"³.

Под давлением председателя суда и прокурора Бухарин фактически признал только два преступления "блока", в которых он участвовал. Первое состояло в намерении "арестовать XVII съезд". О подготовке "дворцового переворота", "захвата Кремля", аресте XVII съезда речь шла и в показаниях других подсудимых. Однако Бухарин, а вслед за ним и Рыков заявили, что план этот ещё до какой-либо конкретной подготовки данной акции был отвергнут "правым" и "контактным" центрами⁴.

Второе "преступление" заключалось в отправке Бухариным Слепкова на Северный Кавказ, а Яковенко в Сибирь для организации кулацких восстаний, причём в последнем случае - силами бывших красных партизан⁵. Это признание также поражало своей явной абсурдностью, хотя оно не было полностью высосано из пальца. По-видимому, Бухарин действительно беседовал с этими людьми, но, разумеется, с целью не ориентировать их на организацию антисоветских восстаний, а узнать, насколько далеко зашли повстанческие настроения крестьян в этих регионах (социальное напряжение в них достигло в 1932-1933 годах такой остроты, что многие коммунисты опасались возникновения там крестьянских восстаний). Именно такое истолкование дал беседам между Бухариным и Слепковым Каганович в конце 80-х годов: "Слепкова спрашивали на очной ставке: посылал вас Бухарин на Северный Кавказ? - Посылал. - Какие он задания вам давал? - Давал задания такие, чтобы мы выявили настро-

¹ Там же. С. 340-341.

² Там же. С. 341-342.

³ Там же. С. 348.

⁴ Там же. С. 74, 81, 163-164, 373, 503, 504.

⁵ Там же. С. 153-154, 355-357.

ение казаков, кубанских и донских, готовы ли они к чему-нибудь или не готовы?"¹. В интерпретации Вышинского эти "задания" превратились в указания о руководстве крестьянскими восстаниями. Между тем было очевидно, что антисоветски настроенные казаки никак не могли выбрать большевиков Бухарина и Слепкова своими руководителями.

Бухарин несомненно продумал уроки предыдущих процессов и, исходя из них, строил свою тактику на суде. На протяжении всего процесса он неоднократно демонстрировал своё превосходство над Вышинским, дерзил ему, высмеивал его, ставил его в тупик. Наиболее острая схватка между Бухариным и Вышинским разгорелась во время рассмотрения дела о "заговоре", якобы имевшем место в 1918 году.

¹ Чуев Ф. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 138.

VII

"Заговор" 1918 года

Существенной новацией данного процесса по сравнению с предыдущими было опрокидывание преступной деятельности подсудимых в первые годы существования Советской власти. Для этого было затеяно занявшее несколько судебных заседаний расследование "заговора" 1918 года, в котором, как вытекало из обвинительного акта, принимало участие большинство тогдашних членов ЦК партии.

Поскольку от Бухарина на предварительном следствии не удалось добиться признаний по этому вопросу, Вышинский построил судебное следствие таким образом, что вначале допрашивались вызванные им свидетели. Среди них были два бывших лидера левых эсеров (Камков и Карелин) и три бывших "левых коммуниста" (Яковлева, Осинский и Манцев). Такое количество свидетелей выглядело весьма внушительно, тем более, что по всем остальным аспектам обвинительного заключения свидетели не вызывались.

Исходным пунктом для возвращения к событиям двадцатилетней давности и придания им "заговорщической" окраски было сообщение, сделанное Бухариным в ходе дискуссии 1923 года. Защищая тезис о недопустимости фракций внутри партии, Бухарин тогда привёл в доказательство этого следующий пример: в 1918 году фракционная борьба по вопросу о заключении мира с Германией достигла такой остроты, что к нему как лидеру фракции "левых коммунистов" обратились левые эсеры с предложением об аресте на 24 часа Ленина и формировании коалиционного правительства из противников Брестского мира, которое бы разорвало мирный договор и повело "революционную войну".

Хотя Бухарин уточнил, что дело ограничилось мимолетным разговором, не имевшим никаких политических последствий, его тогдашние союзники - Зиновьев и Сталин - принялись всячески раздувать этот эпизод. В ответ группа "левых коммунистов" направила письмо в редакцию "Правды", в котором говорилось, что речь может идти лишь о "совершенно незначительных инцидентах". Авторы письма сообщали, что однажды левый эсер Прошьян, смеясь, сказал Радеку: "Вы всё резолюции пишете. Не проще ли было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать Ленина председателем Совнаркома". "Прошьян тогда говорил, - продолжали авторы письма, - что, разумеется, Ленин, как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас (вас - левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну... Это предложение... не обсуждалось, как совершенно анекдотическая и смехотворная фантазия Прошьяна... Тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу этого

плана". Аналогичный шутливый разговор с Камковым, сообщали авторы письма, был ранее у Бухарина и Пятакова¹.

Как заявлял впоследствии сам Бухарин, он сразу после своего разговора с эсерами рассказал о нём Ленину, который взял с него честное слово никому больше об этом не говорить. Однако спустя шесть лет Бухарин в горячке борьбы с левой оппозицией нарушил это честное слово, что больно отозвалось на нём самом уже в период его первого разрыва со Сталиным. На апрельском пленуме ЦК 1929 года Сталин, тенденциозно переиначивая факты, заявил: "История нашей партии знает примеры, как Бухарин в период Брестского мира, при Ленине, оставшись в меньшинстве по вопросу о мире, бегал к левым эсерам, к врагам нашей партии, вёл с ними закулисные переговоры, пытался заключить с ними блок против Ленина и ЦК. *О чём он сговаривался тогда с левыми эсерами, - нам это, к сожалению, ещё неизвестно.* Но нам известно, что левые эсеры намеревались тогда арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот... (Курсив мой - В. Р.)"².

На процессе была поставлена задача заполнить "пробел" в старом признании Бухарина таким образом, будто Бухарин и другие лидеры "левых коммунистов" вступили в сговор с левыми эсерами в целях ареста и убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

Комментируя эту фангасмагорическую версию, Троцкий писал: "Кто знает людей и отношения, тот без труда поймёт бессмыслицу этого обвинения. Бухарин относился к Ленину с привязанностью ребёнка к матери. Что касается Сталина, то он был в 1918 г. настолько второстепенной фигурой, что самому заклётому террористу не пришлось бы в голову выбрать его в жертвы"³.

Более подробно на причинах столь фантастической выдумки Троцкий остановился в статье "Сверхборджиа в Кремле", где излагалась версия об отравлении Сталиным Ленина. Вспоминая, что Бухарин в завуалированной форме делился своими подозрениями по этому поводу, Троцкий подчёркивал, что обвинение Бухарина в стремлении убить Ленина порождено "тем же оборонительно-наступательным "рефлексом Сталина", который так ярко обнаружился на примере со смертью Горького". "Наивный и увлекающийся Бухарин, - писал Троцкий, - благоговел перед Лениным... и, если дерзил ему в полемике, то не иначе, как на коленях. У Бухарина, мягкого как воск, по выражению Ленина, не было и не могло быть самостоятельных честолюбивых замыслов. Если бы кто-нибудь предсказал нам в старые годы, что Бухарин будет когда-нибудь обвинён в подготовке покушения на Ленина, каждый из нас (и первый - Ленин) посоветовал бы посадить предсказателя в сумасшедший дом. Зачем же понадобилось Сталину насквозь абсурдное обвинение? Зная Сталина, можно с уверенностью сказать: это ответ на подозрения, которые Бухарин неосторожно высказывал относительно самого Сталина"⁴.

¹ Правда. 1924. 3 января.

² Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 100-101.

³ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., 1994. С. 270.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 76.

На процессе свидетели из числа бывших "левых коммунистов" заявляли: внутривнутрипартийная борьба по вопросу о Брестском мире приобрела столь агрессивные и непримиримые формы, что "левые коммунисты" прибегли к нелегальным методам, образовав заговорщический блок с левыми эсерами. Во время выступления этих свидетелей Бухарин вёл себя крайне наступательно, вмешиваясь в допрос и доставляя немало трудностей прокурору. Так, он задал Яковлевой целый ряд вопросов, наталкивающих на мысль о явной нелепости версии о "заговоре". Вышинский потребовал отвести все эти вопросы, как "не относящиеся к делу". Тогда Бухарин обратился к председателю суда с просьбой разъяснить: "Имею ли я право задавать те вопросы, которые я считаю нужным задавать, или же их характер определяет кто-то другой, в частности, гражданин прокурор?"¹. Это заявление столь определённо указывало на нарушение прокурором элементарных процессуальных норм, что Вышинский при допросе следующего свидетеля заявил: он больше не настаивает на устранении вопросов Бухарина, если они нужны последнему для защиты. На это Ульрих заявил, что теперь уже суд возражает против постановки данных вопросов, и обвинил Бухарина в обструкции работы суда².

Тем не менее Бухарину в ходе перекрёстных допросов удалось сказать, что он опорочивает показания свидетелей, представляющие "явную бессмыслицу". Он напомнил, что в период дискуссии о Брестском мире "левые коммунисты" и "троцкисты" обладали в ЦК большинством, а в партии по этому вопросу велась открытая полемика, в ходе которой "левые коммунисты" ориентировались на завоевание большинства легальным путём, т. е. голосованием на партийных собраниях. Поэтому намерение арестовать в этот период "трёх вождей партии" "было бы абсурдно со всех точек зрения"³.

Сообщив, что единственный разговор с левыми эсерами об аресте "определённых лиц" имел место после заключения мира, Бухарин несколько раз подчеркнул, что в этом разговоре "ни в коем случае" не предполагалось убийство этих людей, а напротив, речь шла о том, чтобы непременно обеспечить и гарантировать их полную "сохранность", чтобы "не был бы задет ни один волос на голове соответствующих лиц"⁴.

Во время перекрёстных допросов произошло несколько острых диалогов между Бухариным и Вышинским, в ходе которых отчётливо выявилась растерянность прокурора и готовность обвиняемого до конца отстаивать истину:

Вышинский: Чем вы объясняете, что они (свидетели) говорят неправду?

Бухарин: Вы уж их об этом спросите...

Бухарин: ...Я говорю то, что я знал, а то, что они знают, это дело их совести говорить.

Вышинский: Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 404.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 398, 420.

⁴ Там же. С. 338, 421, 685.

Бухарин: Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

Вышинский: Не можете объяснить.

Бухарин: Не могу, а просто отказываюсь объяснить.

Указывая на явные противоречия в показаниях свидетелей, Бухарин не без издевки над прокурором заявил: "Им нужно сперва сговориться друг с другом"¹.

Наконец, прямой политический прицел имел ответ на утверждение Вышинского о том, что Бухарин в некоторых случаях единолично решал вопросы, касающиеся деятельности "левых коммунистов". По этому поводу Бухарин сказал: "Тогда были такие времена, гражданин прокурор, что это совершенно немыслимо было"².

Сценарий Сталина-Вышинского ставил задачей приписать преступные намерения не только Бухарину, но и другим членам тогдашнего ЦК. В соответствии с этим Яковлева заявила, что Бухарин говорил ей: "Троцкий полагает также возможность развития борьбы до... физического уничтожения руководящих людей в правительстве и партии. Он тогда назвал Ленина, Сталина и Свердлова"³.

Согласно показаниям Яковлевой и Осинского, в заговорщическом блоке с "левыми коммунистами" состоял не только Троцкий, но также Зиновьев и Каменев. Поскольку было хорошо известно, что эти лица в период "брестской" дискуссии поддерживали позицию Ленина, Осинский дал следующее объяснение: их выступления в защиту Брестского мира были "только очень искусной двойной игрой"; на деле они вступили в блок с "левыми коммунистами", настаивая при этом на "чрезвычайно глубокой конспирации"⁴.

Таким образом, из показаний свидетелей следовало, что большинство партийных лидеров, членов Октябрьского ЦК были уже в 1918 году "предателями" и "заговорщиками".

Как при перекрестном допросе, так и в последнем слове Бухарин несколько раз упомянул о том, что фракция "левых коммунистов" включала "целый ряд выдающихся имён", из которых, однако, он назвал только имена Куйбышева, Менжинского и Ярославского⁵. Упоминание о Куйбышеве и Менжинском было понятно - эти люди, успевшие к моменту процесса умереть, официально почитались - тем более, что на процессе они были объявлены умерщвлёнными "право-троцкистским блоком". Менее понятно, почему из числа лиц, оставшихся к моменту процесса на свободе, Бухарин назвал одного Ярославского, хотя, например, другой бывший "левый коммунист" С. Косиор во время процесса был членом Политбюро.

Вслед за "левыми коммунистами" на заседание суда были вызваны левые эсеры. Камков подтвердил свой разговор с Бухариным, но лишь в том вариан-

¹ Там же. С. 418, 420, 421.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 393.

⁴ Там же. С. 393-395, 409-410.

⁵ Там же. С. 404, 684.

те, который сам Бухарин изложил в 1923 году. По словам Камкова, ЦК левых эсеров не только не принимал никаких решений о соглашении с "левыми коммунистами", но даже не обсуждал этот вопрос¹.

По-иному вёл себя Карелин, допросу которого предшествовал странный диалог между Вышинским и Бухариным. На вопрос прокурора, узнает ли Бухарин в свидетеле Карелина, Бухарин дал такой ответ: "То его содержание, которое у него имеется сейчас, очень отличается от того, что было... Мне трудно было узнать его у вас (на очной ставке - В. Р.), но после того, как я увидел его у вас, я узнаю в нём то же самое лицо"².

Карелин существенно расширил временные рамки "заговора". Он заявил, во-первых, что его партия заключила блок с "левыми коммунистами" уже в конце 1917 года, и во-вторых, что он информировал Бухарина о подготовке не только мятежа левых эсеров, состоявшегося в июле 1918 года, но и покушения Каплан на Ленина, причём Бухарин требовал ускорить этот террористический акт³.

После этих слов Вышинский вернулся к допросу Осинского, который подтвердил, что выстрел Каплан явился результатом установок и организационных мероприятий, которые были разработаны и проведены блоком, "начиная от "левых коммунистов" и кончая правыми эсерами". После этого Вышинский не удержался от того, чтобы задать Бухарину вопрос: "Кто вам дал задание подготовить это преступление, какая разведка дала?", на что получил ответ: "Я отрицаю вообще этот факт"⁴.

Тем не менее версия об участии Бухарина в подготовке покушения на Ленина не только вошла в "Краткий курс", но и получила "художественное оформление" - в фильме "Ленин в 1918 году", поставленном режиссером М. Роммом по сценарию А. Каплера.

¹ Там же. С. 433-439.

² Там же. С. 440.

³ Там же. С. 442-445.

⁴ Там же. С. 446, 447.

VIII

Загадка Бухарина

В обвинительной речи Вышинский уделил Бухарину особое внимание. На протяжении целого часа он излагал обширную хронологию "преступлений" Бухарина, к которым относил все случаи теоретических и политических разногласий последнего с Лениным, а затем - со сталинской кликой, раздувая и утрируя эти разногласия. Изрядно озлобленный поведением Бухарина на суде, Вышинский выбирал в отношении него самые грязные выражения и эпитеты, пытаясь как можно больше унижить его. "Лицемерием и коварством, - выпендренно восклицал прокурор, - этот человек превзошёл самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история"¹.

В последнем слове Бухарин нанёс несколько ответных ударов по Вышинскому. Пожалуй, наиболее сильным ударом была его фраза, фактически приравнивавшая данный суд, основывавший все обвинения на признаниях подсудимых, к инквизиторским судилищам: "Признания обвиняемых есть средневековый юридический принцип"². Опорочивая показания других подсудимых, на которые Вышинский ссылаясь в обвинительной речи, Бухарин обращал внимание на то, что подсудимые, обвинённые в связях с царской охранкой, заявляли: они вступили в подпольную организацию правых "из страха перед разоблачениями.. Но где же тут логика? Замечательная логика из страха перед возможными разоблачениями идти в террористическую организацию, где завтра он может оказаться пойманным. Трудно себе это представить, я по крайней мере себе этого не могу представить. Но гражданин прокурор им поверил, хотя всё это звучит явно неубедительно"³.

Бухарин вновь декларативно признавал себя виновным за все преступления "блока", хотя заявлял, что лично никогда не давал директив о вредительстве, никогда не был связан с иностранными разведками и что обвинение в его причастности к убийствам "шито белыми нитками". Виновным "в злодейском плане расчленения СССР" он признал себя лишь на том основании, что "Троцкий договаривался насчёт территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке"⁴.

Наконец, Бухарин фактически опорочил процесс в целом как связавший в "блок" людей, не имевших никакого отношения друг к другу. Высмеивая трактовку соучастия в заговоре, выдвинутую Вышинским, он заявил: "Гражданин прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и всё же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой, и быть друг с другом в более или менее тесной связи".

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 577.

² Там же. С. 688.

³ Там же. С. 681.

⁴ Там же. С. 682.

Между тем, продолжал Бухарин, он впервые на суде узнал о существовании некоторых подсудимых, никогда не был знаком или же "никогда не разговаривал о контрреволюционных делах" с большинством остальных, причём прокурор во время следствия ни разу не допрашивал его об этих лицах¹.

Г. Федотов отмечал, что с поведением Бухарина на суде связаны наиболее неразрешимые загадки процесса. По его словам, Бухарин не был сломлен, он энергично и искусно защищался, не раз ставя прокурора в смешное и глупое положение. Но эта защита проходила в очень ограниченных пределах и касалась лишь обвинений в терроре и шпионаже. Федотов отвергал "осложняющее предположение" (частичная защита Бухарина была предусмотрена организаторами процесса и разыграна с тем, чтобы придать ему некоторое правдоподобие), ссылаясь "на растерянность и гнев Вышинского, его неловкие попытки заткнуть рот Бухарину, окончательно скомпрометировавшие ульриховский суд".

Вслед за этим Федотов ставил резонный вопрос: почему Бухарин "не защищал с мужеством революционера своей позиции борьбы со Сталиным, не перешёл от жалкой полуобороны к нападению, не разоблачил перед смертью своего и общего врага?". Он отвергал суждения, согласно которым Бухарин ложно обвинял себя, подчиняясь сталинской трактовке партийного долга, требовавшего тяжчайшей жертвы своей честью "для блага революции". Эта гипотеза, по мнению Федотова, "опоздала на 5 лет, если не больше, и отражает ту партийную мистику, от которой сейчас не могло остаться и следа. Нельзя думать, что Бухарин верит в партию Сталина как продолжательницу ленинских традиций. Сталин, который губит всех ленинцев и поднимает флаг русского национализма, должен представляться изменником всякому истинному большевику. Не мог Бухарин не сознавать, что на скамье подсудимых сидит партия Ленина и что от его мужества на суде зависит последний суд истории над его партией, уже убитой"².

Иное объяснение "загадки Бухарина" давал Виктор Серж, который указывал, что "Бухарин держит себя (на процессе) на сугубо партийной линии. Чтобы выполнить директиву Политбюро и оказать обещанную услугу партии, он принимает на себя чудовищные политические обвинения, но считает, что не имеет права марать "честь большевика", что признавать себя шпионом, агентом буржуазии никак нельзя. Можно преувеличить внутрипартийный спор, но и только". "Бунт Бухарина", его пререкания с прокурором Серж объяснял следующим образом: "С Бухариным был, несомненно, такой же договор, как с остальными. Но он - человек нервный. В атмосфере процесса, борьбы с судьями наступила реакция. Торг и увещевания, надо думать, возобновляются в камере после каждого заседания. Этим объясняется неровность прений. С Крестинским справились без труда. С Бухариным - труднее, потому что он сам был в течение многих лет теоретиком партии и сам определял линию партийной этики и моральной дисциплины... Возможно, что Ежов это предвидел. В

¹ Там же. С. 680.

² Федотов Г. П. Полное собрание статей в шести томах. Т. IV. Париж, 1988. С. 181-182.

тех пунктах обвинения, которые Бухарин отвергал, его топят товарищи. Для суда это достаточно".

Серж рассматривал поведение Бухарина на процессе в широком контексте политического размежевания внутри антисталинской оппозиции. Он указывал, что это размежевание проходит по линии отношения к партии: "левая (сапроновцы и троцкисты) часть признала перерождение партии и отрицает её, а правая (зиновьевцы и бухаринцы), несмотря на глубочайшие разногласия со Сталиным (которого Бухарин сравнивал с Чингисханом), считает, что вне партии не может быть руководства страной и спасения революции". Исходя из этих предпосылок, Серж заявлял: "Если бы я занимал в партии позицию зиновьевцев или бухаринцев, то моё поведение было бы таким, как их собственное. Заметьте, что ни на одном из трёх процессов не было подлинных троцкистов. А в тюрьмах их гниет с 1928 года больше чем 500 человек, в том числе десятки людей с большими революционными именами. Почему же их не привлекают к постановкам Ежова? Потому что привлечь невозможно. Не по той причине, что они боятся смерти и пыток меньше, чем зиновьевцы и бухаринцы. А по той причине, что наша оппозиция - *против партии Сталина*, а зиновьевская и бухаринская - *внутри* партии Сталина. Партийный закон остаётся действительным для зиновьевцев и бухаринцев, для нас же он не существует, потому что... старой партии больше не существует! Партия переродилась в бюрократический аппарат"¹.

Впоследствии Серж, подобно многим исследователям более позднего времени (прежде всего Стивену Коэну), пытался отыскать в ответах Бухарина на вопросы и в его последнем слове хитроумные уловки и эзопов язык, с помощью которого тот пытался передать своё истинное отношение к Сталину и сталинскому режиму. В книге "Жизнь и смерть Льва Троцкого" Серж выражал мнение, согласно которому Бухарин на процессе использовал "кристально ясные и одновременно уклончивые диалектические аргументы" о перерождении, чтобы передать стыд - и не только за себя одного, но и за всю партию, склонившуюся перед Сталиным².

Такого рода соображения разрушаются недавно опубликованным последним документом, написанным Бухариным, - его апелляцией о помиловании. Из этого документа вытекает, что в поведении Бухарина всё обстояло и проще, и сложнее, чем в поведении "стальных людей", каким оно представлялось А. Кестлеру, заимствовавшему свои аргументы у Сержа. Главное отличие Бухарина от кестлеровского Рубашова состояло в том, что Рубашов шёл на суд без тени надежды на сохранение своей жизни (о том, что такой надежды быть не может, прямо говорил ему следователь, ведущий его дело). Бухарин же до последнего часа своей жизни подчинялся правилам иной игры, затеянной Сталиным. Его намного больше, чем суд истории, интересовало окончательное решение Сталина, который, как он продолжал надеяться в глубине души, подарит ему жизнь за "полное разоружение". Ради этого Бухарин, говоря слова-

¹ Последние новости. 1938. 12 марта.

² Sedova N. J. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 238-239.

ми Федотова, на суде, "лично себя защищая, помог Сталину утопить партию в грязи и позоре"¹.

Бухарин и Рыков в течение одного дня подали два заявления о помиловании. Очевидно, после подачи первого варианта им было предложено представить новый вариант с более подробной мотивировкой их ходатайства. Но если Рыков ограничился фактическим повторением своих прежних формулировок, то Бухарин подал намного более подробное заявление, сводившееся, по сути, к обоснованию одного тезиса: "Годичное пребывание в тюрьме послужило для меня такой школой, что я имею право сказать Президиуму о моей полной переориентации".

Понимая, что его судьба будет решаться не Президиумом ЦИК, на имя которого апелляция официально направлялась, а лично Сталиным, Бухарин, по сути, адресовал последнему все свои просьбы и аргументы. Вместе с тем он сознавал, что его заявление будет проходить через руки целого ряда людей. Поэтому оно было начисто лишено того сокровенно-доверительного тона, в котором было выдержано отосланное им тремя месяцами ранее личное послание Сталину. По этим же соображениям в заявлении отсутствовали какие-либо указания или намеки на лживость и вынужденность признаний. Повторяя формулу, прозвучавшую в его последнем слове: "Я стою на коленях перед родиной, партией, народом", Бухарин далее приводил весь набор трескучих официальных штампов: "Могучая страна наша, могучие партия и правительство провели генеральную чистку. Контрреволюция раздавлена и обезврежена. Героическим маршем выступает отечество социализма на арену величайшей во всемирной истории победоносной борьбы. Внутри страны, на основе сталинской Конституции, развивается широкая внутрипартийная демократия. Великая творческая и плодоносящая жизнь цветёт". Этот набор панегириков и общих мест, как бы извлечённых из очередной передовой "Правды", понадобился Бухарину для того, чтобы просить о предоставлении ему возможности "хотя бы за тюремной решёткой принять посильное участие в этой жизни".

Стараясь выбрать наиболее убедительные выражения, доказывающие, что у него "в душе нет ни единого слова протеста" (очевидно, как по поводу того, что творится в стране, так и по поводу всего, учинённого над ним самим), Бухарин заверял: "Более чем годичное пребывание моё в тюрьме заставило меня столько передумать и пересмотреть, что от моего преступного прошлого, к которому я отношусь с негодованием и презрением, не осталось ничего... Я внутренне разоружился и перевооружился на новый, социалистический лад... Старое во мне умерло навсегда и бесповоротно. Я рад, что власть пролетариата разрушила всё то преступное, что видело во мне своего лидера и лидером чего я в действительности был".

Думается, что едва ли кестлеровский Рубашов, выполнивший предназначенную ему роль на процессе, но сохранивший остатки личного достоинства, стал бы прибегать к такому дополнительному унижению. Бухарин же до последнего своего часа был озабочен тем, чтобы любой ценой сохранить себе жизнь. Для этого он избрал последний диалектический приём. Соглашаясь с

¹ Федотов Г. П. Полное собрание статей. Т. IV. С. 182.

суждениями Вышинского о том, что "за мои преступления меня нужно бы расстрелять десять раз", он всё же убеждал, что расстреливать его не следует, так как "прежний *Бухарин* уже умер, он уже не существует на земле... У меня сохранились знания и способности, вся головная машина, деятельность которой была раньше направлена в преступную сторону. Теперь эта машина заведена на новый лад... Поэтому я осмеливаюсь взывать к вам, как к высшему органу правительства, о пощаде, мотивируя это своей работоспособностью и апеллируя к революционной целесообразности... Дайте возможность расти новому, второму *Бухарину* - пусть он будет хоть *Петровым* - этот новый человек будет полной противоположностью уже умершему. Он уже родился - дайте ему возможность хоть какой-нибудь работы".

Таким образом, извещая о своей "смерти" как человека, обладающего самостоятельным мышлением, Бухарин заверял Сталина, что готов предоставить себя в его полное распоряжение в качестве "головной машины", способной исполнить любые его приказы. Не питая далеко идущих иллюзий о способности Сталина к милосердию, он уверял: "Если бы мне была дарована физическая жизнь, то она пошла бы на пользу социалистической родине, в каких бы условиях мне не приходилось работать: в одиночной камере тюрьмы, в концентрационном лагере, на Северном полюсе, в Колыме, где угодно, в любой обстановке и при любых условиях... Я постараюсь всеми своими силами доказать вам, что этот жест пролетарского великодушия был оправдан"¹.

В свете этого красноречивого документа можно сделать следующие предположения: полемика на суде с Вышинским была предпринята Бухариным, во-первых, с целью доказать Сталину нелепость обвинений, компрометирующих само сталинское "правосудие". Во-вторых, чтобы устранить и тень сомнения, которая могла возникнуть у Сталина, в том, что какие-либо из инкриминируемых ему преступлений действительно имели место. В-третьих, чтобы убедить Сталина в том, что он, Бухарин, проявил послушание и последовательность в главном пункте: признании того, что любая оппозиционная деятельность ведёт к самым страшным преступлениям, и тем самым выполнил заданную ему роль, за что вправе надеяться на дарование ему жизни.

¹ Известия. 1992. 2 сентября.

IX

Орбита Ягоды

Одной из главных сенсаций процесса было появление на скамье подсудимых Ягоды, руководившего на протяжении многих лет сталинской тайной полицией. Включение Ягоды в число заговорщиков Троцкий называл "самой, пожалуй, фантастической частью всей серии московских судебных фантазмагорий... Если б кто-нибудь сказал, что Геббельс является агентом римского папы, это звучало бы гораздо менее абсурдно, чем утверждение, что Ягода являлся агентом Троцкого"¹. Отмечая поразительность "орбиты Ягоды", Троцкий подчёркивал, что Ягода "за последние десять лет был наиболее близким к Сталину лицом. Ни одному из членов Политбюро Сталин не доверял тех тайн, которые доверял начальнику ГПУ. Что Ягода - негодяй, знали все... в качестве законченного негодяя, он как раз и нужен был Сталину для выполнения наиболее тёмных поручений... И вот этот страж государства, искоренивший старшее поколение партии, оказывается гангстером и изменником"².

Троцкий напоминал, что с середины 20-х годов Ягода руководил полицейскими преследованиями, арестами и высылками оппозиционеров. Он был организатором первых расстрелов троцкистов в 1929 году. Вместе с Вышинским он подготовил сенсационные процессы, прошедшие после убийства Кирова, вплоть до второго процесса Зиновьева и Каменева в августе 1936 года. "Система чистосердечных покаяний войдёт в историю как изобретение Генриха Ягоды"³.

Помимо этого, в руках Ягоды сосредоточивалась охрана Кремля, в том числе охрана Сталина. Члены Политбюро не могли сделать ни шагу без приставленной к ним Ягодой "личной охраны". Во всех ведомствах, которыми они руководили, Ягода насадил тысячи тайных информаторов. Он составил для Сталина досье с порочащими фактами биографии всех высших руководителей партии, установил на их квартирах и дачах замаскированные микрофоны. Естественно, что "ближайшие соратники" Сталина не могли относиться к Ягоде иначе, как с ненавистью. Ворошилов вёл затяжную борьбу с созданными Ягодой во всех воинских частях особыми отделами НКВД, занимавшимися слежкой за армейскими командирами. По свидетельству Орлова, Каганович дал Ягоде кличку "Фуше", указывающую на его схожесть с наполеоновским министром тайной полиции. В 30-е годы в Советском Союзе был опубликован перевод книги С. Цвейга о Фуше, которая произвела большое впечатление на Сталина и его окружение. В узком кругу Сталин говорил с восхищением о Фуше, пережившем четыре режима: якобинцев, директории, Наполеона и реставрации, неизменно оставаясь на высоких постах. Разумеется, официальная оценка Фуше была принципиально иной, и потому Вышинский в обвинитель-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 9.

² Бюллетень оппозиции. 193 7. № 56-57. С. 2-3.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 9.

ной речи цитировал обширные отрывки из книги Цвейга, чтобы доказать, что Ягода следовал "старой предательской двуручнической школе политического карьериста и бесчестного негодяя... Жозефа Фуше"¹.

По свидетельству Орлова, члены Политбюро ещё в начале 30-х годов пытались уговорить Сталина убрать Ягоду. По их настоянию в 1931 году в ОГПУ был направлен старый большевик Акулов, который, как предполагалось, вскоре возглавит это учреждение. Однако Ягоде удалось убедить Сталина перевести Акулова на другую работу². В 1935 году Сталин присвоил Ягоде звание генерального комиссара госбезопасности, равнозначное маршальскому званию в армии, и поселил его в Кремле. "В лице Ягоды, - писал Троцкий, - возвышалось заведомое для всех и всеми презираемое ничтожество. Старые революционеры переглядывались с возмущением. Даже в покорном Политбюро пытались сопротивляться. Но какая-то тайна связывала Сталина с Ягодой и, казалось, навсегда"³.

Эта таинственная связь оборвалась после снятия Ягоды с поста наркома внутренних дел в сентябре 1936 года и его ареста в марте 1937 года. Официальное сообщение о падении Ягоды было выдержано в высокопарных тонах. В нём говорилось, что Ягода "отрешён от должности" ввиду обнаруженных за ним должностных преступлений уголовного характера⁴.

Для новой судебной конструкции Ягода понадобился уже не как зодчий, а как материал. Правда, вплоть до процесса "право-троцкистского блока" в советской печати ни единым словом не упоминалось о его участии в совместном заговоре троцкистов, правых и военных. "Ни Ягода, ни общественное мнение для этого ещё не созрели, и не было уверенности, что Вышинский сможет с успехом показать нового клиента публике". Сообщалось лишь о его разнузданном образе жизни, казнокрадстве и т. п. "Верны ли были эти обвинения?" - писал Троцкий. - В отношении Ягоды это можно допустить вполне. Карьерист, циник, мелкий деспот, он не был, конечно, образцом добродетели и в личной жизни. Надо лишь прибавить, что, если он позволил своим инстинктам разнуздаться до пределов преступности, то только потому, что был уверен в полной своей безнаказанности. Образ жизни Ягоды был к тому же известен в Москве давно, в том числе и самому Сталину. Все факты, порочащие советских сановников, собираются Сталиным с научной тщательностью и составляют особый архив, откуда извлекаются по частям, в меру политической необходимости. Пробил час, когда Ягоду надо было нравственно сломить. Это было достигнуто скандальными разоблачениями относительно его личной жизни. После такого рода обработки в течение нескольких месяцев бывший глава ГПУ оказался перед альтернативой: быть расстрелянным в качестве расхитителя государственных средств или, может быть, спасти свою жизнь в качестве мнимого заговорщика. Ягода сделал свой выбор и был включен в список 21-го. Мир

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 610.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 121-122.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 73.

⁴ Правда. 1937. 4 апреля.

узнал, наконец, что Ягода расстреливал троцкистов только для "маскировки"; на самом же деле был их союзником и агентом".

При всём этом оставался вопрос: "Кому и зачем понадобилось, однако, столь невероятное и столь компрометирующее усложнение и без того запутанной судебной амальгамы?.. Должна была быть какая-то конкретная, непосредственная и крайне острая причина, которая заставила Сталина не остановиться перед превращением своего агента № 1 в агента Троцкого"¹.

Троцкий считал, что эта причина была раскрыта самим Ягодой на его допросе в суде, когда он сообщил: он дал своим подчинённым в Ленинграде указание "не препятствовать совершению террористического акта над Кировым". Такое распоряжение, исходящее от главы НКВД, было равносильно приказу организовать убийство Кирова.

Это убийство стало исходным пунктом для обвинения всей оппозиции в терроризме. Чем больше ставилось процессов по делу об убийстве Кирова, тем настойчивей стучался во все головы вопрос: "Кому это нужно?" Ставшие известными обстоятельства убийства явно указывали на участие в нём НКВД. Сталин вначале пытался выдать общественному мнению второстепенных исполнителей - руководителей Ленинградского управления НКВД. Однако в московских верхах крепло подозрение, что дело не обошлось без участия Ягоды, который в свою очередь мог действовать только по указанию Сталина. "Подозрение проникало во всё более широкие круги, превращаясь в уверенность. Сталину стало совершенно необходимо оторваться от Ягоды, создать между собою и Ягодой глубокий ров и по возможности свалить в этот ров труп Ягоды... Так объясняется наиболее необъяснимое в нынешнем процессе: показание бывшего шефа ГПУ о том, что он участвовал в убийстве Кирова по "инструкциям Троцкого". Кто поймёт эту наиболее скрытую из всех пружин процесса, тот без труда поймёт всё остальное"².

Решив пожертвовать своим сотрудником № 1, который слишком много знал, Сталин добился при этом некоторых дополнительных выгод: "за обещание помилования Ягода взял на себя на суде личную ответственность за преступления, в которых молва подозревала Сталина. Обещание, конечно, не было выполнено: Ягоду расстреляли, чтоб тем лучше доказать непримиримость Сталина в вопросах морали и права"³.

Троцкий указывал, что "из всех обвиняемых Ягода один заслужил несомненно суровой кары, хотя совсем не за те преступления, в каких обвиняется"^{4*}. К характеристике действительных преступлений Ягоды невольно приблизился Вышинский, сравнивший Ягоду с известным американским гангстером Ал Капоне. "Никакой вредитель не мог бы сделать более опасного сопоставления! - замечал по этому поводу Троцкий. - Ал Капоне не был в Соединенных Штатах начальником полиции. Между тем Ягода свыше 10 лет стоял

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 73-74.

⁴ Такой вывод был фактически сделан, но не разъяснён в 1988 году комиссией Политбюро, реабилитировавшей всех подсудимых процесса "право-троцкистского блока", за исключением Ягоды.

во главе ГПУ и был ближайшим сотрудником Сталина... И так велика была власть Ягоды, что даже высокопоставленные врачи Кремля не решались разоблачить Капоне, а покорно выполняли его приказания... Выходит, что Советским Союзом неограниченно правил Капоне. Правда, сейчас его место занял Ежов. Но где гарантия, что он лучше? В обстановке тоталитарного деспотизма, при задушенном общественном мнении, при полном отсутствии контроля меняются только имена гангстеров, но система остаётся"¹.

Разумеется, прокурор поставил Ягоде в вину и не совершённые им преступления, в которых традиционно обвинялись жертвы московских процессов. Однако, когда речь заходила об этих преступлениях, поведение Ягоды нередко ставило Вышинского в тупик. Так, отвергая обвинение в убийстве Менжинского и Максима Пешкова, Ягода в ответ на вопросы прокурора, почему он признал это на предварительном следствии, несколько раз повторил: "Разрешите на этот вопрос не ответить"².

Отказываясь признать обвинения в шпионской деятельности, Ягода заявил прокурору: "Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки (в Советском Союзе - В. Р.)"³. Эти слова в газетном отчёте не были приведены и только после публикации их иностранными корреспондентами, присутствовавшими на процессе, были включены в стенографический отчёт.

С "делом Ягоды" был связан новый круг обвинений - в злодейском умерщвлении видных государственных и общественных деятелей.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 12.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 466-469.

³ Там же. С. 509.

Х

Отравления и отравители

На скамью подсудимых, наряду с известными политическими деятелями, были посажены кремлёвские врачи, обвинённые в "медицинских убийствах" Куйбышева, Менжинского, Горького и его сына Максима.

Такой отбор исполнителей и жертв Троцкий объяснял тем, что "даже самый фантастический подлог приходится всё же строить из элементов действительности.. Несмотря на многочисленность террористических "центров".. реально, т. е. в области трёх измерений мир наблюдал не перевороты, восстания и террористические акты, а лишь аресты, высылки и расстрелы. Правда, ГПУ могло ссылаться на один-единственный террористический акт.. Труп Кирова неизменно фигурировал во всех политических процессах за последние три с лишним года. Все убивали Кирова по очереди: белогвардейцы, зиновьевцы, троцкисты, правые. Этот ресурс оказался исчерпан. Чтобы поддержать обвинительную конструкцию заговора, понадобились новые жертвы "террора". Искать их пришлось в числе недавно умерших сановников. А так как сановники умирали в Кремле, т. е. в условиях, исключавших доступ посторонних "террористов", то пришлось прибегнуть к обвинению кремлёвских врачей в отравлении собственных пациентов, конечно, по инструкциям Бухарина, Рыкова или, ещё хуже, Троцкого"¹.

В ряду врачей-отравителей и их пособников наиболее значительными были фигуры Плетнёва и Левина. Плетнёв был не только блестящим терапевтом, но и всемирно известным автором научных работ в области медицины. Незадолго до ареста он был проведён через позорную процедуру суда в качестве насильника, надругавшегося над своей пациенткой. 8 июня 1937 года в "Правде" появилась статья "Профессор - насильник, садист", описывающая с необычайными подробностями "зверское насилие", учинённое Плетнёвым над некой "пациенткой Б." В статье приводилось истерическое письмо Б., в котором рассказывалось, как три года назад во время врачебного осмотра профессор, обуреваемый порывом сексуального садизма, внезапно укусил её за грудь. Этот укус 66-летнего старика оказался столь ужасен, что пациентка, по её словам, "лишилась работоспособности, стала инвалидом в результате раны и тяжёлого душевного потрясения". Письмо "поруганной женщины" заканчивалось словами: "Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразивший моё тело".

В медицинских кругах было хорошо известно, что таинственной пациенткой Б. является некая Брауде, физически безобразная и психически больная женщина, тайная осведомительница НКВД, шантажировавшая Плетнёва ещё до публикации фантастической статьи "Правды". Тем не менее по команде свыше в газетах немедленно стали появляться письма известных медиков и ре-

¹ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 254.

золюции врачебных митингов с требованиями "самого сурового приговора этому извергу".

Опубликованное вскоре сообщение о закрытом заседании московского городского суда извещало, что Плетнёв приговорён условно к двум годам лишения свободы, т. е. фактически освобождён от всякого наказания. Комментируя это решение, Троцкий писал: "В СССР приговаривают нередко к расстрелу за кражу мешка муки. Тем более можно было ожидать беспощадного приговора над врачом-насильником... Приговор казался таким же неожиданным, как раньше - обвинение... Обвинение в садизме было с таким оглушительным шумом выдвинуто... только для того, чтобы сломить волю старого врача, отца семьи, и сделать из него послушное орудие в руках ГПУ для будущего политического процесса"¹.

Спустя несколько месяцев Плетнёв, прошедший через потрясение чудовищной интригой и неслышанным позором, был арестован. Как он писал впоследствии в заявлениях из Владимирской тюрьмы, во время следствия к нему "применялась ужасающая ругань, угрозы смертной казнью, таскание за шиворот, душение за горло, пытка недосыпанием, в течение пяти недель сон по 2-3 раза в сутки, угрозы вырвать у меня глотку и с ней признание, угрозы избиванием резиновой палкой... Всем этим я был доведён до паралича половины тела"².

Главным исполнителем убийств был объявлен профессор Левин, с первых лет революции занимавший ведущее место среди кремлёвских врачей и несомненно осведомлённый о причинах действительно загадочных смертей, постигших некоторых его пациентов. "Этот превосходный кремлёвский врач, - говорилось в одном из откликов "Бюллетеня" на процесс, - тоже знал слишком много, и он мог когда-нибудь многое рассказать. Он знал, как умер Орджоникидзе... Доктор Левин мог бы когда-нибудь рассказать и о самоубийстве Аллилуевой, жены Сталина. Ему нечего было бы рассказать потомству о смерти Куйбышева, но он мог бы рассказать кое-что об операции Фрунзе"³.

Дело доктора Левина, по мнению Троцкого, служило своего рода ключом "не только к загадкам московских процессов, но и ко всему режиму Сталина в целом... Этот ключ открывает все кремлёвские тайны и вместе с тем окончательно запирает рты адвокатам сталинского правосудия во всём мире".

Левина не обвиняли в том, что он был замаскированным троцкистом и стремился в союзе с Гитлером захватить власть в СССР. У него не было никаких личных побуждений к тому, чтобы совершать самые гнусные из всех названных на процессе преступлений - вероломные убийства доверявших ему больных. Из его показаний следовало, что он убивал своих пациентов по приказу Ягоды, который в случае неповиновения грозил уничтожить не только его самого, но и его семью. "Так выглядит, - писал Троцкий, - в московской судебной панораме сталинский режим на самой своей верхушке, в Кремле, в самой

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 10-11.

² Реабилитация. С. 239-240.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 29.

интимной части Кремля, в больнице для членов правительства! Что же в таком случае творится во всей остальной стране?"

Считая в дни процесса обвинение Левина в убийстве Горького "кошмарной выдумкой", Троцкий обращал внимание на то, что Сталин, Вышинский и Ежов, запустив данную версию, "из всех возможных вариантов выбрали наиболее вероятный, т. е. наиболее отвечающий условиям, отношениям и нравам. Все участники суда, вся советская пресса, все носители власти молчаливо признали полную правдоподобность того, что начальник ГПУ может любое лицо заставить совершить любое преступление, даже когда это лицо находится на свободе, занимает высокий пост и пользуется покровительством правящей верхушки". В своей бюрократической безнаказанности они не учли: после этого отпадают всякие сомнения в том, что палачи из НКВД могут заставить любого заключённого "добровольно" сознаться в не совершённых им преступлениях.

В отличие от беззащитных узников НКВД и подавляющего большинства советских граждан на воле, Левин не находился в исключительной власти тайной полиции и её могущественного главы. Он имел возможность разоблачить Ягоду, обратившись к лицам, занимающим самое высокое положение в стране. "Левин - не случайное лицо, - замечал в связи с этим Троцкий. - Он лечил Ленина, Сталина, всех членов правительства... Как у всякого авторитетного врача, у него установились интимные, почти покровительственные отношения с высокими пациентами. Он хорошо знает, как выглядят позвоночники господ "вождей" и как функционируют их авторитарные почки. Левин имел свободный доступ к любому сановнику. Разве не мог он рассказать о кровавом шантаже Ягоды Сталину, Молотову, любому члену Политбюро и правительства? Выходит, что не мог"¹.

Более точный ответ на этот вопрос Троцкий нашёл в последующие годы, когда он частично пересмотрел свой взгляд на московские процессы. В статье "Сверхборджиа в Кремле" он писал, что во время процесса обвинения и признания в убийстве старого и больного писателя казались ему фантазмагорией. "Позднейшая информация и более внимательный анализ обстоятельств заставили меня изменить эту оценку. Не всё в процессах было ложью. Были отравленные и были отравители. Не все отравители сидели на скамье подсудимых. Главный из них руководил по телефону судом"².

Троцкий напоминал, что в последние годы жизни Горького его отношения со Сталиным были далеко не такими безоблачными, как они изображались советской пропагандой. Если с 1929 по 1933 год Горький ежегодно выезжал на продолжительное время за границу, то с 1934 года такие поездки Сталиным были запрещены. Переписка между Горьким и Роменом Ролланом проходила через тщательную цензуру. НКВД окружало Горького "под видом секретарей и машинисток кольцом своих агентов. Их задачей было не допустить к Горькому нежелательных посетителей"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 4-5.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 74.

³ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 306.

О положении и настроениях Горького в последние годы содержатся выразительные свидетельства в показаниях Бабеля, написанных им во время пребывания в тюрьме. В марте 1936 года Горького, находившегося в Крыму, посетил Андре Мальро в сопровождении Кольцова, Крючкова (секретаря Горького) и Бабеля (последний был приглашен по просьбе Горького). Как писал Бабель, Горького "в этот период мы застали в мрачном настроении. Атмосфера одиночества, которая была создана вокруг него Крючковым и Ягодой, усердно старавшимися изолировать Горького от всего более-менее свежего и интересного, что могло появиться в его окружении, сказывалась с первого дня моего посещения дачи в Тессели. Моральное состояние Горького было очень подавленное, в его разговоре проскальзывали нотки, что он всеми оставлен. Неоднократно Горький говорил, что ему всячески мешают вернуться в Москву, к любимому им труду... Подбор людей, приводимых Крючковым к Горькому, был нарочито направлен к тому, чтобы Горький никого, кроме чекистов, окружавших Ягоду, и шарлатанов-изобретателей, не видел. Эти искусственные условия, в которые был поставлен Горький, начинали его тяготить всё сильнее, обусловили то состояние одиночества и грусти, в котором мы застали его в Тессели, незадолго до его смерти"¹.

Не зная столь детальных подробностей блокады, установленной вокруг Горького, Троцкий тем не менее упоминал, что после смерти писателя "возникли подозрения, что Сталин слегка помог разрушительной силе природы. Процесс Ягоды имел попутной задачей очистить Сталина от этого подозрения"². Поэтому Бессонов заявлял, что Троцкий передал ему директиву о физическом уничтожении Горького, мотивируя это "чрезвычайной близостью" писателя к Сталину и его исключительным влиянием на западную интеллигенцию, которое отталкивало от Троцкого многих сторонников³. Вслед за Бессоновым Ягода, Бухарин, Рыков, врачи и другие подсудимые неоднократно повторяли, что Горький был "защитником сталинской политики", личным другом и "непоколебимым сторонником" Сталина и всегда говорил о нём "с исключительным восхищением"⁴. "Если бы это было правдой хоть наполовину, - замечал Троцкий, - Ягода никогда не решился бы взять на себя умерщвление Горького и ещё менее посмел бы доверить подобный план кремлёвскому врачу, который мог уничтожить его простым телефонным звонком к Сталину"⁵.

Поскольку Горький пользовался огромным авторитетом в СССР, он стал представлять серьёзную опасность для Сталина в условиях, когда недовольство и репрессии достигли в стране высшего предела. Можно было усилить контроль над ним, но нельзя было запретить ему переписываться с европейскими писателями или полностью изолировать его от посещений иностранцев и жалоб обиженных советских граждан. "Никак нельзя было заста-

¹ Поварцов С. Причина смерти - расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М., 1996. С. 109.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 75.

³ Процесс право-троцкистского блока. С. 62-63, 512.

⁴ Там же. С. 470, 484, 496, 507, 513.

⁵ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 75.

вить его молчать. Арестовать его, выслать, тем более расстрелять - было ещё менее возможно. Мысль ускорить ликвидацию больного Горького "без пролития крови" через Ягodu должна была представиться при этих условиях хозяину Кремля как единственный выход. Голова Сталина так устроена, что подобные решения возникают в ней с силою рефлекса".

Только этим можно объяснить тот факт, что Левин и другие авторитетные кремлёвские врачи не искали защиты от Ягоды у своих пациентов, сплошь относившихся к высшим сановникам Кремля. "Разгадка в том, что Левин, как и все в Кремле и вокруг Кремля, отлично знал, чьим агентом является Ягода. Левин подчинился Ягоде, потому что был бессилён сопротивляться Сталину"¹.

Немаловажным подтверждением этой версии Троцкий считал неоднократное повторение подсудимыми мысли о том, что настроениями и поведением Горького были недовольны некие "высокие личности". Разумеется, на суде эта формула расшифровывалась таким образом, что таковыми являлись Бухарин, Рыков, Каменев и Зиновьев. "Но в этот период названные лица были париями, преследуемыми ГПУ. Под псевдонимом "высокие личности" могли фигурировать только хозяева Кремля. И прежде всего Сталин"².

Анализ версии о злодейском умерщвлении Горького подводил Троцкого к выводу о том, что "основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд"³.

¹ Там же. С. 74-75.

² Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 307.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 76.

XI

Что на процессе было правдой?

Не только версия о "медицинских убийствах", но и многие другие аспекты процесса представляли собой не продукт чистой фальсификации, но скорее - переплетение отдельных элементов правды с коварной и оглушительной ложью.

Во-первых, многие "признания" были продиктованы стремлением объявить делом "врагов народа" хорошо памятные "перегибы" на местах. Так, Зеленский рассказал, что в 1929 году он представил в ЦК ВКП(б) план, согласно которому в республиках Средней Азии предусматривалось коллективизировать к концу первой пятилетки 52 % крестьянских хозяйств. Отвергнув этот план, ЦК довёл наметку коллективизации до 68 %. После этого, подчиняясь навязанному сверху требованию ажиотажных темпов коллективизации, Зеленский выдвинул лозунг: "Догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза". На процессе этот лозунг был назван провокационным, направленным на срыв колхозного строительства в Средней Азии и вызвавшим в этом регионе массовые выступления против коллективизации¹.

Шарангович "признался" в том, что столь же враждебными умыслами было вызвано провозглашение в Белоруссии установки: "Раз единоличник не идёт в колхоз, то он является врагом советской власти". Исходя из этого лозунга, по словам Шаранговича, к единоличникам применялся такой налоговый нажим, который порождал недовольство и повстанческие настроения крестьян².

Многие подсудимые приписывали "правым" намерения, прямо противоположные их политическим взглядам: озлобить середняка и вызвать тем самым крестьянские волнения. Иными словами, активные ответные действия, на которые толкала крестьян безжалостная сталинская политика в деревне, объяснялись следствием преступных акций "право-троцкистского блока".

В этой связи на процессе впервые прямым текстом было сказано о крестьянских восстаниях, прошедших в 1928-1933 годах. Эти восстания, одно упоминание о которых ранее каралось как антисоветская клевета, изображались, однако, не как спонтанная реакция крестьянства на насильственную коллективизацию, а как результат деятельности "правых", действовавших в союзе с эсерами, белогвардейцами и т. д.

Подбор подсудимых осуществлялся таким образом, чтобы включить в их число некоторых наиболее жестоких исполнителей сталинских указаний. Виктор Серж считал, что Сталину "вновь понадобилось воздвигать кровавый балаган", в частности, для того, чтобы "свалить все жертвы принудительной коллективизации на плечи исполнителей своих директив 1930 года". С этой точки зрения Серж сопоставлял признания Шаранговича об эксцессах коллективизации в Белоруссии с сообщением о расстреле Шеболдаева, который "в партий-

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 294, 309.

² Там же. С. 189.

ных кругах стал известен необыкновенными зверствами на Северном Кавказе... Имя его было глубоко ненавистно на Дону и на Кубани, где он выселял на Север целые станицы поголовно¹.

Во-вторых, на процессе упоминалось о попытках местных руководителей проводить политику, в чём-то не совпадавшую с устремлениями кремлёвской клики. Так, Ходжаев рассказывал о действиях узбекского руководства, направленных на укрепление экономической самостоятельности республики, всестороннее развитие её хозяйства. Эти действия объяснялись им как продиктованные сепаратистскими умыслами "буржуазных националистов"².

В-третьих, на процессе были рассекречены некоторые исторические факты, поставленные, однако, в ложный политический контекст. Так, например, были впервые обнародованы данные о советско-германском военном сотрудничестве, которое было объявлено результатом заговорщических действий "блока". Крестинский и Розенгольц заявили, что Троцкий давал им указания о заключении союза с Тухачевским и другими военачальниками в целях поражения СССР в будущей войне с Германией. "Призрак казнённого маршала Тухачевского вообще, видимо, витает над судебными прениями, - писал по этому поводу Троцкий. - В страхе перед недовольством лучших генералов Сталин обезглавил Красную Армию и вызвал этим глубокое возмущение во всём мире. Теперь, задним числом, он пытается доказать общественному мнению СССР и всего человечества, что расстрелянные генералы действительно были изменниками"³.

В этих целях были извлечены на свет и ложно истолкованы факты, связанные с заключённым в начале 20-х годов оборонительным соглашением между СССР и Германией, направленным против Антанты и Версальского мира. Причины этого соглашения, по словам Троцкого, состояли в том, что "офицерство Рейхсвера (германских вооружённых сил - В. Р.), несмотря на политическую ненависть к коммунизму, считало необходимым дипломатическое и военное сотрудничество с советской республикой... "Московская" ориентация Рейхсвера стала оказывать влияние и на правительственные сферы".

Интересы СССР в таком сотрудничестве определялись тем, что советское правительство в то время могло ожидать помощи в создании современной военной техники только со стороны Германии. В свою очередь Рейхсвер, лишённый по Версальскому договору возможности создавать новейшие средства вооружения в своей стране, стремился использовать для этих целей советскую военную промышленность. "Вся эта работа, - писал Троцкий, - велась, разумеется, под покровом тайны, так как над головой Германии висел дамоклов меч версальских обязательств. Официально берлинское правительство не принимало в этом деле никакого участия и даже как бы не знало о нём: формальная ответственность лежала на Рейхсвере, с одной стороны, и Красной Армии, с другой"⁴. В Советском Союзе такая политика направлялась не единолично

¹ Последние новости. 1938. 12 марта.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 204.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 13.

⁴ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 259.

Троцким как главой военного ведомства, а Политбюро в целом, причём Сталин являлся наиболее упорным сторонником сотрудничества с Рейхсвером и Германией вообще. Непосредственное наблюдение за немецкими военными концессиями было поручено Розенгольцу как представителю наркомвоенмора.

Троцкий указывал, что в секретных архивах Красной Армии и ГПУ хранятся документы, касающиеся этого военного сотрудничества. Содержание данных документов, выдержанных в очень осторожных и конспиративных формулировках, могло показаться загадочным не только Вышинскому, но и большинству членов сталинского Политбюро. Об их существовании в начале 1938 года, по словам Троцкого, могли знать только Сталин, Молотов, Бухарин, Рыков, Ягода, Раковский, Розенголец и ещё не более десятка лиц в СССР.

В-четвёртых, в показаниях подсудимых находили отражение факты коррупции, широко распространённой в СССР в 30-е годы. Так, Крючков признал, что растрчивал большие деньги, принадлежавшие Горькому, на свои личные нужды¹. Ещё более выразительны были сообщения о том, что Ягода "подарил" доктору Левину как своему личному врачу шикарную дачу и дал указание пропускать его из заграничных поездок без таможенного досмотра².

В-пятых, некоторые сообщения о "злодейских преступлениях" являлись не голой выдумкой, а результатом провокации. Так, бывший секретарь Ягоды Буланов рассказал, что непосредственно перед приходом Ежова в НКВД он приготовил яд, предназначенный для опрыскивания ежовского кабинета³. На суде над Ежовым в 1940 году было установлено, что этот "террористический акт" был фальсифицирован самим Ежовым и начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым, который получил консультацию у начальника химической академии РККА об условиях отравления ртутью, после чего втер ртуть в обивку мебели кабинета Ежова. На процессе же Буланов объявил эти действия делом рук работника НКВД Саволайнена. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую затем "обнаружили" и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства⁴. Ковёр, гардины, обивка мебели и воздух в кабинете Ежова были подвергнуты химическому анализу. На основе этого анализа, "а равно и анализов его (Ежова) мочи" группа авторитетных медиков, привлечённых в качестве экспертов, указала, что в результате ртутного отравления здоровью Ежова "был причинён значительный ущерб и если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни товарища Н. И. Ежова угрожала непосредственная опасность"⁵.

В-шестых, на процессе попеременно с чудовищными вымыслами упоминались действительные факты, связанные с оппозиционными настроениями противников Сталина. Особенно много таких фактов приводилось подсудимыми при объяснении своих мотивов присоединения к "правым". Чернов рассказы-

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 576.

² Там же. С. 455.

³ Там же. С. 494.

⁴ Реабилитация. С. 238.

⁵ Процесс право-троцкистского блока. С. 546-547.

вал, как в 1928 году он говорил Рыкову, что применение чрезвычайных мер привело к уменьшению товарности сельскохозяйственного производства и уничтожению у крестьян заинтересованности в развитии своего хозяйства. Рыков ответил, что всё это является результатом сталинской политики, которая ведёт сельское хозяйство к разорению¹.

Признавая наличие подобных разговоров с Черновым, Рыков сообщил, что позиции "правых" по вопросу о чрезвычайных мерах сочувствовал и Ягода, который даже выразил эти свои настроения на заседании Политбюро². И это свидетельство, по-видимому, соответствует истине, поскольку в беседе с Каменевым в июле 1928 года Бухарин называл Ягodu в числе лиц, разделяющих взгляды "правых".

Зубарев рассказал, что в 1929 году А. П. Смирнов в разговоре с ним подробно характеризовал политическое состояние страны, и прежде всего недовольство, которое возрастало в деревне в результате применения чрезвычайных мер. В 1930 году, по словам Зубарева, у него состоялся разговор с Рыковым, который заявил, что в результате сплошной коллективизации и раскулачивания в целом ряде районов начинаются стихийные вооружённые восстания, что политика раскулачивания захватывает не только кулацкую верхушку, но и средние слои деревни и что "эта величайшая драма в деревне создала враждебное отношение (крестьян) к политике партии"³.

Применительно к более позднему времени оценки подсудимыми положения в стране были более осторожными, но и из них можно было получить представление о широком недовольстве сталинской политикой. Так, Левин сообщил, что Ягода однажды ему заявил: недовольство сталинским руководством ширится по всей стране, и "нет почти ни одного крупного учреждения, в котором не сидели бы люди, недовольные этим руководством и считающие нужным руководство это сменить и заменить другими людьми"⁴.

Невозможно допустить, что все политические деятели в СССР были настолько несамостоятельными и недалёкими, что безоговорочно одобряли авантюристическую политику сталинской клики и не обменивались мыслями о необходимости свержения Сталина. Отмечая, что политический смысл процесса не сводится лишь к "удовлетворению личной и долго питаемой мести партийного выскочки к ленинской аристократии", Г. Федотов справедливо утверждал, что представляется невозможным отрицать всю фактическую сторону признаний подсудимых. "Общее впечатление по сравнению с предыдущими процессами: здесь гораздо больше элементов правды, затерянных среди моря лжи, - писал он. - За последнее время политическая борьба в России обострилась... Можно допустить - хотя этого нельзя ничем доказать, - что часть старых честных коммунистов желала переворота, ареста Сталина, резкого изменения курса. Или, может быть, только мечтала об этом. Компрометируя эти несомненно массовые настроения связью со шпионажем, с перспективой

¹ Там же. С. 85-86.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 129-130.

⁴ Там же. С. 484.

раздела России, Сталин хочет парализовать популярность заговорщического активизма"¹.

К аналогичным выводам приходил и Виктор Серж. Он указывал, что процесс создавал впечатление, будто никогда не было Октябрьской революции и никогда не существовало большевизма, а вместо этого действовала банда бессовестных авантюристов, от которой "вождь народов" спас Советский Союз, превратив его в процветающую страну. Такой вывод, по мнению Сержа, мог показаться неискущённым людям правдоподобным, потому что процесс основывался не на голых фальсификациях, а на перемешивании лжи и правды, возможного и невероятного. Серж считал вполне возможным, что Бухарин и Рыков, Тухачевский и Гамарник, наблюдая укрепление чудовищного сталинского режима, уничтожавшего старых большевиков, начали обдумывать план "дворцовой революции". "Если бы эти люди не вынашивали таких мыслей, - справедливо замечал Серж, - они должны были бы иметь души овец, безропотно идущих на убой". Серж утверждал, что организаторы процесса использовали "явление рационализации, известное каждому психологу под названием проекции или перенесения вины"².

Несмотря на все усилия Вышинского увести подсудимых от изложения их подлинных политических настроений, в ряде показаний прорывались свидетельства об их возмущении сталинской политикой и её последствиями. Так, Икрамов рассказывал, что в 1933 году в разговоре с ним Бухарин сравнивал колхозы с барщиной и делился своими тяжёлыми впечатлениями о поездке по территории Казахстана. "Относительно Казахстана он (Бухарин) совершенно правильно говорит, - заявил Икрамов. - ...Ехал, по дороге из вагона смотрел, что видел - ужас. Я поддержал это"³. Если вспомнить, что в 1933 году в Казахстане свирепствовал массовый голод, то слова Икрамова, кажущиеся на первый взгляд не вполне внятными, становятся достаточно ясны.

Сегодня мы ещё не обладаем всей полнотой данных, свидетельствующих о "заговорщическом активизме" большевиков. Тем не менее представляется справедливым замечание французского историка П. Бруэ о том, что настало время для нового расследования московских процессов под углом зрения того, какие факты сопротивления сталинизму, приведённые на них, соответствовали действительности. Для подтверждения этого вывода Бруэ приводит только один, но характерный пример. На процессе "право-троцкистского блока" шла речь о троцкисте Райхе, эмигрировавшем из СССР и принявшем датское подданство под фамилией Иогансон⁴. В откликах на процесс Троцкий отрицал, что ему было что-либо известно об этом человеке. Между тем в списке датских подписчиков "Бюллетеня оппозиции" Бруэ обнаружил фамилию Райха - Иогансона. Подобные факты, по мнению Бруэ, доказывают, что на процессе за лживыми обвинениями крылась и доля истины⁵.

¹ Федотов Г. П. Полное собрание статей. Т. IV. С. 182-183.

² Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 233-235.

³ Процесс право-троцкистского блока. С. 310, 315.

⁴ Там же. С. 47, 61.

⁵ Broue P. Party Opposition to Stalin (1930-1932) and the First Moscow Trial. In: Essays on

ХII

Главный подсудимый

Многие аспекты третьего процесса могут быть правильно поняты лишь с учётом того, что сам этот процесс являлся составной частью ожесточённой политической борьбы, в ходе которой Сталин непрерывно получал сокрушительные идейные удары от Троцкого.

Хотя Троцкий находился за тысячи километров от зала суда, ни для кого не было секретом, что он вновь был главным подсудимым. Как и на предыдущих процессах, его имя повторялось при допросах обвиняемых, в обвинительном заключении, в речи Вышинского и в приговоре суда сотни раз. "Каждый из подсудимых, - справедливо замечал Орлов, - отчётливо чувствовал, как пульсируют здесь сталинская ненависть и сталинская жажда мщения, нацеленные на далёкого Троцкого. Накал этой ненависти был сравним разве что с завистью, которую Сталин годами испытывал к блестящим способностям и революционным заслугам этого человека"¹.

Ещё в отклике на второй показательный процесс меньшевистский журнал "Социалистический вестник" писал: "Та чисто маниакальная, садистская злоба, с которой именно Троцкому навязывается роль демона-искусителя, сатаны, держащего в своих руках нити всех заговоров, покушений, диверсий, внутренних и внешних политических опасностей, угрожающих сталинскому режиму, свидетельствует лишь о том, какая *личная* печать лежит на всей этой вакханалии истребления, какой неуверенностью, страхом, паникой объят диктатор, как сильно грызут его жажда мести за испытанные в прошлом обиды и ненависть к возможному в будущем сопернику, тем более опасному, что он недосягаем"².

Сам Троцкий отчётливо понимал, что процесс затеян прежде всего как новая попытка его политической дискредитации. "Нынешний большой процесс, как и первые два, вращается точно вокруг незримой оси, вокруг автора этих строк, - писал он. - Все преступления совершались неизменно по моему поручению... Члены советского правительства становились по моей команде агентами иностранных держав, "провоцировали" войну, подготавливали разгром СССР, совершали крушения поездов, отравляли рабочих ядовитыми газами... Мало того, даже кремлёвские врачи в угоду мне отравляли больных!"³.

Упоминая вновь, что, согласно материалам процесса, премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу и по его указанию разрушали производительные силы и культуру страны, Троцкий добавлял: "Но здесь возникает затруднение. Тоталитарный режим есть диктатура аппарата. Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моём

Revolutionary Culture and Stalinism. Slavica Publishers. 1986. P. 108.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991. С. 264-265.

² Социалистический вестник. 1937. № 3. С. 3.

³ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 248.

подчинении, почему в таком случае Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?"¹.

Даже если признать, продолжал Троцкий, что его влияние распространялось на его бывших друзей и единомышленников, то как объяснить поведение Рыкова и Бухарина? Ведь эти люди, находясь в составе Политбюро, на протяжении ряда лет рука об руку со Сталиным вели против него злобную политическую кампанию, выступали с сотнями "антитроцкистских" речей и статей, а затем голосовали за его исключение из партии, ссылку и изгнание из страны. Но как только Троцкий оказался в эмиграции, они стали не только соглашаться со всеми его взглядами, но и оказались готовыми совершить по его "инструкциям" любое преступление.

По замыслу организаторов процесса, наиболее "убийственными" для Троцкого должны были стать показания Раковского и Крестинского. Раковский заявил, что Троцкий сам сообщил ему о своих связях с английской разведкой, завязанных ещё в 1926 году². Крестинский отодвинул шпионскую деятельность Троцкого ещё дальше - в 1921 год, когда Троцкий якобы договорился с немецким генералом Сектом о финансировании германским Рейхсвером "троцкистской организации" в обмен на шпионские сведения, передаваемые троцкистами Рейхсверу³. Таким образом, служение Троцкого иностранным державам возводилось к периоду, когда он был членом Политбюро и главой Красной Армии.

Ещё одна "новация" данного процесса заключалась в сообщениях о колоссальных средствах, которые Троцкий и троцкисты якобы получали одновременно по нескольким каналам. Крестинский показал, что троцкисты только за 1923-1930 годы получили от Рейхсвера 2 миллиона марок в золотой валюте⁴. Розенгольц сообщил, что при помощи "одного из иностранных государств" Троцкому и троцкистской организации из фонда наркомата внешней торговли были переданы 300 тысяч долларов, 27 тысяч фунтов стерлингов и 20 тысяч марок⁵. Гринько говорил, что он помогал Крестинскому финансировать троцкистов за счёт валютных фондов наркоминдела⁶. Даже из бюджета НКВД, согласно показаниям Ягоды и Буланова, Троцкому передавались десятки тысяч долларов⁷.

Касаясь этой стороны процесса, Н. И. Седова писала: "Сотни людей - должно быть, не менее тысячи - знали, какую аскетическую жизнь вёл Троцкий и какие громадные материальные трудности он испытывал... Сотни людей видели, что Седов жил и умер в такой бедности, что временами трудно было представить что-либо худшее... Когда мы прибыли в Мексику, мы не имели практически ничего, и американские друзья заботились о наших самых эле-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 4.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 276.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 234-235.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 501, 506.

ментарных нуждах. А троцкистское движение? В каждой стране, где оно существовало,.. правительства и всякий, кто имел дело с троцкистскими группами, знали, как они были бедны и с какими огромными личными жертвами их членов был связан выпуск их изданий¹.

Всё это не означало, что денег, о которых говорили подсудимые, не существовало в природе. Под средствами, которые Крестинский якобы получал из Германии на нужды троцкистского движения, имелись в виду валютные поступления, передаваемые Рейхсвером советскому правительству в качестве платы за обучение немецких офицеров на территории СССР. Средства наркомвнешторга, передача которых троцкистам вменялась в вину Розенгольцу, представляли часть огромных валютных сумм, направлявшихся по приказу Политбюро для субсидирования зарубежной деятельности Коминтерна и секретных закордонных операций ОГПУ-НКВД.

На процессе назывались новые даты и адреса заговорщических встреч Троцкого и Седова с подсудимыми. В первый день работы суда Бессонов заявил, что Троцкий в октябре 1933 года встречался с Крестинским на итальянском курорте Меране, "несмотря на то, что Троцкому исчезнуть из Франции в этот период времени было до крайности трудно"². Крестинский подтвердил, что он находился в это время в Меране на лечении, но категорически отрицал свою встречу там с Троцким. Спустя два дня Крестинский не только признал эту встречу, но и сообщил подробности: Троцкий прибыл вместе с Седовым под чужим паспортом³. Между тем во время, названное Крестинским и Бессоновым, Троцкий неотлучно находился в городе Барбизоне под охраной и надзором французской полиции, что вскоре было документально подтверждено.

Конфузная судьба постигла и показания Крестинского о его встречах с Седовым в Германии в 1929 и 1930 годах. Вскоре было доказано, что до февраля 1931 года Седов безвыездно проживал в Турции. Розенгольц говорил о своих конспиративных встречах с Седовым в 1933 году в Австрии и в 1934 году в Чехословакии. И в данном случае оказалось легко доказать лживость этих показаний, поскольку со времени приезда во Францию в начале 1933 года Седов никогда не покидал этой страны.

Столь же фантастический характер носили показания о тайной переписке подсудимых с Троцким. Бессонов заявил, что в декабре 1936 или в начале 1937 года он послал Троцкому в Норвегию письмо от Крестинского, а через несколько дней получил ответ Троцкого Крестинскому⁴. После этого заявления мировая печать передала сообщение норвежской полиции: с начала сентября 1936 года вся почта интернированного в то время Троцкого контролировалась начальником паспортного стола Норвегии и с каждого входящего и исходящего письма снимались копии. С 18 декабря 1936 года по 9 января 1937 года

¹ Sedova N. J. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 232.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 61.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 63,

Троцкий находился на пути из Норвегии в Мексику и во время этого океанского путешествия был лишён всякой возможности сношения с внешним миром.

Разумеется, цели процесса выходили за рамки политической компрометации Троцкого, необходимой для ослабления его влияния на левые силы за рубежом. Процесс преследовал и более широкие цели, как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера.

ХІІІ

Внутриполитические цели процесса

После того, как в СССР был ликвидирован последний капиталистический класс - кулачество, стало невозможно объяснять переживаемые народом тяготы и лишения происками враждебных классовых сил. Поэтому была поставлена новая политическая и идеологическая задача - убедить советских людей с помощью массивного идеологического давления в том, что все их жертвы в период страшного шестилетия насильственной коллективизации (1928-1933 годы) были оправданы, и страна вступила в полосу "счастливой жизни". Однако основная масса населения в своей повседневной жизнедеятельности отнюдь не ощущала, что "жить стало лучше, жить стало веселее", как это неумолчно твердила официальная пропаганда. Поэтому требовалось переложить вину за "торможение" роста народного благосостояния на сверхзлодеев и заговорщиков, которые сознательно разрушали плоды труда советских людей, препятствовали процветанию страны, стремились закабалить народ и поставить его под пяту не только помещиков и капиталистов, но и самых жестоких фашистских режимов.

К такому решению Сталин подобрался не сразу. На первом процессе (Зиновьева-Каменева) речь шла только о терроре против "вождей" и ничего не говорилось о преступлениях, непосредственно направленных против населения. На втором процессе (Радека-Пятакова) круг преступлений "троцкистов" был существенно расширен, включив сговор с фашистскими державами о поражении СССР в будущей войне и расчленении страны. Там же существенное внимание было уделено вредительству, в частности организации производственных катастроф и железнодорожных аварий, жертвами которых стали десятки и сотни простых людей. Процесс "право-троцкистского блока" возложил на "заговорщиков" вину за всё то, что противоречило широковещательным заверениям о наступлении "счастливой жизни". В соответствии с этим подсудимые признавались в своих преступных действиях, якобы породивших все бедствия и тяготы, которые пришлось пережить советскому народу в 30-е годы.

Отмечая, что тоталитарный режим способен отвечать на свои экономические неудачи только циничной демагогией и беспощадными репрессиями, Троцкий писал: "То, что на языке сталинской юстиции называется "саботажем", есть на самом деле злосчастное последствие бюрократических методов командования. Явления диспропорции, расточительности, путаницы, всё более возрастающей, угрожают подорвать самые основы планового хозяйства. Бюрократия неизменно ищет "виноватого". Таков в большинстве случаев сокровенный смысл советских процессов против саботажников"¹.

Если процесс Радека-Пятакова имел целью снять со Сталина и его клики ответственность за ошибки и провалы в области тяжёлой промышленности и транспорта, то на процессе "право-троцкистского блока" речь шла преимуще-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 19.

ственно об умышленной дезорганизации тех отраслей, которые наиболее близко соприкасались с населением: коммунального хозяйства, торговли, производства товаров массового потребления и т. д. Подсудимые признавались в подрыве этих отраслей ради того, чтобы озлобить население против правительства. Как следовало из их показаний, в этих целях они не чурались даже мелкого вредительства, например, срыва снабжения учащихся тетрадами, чтобы "этим вызвать недовольство в широких массах"¹.

Нарком финансов Гринько годами прилагал огромные усилия для того, чтобы вести зигзагообразный курс между инфляцией и дефляцией, повинуюсь противоречивым приказам Политбюро. Теперь он сознавался в дезорганизации финансового дела и, в частности, в сознательном сокращении сети сберкасс для того, чтобы в них возникали очереди, раздражающие население.

Особое внимание на процессе было уделено списанию на преступления "право-троцкистского блока" жестоких неудач в сфере сельского хозяйства, которые особенно чувствительно переживались населением. Подсудимые называли цифры, свидетельствующие о гигантских масштабах умышленного отравления скота и порчи запасов продовольствия с целью создать в стране голод. Нарком земледелия Чернов заявил, что по заданию немецкой разведки он тормозил строительство складов и элеваторов, чтобы вызвать озлобление крестьян бессмысленной гибелью собранного зерна². Шарангович "признал", что по заданию центра "правых" и польской разведки в Белоруссии было заражено анемией 30 тысяч лошадей, а чумой - огромное количество свиней³.

Особенно характерным в этом плане был допрос Зеленского, руководившего системой потребительской кооперации. Он объявил результатом сознательного вредительства явления, с которыми население повседневно сталкивалось в торговле: обсчёт, обвес и обман покупателей, хищения и растраты и т. д. Стремлением вызвать недовольство против правительства Зеленский объяснял и умышленную организацию перебоев в торговле, при которой, по его словам, во многих лавках "в течение недели-двух" отсутствовали сахар, махорка, соль и т. д. Когда прокурор задал вопрос: "были ли такой случай или случаи, когда Москву периодически пытались оставить без яиц", Зеленский ответил, что в 1936 году была допущена "вредительская порча 50 вагонов яиц"⁴. В стране, измученной всевозможными дефицитами и всего пять лет назад пережившей массовый голод, такие "признания" не могли не произвести сильного впечатления на население, привыкшее видеть пустые прилавки магазинов.

Не удовлетворившись всем этим, Вышинский задал Зеленскому вопрос: "А как обстояло дело с маслом из-за вашей вредительской деятельности?" "Целому поколению детей, родившихся после 1927 года, - писал по этому поводу Орлов, - был незнаком даже вкус сливочного масла. С 1928 по 1935 год российские граждане могли увидеть масло только в витринах так называемых торгсинов, где всё продавалось только в обмен на золото или иностранную ва-

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 116.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 188-189.

⁴ Там же. С. 295, 298-299.

луту. В 1935 году, когда карточная система, державшаяся шесть лет подряд, была наконец отменена, масло появилось в коммерческих магазинах, однако по совершенно недоступной для населения цене¹.

Удивлённый вопросом прокурора, Зеленский сказал, что потребкооперация маслом вообще не торгует. "Я не спрашиваю, чем вы торгуете, - заявил в ответ на это Вышинский. - Вы торговали раньше всего основным - родиной, а я говорю о том, какие меры предпринимала ваша организация для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимейших первых предметов потребления... Известно ли вам что-нибудь относительно масла?"

Поскольку подсудимый по-прежнему не мог понять, какого ответа требует от него прокурор, Вышинский подсказал ему, что по указанию "право-троцкистского блока" "не выпускали дешёвых сортов масла". Вслед за этим он вынудил Зеленского подтвердить, что "были случаи" подбрасывания в масло стекла и гвоздей, с тем чтобы "резать горло и желудки нашего народа"².

В обвинительной речи Вышинский, упомянув о попытках подсудимых "задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода", сделал заявление, подобного которому не встречалось даже в самых апологетических и фарисейских статьях советской печати. Из этого заявления явствовало, что в стране уже достигнуто полное изобилие продуктов, плодами которого население не может воспользоваться лишь по вине "вредительской организации", стремившейся "то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным, держать рынок и потребности населения в напряжённом состоянии". "В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, - утверждал Вышинский, - не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке... Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти"³.

Об изменении под влиянием процесса массовых настроений много писалось в комментариях советской печати к процессу. Так, "Известия" опубликовали резолюцию колхозного митинга, в которой говорилось: "Теперь известно, почему у нас падали кони и рогатый скот"⁴.

Помимо внутривнутриполитических целей, процесс преследовал далеко идущие цели внешнеполитического характера.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 270.

² Процесс право-троцкистского блока. С. 296-298.

³ Там же. С. 595.

⁴ Известия. 1938. 9 марта.

XIV

Внешнеполитические цели московских процессов

Начиная с 1933 года, международное положение Советского Союза стало быстро укрепляться. В западной печати часто появлялись суждения типа: "Кремль держит в своих руках судьбы Европы", "Сталин сделался международным арбитром". Такого рода оценки исходили из констатации двух объективных факторов: обострения антагонизмов между крупнейшими капиталистическими державами и усиления индустриальной и военной мощи СССР.

В этих условиях московские процессы призваны были служить не только обману советского и зарубежного общественного мнения. Они выполняли важные внешнеполитические функции, сигнализируя о том, кого на данном этапе Кремль рассматривает в качестве союзников, а кого - в качестве врагов. В лихорадочной обстановке 30-х годов, когда правительство любой капиталистической державы опасалось оказаться перед лицом военного союза СССР с другими государствами, "признания" подсудимых об их шпионских связях призваны были свидетельствовать об изменениях во внешнеполитических ориентациях советского правительства. А поскольку дипломатические комбинации в эти годы непрерывно менялись, менялось и содержание обвинений, особенно в части, касавшейся пораженческой и шпионской деятельности сверхзаговорщика Троцкого. Правительства капиталистических стран не спешили с опровержениями этих обвинений. Это объяснялось прежде всего тем, что они рассматривали Троцкого в качестве более опасного противника, чем Сталин, поскольку законно видели в нём будущего вождя международной революции, возможность которой на всём протяжении 30-х годов стояла на повестке дня. Даже в августе 1939 года, в момент разрыва дипломатических отношений между Германией и Францией, французский посол Кулондр заявил Гитлеру, что в случае новой мировой войны "действительным победителем" может оказаться Троцкий, на что Гитлер ответил: "Я (это) знаю"¹.

После первых выступлений Троцкого за рубежом советская печать называла его не иначе, как "мистер Троцкий". 8 марта 1929 года в "Правде" была помещена пространная статья, в которой утверждалось, что Троцкий своими статьями оказывает услугу Черчиллю и Уолл-Стриту.

В период обострения отношений с Польшей "Правда" напечатала фальшивый документ, призванный убедить читателей в том, что Троцкий является союзником польского диктатора Пилсудского². Спустя два года советские правящие круги стали вынашивать планы установления советско-польского союза. В 1933 году по поручению Сталина Радек направился в Польшу, где был торжественно принят Пилсудским и выступил с заявлением о наступлении дружеских отношений между Советским Союзом и Польшей как "двумя стра-

¹ Цит. по: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 158.

² Правда. 1931. 2 июля.

нами, вышедшими из революции". После этого упоминания о сотрудничестве Троцкого с Пилсудским исчезли со страниц советской печати.

До 1933 года Германия числилась в друзьях Советского Союза, а главным врагом СССР считалась Франция. Поэтому на процессах по делу "Промпартии" (1930 г.) и "Союзного бюро меньшевиков" (1931 г.) подсудимые обвинялись в сговоре с французским правительством как центром враждебных интриг против Советского Союза. Когда в июле 1933 года Троцкий прибыл во Францию, "Юманите" немедленно объявила: "Из Франции, этого антисоветского очага, Троцкий будет атаковать СССР - здесь стратегический пункт, и вот почему сюда прибывает господин Троцкий".

После прихода Гитлера к власти Сталин стремился к сохранению дружественных отношений с Германией. Выражением этих намерений явилась зондажная статья в "Известиях", где утверждалось, что СССР - единственная страна в мире, не испытывающая вражды к Германии, "независимо от формы и состава правительства Рейха"¹. Поэтому в советской и коминтерновской прессе Троцкого по-прежнему не обвиняли в сговоре с германскими правящими кругами, а продолжали называть агентом Антанты.

Вплоть до московских процессов такого рода обвинения подразумевали лишь то, что Троцкий своими литературными выступлениями "льёт воду на мельницу" враждебных СССР государств. В сговоре с такими государствами в начале 30-х годов обвинялись лишь беспартийные специалисты и бывшие меньшевики.

Об изменнической и пораженческой деятельности Троцкого и троцкистов в пользу капиталистических государств речь пошла только с 1936 года, причём с каждым процессом круг этих государств расширялся, а шпионские контакты Троцкого и троцкистов опрокидывались всё дальше в прошлое.

Ко времени второго процесса Зиновьева-Каменева (август 1936 года) стало очевидным, что планы Сталина улучшить отношения с третьим рейхом наталкиваются на сопротивление со стороны Гитлера. Поэтому подсудимые этого процесса обвинялись в сотрудничестве с нацистами ради подготовки убийства Сталина и других кремлёвских вождей. Эта не отличающаяся богатством воображения схема была перестроена и усложнена на процессе Радека-Пятакова. Здесь говорилось о прямом сговоре Троцкого с правительствами Германии и Японии, направленном на подготовку поражения СССР в будущей войне с этими державами. "Эта постановка обвинения, - писал Троцкий, - не случайно совпала с моментом расцвета политики Народного фронта. На знамени советской дипломатии и тем самым Коминтерна было написано создание военного блока демократий против союза фашистских стран... В своих международных интригах подсудимые тщательно сообразовывались с видами и расчётами советской дипломатии. Они могли покушаться на жизнь Сталина, но не на политику Литвинова"².

Подготовка третьего процесса совпала с укреплением международных позиций Германии и увяданием надежд на Народные фронты и военный союз

¹ Известия. 1933. 4 марта.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 5.

СССР с Великобританией. Замена английского министра иностранных дел Идена прогитлеровски настроенным лордом Галифаксом была симптомом сближения Англии с Германией. В силу этого в Москве возникли новые дипломатические идеи, повлиявшие на содержание "признаний" подсудимых. Прежняя схема, согласно которой троцкисты служили исключительно германо-японскому блоку, была отброшена. Подсудимые были объявлены агентами целого синклита капиталистических государств: Германии, Японии, Польши и Англии.

На процессе "право-троцкистского блока" обвинение не делало различий между веймарским и нацистским режимами. Связь троцкистов с Германией утратила чисто фашистскую окраску, поскольку, согласно показаниям Крестинского, она началась ещё в 1921 году. Получалось, что троцкисты после захвата власти Гитлером автоматически перешли на службу к фашистам. Чтобы частично исправить этот нонсенс, Бессонов заявил, что оппозиционные группы в Советском Союзе ещё в 1931 году вступили в сговор с определёнными кругами национал-социалистической партии, а с 1933 года пытались воспрепятствовать нормализации германо-советских отношений, дабы доказать немецким промышленным и военным кругам, что хорошие отношения между Германией и СССР при сталинском руководстве невозможны. В 1936 году, согласно показаниям того же Бессонова, Троцкий и его сторонники стремились подтолкнуть правящие круги Германии к ускорению войны¹.

Завязывание заговорщических связей Троцкого с Англией датировалось 1926 годом, хотя на предыдущем процессе Радек, являвшийся, по словам Вышинского, троцкистским министром иностранных дел, в своих пространных показаниях ни словом не упомянул об этих связях. Объясняя данный парадокс, Троцкий писал, что Москва, признававшая в начале 1937 года Англию миролюбивым и демократическим государством, после отставки Идена вновь причислила её к агрессивным империалистическим державам. "Литвинов решил показать Лондону зубы. Подсудимые немедленно принимают это к сведению... Показание Раковского, превращающее его и меня в агентов Интеллидженс Сервис, есть на самом деле дипломатическое предостережение по адресу Чемберлена (премьер-министра Великобритании - В. Р.)!"

Аналогичный смысл имело включение Польши в разряд стран, сотрудничающих с троцкистами. После поворота британской политики в сторону Германии более отчётливо обозначилась и прогерманская ориентация Польши. Поэтому Москва решила "показать Варшаве, что не делает себе никаких иллюзий насчёт её нейтралитета и что в будущей войне Польша должна быть готова стать ареной столкновения между СССР и Германией. Устами подсудимых Литвинов угрожает полковнику Беку (тогдашнему министру иностранных дел польского государства - В. Р.)".

К 1938 году от концепции "блока демократий" как противовеса фашистско-милитаристской "оси" уцелели только США и Франция. Поэтому эти страны не были названы в ряду государств, чьи правительства конспирировали с троцкистами. Особенно красноречивым по своей абсурдности Троцкий считал

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 59-60, 63.

умолчание о Франции. Троцкисты, завязывавшие связи с врагами СССР с 1921 года, "совершенно обошли Францию, как бы забыли об её существовании. Нет, они ничего не забыли; они просто предвидели будущий франко-русский пакт и остерегались создать Литвинову затруднения в 1938 году". Правда, Раковский говорил на процессе о своих шпионских контактах с французскими промышленниками и журналистами. Но все названные им лица относились к числу противников Народного фронта, стоявшего у власти во Франции. "Подсудимые, во всяком случае, оставались верны себе: даже в самых своих "предательских" сделках с иностранными государствами они тщательно оберегали дипломатические планы Кремля".

Подводя итог несоответствиям признаний об "изменах" на трёх московских процессах, Троцкий делал вывод, что "изменнические действия подсудимых представляют собою только негативное дополнение к международным комбинациям правительства". По мере изменения дипломатических расчётов Кремля, менялось и содержание "измен" троцкистов. При этом "сегодняшние комбинации и интересы получали силу полностью перестраивать события за последние 20 лет". В особенности это ретроспективное приспособление к изменениям в международной обстановке сказалось на версиях об изменнических действиях самого Троцкого. "В 1937 г. моя старая дружба с Винстоном Черчиллем, Пилсудским и Даладье оказалась забыта, - писал Троцкий. - Я стал союзником Рудольфа Гесса и кузеном Микадо. Для обвинительного акта 1938 года моё старое звание агента Франции и Соединенных Штатов оказалось совершенно неуместным; зато забытая дружба с британским империализмом получила исключительную актуальность... Таким образом, даже в своих "изменах" я продолжаю выполнять патриотическую функцию"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 6-7.

XV

Генеральный прокурор

В непосредственном проведении московских процессов ключевая роль принадлежала Вышинскому, что само по себе служило оскорблением для подсудимых. Вышинский был правым меньшевиком, занимавшим высокий пост при Временном правительстве. После Октябрьской революции он долго выжидал и лишь в 1920 году, когда заканчивалась гражданская война, подал заявление о вступлении в правящую партию.

Пока старая ленинская гвардия сохраняла в партии ведущую роль, Вышинский был обречён на то, чтобы находиться на второстепенных постах и ожидать исключения из партии во время партийных чисток. Исключённый в ходе генеральной чистки 1921 года, он был восстановлен в партии спустя год. В 1924 году комиссия по чистке непроизводственных ячеек вновь отобрала у него партбилет, который был возвращён ему лишь в результате вмешательства председателя партколлегии ЦКК Солца, в кабинете которого Вышинский устроил истерику¹.

С 1923 года Вышинский работал прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР. Его коллегами в этом учреждении были Крыленко, Карклин, Галкин и другие старые большевики, которые "революцию и советскую власть не считали источником каких-то благ для себя, не искали высоких постов и личных выгод. Они бедно одевались, хотя могли иметь любую одежду, какую только пожелают, и ограничивались скудным питанием, в то время, как многие из них нуждались в специальной диете, чтобы поправить здоровье, пошатнувшееся в царских тюрьмах"². Все они презирали Вышинского, считая его гнусным карьеристом.

По мере преследования и разгрома внутривластных оппозиций Вышинский, как и некоторые другие бывшие меньшевики (например, Майский и Трояновский), продвигался на всё более высокие посты. С 1925 по 1931 год он занимал должности ректора МГУ и заведующего главным управлением по профессиональному образованию Наркомпроса РСФСР. Затем он вернулся на юридическую работу, совершив за несколько лет восхождение от прокурора РСФСР до генерального прокурора СССР.

Параллельно с практической работой Вышинский выступал как теоретик уголовного-процессуального права. Едва ли верно широко распространённое мнение, будто он публично отстаивал положение о признании подсудимых как "царице доказательств". В вышедшей под его редакцией в 1936 году книге М. С. Строговича "Уголовный процесс" говорилось: "При системе формальных доказательств сознание обвиняемого в преступлении считалось "лучшим доказательством мира", "царицей доказательств". Сейчас вера в абсолютную правильность сознания обвиняемого в значительной мере разрушена: обвиня-

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 300.

² Там же. С. 297.

емый может сознаваться ложно... Поэтому сознание обвиняемого, как всякое иное доказательство, подлежит проверке и оценке по всей совокупности всех обстоятельств дела... Ни в какой мере не соответствует принципам советского уголовного процесса переоценка доказательственного значения признаний обвиняемого, ставка на них как на основное и важнейшее доказательство: такого значения показания обвиняемого в советском процессе не имеют и иметь не могут¹. Эта точка зрения нашла отражение и в статьях Большой Советской Энциклопедии. Так, в статье С. Прушицкого "Доказательство" утверждалось: "Признание рассматривается в буржуазных странах как доказательство и притом как наиболее совершенное доказательство, как "царица всех доказательств". Для получения этого признания уголовная полиция и прибегает к различным способам, из которых наиболее надёжным в средние века, особенно в практике инквизиции и религиозных судов... считалась пытка². Эти положения в более сжатом виде повторялись в статье "Признание", опубликованной в 1940 году, когда Вышинский был ответственным редактором отдела государства и права Большой Советской Энциклопедии³.

В обвинительных речах на московских процессах Вышинский внёс ряд существенных "корректив" в юридическую теорию. Так, в речи на процессе "право-троцкистского блока" он отверг общепринятую среди учёных-криминалистов точку зрения, согласно которой доказательством соучастия в преступлении служит общее согласие и умысел каждого из преступников. Он заявил, что эта точка зрения "не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения". На этом основании Вышинский требовал осуждения членов вымышленных "центров" и "блоков" и за такие преступления, о которых они даже согласно материалам суда ничего не знали.

Московские процессы стали звёздным часом в жизни Вышинского. Предоставленную ему роль государственного обвинителя он выполнял с садистским удовлетворением, заменяя юридические формулировки потоком околтелой брани, состоявшей из таких выражений, как "проклятая гадина", "вонючая падаль", "целные псы империализма", "жалкие подонки", "звери в человеческом облике", "зловонная куча человеческих отбросов" и т. п. "Вышинский разговаривал с подсудимыми, - писал Троцкий, - не на языке юриста, а на условном жаргоне соучастника, заговорщика, мастера подлога, на воровском жаргоне"⁴. Характеризуя стиль поведения и субъективные мотивы Вышинского на процессах, Троцкий замечал, что "всякий средний журналист способен заранее написать текст завтрашней обвинительной речи Вышинского, может быть, лишь с меньшим количеством площадных ругательств. Вышинский сочетает с политическим процессом свой личный процесс. В годы революции он был в лагере белых. Переменив после окончательной победы большевиков ориентацию, он долго чувствовал себя униженным и подозреваемым. Теперь он берёт

¹ Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1936. С. 44.

² Большая Советская Энциклопедия. Т. 23. М., 1931. Стб. 31.

³ Там же. Т. 47. М., 1940. Стб. 13.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 54-55. С. 4.

реванш. Он может глумиться над Бухариным, Рыковым, Раковским, имена которых он в течение ряда лет произносил с преувеличенной почтительностью"¹.

Вышинский понимал, что подсудимые испытывают особое унижение от того, что их обвиняет в измене революции человек, находившийся в её решающие годы во враждебном стане. Зная, что никто из них не посмеет напомнить о его собственном прошлом, он проявлял неистощимую изобретательность в издевательствах над своими жертвами. "Он обрушивался на беззащитных сталинских узников с таким искренним удовольствием, - писал Орлов, - не только потому, что Сталину требовалось свести с ними счёты, но и потому, что он сам был рад возможности посчитаться со старыми большевиками... Зная, что перед ним на скамье подсудимых - невинные жертвы сталинского режима, что в ближайшие часы их ждёт расстрел в подвалах НКВД, он, казалось, испытывал искреннее наслаждение, когда топтал остатки их человеческого достоинства, черня всё, что в их биографиях казалось ему наиболее ярким и возвышенным"².

Чем известней была личность подсудимого и значительней - его революционные заслуги, тем чаще Вышинский напоминал, что видит в нём лишь "контрреволюционного бандита". На процессе "право-троцкистского блока" он заявил Раковскому, которого даже антикоммунист Конквест называет "легендарной личностью": "Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускали целый ряд таких выражений, как будто вы забываете, что речь идёт о вас, как о члене контрреволюционной, бандитской, шпионской, диверсионной организации изменников. Я считаю себя обязанным... просить вас держаться ближе к существу совершённых вами изменнических преступлений, говорить без филозофии и тому подобных вещей, которые здесь совершенно не к месту"³.

Согласно свидетельству Орлова, руководители НКВД не имели права сообщать Вышинскому об инквизиторских приёмах, применяемых к подсудимым. Они раскрывали ему лишь некоторые свои карты, указывая на опасные места, которые требовалось обойти на судебных заседаниях. Сценарий будущего процесса, "преступления", в которых подсудимые должны были сознаться, - всё это сочинялось без участия Вышинского. Его допускали к допросам на предварительном следствии лишь тогда, когда обвиняемый уже дал признательные показания. Поэтому "Вышинский сам ломал себе голову, пытаясь догадаться, какими чрезвычайными средствами НКВД удалось сокрушить, парализовать волю выдающихся ленинцев и заставить их оговаривать себя. Одно было ясно Вышинскому: подсудимые невиновны. Как опытный прокурор, он видел, что их признания не подтверждены никакими объективными доказательствами вины... От Вышинского не только не зависела судьба подсудимых, - он не знал даже, какой приговор заранее заготовлен для каждого из них"⁴. Он твёрдо знал лишь то, что малейшая осечка на процессе роковым образом скажется на его собственной участи.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 3.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 295-296.

³ Процесс право-троцкистского блока. С. 269.

⁴ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 294.

С судьбой Вышинского трагически переплелась судьба Сольца, которого называли "совестью партии". Сольц на протяжении многих лет возглавлял высший партийный суд - партколлегию ЦКК. Хотя на этом посту он не мог не принимать участия в исключении из партии троцкистов, ему, по свидетельству Орлова, "только в последние годы жизни пришлось под влиянием всеобъемлющего террора повторить сталинскую клевету насчёт Троцкого"¹.

В 1937 году Сольц, занимавший пост помощника прокурора СССР по судбно-бытовому сектору, пытался получить доступ к следственным делам некоторых старых большевиков. Зная Вышинского ещё по учёбе на юридическом факультете, Сольц потребовал от него показать материалы дела своего соратника по большевистскому подполью и нарымской ссылке Трифонова. В ответ на выраженное Сольцем сомнение в виновности Трифонова Вышинский произнёс обычную в те годы фразу: "Если органы взяли, значит, враг". На это Сольц закричал: "Врешь! Я знаю Трифонова тридцать лет как настоящего большевика, а тебя знаю как меньшевика".

Осенью 1937 года Сольц выступил на собрании Свердловского районного партактива с требованием создать комиссию для расследования деятельности Вышинского. После этих слов часть зала замерла от ужаса, но большинство стало кричать: "Долой! Вон с трибуны! Волк в овечьей шкуре!" Сольц пытался продолжать речь, но его стащили с трибуны².

В феврале 1938 года Сольц был уволен из прокуратуры. Он пытался добиться приёма у Сталина, с которым во время работы в подполье ему пришлось спать на одной койке. Когда Сталин отказался принять его, Сольц объявил голодовку. После этого его поместили на два месяца в психиатрическую больницу. Но и оттуда он вышел не окончательно сломленным. В сентябре 1939 года он послал письмо Ульриху, с которым в своё время работал в комиссии ЦИК по амнистиям. В этом письме он сообщал: "21 апреля 1939 года была осуждена коллегией Верховного суда моя племянница Анна Григорьевна Зеленская, разошедшаяся с Зеленским лет 10 назад и проживавшая... у меня на квартире, из которой она была взята в недобрые дни, когда дела сочинялись и обвинения составлялись под руководством Вышинского".

Отмечая, что за последнее время в "Правде" стали часто появляться сообщения о клеветниках, по доносам которых были осуждены многие невинные люди, Сольц писал: "Я полагаю, что вина клеветников не столь велика, если суд таков, что так охотно прислушивается к оговорам и по ним судит. Отвечать крепче гораздо должны несправедные судьи и прокуроры, которые допускают такие приговоры".

С нескрываемым сарказмом и возмущением Сольц упоминал о том, что "недавно разразилась статья в "Правде" председатель Верховного суда СССР Голяков. В ней он разъясняет, что суд должен быть правильный и права подсудимого ограждены. На деле, признает он, это во многих случаях не соблюдается, чему он приводит много примеров. Их, к сожалению, гораздо больше,

¹ Там же. С. 300.

² Трифонов Ю. Собр. соч. Т. 4. М., 1987. С. 23-24.

их многие тысячи, и поздно немного обращается Голяков с призывом улучшить работу суда".

В заключение Сольц обращался к Ульриху со следующими требованиями: "Надо более решительными мерами воздействовать на господ судей... Я прошу вас затребовать дело (Зеленской) и сказать своё слово. Если вы этого не сделаете, то по существу за это несправое дело будете нести ответственность и Вы"¹.

Во время войны Сольц в составе группы старых большевиков был эвакуирован в Ташкент. Там он находился в состоянии глубокой депрессии. Встречавший его в эвакуации Ю. Трифонов вспоминал, что Сольц "непрерывно писал на длинных листах бумаги какие-то бесконечные ряды цифр. Не знаю, что это было. Возможно, он писал старым подпольным шифром нечто важное"². Умер Сольц за несколько дней до конца войны. Ни одна газета не поместила о нём некролога.

Что же касается Вышинского, то он был щедро вознагражден Сталиным. В 1939 году он был избран членом ЦК ВКП(б), академиком и назначен на пост заместителя председателя Совнаркома. В дальнейшем он работал первым заместителем министра, а затем министром иностранных дел - до 1953 года, когда этот пост был возвращён Молотову. Умер Вышинский почти через два года после смерти Сталина, находясь на посту постоянного представителя СССР в ООН.

Политический портрет Вышинского будет не полон, если не сказать, что из репрессий он извлекал не только карьерные, но и корыстные, имущественные выгоды. Так, после ареста Серебрякова, одного из главных обвиняемых в втором московском процессе, Вышинский приобрёл его кооперативную дачу. Получив кооперативный пай Серебрякова, Вышинский перевел дачу на баланс хозяйственного управления Совнаркома и построил рядом с ней ещё одну дачу, обошедшуюся государственной казне в 600 тыс. рублей. После того, как в 1945 году распоряжением Совнаркома за подписью Сталина были подарены новые дачи "особо отличившимся в войне", в том числе Вышинскому, он сдал свою прежнюю дачу в аренду, получив тем самым постоянный источник нетрудового обогащения³.

¹ Реабилитирован посмертно. М., 1988. С. 187.

² Трифонов Ю. Собр. соч. Т. 4. С. 24.

³ Ваксберг А. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 100-105.

XVI

Приговор

Фальсификаторской работе Вышинского посильную помощь оказывало множество лиц, использованных для идеологического обоснования процесса.

Показательны в этом отношении воспоминания Е. А. Гнедина, в обязанности которого входило цензурирование сообщений присутствовавших на процессе иностранных журналистов. Когда после первых заседаний суда он обнаружил, что зарубежные корреспонденты отмечают явные несуразности в показаниях Бессонова, то поспешил рассказать об этом Вышинскому, который ответил "чисто деловым образом": "Хорошо, я переговорю с Сергеем Алексеевичем".

Сам Гнедин ощущал непрочность своего положения, потому что он работал первым секретарём посольства СССР в Берлине в 1935-1937 годах, когда Бессонов занимал там должность советника. Бессонов упомянул на процессе о "нелегальной связи" Гнедина с Бухариным и Радеком, хотя добавил, что "Гнедин был робок и ни в чём не участвовал"¹. Эти слова не вошли в стенограмму процесса, а Гнедин был арестован лишь спустя год, в связи с попыткой фабрики "дела Литвинова".

Освещение процесса на страницах советской печати было поручено целой когорте журналистов и литераторов. Писатель Авдеенко, работавший в то время в "Правде", вспоминал, что после его обращения к Кольцову с просьбой получить пропуск на процесс, Кольцов посмотрел на него "с какой-то странной тревогой" и доверительно сказал:

- Зря ты туда рвешься. Не ходи!.. Там такое творится -уму непостижимо. Все говорят одно: Военная коллегия, государственный обвинитель, защита, свидетели и сами подсудимые. Странный процесс. Очень странный. Я сбежал оттуда. Не могу прийти в себя от того, что увидел и услышал.

Авдеенко рассказывал, что эти слова Кольцова он слушал "удивлённо, с нарастающим возмущением, хотя всегда доверял ему всей душой"². Впрочем, на следующий день в "Правде" появилась статья "сбежавшего" с процесса Кольцова под названием "Свора кровавых собак"³.

Брат Кольцова Борис Ефимов свои отклики на процесс публиковал в форме карикатур. На одной из них была изображена двухголовая тварь (одна голова с лицом Троцкого, другая - с лицом Бухарина) со звериными лапами и шерстью, ведомая на поводке рукой со свастикой⁴.

После процесса на всех экранах страны демонстрировался фильм "Приговор суда - приговор народа", в котором была запечатлена обвинительная речь Вышинского. В ней Вышинский превзошёл самого себя, доказывая, что вскрытый на процессе заговор был намного более грандиозным, чем те, о ко-

¹ Гнедин Е. Выход из лабиринта. М., 1994. С. 36-37.

² Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. С. 189-190.

³ Правда. 1938. 3 марта.

⁴ Правда. 1938. 6 марта.

торых шла речь на предыдущих процессах, поскольку он объединил многочисленные подпольные группы троцкистов, правых и националистов из всех республик. Обрушивая на подсудимых потоки самой грязной брани, Вышинский называл их "бандой уголовных преступников,.. которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных"¹.

В последнем слове большинство подсудимых квалифицировали свои преступления почти в тех же выражениях, которые употреблял Вышинский. Рыков подчёркивал, что он "выдал и разоблачил" всех своих бывших единомышленников, "кто сохранился на моей памяти". Он заявлял, что хочет использовать своё последнее слово для того, чтобы "по мере сил повлиять на тех моих бывших сторонников, которые, может быть, до настоящего времени не арестованы и не разоружились и о которых я не знал или запомнил... Мне бы хотелось, чтобы... они все поняли, что разоружение, даже с риском каких-нибудь лишений или даже арестов, одно только даёт какое-то облегчение"². Иванов упрекал Бухарина в том, что тот "не договаривает здесь всей правды,.. потому, что он хочет сохранить те остатки враждебных сил, которые ещё прячутся в своих норах"³. Тем самым подсудимые недвусмысленно давали понять, что террор не ослабнет после данного процесса.

Розенгольц говорил, что ему хочется в своём "последнем обращении к людям... вспомнить то, что было хорошего в моей жизни, безусловно хорошего", и в этой связи рассказывал о "той огромной поддержке, которую всегда в гражданской войне оказывал мне Сталин". Заявив, что "мы имеем такой подъём в Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире", он в подтверждение этого запел песню "Широка страна моя родная"⁴.

Раковский говорил о своей личной дружбе с Троцким, продолжавшейся 34 года, и пожаловался суду лишь на то, что требование прокурора о лишении его свободы на 25 лет не сообразовано с "физиологическими пределами обвиняемого, который находится перед вами"⁵.

Суд сохранил жизнь только трём подсудимым, причём двум из них (Раковскому и Плетнёву) были назначены такие сроки заключения, чтобы они могли выйти из тюрьмы, когда им наступит 90 лет. Эти трое подсудимых были расстреляны в октябре 1941 года в Орловской тюрьме, вместе с большой группой других политзаключённых, уничтоженных в преддверии захвата гитлеровцами Орла. За полгода до этого Раковский говорил сотруднику НКВД Аронсону: "Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех "тайн мадридского двора" - советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как

¹ Процесс право-троцкистского блока. С. 551.

² Там же. С. 654.

³ Там же. С. 642.

⁴ Там же. С. 674-676.

⁵ Там же. С. 671, 674.

у нас "стряпают" дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я умру, пусть я труп, но помните... когда-нибудь и трупы заговорят"¹.

Раковский не знал, что "трупы" "заговорили" уже в дни самого процесса - устами Троцкого и зарубежных левых общественных деятелей, не оставивших камня на камне от конструкции московского суда. За рубежом вокруг процесса поднялась острая политическая борьба, в которой голос вольных и невольных подголосков Сталина перекрывался голосами честных политиков и публицистов.

¹ Реабилитация. С. 240.

XVII

Международный резонанс процесса

Сталин озаботился тем, чтобы в кратчайший срок проинформировать о процессе зарубежную общественность. Издание английского текста стенографического отчёта было осуществлено такими телеграфными темпами, что через день после окончания процесса эта книга была выпущена в свет. Одновременно на иностранных языках было издано много пропагандистских книг о процессе, в том числе брошюра "Заговор против Советского Союза и международного мира", автором которой был Пономарёв, будущий академик и секретарь ЦК КПСС¹.

Конечно, такого рода книги не были рассчитаны на глав правительств, генеральных штабов и секретных служб фашистских государств, которые лучше, чем кто-либо другой, знали: обвинения "троцкистов" и советских генералов в государственной измене и сговоре с германскими и японскими милитаристскими кругами являются чистейшим вымыслом. Что же касается многих недалёковидных политиков буржуазно-демократических государств, то они пришли к такому выводу лишь после второй мировой войны, когда публикация секретных архивов Германии и Японии не оставила камня на камне от фальшивых версий о переговорах Троцкого и троцкистов с фашистскими державами.

Буржуазная печать в своих оценках великой чистки отвечала двояким образом на вопрос, укрепил или ослабил этой чисткой Сталин своё господство. С одной стороны, бросавшиеся в глаза подлоги московских процессов подталкивали к выводу о том, что сама необходимость прибегать к судебным фальсификациям свидетельствует о слабости сталинского режима. С другой стороны, многие аккредитованные в Москве иностранные журналисты помогли Сталину обманывать общественное мнение Запада, заявляя, что в результате расправы с оппозицией и строптивыми генералами сталинское руководство стало более сильным и могущественным, чем когда бы то ни было.

На процессе присутствовало немало иностранных наблюдателей, в том числе представителей зарубежных коммунистических партий, которые, возвратившись на родину, убеждали общественность своих стран в юридической безупречности процесса. Аналогичную функцию выполнял английский лейборист Притт, доверие к свидетельствам которого прибавляло то обстоятельство, что недавно он председательствовал на контрпроцессе по делу о поджоге рейхстага, организованном в Лондоне немецким коммунистом Мюнценбергом. "Первое, что произвело большое впечатление на меня как английского юриста, - писал Притт, - было свободное и непринужденное поведение заключённых. Все они хорошо выглядели... Судебный приговор и прокурор Совет-

¹ Ponomarev B. N. The Plot against the Soviet Union and World Peace. M., 1938 (брошюра была издана также на немецком, французском и испанском языках).

ского Союза снискали себе добрую славу в крупных державах современного мира".

На удочку организаторов процесса попался и посол США в СССР Дэвис, который в дни суда писал своей дочери: "Процесс показал все элементарные слабости и пороки человеческой природы - личное тщеславие самого худшего образца. Стали явными нити заговора, который чуть было не привёл к свержению существующего правительства"¹. Дэвис не ограничился изложением впечатлений о процессе своим близким. Он направлял подробные отчёты государственному секретарю США Хэллу, а во время поездки в Англию поделился своими соображениями с Черчиллем, после чего последний заявил, что Дэвис "открыл ему совершенно новый взгляд на обстановку". О своих московских впечатлениях Дэвис написал книгу, по которой в США был снят фильм "Миссия в Москву", в значительной части посвящённый московским процессам.

В отличие от Дэвиса и Пригга, большинство людей на Западе, знавших положение в СССР и личности главных подсудимых, испытали сильный шок. Швейцарский писатель Петер Вайс, автор пьесы "Изгнание Троцкого", в книге "Эстетика сопротивления" вспоминал, что многие бойцы Интернациональных бригад в Испании воспринимали московские процессы как фантазмагорию и мучительно размышляли над причинами признаний обвиняемых. Не веря в эти признания, они пытались отыскать в них потайной смысл. "Если Бухарин признает, что выступал с критическими клеветническими речами против партийного руководства, - говорили некоторые из них, - то он хочет привлечь внимание к альтернативе, которую он представляет, тем самым, он противопоставляет большевизм нынешней партийной структуре"².

Ромен Роллан, направлявший безрезультатные письма Сталину об освобождении арестованных, в дни процесса писал французскому писателю-коммунисту Ж. Р. Блоку: "Московский процесс для меня - терзание... Резонанс этого события во всём мире, и особенно во Франции и в Америке, будет катастрофическим. Не думают ли лучшие друзья СССР, что надо было бы самым быстрым способом отправить советским властям письмо (закрытое, не предназначенное для печати), закликающее их подумать о том, какие плачевные последствия для Народного фронта, для сотрудничества коммунистической и социалистической партий, для совместной защиты Испании будет иметь решение, приговаривающее осуждённых к смертной казни? Именно в данный момент, когда ФКП делает всё возможное, чтобы установить объединённый фронт трудящихся разных идейных тенденций, все усилия рискуют быть перечёркнутыми вследствие того морального отзвука, который получит такой приговор. А ведь, наверное, возможно (и было бы нужно) заменить его ссылкой, которая обезвредит осуждённых без того, чтобы возбуждать общественное мнение, - оно и так глубоко смущено"³.

Процесс вызвал волну протестов во всём мире. С опровержениями выступили все находившиеся за рубежом лица, упомянутые на процессе в качестве

¹ Цит. по Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М., 1995. С. 246-247.

² Литературная газета. 1988. 14 сентября.

³ Цит. по: Иностранная литература. 1988. № 4. С. 166.

"сообщников" подсудимых: меньшевики Дан и Николаевский, эсер Вишняк, левые политические деятели Франции Росмер, Паз, Раппопорт, Суварин, французский промышленник Николь и др.

Особенно много заявлений было сделано в защиту Раковского, которого хорошо знали и высоко ценили социалисты и дипломаты разных стран. Признания Раковского были дезавуированы названными им на процессе лицами. Французский журналист Бюрэ заявил, что во время его пребывания в Москве ему не дали встретиться с Раковским, несмотря на предварительное обещание властей об организации такой встречи. Известная английская филантропка Пейджет сообщила, что в 1934 году встречалась с Раковским в СССР и Японии, но их разговоры касались только вопросов, связанных с деятельностью Международного Красного Креста¹.

Ещё накануне суда руководители II Интернационала и Международной федерации социалистических профсоюзов направили в Москву телеграмму, в которой говорилось: "Мы снова считаем своим долгом обратить внимание советского правительства на тот вред, который наносят делу рабочих всего мира эти процессы и казни. Мы не хотим высказывать сейчас своего мнения об основательности или неосновательности обвинений, какими бы фантастическими они ни казались. Но мы не можем смотреть без тревоги на поведение официальной советской печати, осуждающей всех подсудимых без различия ещё до того, как представлены какие бы то ни было доказательства их вины. Такое поведение представляется нам совершенно противоречащим элементарным принципам правосудия и способным создать атмосферу, вредную для беспристрастного ведения процесса"².

В отклике на процесс секретарь Социалистического Интернационала Ф. Адлер обращал внимание на вопиющее противоречие, которое вытекало из действий московских фальсификаторов: "С одной стороны, подсудимых обвиняют на московских процессах в самых отвратительных преступлениях, изображают их прямо-таки какими-то выродками человечества; а с другой стороны, тех же подсудимых выставляют перед всем миром как неких столпов и свидетелей истины не только тогда, когда они обвиняют самих себя, но и тогда, когда они выполняют обязанности клеветников по назначению против других". Адлер приходил к выводу о том, что "никогда ещё нашему идеалу не грозила такая великая опасность, как сейчас, когда фашистские преступники переходят в наступление и, к сожалению, имеют возможность так широко использовать в своих целях те гнусности, которые совершает утвердившаяся в Москве диктатура одержимых"³.

Лидер бельгийских социалистов Вандервельде подчёркивал, что "рабочие массы в Западной Европе не могут не прийти в волнение, когда они видят, что большинство ветеранов Октябрьской революции посылаются на эшафот"⁴.

¹ Чернявский Г. И., Станчев М. Г. В борьбе против самовластия. Харьков, 1993. С. 304-305.

² Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 9.

³ Там же. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 11.

Болью и отчаянием была проникнута передовая статья органа французской социалистической партии "Попюлэр", написанная Леоном Блюмом. В ней обращалось внимание на то, что московский процесс наносит удар Народному фронту, даёт пищу кампании французской реакции, направленной против франко-советского пакта, и создает в Англии и США течение общественного мнения, враждебное сближению этих стран с СССР. "Люди, имена которых ещё несколько месяцев тому назад фигурировали среди самых крупных в советской истории, - писал Блюм, - сознались в совершении деяний, с реальностью которых не мирится наш разум и совершение которых, как и в предыдущих процессах, было попросту материально невозможно, более того, лживость которых - я имею право добавить это, - морально доказана для нас... Таковы чувства, которые я не могу подавить в себе. Я хорошо знаю, что завтра их будут эксплуатировать общие враги и Советов, и социализма. Но это не моя вина. Зачем же заставляют нас делать выбор между словом, которое становится опасностью, и молчанием, которое было бы позором?"¹.

"Попюлэр" указывал, что московский процесс поставил мировой пролетариат перед трагической альтернативой: "Если обвиняемые действительно повинны в приписываемых им преступлениях, то что же думать о строе, который систематически порождает такого рода разложение руководящих кругов государства рабочей партии? Очевидно, этот строй страдает каким-то органическим внутренним пороком и гниет на корню... Или же - обвиняемые возводят на себя небылицы, они невиновны, они честные революционеры. Что же тогда думать о правительстве, которое инсценирует фальшивые процессы, которое сажает на скамью подсудимых ни в чём не повинных людей, которое истребляет во имя диктатуры одного лица всех лучших людей революции?"².

Обобщая отклики мировой общественности, Троцкий писал: "Если во время процесса Радека-Пятакова значительная часть мировой печати колебалась и недоумевала, то во время последнего процесса единодушный вывод общественного мнения гласил: наиболее грандиозный и наиболее наглый подлог в политической истории мира!"³.

Аналогичные выводы были сделаны левым крылом русской эмиграции. В статье "Международное значение московского процесса" один из лидеров партии меньшевиков Р. Абрамович писал: "С небывалым ещё единодушием вся решительно левая, социалистическая и либеральная, печать всего мира, за исключением казённых коммунистических органов, осудила последний процесс, как сплетение лжи и клеветы, как исторический подлог, как преступление против всех законов пролетарской морали, как осквернение социалистической чести, но прежде всего - как сокрушительный удар по всему мировому социализму. Все без исключения политические группировки, кроме официальных секций Коминтерна, все социалистические и общественные организации, даже

¹ Там же. С. 10-11.

² Там же. С. 8.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 3.

те, которые до сих пор явно склонялись на сторону большевизма,.. ныне единым фронтом выступили против совершаемого Сталиным преступления"¹.

Отмечая, что на московских процессах была представлена картина адских злодеяний, якобы осуществлённых подсудимыми по указке международного капитализма и фашизма, Абрамович писал, что "имеется бесконечно более действительный, бесконечно более рафинированный и прежде всего неизмеримо более эффективный способ нанести русской революции и всей стране поистине непоправимый удар". Этот способ заключается в объявлении советской юстицией перед лицом всего мира, что большевистской партией руководили люди без принципов и убеждений и что "сама Октябрьская революция, это лучезарное солнце мировой революции, была сделана руками германских, японских или английских шпионов (Раковский, Бухарин, Троцкий и др.)". Такая публичная дискредитация русской революции, по словам Абрамовича, больше ослабляла Советский Союз на международной арене и наносила больший вред престижу СССР и делу мирового социализма, чем это могли бы сделать все действительные или вымышленные диверсанты и шпионы².

Другой меньшевистский лидер Ф. Дан называл новую судебную трагикомедию бесконечно более омерзительной, чем все предыдущие, поскольку она "слишком уж явственно носит характер простой "охоты за черепами" - за старобольшевистскими черепами, за черепами всех, кто так или иначе служил революции, которую Сталин теперь хоронит... Сталин уже не довольствуется изображением своих большевистских противников как людей, дошедших до последних пределов падения в борьбе с ним, гениальным и мудрым "вождем народов". Нет, выволакиваются старые, давно в самой советской прессе рассказанные перипетии внутрибольшевистской борьбы 1917-18 и позднейших годов, перетряхиваются эпизоды дореволюционного и военного времени, чтобы "доказать", что все сплошь вожди старого большевизма, уже расстрелянные и ещё нестрелянные, испокон веку были, если не шпионами царской охранки, то по крайней мере платными агентами контрразведок всего мира"³.

К аналогичным выводам приходил один из наиболее честных представителей центристского крыла эмиграции Г. Федотов, который писал, что "во время процесса 21-го мысль просто отказывалась понимать это политическое сумасшествие, когда государство публично, перед всем светом, само себя секло на радость врагам". Причину такого эффекта процесса Федотов видел в голловотяпстве, представлявшем, по его словам, характерную черту Сталина. "В преследовании прямой, ближайшей цели он забывает обо всём на свете. Чтобы погубить Ягоду, он не останавливается перед тем, чтобы разоблачить перед всем светом преступные тайны ГПУ... К своим историческим эпитетам вождь народов прибавил имя отравителя. И здесь Сталин взваливает на сотрудников своих свои собственные грехи"⁴.

¹ Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 9.

² Там же. С. 6-7.

³ Дан Ф. Новая бойня в Москве. У последней черты. - Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 4.

⁴ Федотов Г. П. Полное собрание статей в шести томах. Т. IV. С. 185.

Федотов подчёркивал, что "на этот раз Сталин посадил на скамью подсудимых сливки партии - правда, смешав их с чекистами и провокаторами... Бухарин, принципиальный и чистый, любимец партии, хранитель этических заветов. Раковский - вся жизнь которого задолго до России и до 1917 года прошла в революционной борьбе, которого сам Короленко удостаивал своей дружбы. Рыков, самый русский и "почвенный" из старой гвардии, заступник служилой интеллигенции, которому она в последние годы платила общим сочувствием"¹. Эти непредвзятые оценки эмигрантского публициста намного ближе к исторической истине, чем оценки нынешних российских "демократов" и "национал-патриотов", мажущих всех вождей большевизма одной чёрной краской.

Наиболее пронизательные деятели русской эмиграции уловили одно из наиболее драматических последствий московских процессов - компрометацию большевистской партии. На предыдущих процессах начало заговорщической деятельности оппозиционеров датировалось 1932 годом, когда озлобленные своим поражением троцкисты и правые в стремлении вернуться к власти якобы вступили на путь государственной измены. Теперь же нити их "предательства" были протянуты в 1926, 1921 и даже в 1918 годы, а круг самих "предателей" неизмеримо расширился. Согласно материалам процесса, во главе ВКП(б), правительства, Коминтерна, Красной Армии, ГПУ на протяжении многих лет стояли заведомые негодяи, замаскированные сторонники капитализма и фашизма, продажные наймиты буржуазных разведок, провокаторы царской охранки и т. д. Поскольку лицо политической партии определяется её лидерами и идеологами, то большевистская партия представляла некой клоакой, в которой с момента её основания барахтались люди, способные на самые низменные преступления. Московские процессы косвенно набрасывали тень и на Ленина, поскольку, согласно их "открытиям", почти все его ближайшие соратники оказались низменными уголовными преступниками.

Понижение авторитета большевизма и уничтожение его признанных руководителей вызвало глубокое удовлетворение в наиболее реакционных политических кругах. В дни процесса итальянский фашистский официоз - газета "Popolo D'Italia" писала: "Не стал ли Сталин тайным фашистом в связи с катастрофой ленинской системы?"². А сам Муссолини с удовлетворением заявлял, что "никто до сих пор не наносил идее коммунизма (пролетарской революции) таких ударов и не истреблял коммунистов с таким ожесточением, как Сталин"³.

Отдавая себе отчёт в ослаблении экономической, политической и военной мощи СССР, вызванном великой чисткой, гитлеровская клика не только инспирировала заявления германской печати об обоснованности массовых репрессий в СССР, но и через свои секретные службы подбрасывала Сталину подложные документы, призванные убедить его в измене старых большевиков и генералов.

¹ Там же. С. 180.

² Цит. по: Чернявский Г. И., Станчев М. Г. В борьбе против самовластия. С. 286.

³ Цит. по: Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 7.

Обобщая широкий спектр суждений мировой печати о событиях, происходящих в СССР, Троцкий писал: "Может ли быть что-либо более постыдное, чем то безразличие, какое бюрократия проявляет по отношению к международному престижу страны? ...Из организованных им процессов московское правительство выходит вконец обесчещенным. Враги, как и возможные союзники, оценивают его силу и авторитет несравненно ниже, чем до последней чистки"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 1-2.

XVIII

Троцкий о московских процессах

За время третьего московского процесса Троцкий написал около двух десятков статей и заметок для мировой печати. Описывая своё психологическое состояние во время получения очередных сообщений из Москвы, он замечал: "Почти полтора года я живу почти непрерывно в атмосфере московских процессов. И тем не менее каждая новая телеграмма... кажется мне бредом. Я должен сделать над собой почти физическое усилие, чтобы оторвать собственную мысль от кошмарных комбинаций ГПУ и направить её на вопрос: как и почему всё это возможно?"¹.

Первые отклики Троцкого на процесс носили характер страстных эмоциональных инвектив. Едва ли можно встретить в какой-либо другой его статье более гневные и яростные слова о "системе тоталитарного самодурства и разврата", чем те, которые содержатся в статье "Каин Джугашвили идёт до конца". "Из-за спины "великого" Сталина, - говорилось здесь, - глядит на человечество тифлисский мещанин Джугашвили, ограниченный и невежественный пройдоха. Механика мировой реакции вооружила его неограниченной властью... Подсудимые, из которых большинство выше обвинителей несколькими головами, приписывают себе планы и идеи, порождённые гением современного Кречинского и разработанные кликой гангстеров. Гонимые логикой капитуляций и падений, физически и морально раздавленные, терроризированные страхом за близких, гипнотизируемые политическим тупиком, в который их загнала реакция, Бухарин, Рыков, Раковский, Крестинский и другие играют страшные и жалкие роли по безграмотным шпаргалкам Ежова. А за стеной Каин Джугашвили потирает руки и злоеде хихикает: какой трюк он придумал для обмана солнечной системы!"².

Разумеется, Троцкий не мог ограничиться только эмоциональными обличениями, несмотря на их точность и выверенность силой разума. В своих откликах на процесс он выдвигал детальную аргументацию, способную убедить каждого честного человека в его лживости и сфабрикованности. Разыгрывался новый акт острейшего политического противоборства, на одном полюсе которого находился единовластный правитель огромного государства, обладающий колоссальными материальными ресурсами и гигантским аппаратом клеветы, а на другом - одинокий изгнанник, лишённый средств, отделённый тысячами километров от своих друзей и единомышленников и ограждённый непроницаемым кордоном от своей страны.

На каждое новое разоблачительное слово Троцкого Сталин отвечал новыми политическими убийствами и фальсификациями, послушно разносимыми услужливой коминтерновской прессой по всему миру. Взятый во враждебное кольцо Троцкий имел возможность использовать лишь единственное средство,

¹ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 249.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 1.

которое оставалось в его распоряжении, - оружие логики и истины, обращённой к здравому смыслу и нравственному чувству мыслящих и честных людей на всём земном шаре.

Третий московский процесс представлял лабораторию гигантской лжи, превзошедшей своим цинизмом и беззастенчивостью все предыдущие судебные инсценировки. Он подтвердил предвидение Троцкого, высказанное во время процесса Радека-Пятакова: "Сталин похож на человека, который пытается утолить жажду солёной водой. Он вынужден будет инсценировать дальнейшие судебные подлоги"¹. Следующий подлог представил советское государство "централизованным аппаратом государственной измены"², а всех членов ленинского Политбюро, за исключением Сталина, заговорщиками и предателями - даже в те времена, когда власть была сконцентрирована в их руках. Согласно картине, представленной на процессе, крупнейшие советские дипломаты (Раковский, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомолов) состояли на службе у иностранных разведок. Подавляющее большинство народных комиссаров СССР и все главы правительств трёх десятков союзных и автономных республик, выдвинутые движением освобождённых национальностей, стремились расчленивать Советский Союз и поставить его народы под ярмо фашизма. Во главе промышленности, транспорта, сельского хозяйства и финансов стояли почти сплошь вредители. Люди, отдавшие революционному движению 30, 40, даже 50 лет жизни (как Раковский), вели подрывную работу ради реставрации капитализма. Взятые суммарно, все эти обвинения, порочащие честь большевизма, превосходили даже клевету белой эмиграции, обвинявшей Ленина, Троцкого и других большевистских вождей в том, что они совершили Октябрьскую революцию по заданию германского генерального штаба.

Суммируя бесчисленные несуразности московских процессов, Троцкий писал: "Как часто бывает в жизни, "здравый смысл" отцеживает комаров, но проглатывает верблюдов. Конечно, нелегко поверить тому, что сотни людей сами клеветают на себя. Но разве легче поверить тому, что те же сотни людей совершают ужасающие преступления, которые противоречат их интересам, их психологии, всему делу их жизни?.. Что более вероятно, спросим мы далее: то ли, что лишённый власти и средств политический изгнанник, отделённый от СССР химической завесой клеветы, одним движением мизинца побуждал в течение ряда лет министров, генералов и дипломатов изменять государству и себе самим во имя неосуществимых и абсурдных целей; или же то, что Сталин, располагая неограниченной властью и... всеми средствами устрашения и развращения, заставлял подсудимых давать показания, которые отвечают его, Сталина, целям?.. Чтоб окончательно победить близорукие сомнения "здорового смысла", можно поставить ещё один вопрос, последний: что более вероятно - то ли, что средневековые ведьмы действительно находились в связи с адскими силами и выпускали на свои деревни холеру, чуму и падёж скота после

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 14.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 3.

ночных консультаций с дьяволом ("врагом народа"), или же то, что несчастные женщины просто клеветали на себя под калёным железом инквизиции"¹.

Возврат к средневековому варварству оказался возможным "только в отравленной насквозь атмосфере, скопившейся под свинцовой крышкой тоталитарного режима"². Но даже всевластие Сталина, вынудившего десятки своих беззащитных жертв исповедоваться в несовершенных ими преступлениях, не могло заставить мыслящих людей поверить в серию судебных фантазмагорий. "Несмотря на исключительную силу коварства, вооружённого всеми ресурсами государственной власти и новейшей техники, московские процессы, взятые в целом, поражают, как грандиозный абсурд, как бред ограниченного человека... Не будет преувеличением сказать, что в основных своих обвинениях процессы проникнуты духом тоталитарного идиотизма"³.

Единственное утешение, которое можно испытывать перед лицом последнего, страшного и вместе с тем шутовского процесса, подчёркивал Троцкий, состоит в радикальном повороте мирового общественного мнения, по достоинству оценившего грубость его замысла и исполнения. Это, однако, не могло уменьшить ущерб, нанесённый процессами и великой чисткой в целом Советскому Союзу. С болью за свою страну и её героический народ, оказавшийся в безраздельной власти диктатора, не признающего даже подобия личной и политической морали, Троцкий подчёркивал: как бы ни относиться к подсудимым, как бы ни оценивать их поведение в когтях ГПУ, они делом всей своей жизни доказали свою бескорыстную преданность русскому народу и его освободительной борьбе. "Расстреливая их и тысячи менее известных, но не менее преданных делу трудящихся, Сталин продолжает ослаблять моральную силу сопротивления страны в целом"⁴.

Троцкий указывал, что на протяжении многих лет истребление свидетелей собственных преступлений составляло неотъемлемую черту государственной деятельности Сталина. Московскими процессами он пытался "заткнуть все дыры и щели, создать герметическую или, говоря более новым термином, тоталитарную обстановку для самого гигантского подлога мировой истории"⁵. Той же цели - скрыть преступления и провалы в области международной политики служила замена всего дипломатического корпуса и всей зарубежной агентуры. Однако из этой среды выдвинулось несколько фигур "невозвращенцев" (см. гл. XXXIX-XL), выступивших перед мировым общественным мнением с показаниями, обнаружившими всю гниль конструкции сталинских подлогов.

Подготавливая массовую чистку, Сталин выдвинул идею новой, "самой демократической в мире конституции". Его замысел состоял в том, чтобы представить мировому общественному мнению картину страны, которая после суровых лет борьбы и лишений вступила, наконец, на путь подъёма народного

¹ Там же. С. 4.

² Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 255.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. М., 1990. С. 268.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 12.

⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 203.

благополучия и расцвета демократии. На этом оптимистическом фоне особенно зловещими должны были предстать дьявольские фигуры троцкистов, которые разрушают хозяйство, организуют голод, отравляют рабочих и готовятся отдать счастливую страну на растерзание фашистским насильникам. "Опираясь на тоталитарный аппарат и неограниченные материальные средства, Сталин замыслил единственный в своём роде план: изнасиловать совесть мира и с одобрения всего человечества навсегда расправиться со всякой оппозицией против кремлёвской клики". На первых порах ему оказывали в этом поддержку либеральные "друзья СССР", соревновавшиеся в славословиях по поводу наступления в СССР эры демократии. Если бы сейчас издать сборник их статей по поводу демократического поворота в политике Кремля, подчёркивал Троцкий, то "многим из авторов не осталось бы ничего иного, как сгореть со стыда".

Напоминая, что многие западные журналисты и литераторы объясняли все его предостережения об инквизиторских замыслах Сталина "личной ненавистью", Троцкий писал: "Личная ненависть в вопросах и отношениях исторического масштаба вообще ничтожное и презренное чувство. Кроме того, ненависть слепа. А в политике, как и в личной жизни нет ничего страшнее слепоты. Чем труднее обстановка, тем обязательно следует следовать совету старика Спинозы: "Не плакать, не смеяться, а понимать"¹.

Троцкий усматривал трагический символизм в том факте, что московский процесс совпал во времени со вступлением Гитлера в Австрию. Совпадение это он не считал случайностью. Гитлер всё менее опасался отпора своим экспансионистским притязаниям со стороны Москвы, потому что он был "отлично осведомлён о той деморализации, которую правящая клика Кремля в борьбе за самосохранение внесла в армию и население страны"². Фашизм одерживал победу за победой, создавал всё более грозную военную опасность для Советского Союза в то время, как Сталин варварскими чистками ослаблял страну.

Троцкий указывал, что никакие статистические выкладки не могут дать исчерпывающего представления о процессах хозяйства, политики и культуры, которые являются в конечном счёте отношениями между людьми и социальными группами. "Московские судебные трагедии обнаружили, что эти отношения из рук вон плохи, вернее сказать, невыносимы". Сталинский режим коренным образом преобразовал социальные отношения, порождённые Октябрьской революцией. "Никакой класс и никогда в истории не сосредотачивал в своих руках в столь короткий срок такого богатства и могущества, какие сосредоточила бюрократия за годы двух пятилеток. Но этим она поставила себя в возрастающее противоречие с народом, который прошёл через три революции и опрокинул царскую монархию, дворянство и буржуазию. Советская бюрократия сосредоточивает в себе ныне, в известном смысле, черты всех этих низвергнутых классов, не имея ни их социальных корней, ни их традиций. Она может отстаивать свои чудовищные привилегии только организованным тер-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 8.

² Там же. С. 12.

рором, как она может обосновывать свой террор только ложными обвинениями и подлогами¹.

Эти слова подводят к объяснению основного исторического парадокса великой чистки и одного из главных вопросов, встающих перед её исследователями: почему бюрократия, поднявшая Сталина к власти и ставшая социальной опорой его самодержавия, продемонстрировала свою слабость перед лицом истребительного похода, который открыл против неё Сталин? Не имея опоры в отношениях собственности; будучи отчуждённой от народа, не ощущая поддержки трудящихся масс, бюрократия оказалась неспособной - хотя бы из чувства самосохранения - противодействовать Сталину, а шла за ним в деле своего истребления.

"В течение двух десятилетий, - подчёркивал Троцкий, - во всех сферах государственной жизни происходил отбор наиболее выдающихся, наиболее подходящих, наиболее умелых и талантливых людей для наиболее ответственных постов"². По мере перерождения пролетарской диктатуры в личную диктатуру Сталина всё более обострялось противоречие между персональными качествами этих людей и функциональной ролью того социального слоя, который они составляли. Несмотря на то, что процессы перерождения охватили значительную часть партийного, государственного, военного, хозяйственного аппарата, к началу великой чистки этот аппарат состоял в большинстве своём из даровитых людей, способных к самостоятельному мышлению и творческим действиям - по крайней мере в рамках своих профессиональных обязанностей. Но именно такие люди и должны были быть сметены в условиях абсолютистского режима.

В ходе великой чистки бюрократия как социальный слой всё более утрачивала способных и честных людей и пополнялась за счёт ограниченных и морально ущербных карьеристов, всё в большей степени становилась виновником ослабления, деморализации и унижения страны во всех сферах общественной и политической жизни. Нагляднее всего этот процесс выразился в области хозяйства. "Бросаемые направо и налево обвинения в саботаже, - писал Троцкий, - привели в расстройство весь административный аппарат. Всякое объективное затруднение истолковывается как личное упущение. Всякое упущение приравнивается, когда нужно, к саботажу. В каждой области и в каждом районе расстрелян свой Пятаков. Инженеры плановых органов, директора трестов и заводов, мастера - все смертельно напуганы. Никто ни за что не хочет нести ответственности. Каждый боится проявить инициативу. В то же время под расстрел можно попасть и за недостаток инициативы. Перенапряжение деспотизма ведёт к анархии. Режим демократии нужен советскому хозяйству не меньше, чем доброкачественное сырьё или смазочные материалы. Сталинская система управления - не что иное, как универсальный саботаж хозяйства"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 3.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 274.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 1.

Эта система в сочетании с приходом к руководству на всех уровнях неподготовленных, некомпетентных и неумелых людей привела к резкому падению темпов экономического роста. Рост промышленного производства, составивший в 1936 году 28,8 %, снизился до 11,1 % в 1937 году и 11,8 % в 1938 году. В 1939-1940 годах индустрия вообще топталась на одном уровне - производство стали, чугуна, проката, бумаги, добыча нефти практически не увеличивались, а производство автомобилей, тракторов и других видов сельхозмашин даже упало по сравнению с 1936 годом.

Значительно труднее выразить в количественных показателях ущерб, нанесённый великой чисткой развитию культуры. Последствия этого ущерба носили ещё более болезненный и главное, более долговременный характер. "Последние процессы и вся вообще бесчестная по целям и методам чистка, - писал Троцкий, - окончательно утвердили господство кляузы, подлости, доноса и трусости... Сколько-нибудь независимые и одарённые учёные, педагоги, писатели или художники запуганы, затравлены, арестованы, сосланы, если не расстреляны. По всей линии торжествует бездарный негодяй. Он предписывает науке маршрут и диктует искусству правила творчества. Удушливый запах гниения несётся от советской прессы"¹. Такая духовная атмосфера вызвала резкое понижение культурного и нравственного уровня общества, которое в послесталинский период только отчасти компенсировалось успехами советской образовательной системы и известным расширением духовной свободы, либерализацией культурной жизни.

Откликаясь на голоса западных либералов, перешедших с позиций безоговорочной поддержки Сталина на позиции столь же безоговорочного отвержения большевизма, Троцкий писал: "Пусть не говорят нам: вот к чему привела Октябрьская революция! Это почти то же, что при виде разрушенного моста над Ниагарой воскликнуть: вот к чему приводят водопады!.. Октябрьская революция привела не только к судебным подлогам. Она дала могущественный толчок экономике и культуре великой семьи народов". Но в силу сложного комплекса внешних и внутренних, объективных и субъективных причин в советском обществе возникли новые социальные антагонизмы, а на их базе выросла бюрократическая диктатура, без идей, без чести и совести, которая в борьбе с новым обществом дошла до беспримерных преступлений. Этот политический режим, приходящий во всё большее противоречие с социальным фундаментом советского общества, заложенным Октябрьской революцией, способен унести "на дно исторической пропасти все те социальные завоевания, которые ряд поколений русского народа оплатил ценою неисчислимых жертв"².

В том, что этот, наиболее пессимистический вариант прогноза Троцкого в конечном счёте стал реальностью, немалую роль сыграло поведение постсталинской бюрократии, в том числе её отношение к московским процессам.

¹ Там же.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 5.

XIX

Историческая судьба московских процессов

Развёртывание (и свёртывание) правды о московских процессах шло в СССР сложными и извилистыми путями.

В докладе Хрущёва на XX съезде КПСС содержались такие характеристики "троцкистов", которые прямо подвели к мысли о сфабрикованности выдвинутых против них обвинений. "Сейчас, когда прошёл достаточный исторический срок, - утверждал Хрущёв, - мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии (этот "оправдательный" пассаж представлял типичное проявление сталинистской вульгаризации классового подхода. - В. Р.). Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть - из рабочих". Напомнив, что многие троцкисты принимали активное участие в борьбе за социалистическую революцию и укрепление её завоеваний, Хрущёв выражал уверенность в том, что, если бы Ленин оставался жив, он не допустил бы их физического уничтожения¹.

Эти высказывания представляли несомненный шаг вперед» в очищении истории внутрипартийной борьбы от сталинистских фальсификаций, хотя в них сохранялось противопоставление троцкизма ленинизму и индальгенция выдавалась лишь тем оппозиционерам, которые "порвали с троцкизмом". Это соответствовало всему духу доклада, в котором по-прежнему подчёркивались заслуги Сталина в политической борьбе с троцкизмом и другими "антипартийными течениями", чья линия, по словам Хрущёва, "по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией". "Ошибки" Сталина усматривались лишь в том, что он приступил к кровавым репрессиям против своих идейных противников после того, как они "были политически давно уже разгромлены"².

Казалось бы, даже такая постановка вопроса должна была привести к немедленному пересмотру московских процессов. Ещё до XX съезда Президиум ЦК КПСС создал комиссию по их расследованию. Однако, как сообщил Хрущёв на июньском пленуме ЦК 1957 года, Молотов и другие ближайшие сталинские приспешники сделали "всё, чтобы не допустить серьёзного разбирательства этих дел"³.

После изгнания этих лиц из ЦК у Хрущёва оказались развязаны руки для такого серьёзного и обстоятельного разбирательства. По поручению ЦК КПСС правоохранительные и партийные органы провели новую тщательную проверку материалов московских процессов. В 1959-1963 годах 7 (из 17) подсудимых второго и 10 (из 21) подсудимых третьего процесса были реабилитированы. О

¹ Реабилитация. С. 27.

² Там же. С. 24.

³ Исторический архив. 1994. № 2. С. 41.

невиновности некоторых из них широко сообщалось в печати, а нескольким была воздана дань уважения как выдающимся деятелям партии. Так, в Узбекистане многие улицы, предприятия, колхозы были названы именами Ф. Ходжаева и А. Икрамова. Кроме того, в 1957 году были полностью реабилитированы в юридическом и политическом отношении все участники "военной организации", согласно материалам процесса "право-троцкистского блока", входившие в этот блок.

Уже в 1956 году члены Президиума ЦК отдавали себе ясный отчет в том, что главные подсудимые московских процессов невиновны в приписанных им преступлениях. При встрече с дочерью Рыкова Микоян на её вопрос о реабилитации отца ответил: "Это вопрос политический. Это мы будем решать, а не прокуратура. Он, конечно, никого не предавал и не продавал... Если бы он тогда удержался бы, то и сейчас работал бы"¹.

Ко времени XXII съезда (1961 год) все юридические данные о фальсификаторском характере московских процессов были получены. В преддверии съезда по Москве широко ходили слухи о предстоящей реабилитации всех жертв этих процессов. Однако этого дальнейшего логического шага на пути десталинизации Хрущёв так и не решился сделать. Сказалось здесь и давление китайского руководства, упрекавшего его в том, что разоблачения сталинских преступлений и без того нанесли ущерб "делу мирового социализма", и взрывчатые последствия официального пересмотра фальсификаторских процессов в "странах народной демократии", ставшего толчком для трагических событий 1956 года в Венгрии и Польше. Под влиянием этих факторов Хрущёв вёл себя подобно маятнику: то выступал с новыми обличениями по адресу Сталина, то неожиданно превозносил его заслуги, в том числе в борьбе с "врагами народа".

По словам самого Хрущёва, от уже подготовленной акции по дезавуированию открытых процессов его отговорили руководители европейских компартий, прежде всего М. Торез и Г. Поллит. Они утверждали, что обнародование правды о процессах вызовет дальнейший отлив из их партий коммунистов, хорошо помнивших заверения своего руководства в справедливости сталинского правосудия (массовый выход из этих компартий произошёл под влиянием разоблачений сталинских преступлений на XX съезде КПСС). Результатом межпартийных переговоров стало решение вообще не поднимать на XXII съезде вопроса о процессах.

Подыскивая в своих мемуарах аргументы для оправдания этого трусливого и постыдного решения, Хрущёв заявлял, что "мы взяли, как говорится, грех на душу в интересах нашей партии, нашей идеологии, нашего общего рабочего дела... Если бы мы опубликовали правдивые материалы об открытых процессах, то это уже оказалось бы, пожалуй, абстрактной истиной (? - В. Р.)... Ведь сделанного уже не воротить". По его словам, реабилитация "честных людей, преданных и очень ценных для СССР, но просто имевших какие-то другие взгляды", была отложена тогдашним руководством КПСС до того времени, когда "все жившие (в 30-е годы - В. Р.) отойдут, как говорится, в мир иной"².

¹ Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 296.

² Вопросы истории. 1990. № 5. С. 56-57.

Утверждение Хрущёва, что очищение имён бывших оппозиционеров от заведомо ложных обвинений оказалось бы выгодно "только нашим врагам, врагам социализма, врагам рабочего класса", маскировало нежелание правящей верхушки советской и зарубежных компартий "ворошить прошлое", продиктованное заботой не об интересах социализма, а о собственных интересах. Ведь юридическая реабилитация бывших оппозиционных лидеров привела бы к восстановлению их политических имён и побудила бы к анализу выдвигавшейся ими идейной альтернативы сталинизму. Запятнанные своими прошлыми позорными заявлениями о справедливости расправы над "врагами народа", Хрущёв и другие ведущие бюрократы периода "оттепели" были не готовы и не способны к переосмыслению внутрипартийной борьбы, которое непременно поставило бы под сомнение не только сохранявшуюся со сталинских времен концепцию истории партии, но и сталинистскую концепцию социалистического строительства, прочно отложившуюся в их сознании и определявшую их текущую политику.

Особенно постыдно выглядит объяснение Хрущёвым нежелания даже подойти к вопросу об исторической судьбе и политической роли Троцкого. "Троцким и вопросом о его гибели мы не занимались, - заявлял он. - *Мы не поднимали занавеса и даже не хотели этого.* Мы вели с Троцким идеологическую борьбу, судили его, были и остались противниками его идеологии, его концепции. Он нанёс немалый вред революционному движению, а тем более и погиб не на территории СССР, погиб без суда и следствия (Курсив мой - В. Р.)"¹. Даже в мемуарах Хрущёву не хватило смелости упомянуть о потайной акции, совершённой во время его правления: приглашении убийцы Троцкого Меркадера после отбытия 20-летнего тюремного заключения в Москву, где ему была вручена присуждённая ещё в сталинские времена Золотая Звезда Героя Советского Союза.

В первых главах мемуаров Хрущёву оказалось не под силу перешагнуть через сталинистские оценки внутрипартийной борьбы 20-х годов. Он по-прежнему утверждал, что эта борьба велась "партийными ленинскими методами", путём свободных демократических дискуссий и свободного голосования в партийных организациях. Однако, чем дальше продвигался Хрущёв в своих размышлениях о прошлом, тем больше он подвергал критической переоценке свои прежние взгляды и суждения, тем чаще подчёркивал политические заслуги лидеров антисталинских оппозиций. Говоря об уничтожении Сталиным почти всех партийных деятелей, которые "боролись в рядах партии над её сплочением", он добавлял: "Ленин в предсмертной записке упомянул, что в партии два самых выдающихся человека - Троцкий и Сталин. И тут же Ленин написал об отрицательных чертах Сталина"².

Вопросы о характере московских процессов на протяжении 60-70-х годов широко обсуждались в западной коммунистической прессе. Однако даже в вышедшей после XXII съезда КПСС книге известного деятеля английской компартии Палм Датта утверждалось: враги коммунизма "заявляют, что все

¹ Там же. С. 56.

² Вопросы истории. 1991. № 12. С. 63.

судебные процессы, проводившиеся советскими органами госбезопасности... были, дескать, инсценированы. Эти чудовищные извращения и преувеличения серьёзного факта - желания исправить содеянное - возможны в настоящий момент на Западе лишь в силу того, что длительный процесс юридического пересмотра и расследования событий данного периода ещё не завершён. Мы не можем ещё противопоставить этим измышлениям точные, полные данные... Историкам следует подождать, пока не будет завершена работа правосудия"¹.

Однако "правосудие" времен застоя вообще отказалось от дальнейшего расследования московских процессов. Брежневское руководство проигнорировало даже призыв зарубежных коммунистических и социалистических партий, видных деятелей западной культуры к реабилитации одного лишь Бухарина, который рассматривался на Западе в качестве носителя гуманистической альтернативы сталинизму.

Единственное заявление о невиновности Бухарина и Рыкова было сделано в 1962 году на совещании историков. Отвечая на записку из зала, докладчик Поспелов заявил как о само собой разумеющемся: "Достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были"². Между тем столь категорическая ссылка на XXII съезд была явно не к месту, ибо на нём о Бухарине и Рыкове вообще ничего не говорилось. Характерно и то, что с этим заявлением выступил человек, называвший в 1937 году "правых" во главе с Бухариным и Рыковым "оголтелой бандой врагов народа, готовых на все и всяческие преступления против нашей родины, бандой фашистских мерзавцев"³.

В изданиях нового учебника по истории КПСС, заменившего "Краткий курс", зона критики Сталина и сталинизма то сужалась, то расширялась. При этом сохранялось табу на какое-либо упоминание о московских процессах. Ещё более нелепым выглядело умолчание о главных подсудимых этих процессов во всех советских справочных и энциклопедических изданиях, выпущенных вплоть до конца 80-х годов. В них содержались статьи о Гитлере, Муссолини и других деятелях фашизма, но начисто отсутствовали биографические справки о Троцком, Зиновьеве, Бухарине и других лидерах антисталинских оппозиций. Единственным изданием, в котором их персоналии нашли место, было полное собрание сочинений Ленина. Но даже в 45 томе этого издания, вышедшем в 1964 году, в кульминационный момент критики сталинизма, содержание этих персоналии сводилось в основном к утверждениям об "антипартийной деятельности" этих лиц.

На любое позитивное или даже нейтральное упоминание о деятелях антисталинских оппозиций в историко-партийной или художественной литературе был наложен безусловный запрет. Эта тенденция усилилась в 70-е годы, когда был выпущен целый ряд пухлых наукообразных трудов, посвящённых "борьбе партии с троцкизмом". В них воспроизводилась традиционная сталинистская

¹ Датт Р. Палм. Проблемы современной истории. М., 1965. С. 46.

² Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва. 1962. М., 1964. С. 298.

³ Поспелов П. Борьба Бухарина и Рыкова против Ленина и партии (Исторический обзор). Правда. 1937. 13 марта.

концепция внутривнутрипартийной борьбы, очищенная лишь от упоминаний о московских процессах и шпионско-диверсионной деятельности оппозиционеров.

Первые годы "перестройки" не прибавили чего-либо существенно нового к оценке нашего исторического прошлого. В докладе Горбачёва, посвящённом 70-летию Октябрьской революции, воспроизводилась традиционная сталинская концепция победоносной борьбы партии за строительство социализма. К "новациям" доклада относились лишь несколько критических фраз о Сталине и первое благоприятное упоминание о Бухарине, для которого был избран, однако, специфический контекст: наряду со Сталиным и некоторыми другими деятелями партии Бухарин положительно оценивался за его вклад в борьбу с троцкизмом.

Лишь когда обнаружилось первые провалы щедро разрекламированной "перестройки", горбачёвское руководство решило занести в её актив "гласность", обращённую в прошлое. Была создана комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями, которая осуществила, наконец, пересмотр московских процессов. Были реабилитированы в юридическом и политическом отношении все их подсудимые (за исключением Ягоды), а затем - и другие активные оппозиционеры, осуждённые закрытыми судами или решениями Особого совещания.

С 1988 года началась публикация трудов наиболее видных оппозиционеров (прежде всего Бухарина), а также работ, освещающих "белые пятна" истории, в том числе факты сопротивления коммунистических оппозиций сталинизму.

В середине 1989 года в советской печати появились первые фрагменты из работ Троцкого, вслед за чем были опубликованы некоторые его статьи и книги. Однако воздействие этих публикаций на советскую общественность было перекрыто валом антикоммунистической пропаганды, отождествляющей сталинизм с большевизмом. Эта тенденция проявилась и в первых вышедших в СССР работах о Троцком, принадлежавших партаппаратчику Васецкому, сделавшему в годы "застоя" партийную и научную карьеру на критике "троцкизма", и генералу Волкогонову, приобретшему в тот же период известность своими работами по "разоблачению идеологических диверсий империализма"¹. В годы "перестройки" и "реформ" Васецкий превратился в идеолога "национально-патриотических сил", а Волкогонов - в идеолога "демократов". Оба этих течения сомкнулись в осуждении "утопичности" и "преступности" теории и практики большевизма.

Таким образом, лишь частично осуществились прогнозы Троцкого, писавшего в 1937-1938 годах: "Революция раскроет все тайные шкафы... и покроет вечным проклятием имена палачей. Сталин сойдет со сцены, отягчённый всеми совершёнными им преступлениями, - не только как могильщик революции, но и как самая зловещая фигура человеческой истории"²; "памятники, которые он построил себе, будут разрушены или сданы в музей тоталитарного ганг-

¹ Критике исторических версий Васецкого и Волкогонова, сопоставимых по своей произвольности и фантастичности с продуктами сталинской школы фальсификаций, посвящены мои статьи "Троцкизм". К истории проблемы" (Литературное обозрение. 1991. № 8) и "Volkogonov's Trotsky" (IV International. 1994. № 1).

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 4.

стерства. Зато победоносный рабочий класс пересмотрит все процессы, публичные и тайные, и поставит на площадях освобождённого Советского Союза памятники несчастным жертвам сталинской системы подлости и бесчестья¹.

Памятники Сталину действительно были разрушены, а все процессы - пересмотрены, но не революционным народом, а постсталинской бюрократией.

Однако все прогнозы Троцкого носили многовариантный характер. В его работах мы находим и предвидение иного характера, которое оказалось более адекватным действительности: "Если бюрократии удастся, переделав формы собственности, выделить из себя новый имущий класс, этот последний найдет себе других вождей, не связанных революционным прошлым и - более грамотных. Сталин вряд ли услышит при этом слово благодарности за совершённую работу. Открытая контрреволюция расправится с ним, вернее всего, по обвинению... в троцкизме. Сталин станет в этом смысле жертвой амальгамы им же установленного образца"².

Примерно такой оказалась посмертная судьба Сталина в конце 80-х годов, когда правящая бюрократия, давно утратившая какую-либо преемственную идейную связь с большевизмом, действительно перешла к переделке форм собственности и выделению из себя нового имущего класса. Этот процесс происходил сложными и извилистыми путями, на первых порах - под маскировочные призывы к "восстановлению ленинского облика социализма". Новая, "перестроечная" волна разоблачений сталинизма завершилась построением описанной Троцким амальгамы. Целая орава "демократических" публицистов и квазиучёных восстановила не только обвинение Сталина в троцкизме (выдвинутое в конце 20-х годов "правыми"), но и взяла на вооружение - хотя и с обратным, негативным знаком - тезис о Сталине как "верном продолжателе дела Ленина". Эти исторические подлоги явились необходимым условием идеологического обеспечения капиталистической реставрации в СССР.

Победа антикоммунистических сил была облегчена многолетней дискредитацией большевизма, которая берёт начало от московских процессов. На них фактически был вынесен приговор большевистской партии, которая изображалась некой клоакой, битком набитой изменниками, убийцами и провокаторами. Конечно, сталинская бюрократия, имевшая в виду под партией самоё себя, продолжала неустанно возносить хвалу партии, по-прежнему именовавшейся большевистской. Идеологический вакуум утраченного доверия к большевизму она заполнила идентификацией партии с всемогущим и непогрешимым вождем.

Культ Сталина, на котором воспитывались десятилетиями советские люди и зарубежные коммунисты, был разрушен на XX съезде партии. В докладе Хрущёва Сталин предстал в своём истинном обличий государственного преступника (хотя слова "преступник" и "преступления" в докладе не упоминались, но факты, сообщённые Хрущёвым, буквально вопияли о себе и неумолимо наталкивали на такой вывод).

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 4.

Для миллионов людей в СССР и за его пределами доклад Хрущёва явился ошеломляющим ударом. Теперь и Сталин, и уничтоженные им большевистские вожди (оценки которых не подверглись пересмотру) признавались, хотя и по разным мотивам, преступниками. Возникла ещё более сложная проблема, от которой лидеры КПСС попросту отмахнулись. Тем временем шло накопление новых ошибок в экономике и социальной жизни, обусловленных сохранением сложившихся при Сталине политических структур и авторитарных методов правления. Каждый последующий лидер, ничего не меняя в механизме власти, списывал очевидные провалы в управлении страной на своего предшественника. Всё это ещё более обнажало фарисейство трафаретной официальной пропаганды и ещё более разрушало престиж партии, именем которой низвергались ещё недавно прославляемые её "вожди".

Вместе с тем социалистическое сознание народа отделяло переродившуюся партию от идей Ленина и Октябрьской революции, приверженность которым продолжала жить в душах миллионов советских людей. На этих настроениях в первые годы "перестройки" попытался сыграть Горбачёв, получивший кредит народного доверия за призывы возродить ленинские, большевистские традиции. Однако неудачи обещанных им "судьбоносных преобразований" побудили его - с подачи Яковлева и других антикоммунистически настроенных советников - направить раздражение людей новым обманом на революционное прошлое страны. С 1988 года - ещё до того, как оказалось возможным публично критиковать Горбачёва, - на Ленина и большевиков в советской печати обрушились потоки клеветы. Таким образом, был разрушен последний идейный пласт, десятилетиями живший в сознании народа.

Все эти идеологические факторы явились важным слагаемым разрушительного процесса, приведшего к распаду СССР и реставрации капитализма в его бывших республиках. В условиях нарастающей национальной катастрофы те, кто продолжали называть себя коммунистами, оказались способны лишь на то, чтобы заполнить новый идеологический вакуум реабилитацией сталинизма. Одним из идеологов этого движения стал Р. Косолапов, выдвинувший тезис о "двойкой, и очистительно-профилактической, и вредительски-разрушительной роли" массового террора 30-х годов¹. В чём именно Косолапов усматривает "очистительную профилактику", становится ясным из его тирады, следующей непосредственно за приводимыми им сталинскими цитатами о вредительстве: "Разве атомный взрыв в Чернобыле не был исходным пунктом в цепной реакции разрушения социализма?"². Из этого прозрачного намека на вражеский умысел, якобы вызвавший чернобыльскую катастрофу, следует, что Сталин, выжигая "вредительство", оградил советское общество 30-х и последующих годов от подобных трагедий.

Что же касается "вредительно-разрушительной" роли террора, то Косолапов возлагает вину за неё на "новые, порождённые уже советской действительностью формы классово-борьбы". К этим формам он относит "проникновение в правоохранительные органы чужеродных элементов, которые как раз к

¹ Косолапов Р. Слово товарищу Сталину. М., 1995. С. 313.

² Там же. С. 311.

тому и стремились, чтобы дискредитировать и обескровить советскую власть, зачастую разя доверенным ею мечом и тех, кто был ей предан¹. Из этих рассуждений следует, что преступления периода великой чистки вершились Ежовым и его подручными без ведома Сталина, который, как разъясняет Косолапов, "далеко не всегда владел ситуацией", сложившейся в "органах".

Чтобы противопоставить новым и старым мифам адекватную картину событий 1936-1938 годов, уместно последовательно проследить роль главных субъектов большого террора, а вслед за этим - его влияние на основные социальные институты и социальные группы советского общества.

¹ Косолапов Р. "Отгепель" дала а распутицу. - Правда России. 1996. 15 февраля.

XX

Сталин и его ближайшее окружение

Полное обновление всего партийно-государственного аппарата почти не затронуло самую его верхушку - лиц, которые с начала 20-х годов группировались вокруг Сталина, поддерживали его в борьбе со всеми оппозициями, были связаны с ним тесными узами многолетней совместной работы и личной, бытовой близости. Сохранение их у кормила власти было вызвано несколькими причинами. Во-первых, Сталину надо было создать впечатление, что он опирается на прежнюю большевистскую партию. Для этого на верхах партии требовалось сохранить группу старых большевиков, которым официальная пропаганда создавала имидж "верных ленинцев" и выдающихся политических деятелей.

Во-вторых, без этих людей, обладавших немалым политическим опытом, Сталин не смог бы обеспечить руководство страной в условиях тотального уничтожения партийных, государственных, хозяйственных и военных кадров.

В-третьих, эти люди были необходимы Сталину для того, чтобы, опираясь на свой личный авторитет и авторитет "ленинского ЦК", они своими руками осуществили расправу над партийным руководством республик, краёв и областей. Сам Сталин после 1928 года ни разу не выезжал в рабочие поездки по стране. Как и в период коллективизации, для осуществления карательных мероприятий на местах он направлял туда своих ближайших приспешников.

В-четвёртых, эти люди разделяли со Сталиным не только политическую, но и идеологическую ответственность за массовый террор. Изложив на февральско-мартовском пленуме 1937 года отправные установки по "ликвидации троцкистских и иных двурушников", Сталин на протяжении последующих двух лет публично не выступал по этим вопросам. В его немногочисленных статьях и речах 1937-1938 годов, напротив, содержались высказывания о ценности каждой человеческой жизни и т. п. Так, в сообщении о встрече Сталина с экипажем самолета "Родина", осуществившим рекордный перелет, указывалось: "Товарищ Сталин предупреждает о необходимости особой осторожности и бережности с самым драгоценным, что у нас есть, - с человеческими жизнями... Эти жизни дороже нам всяких рекордов, как велики и громки эти рекорды ни были бы"¹. Идеологическое обоснование массовых репрессий Сталин "доверил" своим "ближайшим соратникам".

Все эти соображения объясняют тот факт, что доля репрессированных членов Политбюро была ниже доли репрессированных членов и кандидатов в члены ЦК, аппаратчиков всех уровней и рядовых членов партии.

Чтобы обеспечить беспрекословное послушание "ближайших соратников", Сталин собирал на каждого из них досье, содержащее сведения об их ошибках, промахах, личных грехах. Это досье пополнялось за счёт показаний на кремлёвских вождей, добытых в застенках НКВД. 3 декабря 1938 года Ежов

¹ Правда. 1938. 28 октября.

направил Сталину "список лиц (в основном из числа членов и кандидатов в члены Политбюро - В. Р.), с характеристикой материалов, хранившихся на них в секретариате НКВД"¹. В личном архиве Сталина находятся также подготовленные ежовским аппаратом порочащие досье на Хрущёва, Маленкова, Берия, Вышинского.

Кроме того, каждого члена Политбюро Сталин "ставил по возможности в такое положение, когда он должен был предавать своих вчерашних друзей и единомышленников и выступать против них с бешеной клеветой"². Покорность своих приспешников Сталин проверял и по их реакции на аресты их родственников. Руководствуясь теми же иезуитскими целями, он направлял лиц из своего ближайшего окружения на очные ставки с их недавними соратниками, подвергнутыми арестам.

Не все члены Политбюро посвящались в наиболее острые вопросы, связанные с великой чисткой. Как вспоминал Молотов, в Политбюро всегда была "руководящая группа. Скажем, при Сталине в неё не входили ни Калинин, ни Рудзутак, ни Косиор, ни Андреев"³. Официально эта неуставная "руководящая группа" была оформлена постановлением Политбюро от 14 апреля 1937 года в виде "постоянной комиссии" Политбюро, которой поручалось готовить для Политбюро, а "в случае особой срочности" самой решать "вопросы секретного характера"⁴.

Только члены этой комиссии (Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов) разрабатывали стратегию и тактику великой чистки и имели полное представление об её масштабах. Это подтверждается журналами, в которых записывались имена всех лиц, побывавших на приёме у Сталина, и время их пребывания в его кабинете. Опираясь на публикацию этих записей⁵, историк О. Хлевнюк подсчитал, что в 1937-1938 годах Молотов провёл в кабинете Сталина 1070 часов, Ежов - 933, Ворошилов - 704 и Каганович - 607 часов⁶. Это время в несколько раз больше времени, отведённого на приёмы остальных членов Политбюро.

Молотову, Кагановичу и Ворошилову (значительно реже - другим членам Политбюро) Сталин разрешал знакомиться с донесениями, направляемыми ему Ежовым. *Первая* группа таких донесений представляла списки людей, чей арест требовал личной санкции Сталина. На одном из таких списков, включавшем имена лиц, которые "проверяются для ареста", Сталин оставил резолюцию: "Не "проверять", а арестовывать нужно".

К этой группе донесений примыкали присылаемые Сталину протоколы допросов арестованных с показаниями на лиц, которые находились ещё на свободе. На одном из таких протоколов Сталин написал: "Т. Ежову. Лиц, отме-

¹ Известия. 1992. 10 июня.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 265.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 424.

⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 55.

⁵ Исторический архив. 1994. № 6; 1995. № 2-6.

⁶ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 291.

ченных мною в тексте буквами "ар.", следует арестовать, если они уже не арестованы"¹.

Вторая группа реляций включала сообщения о ходе следствия. На таких документах Сталин, Молотов и Каганович часто оставляли указания типа: "Бить и бить"². Получив показания старого большевика Белобородова, Сталин переслал их обратно Ежову с резолюцией: "Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице?"³.

Третья группа включала списки лиц, приговоры которым должны были быть санкционированы Сталиным и его ближайшими приспешниками. Некоторые из таких списков именовались "альбомами". В альбомах, включавших по 100-200 имён, на отдельных листах кратко излагались дела обвиняемых. Под каждым делом были отпечатаны имена членов верховной "тройки" - Ежова, Ульриха и Вышинского, пока ещё без их подписей. Сталин на этих листах ставил цифру "1", означавшую расстрел, либо цифру "2", что означало "10 лет лишения свободы". Судьбой лиц, о которых Сталин не оставил таких пометок, "тройка" распоряжалась по своему усмотрению, вслед за чем её члены расписывались под каждым приговором.

В августе 1938 года Ежов послал на утверждение четыре списка, в которых значились 313, 208, 208 и 15 имён (последний список включал имена жён "врагов народа"). Ежов просил санкции на осуждение всех этих людей к расстрелу. В тот же день на всех списках была наложена лаконичная резолюция Сталина и Молотова: "За"⁴.

Как сообщил на XX съезде Хрущёв, только Ежовым было послано 383 списка, включавшие тысячи имён лиц, приговоры которым требовали утверждения членами Политбюро. Из этих списков Сталиным подписано 362, Молотовым - 373, Ворошиловым - 195, Кагановичем - 191, Ждановым - 177. В 11 томах списков, утверждённых членами высшего партийно-государственного руководства, значатся имена 38848 коммунистов, приговорённых к расстрелу, и 5499 - к заключению в тюрьмы и лагеря⁵.

Таким образом, судьба значительной части репрессированных предreshалась Сталиным и его приспешниками, а затем их решения оформлялись приговором "тройки", Особого совещания или Военной коллегии.

Четвёртая группа донесений и сводок, посылавшихся Сталину Ежовым и Ульрихом, содержала результаты точного бюрократического учёта численности репрессированных. Так, Ульрих сообщал, что с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР и выездны-

¹ Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 19.

² Исторический архив. 1993. № 3. С. 88.

³ Реабилитация. С. 258.

⁴ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. М., 1962. Т. III. С. 152.

⁵ Реабилитаций. С. 13, 39; Источник. 1995. № 1. С. 124.

ми сессиями военных коллегий на местах было осуждено 36157 человек, из которых 30514 были приговорены к расстрелу¹.

С руководителями местных партийных организаций Сталин осуществлял связь лично. Так, получив сообщение о пожаре на Канском мельничном комбинате, он послал телеграмму в Красноярский крайком: "Поджог мелькомбината, *должно быть*, организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор - расстрел. О расстреле опубликовать в местной печати (курсив мой - В. Р.)"². Понятно, что получив в раскалённой атмосфере 1937 года телеграмму такого содержания, партийные секретари вкупе с чинами местного НКВД делали всё, чтобы подтвердить сталинские "предположения". В данном случае уже через два месяца по обвинению в поджоге комбината были приговорены к расстрелу бывший его директор, главный механик и группа рядовых работников - всего 16 человек. Ещё спустя три месяца областная печать сообщила, что эти лица получили за поджог комбината 80 тыс. рублей от иностранной разведки³.

Подобные телеграммы Сталина направлялись в обкомы в шифрованном виде, под грифом "Строго секретно. Снятие копий воспрещается. Подлежит возврату в 48 часов".

Поначалу некоторые партийные секретари не верили в наиболее чудовищные директивы и обращались к Сталину за разъяснением по поводу них. Так, первый секретарь Бурятского обкома Ербанов, получив директиву об учреждении "троек", послал Сталину телеграмму: "Прошу разъяснения, пользуется ли утверждённая ЦК тройка по Бурят-Монголии правами вынесения приговора". Сталин незамедлительно ответил: "По установленной практике тройки выносят приговоры, являющиеся окончательными"⁴.

Таким образом, о подлинной роли Сталина в организации массовых репрессий знал только узкий круг высших партийных секретарей, большинство которых вскоре сами сгорели в пожаре великой чистки. Перед партийным активом на местах в роли верховных карателей представляли "ближайшие соратники", посланные туда Сталиным.

Характеризуя моральный и политический облик приспешников Сталина, Бармин в 1938 году писал, что все они "допустили обвинение в шпионаже и предательстве, а затем и убийство одного за другим своих трёх или четырёх заместителей и лучших своих основных сотрудников, не только не пытаясь их защищать,.. но трусливо восхваляя эти убийства, славословя учинивших их палачей, сохраняя свой пост ценой этого предательства и унижения, купив ими свою карьеру и своё положение первых людей в государстве... К нашему стыду и позору в этом положении пока находятся ряд советских наркомов, точнее, те 3-4 из них, которые этой ценой купили своё переизбрание в "сформирован-

¹ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. М., 1991. Кн. I. С. 522.

² Известия. 1992. 10 июня.

³ Красноярский рабочий. 1937. 8-10 сентября; 20 декабря.

⁴ Известия. 1992. 10 июня.

ный" Молотовым новый кабинет. Лишь таким путём они избегли участи 25 своих ликвидированных коллег"¹.

При всём этом люди, которые организовывали и направляли великую чистку, не были изначально кровожадными монстрами. Даже Ежов, как отмечали многие знавшие его лица, до середины 30-х годов производил впечатление незлобивого и бесхитростного человека. Но всех их отличали бесхарактерность и послушание, которые были не свойствами их характера, а неизбежным следствием сломленности, вызванной непрекращающимся давлением безжалостной воли Сталина.

В отношениях Сталина с приближенными в полной мере сказались психологические особенности "хозяина", ярко описанные Троцким: "Хитрость, выдержка, осторожность, способность играть на худших сторонах человеческой души развиты в нём чудовищно. Чтоб создать такой аппарат, нужно было знание человека и его потайных пружин, знание не универсальное, а особое, знание человека с худших сторон и умение играть на этих худших сторонах. Нужно было желание играть на них, настойчивость, неутомимость желания, продиктованная сильной волей и неудержимым, непреодолимым честолюбием. Нужна была полная свобода от принципов и нужно было отсутствие исторического воображения. Сталин умеет неизмеримо лучше использовать дурные стороны людей, чем их творческие качества. Он циник и апеллирует к цинизму. Он может быть назван самым великим деморализатором в истории"².

Эти черты, позволившие Сталину организовать величайшие в истории судебные подлоги и массовые убийства, были, по мнению Троцкого, заложены в его природе. Но "понадобились годы тоталитарного всемогущества, чтобы придать этим преступным чертам поистине апокалиптические размеры"³.

Сталин играл на худших сторонах не только людей, принадлежавших к его ближайшему окружению, но и людей, которых он лично не знал, но которые становились исполнителями его зловещих замыслов. В годы великой чистки в стране была создана обстановка вседозволенности в деле выискивания "врагов народа", доносов и провокаций. Здесь могло идти в ход всё что угодно - клевета, домыслы, публичные оскорбления, сведение личных счётов, всё, что означало свободу от политических принципов и нравственных норм, отсутствие моральных тормозов, потерю человеческого облика. Людей, способных на это, Сталин лично поднимал на пьедестал. Об этом свидетельствует, например, его отношение к киевской аспирантке Николаенко, прославленной им на февральско-мартовском пленуме 1937 года в качестве "маленького человека", умеющего бестрепетно "разоблачать врагов".

Вдохновленная сталинскими словами Николаенко окончательно распоясалась. Так, после беседы с одним из старых большевиков она заперла его на ключ и позвонила в НКВД: "У меня в кабинете сидит враг народа, пришлите людей арестовать его"⁴.

¹ Бармин А. Отрывки из воспоминаний. Архив Троцкого. № 15865. С. 53.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 203-204.

³ Там же. С. 201.

⁴ Исторический архив. 1993. № 6. С. 50.

Отправляя Хрущёва на Украину, Сталин посоветовал ему использовать в борьбе с врагами народа помощь Николаенко. Познакомившись с этой особой, Хрущёв пришёл к выводу, что она является психически больным человеком. Когда во время своего приезда в Москву он сказал об этом Сталину, тот "вскипел и повторял: "10 % правды - это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы заплатимся, если не будем так действовать". Лишь после того, как Сталин получил от Николаенко новые доносы с обвинениями против Хрущёва как "неразоружившегося троцкиста", он разрешил перевести её с Украины в другое место. Но и тогда Сталин "шутил", слушая рассказы Хрущёва о страхе, который испытывали перед Николаенко киевские коммунисты¹.

Как свидетельствует переписка Сталина с Молотовым, даже в личном доверительном общении между кремлёвскими вождями действовал своего рода негласно установленный шифр. "Вожди" с непререкаемой уверенностью и деловитостью сообщали друг другу о полученных в НКВД показаниях как об абсолютно достоверных и не вызывающих сомнения доказательствах вины арестованных.

¹ Вопросы истории. 1990. №4. С. 70-71.

1. Молотов

Пережив краткий период сталинской опалы в 1936 году (о чём свидетельствует отсутствие его фамилии в перечне руководителей, на которых подсудимые первого московского процесса якобы готовили террористические акты), Молотов вскоре стал вновь правой рукой Сталина, его наиболее доверенным лицом и первым помощником в проведении великой чистки.

В ряде случаев Сталин обращался к Молотову за "советом", как следует реагировать на тот или иной донос. Так, он переслал Молотову заявление, в котором старому большевику, члену Октябрьского ЦК Ломову ставилось в вину лишь его личное общение с Бухариным и Рыковым. Прочитав резолюцию Сталина: "Т-щу Молотову. Как быть?", Молотов наложил собственную резолюцию: "За немедленный арест этой сволочи Ломова"¹.

В мемуарах Хрущёва упоминается о записке Ежова, в которой предлагалось выслать из Москвы несколько жён "врагов народа". На этой записке Молотов против одной из фамилий сделал пометку: "Расстрелять"². Данный факт был приведён в докладе Суслова на февральском пленуме ЦК КПСС 1964 года. Здесь говорилось, что Молотов заменил приговор к 10 годам тюремного заключения, вынесенный жене видного партийного руководителя, высшей мерой наказания³.

Если в иных случаях Молотов мог сослаться на своё "доверие" к ежовскому следствию, то за один этот поступок он подлежал строгому уголовному наказанию по законам любого цивилизованного государства. Но в том-то и состояла половинчатость хрущёвских разоблачений, что Хрущёв не решался дополнить "партийный суд" над ближайшими соучастниками сталинских преступлений судом уголовным, которого они безусловно заслуживали. Такой открытый суд был опасен для выживания постсталинского режима. К тому же подсудимые на нём непременно указали бы на причастность к репрессиям самого Хрущёва и других партийных деятелей, остававшихся у кормила власти.

Спустя десятилетия Молотов так объяснял это своё ("военное", по его словам) решение:

- Такой случай был. По решению я имел этот список и поправлял его. Внёс поправку.

- А что за женщина, кто она такая?

- Это не имеет значения.

- Почему репрессии распространились на жён, детей?

- Что значит - почему? Они должны были быть в какой-то мере изолированы. А так, конечно, они были бы распространителями жалоб всяких...⁴

Такими аргументами Молотов обосновывал правомерность наиболее чудовищных преступлений сталинского режима, в которых он принимал активное участие.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. II. С. 404.

² Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 82.

³ Пленум ЦК КПСС 10-15 февраля 1964 г. Стенографический отчёт. М., 1964. С. 548.

⁴ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 415.

По словам Чуева, почти при каждой его встрече с Молотовым возникал разговор о сталинских репрессиях. Молотов не уходил от этой темы, а, напротив, подробно говорил о мотивах, по которым были репрессированы те или иные деятели партии. В этих рассказах поражает лёгкость, с которой Сталин и его приспешники решали вопросы об уничтожении своих недавних соратников. Так, Молотов вспоминал, что на одном из пленумов ЦК он цитировал показания Рухимовича о его вредительской деятельности, хотя "его лично знал очень хорошо, и очень хороший он был человек... Возможно, что вымышленные показания, но не все же доходили до того, что признавали себя виновными. Рудзутак - он же ни в чём себя не признал (виновным)! Расстреляли"¹.

О "вине" Рудзутака, рассказавшего Молотову на очной ставке, как его истязали в застенках НКВД, Молотов рассуждал следующим образом: "Я думаю, что он не был сознательным участником (заговора - В. Р.)... Бывший каторжник, четыре года на каторге был... Но к концу жизни - у меня такое впечатление сложилось, когда он был у меня уже замом, он немного уже занимался самоулучшением... Вот эта склонность немножко к отдыху и занятиям, которые связаны с отдыхом... обывательщиной такой увлекался - посидеть, закутить с приятелями, побыть в компании - неплохой компаньон... Трудно сказать, на чём он погорел, но я думаю, на том, что вот компания у него была такая, где беспартийные концы были, бог знает какие"². Из этого набора пустых фраз невозможно понять, почему "склонность к отдыху" Рудзутака заслуживала ареста и расстрела.

Наиболее потрясающими в книге Чуева представляются мне страницы, где речь идёт о судьбе Аросева, товарища Молотова по подполью, письма которого Молотов хранил на протяжении всей своей жизни (два таких дружеских письма приводятся в книге). Отзываясь об Аросеве с неизменной теплотой, Молотов так объяснял его арест и гибель:

- Пропал в 1937-м. Преданнейший человек. Видимо, неразборчивый в знакомствах. Запутать его в антисоветских делах было невозможно. А вот связи... Трудность революции...

- А нельзя было вытащить его?

- А вытащить невозможно.

- Почему?

- Показания. Как я скажу, мне доверяйте, я буду допрос что ли вести?

- А в чём Аросев провинился?

- Он мог провиниться только в одном: где-нибудь какую-нибудь либеральную фразу бросил³.

Как и у всех других "ближайших соратников", у Молотова были арестованы почти все его помощники и сотрудники. При этом он понимал, что у этих людей вымогают показания и на него самого. В 70-е годы он рассказывал Чуеву:

¹ Там же. С. 410.

² Там же. С. 410-411.

³ Там же. С. 422-423.

- Моего секретаря первого арестовали, второго арестовали. Я вижу, вокруг меня...

- А на вас писали, докладывали тоже?

- Ещё бы! Но мне не говорили.

- Но Сталин это не принимал?

- Как это не принимал? Моего первого помощника арестовали. Украинец, тоже из рабочих... видимо, на него очень нажимали, а он не хотел ничего говорить и бросился в лифт в НКВД. И вот весь мой аппарат¹.

После смерти Сталина Молотов, как и Каганович, проявил себя никчемным политиком. Оба они, в отличие от Хрущёва, Маленкова и даже Берии, не были способны выдвинуть ни одной серьёзной реформаторской идеи. Тем с большим упорством Молотов сопротивлялся любым попыткам развенчать Сталина и пролить свет на его наиболее тяжкие преступления.

В 1955 году Молотов был назначен председателем комиссии по пересмотру открытых процессов и закрытого суда над военачальниками². На этом посту он сделал всё возможное, чтобы не допустить реабилитации осуждённых. Всячески противился он и возвращению из ссылки родственников бывших видных оппозиционеров. В 1954 году вдова Томского М. И. Ефремова обратилась в КПК с заявлением о собственной реабилитации. Там её тепло приняли, обещали восстановить в партии и предоставить квартиру в Москве, выдали путёвку в санаторий. Однако после возвращения из санатория она узнала, что Молотов распорядился вернуть её в ссылку. Когда об этом стало известно Хрущёву, то он послал Ефремовой телеграмму о восстановлении её в партии и разрешении вернуться в Москву. Эта телеграмма уже не застала её в живых: сердце не выдержало нанесённого Молотовым удара³.

На июньском пленуме ЦК (1957 год), где были оглашены документы об активном участии Молотова в большом терроре, Молотов не мог не признать своей причастности к "ошибкам", как он называл преступления сталинской клики. "Я не могу снять с себя ответственности и никогда не снимал политической ответственности за те неправильности и ошибки, которые осуждены партией, - заявлял он. - ...Я несу за это ответственность, как и другие члены Политбюро"⁴.

В своё оправдание Молотов упоминал о своём докладе, посвящённом 20-летию Октябрьской революции, где им был выдвинут тезис о морально-политическом единстве советского народа. По его словам, этот лозунг был направлен на то, "чтобы перейти на моральный метод, перейти к методам убеждения"⁵. В действительности придуманная Молотовым формула звучала особенно кощунственно в годовщину большого террора. Молотов умолчал и о том, что она была изложена в таком контексте, который призван был служить ещё большему возвеличиванию Сталина. "Морально-политическое единство

¹ Там же. С. 414-415.

² Исторический архив. 1994. № 1. С. 67.

³ Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 300.

⁴ Исторический архив. 1993. № 3. С. 85.

⁵ Там же. С. 87.

народа в нашей стране имеет и своё живое воплощение, - заявил он. - У нас есть имя, которое стало символом победы социализма. Это имя вместе с тем символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя - Сталин!"¹

После исключения Молотова из партии он на протяжении более двух десятилетий обращался в ЦК и к партийным съездам с просьбами о восстановлении, в которых он неизменно защищал политику массового террора. Об этом же он неоднократно говорил в беседах с Чуевым. Несмотря на явное преклонение Чуева перед Молотовым, изложение им этих бесед отражает интеллектуальную и нравственную деградацию Молотова. Причины этого заключены не в старческом маразме. Молотов, как это отчётливо видно из его суждений, записанных Чуевым, почти до самой смерти сохранял ясность ума и отличную память. Но испытания, которые он пережил после войны (сталинская полуопала, арест жены) и в особенности после смерти Сталина (снятие с высоких постов, а затем - исключение из партии), по-видимому, сломали его как политика, лишив даже тех политических достоинств, которыми он обладал в 20-40-е годы. В его суждениях и оценках неизменно преобладают неконструктивные, "защитные" реакции - тупое упорство закоренелого сталиниста и демонстративная нравственная глухота.

До самой смерти Молотов ни слова не сказал об угрызениях совести за своё соучастие в сталинских преступлениях. Утверждая, что политика террора "была единственно спасительной для народа, для революции и единственно соответствовала ленинизму и его основным принципам"², он из года в год повторял, что готов нести за неё ответственность, к которой его, впрочем, никто не привлекал, если не считать несоразмерного с его виной наказания в виде исключения из партии. Однако даже это наказание представлялось Молотову чрезмерно суровым. "Должны были меня наказать - правильно, но исключать из партии? - говорил он. - Наказать, потому что, конечно, приходилось рубить, не всегда разбираясь. А я считаю, мы должны были пройти через полосу террора, я не боюсь этого слова, потому что разбираться тогда не было времени, не было возможности"³. Эта мысль о необходимости "спешки", при которой "разве всех узнаешь", часто варьировалась Молотовым при объяснении даже признаваемых им "ошибок" в проведении чистки. В приводимых Чуевым выдержках из рукописи Молотова "Перед новыми задачами (о завершении построения социализма)" говорится: "В 20-х и ещё больше в 30-х годах окончательно распоясалась и обнаглела крайне враждебная ленинизму группировка троцкистов (далее повторяется весь набор обвинений московских процессов - В. Р.)... Партия, Советское государство не могли допустить медлительности или задержки в проведении ставших совершенно необходимыми карательных мероприятий"⁴.

¹ Молотов В. М. К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 года. М., 1937. С. 38.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 428.

³ Там же. С. 356.

⁴ Там же. С. 428-430.

В высказываниях Молотова раскрывается механика большого террора и атмосфера, которая царил в те годы в штаб-квартире сталинского тоталитаризма: "Я подписывал Берии то, что мне присылал Сталин за своей подписью. Я тоже ставил подпись - и где ЦК не мог разобраться, и где несомненно была и часть честных, хороших, преданных... Фактически тут, конечно, дело шло на доверии органам... Иначе - всех сам не можешь проверить"¹.

В разговорах об открытых процессах Молотов ни разу не повторил бредней о том, что оппозиционеры стремились к низвержению Советской власти и реставрации капитализма. Касаясь обвинений в "сговоре" подсудимых с правительствами Германии и Японии о расчленении СССР, он говорил: "Я не допускаю, чтобы Рыков согласился, Бухарин согласился на то, даже Троцкий - отдать и Дальний Восток, и Украину, и чуть ли не Кавказ, - я это исключаю, но какие-то разговоры вокруг этого велись, а потом следователи упростили"². Впрочем, в другой раз Молотов в полном противоречии с этими суждениями заявлял, что обвинение Троцкого и Бухарина в переговорах с империалистами "доказано безусловно. Так выглядело в действительности. Может быть то, что я читал, подделанные документы, верить им нельзя, но других-то, опровергающих эти документы, нет!"³.

Полагая, что Ежов и его сподручные "запутали всё" до такой степени, что потомки никогда не смогут добраться до истины, Молотов так комментировал обвинения московских процессов: "Что-то правильно, что-то неправильно. Конечно, разобраться в этом невозможно. Я не мог сказать ни за, ни против, хотя никого не обвинял (здесь Молотов "забыл" о своих многочисленных выступлениях с яростными филиппиками против "изменников" - В. Р.). Чекисты такой материал имели, они и расследовали... Было и явное преувеличение. А кое-что было и серьёзно, но недостаточно разобрано и гораздо хуже можно предполагать"⁴.

Апеллируя к стенограммам процессов как к документам, заслуживающим доверия, Молотов замечал, что Бухарин, Рыков, Розенгольц, Крестинский, Раковский, Ягода признавали и такие обвинения, которые не могут не казаться нелепыми. Это обстоятельство он бесстыдно называл "методом продолжения борьбы против партии на открытом процессе - настолько много на себя наговорить, чтобы сделать невероятными и другие обвинения... они такие вещи нарочно себе приписали, чтобы показать, насколько нелепы будто бы все эти обвинения"⁵.

Приведённые суждения Молотова подтверждают правоту мысли Хрущёва: "Злоупотребления Сталина властью... при жизни Сталина подавались как проявление мудрости... Да и сейчас ещё остались твердолобые, которые стоят на той же позиции, молятся идолу, убийце цвета всего советского народа. Наибо-

¹ Там же. С. 440.

² Там же. С. 401.

³ Там же. С. 206-207.

⁴ Там же. С. 301-302.

⁵ Там же. С. 401.

лее рельефно отражал точку зрения сталинского времени Молотов"¹. Этой позиции Молотов придерживался и в 80-е годы, когда он говорил: "Конечно, было бы, может, меньше жертв, если бы действовать более осторожно, но Сталин перестраховал дело - не жалеть никого, но обеспечить надёжное положение во время войны и после войны, длительный период... Сталин, по-моему, вёл очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны"².

В этих каннибальских рассуждениях как бы слышится голос самого Сталина, хотя тот никогда не выступал столь откровенно с подобным объяснением причин великой чистки.

Как вытекает из слов Молотова, главным мотивом массового террора был страх правящей клики перед возможностью активизации оппозиционных сил во время войны. Многократно повторяя, что если бы не было чистки, то в руководстве партии могли "продолжаться споры", Молотов объявлял само наличие таких споров нежелательным и опасным. "Я считаю, - говорил он, - что мы поступили правильно, пойдя на некоторые неизбежные, хотя и серьёзные излишества в репрессиях, но и у нас другого выхода в тот период не было. А если бы оппортунисты (т. е. противники Сталина - В. Р.) возобладали, они бы, конечно, на это (массовый террор - В. Р.) не пошли, но тогда бы у нас во время войны была бы внутренняя такая драка, которая бы отразилась на всей работе, на самом существовании Советской власти"³. Привычно отождествляя "нас", т. е. сталинскую клику, с Советской властью, Молотов неявно признавал: наиболее серьёзной опасностью эта клика считала сохранение в партийном руководстве "споров" и инакомыслящих, способных на собственное мнение. Ещё более определённо истинные мотивы Сталина и его приспешников Молотов ненароком выболтал в следующей фразе: "Конечно, требования исходили от Сталина, конечно, переборщили, но я считаю, что всё это допустимо ради основного: только бы удержать власть!"⁴

Ползучая реабилитация Сталина в 70-е годы привела к своего рода художественной реабилитации Молотова, изображённого с нескрываемой симпатией в "киноэпопее" "Освобождение" и в пухлых романах Чаковского и Стаднюка. Вместе с тем брежневское руководство не решилось пойти на партийную реабилитацию Молотова - из-за опасений вызвать возмущение советского и зарубежного общественного мнения. Однако из недр партаппарата шли наверх "сигналы" о желательности такой реабилитации. О своих "заслугах" в этом деле с гордостью рассказывает уже в наше время один из ведущих идеологических аппаратчиков "застойного периода" Косолапов. Он вспоминает, как в 1977 году в журнал "Коммунист", редколлегия которого он тогда возглавлял, пришло "теоретическое" письмо Молотова. Прочитав его, Косолапов пригласил к себе Молотова. Между ними состоялась доверительная беседа, в ходе которой Молотов посетовал на "ограниченность своих контактов и возможно-

¹ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 80.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 416.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 402.

стей компетентно обменяться мнениями по актуальным теоретическим вопросам". Почувствовав доброжелательность со стороны собеседника, Молотов обратился к своей любимой теме и "сурово заметил: "А я по-прежнему считаю правильной политику 30-х годов. Если бы её не было, мы проиграли бы войну".

После этой беседы Косолапов направил в "верха" письмо, в котором "по своей инициативе обращал внимание... на невостребованность интеллекта и опыта Молотова и на необходимость возврата его из политического небытия... Многие из тех, с кем мне довелось работать и общаться в те годы, могут подтвердить мою неизменную точку зрения: Молотова, который, как и любой смертный, наверное заслуживал критики и даже порицания, тем не менее нельзя было исключать из КПСС... Моя решимость способствовать тому, чтобы Молотов возвратился в партию, теперь, когда я лучше вник в его интересы, только окрепла". Косолапов с удовлетворением добавляет, что это его желание осуществилось через несколько лет, когда ставший генсеком Черненко самолично вручил Молотову партийный билет. Это событие Косолапов называет "актом исторической справедливости", поскольку "дело касалось последнего рыцаря ленинской гвардии (Sic! - В. Р.)"¹.

С ещё большей определённой аналогичная точка зрения была недавно выражена на страницах "Правды", где Чуев в комментарии к новым извлечениям из своих бесед с Молотовым заявлял: "Что бы ни говорили, Молотов прошёл героический путь. А герои имеют право на многое. Так я считаю"².

¹ Марксист. 1994. №2. С. 113-115.

² Правда-5. 1995., № 12. С. 9.

2. Каганович

Уже в годы, предшествовавшие большому террору, Каганович проявил себя одним из самых преданных и лживых сталинских сатрапов, способным на самую беспощадную жестокость. В период коллективизации он и Молотов неоднократно выезжали в беспокойные регионы страны с чрезвычайными полномочиями для осуществления карательных мероприятий. Их свирепость распространялась в равной степени на непокорные массы и на партийных работников, проявлявших нерешительность в проведении репрессий. На июньском пленуме ЦК 1957 года говорилось, что в Донбассе до сих пор помнят приезд Кагановича, во время которого "началось опустошение и уничтожение кадров, и в результате Донбасс покатился вниз"¹. Молотову и Кагановичу напомнили также, "какую они резню устроили на Кубани и в степных районах Украины (в 1932-1933 годах - В. Р.), когда был организован так называемый саботаж. Сколько тысяч людей там тогда погибло! А потом всех начальников политотделов, которые распутывали эту грязную историю,.. репрессировали, все следы позатёрли"².

Несмотря на свой крайне низкий образовательный уровень, Каганович нередко выступал с "теоретическим обоснованием" сталинских акций на "идеологическом фронте". Беззастенчиво фальсифицируя марксизм, он высказывал самые мракобесные идеи. Так, в речи в Институте советского строительства и права (декабрь 1929 года) он говорил: "Мы отвергаем понятие правового государства... Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьёз о правовом государстве и тем более применяет понятие "правового государства" к *советскому* государству, то это значит, что он... отходит от марксистско-ленинского учения о государстве"³. В речи "За большевистское изучение истории партии", зачитанной в 1931 году на заседании президиума Комакадемии, Каганович объявил четырёхтомную "Историю ВКП(б)", изданную под редакцией Ярославского, "историей, подкрашенной под цвет троцкистов".

В первые месяцы великой чистки Каганович не сразу преодолел нравственный барьер, связанный с необходимостью уничтожения своих ближайших товарищей по партии. В конце 1936 года покончил жизнь самоубийством известный партийный работник Фурер, который, по словам Хрущёва, "родил" Стаханова и Изотова, организовав шумную пропаганду их рекордов. Каганович высоко ценил Фурера, с которым работал на Украине и в Москве. В прощальной записке Фурер писал, что уходит из жизни потому, что не в силах примириться с арестами и казнями невинных людей. Когда Хрущёв, которому передали это письмо, показал его Кагановичу, тот плакал, "буквально ревел навзрыд". Затем письмо попало к Сталину, который на декабрьском пленуме ЦК 1936 года иронически заявил о Фурере: "Какое письмо он оставил после самоубийства, прочтя его, можно прямо прослезиться". Самоубийства Фурера

¹ Исторический архив. 1993. № 3. С. 77.

² Исторический архив. 1994. № 1. С. 20-21.

³ Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 9.

и других партийных деятелей Сталин назвал "одним из самых последних острых и самых лёгких (Sic - В. Р.) средств", которое использовали оппозиционеры для того, чтобы "последний раз перед смертью обмануть партию путём самоубийства и поставить её в дурацкое положение". После этого Каганович, как вспоминал Хрущёв, никогда не упоминал о Фурере, "видимо, просто боялся, что я мог как-то проговориться Сталину, как он плакал"¹.

Совмещая в 1937-1938 годах три высоких поста (секретаря ЦК, наркома путей сообщения и наркома тяжёлой промышленности), Каганович направлял свои палаческие усилия прежде всего на безжалостную чистку подведомственных ему наркоматов. С санкции Кагановича были арестованы все его заместители по наркомату путей сообщения, все начальники железных дорог и многие другие лица, усилиями которых железнодорожный транспорт в 1935-1936 годах был выведен из прорыва.

На заседании бюро МГК 23 мая 1962 года, где рассматривался вопрос об исключении Кагановича из партии, ему был представлен том фотокопий его писем в НКВД с требованием ареста сотен работников железнодорожного транспорта. Были представлены также доносы, поступившие к Кагановичу, на которых он ставил резолюции: "Полагаю, шпион, арестовать"; "завод работает плохо, я полагаю, что там все враги". В одном из писем Каганович потребовал ареста одного коммуниста как немецкого шпиона на основании того, что его отец до революции был крупным промышленником, а три его брата находились за границей. На вопрос, почему он направлял такие письма, Каганович ответил: "Я не помню о них, это было 25 лет назад. Если есть эти письма, значит они есть. Это является, конечно, грубой ошибкой"².

Один из участников заседания бюро МГК рассказывал: "Мой отец был старый железнодорожник, жили мы рядом с наркоматом в доме, где жил комсостав железнодорожного транспорта... А как Каганович разделался со всеми этими людьми?.. Однажды я пришёл домой, мой отец держит коллективную фотографию и плачет. Ни одного не осталось в живых из тех людей, которые были на этой фотографии"³.

Об атмосфере, возникшей в 30-е годы на железнодорожном транспорте, говорил на июньском пленуме ЦК 1957 года Жегалин: "Я хорошо помню то время, как он (Каганович) расправлялся и чинил беззакония, как все железнодорожники (я работал машинистом) дрожали, и в результате этих репрессий лучшие, квалифицированные машинисты просто из страха проезжали контрольные стрелки и семафоры, за что несли несправедливые наказания. Вот нарком, который на крови создал себе культ железного наркома"⁴.

На июньском пленуме ЦК 1957 года и на заседании бюро МГК в 1962 году Кагановичу напомнили многие конкретные факты его участия в великой чистке: "Вы помните бывшего управляющего трестом Артёмуголь тов. Руденко?..

¹ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 53-54; Вопросы истории. 1995. № 1. С. 11.

² Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 99-101.

³ Там же. С. 99.

⁴ Исторический архив. 1994. № 1. С. 10.

Его жена проклинает вас, тов. Каганович"¹. "Помню, как вы осматривали Уралвагонзавод, как вы шли в обнимку с директором завода тов. Павлоджим в окружении собравшихся хозяйственников и строителей. Помню, как хорошо вас провожали и какое у всех было хорошее настроение. И в ту же ночь всё было омрачено третьим по счёту арестом почти всех руководителей строек... Я помню, как после вашего посещения Нижнего Тагила застрелился начальник НКВД. Застрелился неудачно, был ещё несколько дней жив и дал объяснение своему поступку: "Не могу я больше делать врагов"².

Помимо расправы с работниками "своих" наркоматов, Каганович подписывал многочисленные списки на расстрел партийных работников. В архиве был обнаружен, в частности, список на 114 человек, приговорённых к расстрелу, на котором Каганович оставил резолюцию "Приветствую"³. Была найдена и директива Кагановича, касавшаяся спецпоселенцев, отбывших срок наказания и вернувшихся в места своего прежнего жительства: "Всех вернувшихся поселенцев арестовать и расстрелять. Исполнение донести"⁴.

В 1937-1938 годах Каганович побывал в нескольких карательных экспедициях на местах. После возвращения из Киева он рассказывал, как на созванном там партийно-хозяйственном активе он "буквально взывал: "Ну, выходите же, докладывайте, кто что знает о врагах народа?"⁵. На собрании в Донбассе Каганович заявил, что среди присутствующих в зале находится немало врагов народа. В тот же вечер и ночь здесь были арестованы около 140 партийных и хозяйственных руководителей⁶.

Особенно зловещий характер носила поездка Кагановича в Ивановскую область, которую тамошние коммунисты называли "чёрным смерчем". Рассказывая об этой поездке, тогдашний заместитель начальника управления НКВД по Ивановской области Шрейдер вспоминал: 7 августа 1937 года в Иваново прибыл специальный поезд с группой работников ЦК, возглавляемых Кагановичем и Шкирятовым, которым была придана охрана более чем в тридцать человек. Для встречи комиссии ЦК на вокзал прибыли все руководящие работники УНКВД (в обком и облисполком о приезде Кагановича не было сообщено). Каганович и Шкирятов отказались остановиться на даче обкома партии, где их собирались разместить, а поехали на дачу начальника УНКВД Радзивиловского. Охрану шоссе, прилегающего к даче, нёс почти весь оперативный состав городской милиции. Позади дачи, в лесу, был размещен эскадрон милицейской кавалерии, находящийся в боевой готовности⁷.

На следующий день после прибытия в Иваново Каганович послал Сталину телеграмму, в которой сообщал: уже "первое ознакомление с материалами" привело его к выводу о необходимости немедленно арестовать двух руково-

¹ Там же. С. 8.

² Московская правда. 1989. 10 января.

³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 51.

⁴ Московская правда. 1989. 10 января.

⁵ Вопросы истории. 1990. № 4. С. 70.

⁶ Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 140.

⁷ Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. С. 64-65.

дящих работников обкома. Спустя несколько дней им была послана вторая телеграмма: "Ознакомление с положением показывает, что право-троцкистское вредительство здесь приняло широкие размеры - в промышленности, сельском хозяйстве, снабжении, торговле, здравоохранении, просвещении и политработе"¹.

Получив от Сталина полномочия на производство арестов, Каганович не отказал себе в удовольствии превратить расправу с партийными работниками в своего рода эффектный жуткий спектакль. Для этого был созван пленум обкома, на котором большинство его членов были арестованы.

О том, как это происходило, рассказывается в повести "Вопросов больше нет", написанной А. Васильевым, сыном арестованного секретаря Ивановского горкома партии. Главный персонаж повести - чудом уцелевший в 30-е годы аппаратчик вспоминает:

"Первым на сцену вышел человек с бородой (в действительности Каганович сменил бородку "под Ленина" на усы "под Сталина" в 1933 году - В. Р.). Я до этого видел его только на портретах. Он тогда в большой силе был - и наркомом, и секретарь Центрального Комитета, один чуть ли не в семи лицах. В зале тишина. Нарком нахмурился, видно, не понравилось, как его встретили, привык к триумфу. Кто-то догадливый спохватился, захолопал. Поддержали, и всё пошло, как надо...

И только тут узнал пленум о повестке дня. Первое - о состоянии агитационно-пропагандистской работы в связи с предстоящей уборкой урожая и второе - оргвопросы...

По поводу агитационно-пропагандистской работы... на трибуну выпустили заведующего областным земельным управлением Костюкова...

Костюков поднял глаза от тезисов, и мне жутко стало - такие они были стеклянные, как у мертвеца...

Костюков всё же собрался с силами, и мы услышали:

- Два дня назад мы с председателем облисполкома товарищем Казаковым посетили колхоз имени Будённого....

Нарком избоченился весь и странно как-то, не то с удивлением, не то с насмешкой спросил докладчика:

- С кем? С кем вы посетили колхоз?

- С товарищем Казаковым...

Нарком всё тем же непонятным тоном продолжает:

- Следовательно, я вас так понимаю, вы считаете Казакова товарищем? Отвечайте!

Костюков побелел и залепетал...

- Конечно... Если так... Почему бы и не считать...

Нарком посмотрел на наручные часы, потом за кулисы глянул, и к нему тотчас подскочил какой-то человек, не из наших. Нарком выслушал секундный доклад и объявил...

- Враг народа Казаков арестован двадцать минут тому назад...

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. III. С. 153.

И случилось, если по нынешним временам измерять, совершенно невероятное: кто-то из сидящих в президиуме зааплодировал. Сначала робко подхватили, затем энергичнее. Чей-то бас крикнул:

- Нашему славному НКВД - ура!..

Костюков совсем раскис и, промямлив ещё несколько слов, сошёл с трибуны, под стук собственных каблучков. Больше его никто не видел - ушёл за кулисы и навсегда.

Нарком снова на часы посмотрел и всё тем же своим непонятным тоном обратился к секретарю по пропаганде:

- Может, ты неудачного докладчика дополнишь? Секретарь вышел на трибуну белый-белый, откашлялся для порядка и сравнительно бойко начал:

- Состояние агитационно-пропагандистской работы на селе не может не вызывать у нас законной тревоги... Правда, товарищ Костюков не отметил...

При этих словах нарком вновь избоченился и ехидно спросил:

- Костюков вам товарищ? Странно, очень странно... - снова взгляд на часы и - как обухом по голове:

- Пособник врага народа Казакова последыш Костюков арестован пять минут назад...

Всё бюро обкома, весь президиум облисполкома минут за сорок подмели под метёлку¹.

Арестами Каганович продолжал заниматься и после пленума. По несколько раз в день он звонил Сталину и докладывал ему о ходе следствия. Во время одного такого телефонного разговора, при котором присутствовал Шрейдер, Каганович несколько раз повторил: "Слушаю, товарищ Сталин. Нажму на руководителей НКВД, чтобы не либеральничали и максимально увеличили выявление врагов народа"².

Свои садистские наклонности Каганович проявлял и в своём "повседневном руководстве". Как говорили члены бюро МГК в 1962 году, ему во время заседания "ничего не стоило плюнуть в лицо своему подчинённому, швырнуть стул в него" или ударить по лицу³.

Несмотря на груз тянувшихся за ним преступлений, Каганович в первые годы после смерти Сталина держался весьма самоуверенно. Как и другие члены "антипартийной группы", он полагал, что имеющееся у них большинство в Президиуме ЦК позволит им одержать лёгкую победу над Хрущёвым. Привыкнув к тому, что действительно полновластным хозяином партии и страны является Политбюро (Президиум) ЦК, а пленум ЦК выступает лишь покорным исполнителем его воли, Каганович поначалу вёл себя на заседаниях июньского пленума 1957 года воинственно и даже позволил себе кричать на его членов. Однако вскоре обнаружилось, что пленум ЦК воспринимается его участниками как высший орган партии, каким он и должен быть согласно её Уставу. Обсуждение дела Молотова, Кагановича и других стало напоминать по своей тональности обсуждение дела Бухарина-Рыкова на февральско-мартовском пле-

¹ Москва. 1964. № 6. С. 49-50.

² Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. С. 68-69.

³ Московская правда. 1989. 10 января.

нуме 1937 года - за двумя важными исключениями. Во-первых, обвиняемыми здесь были не многократно клеймившиеся ранее оппозиционеры, а лидеры партии, более тридцати лет беспрерывно состоявшие в Политбюро. Во-вторых, Молотова и Кагановича обвиняли не в вымышленных, а в действительных преступлениях.

Во время работы пленума Каганович "обновлял" свою память, по-видимому, страшась новых упоминаний о его преступлениях. Об этом свидетельствует тот факт, что его речь на декабрьском пленуме ЦК 1936 года, содержащая бесстыдную травлю "троцкистов" и "правых", была в июне 1957 года направлена из партийного архива в секретариат Кагановича¹.

В последние дни пленума, когда настроение подавляющего большинства его участников окончательно определилось, Каганович выступил с покаянными заявлениями. Спустя пять лет, во время разбора его персонального дела на заседании бюро МГК, он вновь вёл себя достаточно нагло, заявляя: "Когда здесь говорят, что я нечестный человек, совершил преступления... да как вам не стыдно". Тогда же он дал следующую оценку большому террору: "Массовые расстрелы - да, такое излишество было"².

Оценивая "уроки" борьбы своей группы с Хрущёвым, Каганович, всегда выступавший с обличениями фракционности, заявил Чуеву: "Ошибка наша в том, что мы... не были фракцией... Если бы были фракцией, мы могли бы взять власть"³.

В последние годы своей жизни Каганович не был склонен скрывать свои истинные настроения. В беседах с Чуевым он неоднократно говорил о Сталине: "Это был великий человек, и мы все перед ним преклонялись"⁴.

Своё активное участие в большом терроре Каганович объяснял тем, что "против общественного мнения тогда было пойти невозможно"; "была такая обстановка в стране и в ЦК, такое настроение масс, что по-иному, иначе и не мыслилось"⁵.

Вместе с тем однажды Каганович невзначай выболтал Чуеву истинные причины кровавых расправ над бывшими лидерами оппозиции. На вопрос: "Стоило ли их расстреливать? Может быть, их надо было снять со всех постов, отправить куда-нибудь в провинцию?" - Каганович ответил: "Видите ли, дорогой мой, в условиях нашего окружения капиталистического сколько правительств на свободе, ведь они все были членами правительства. Троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было, это было очень опасно и невозможно. Три правительства могли возникнуть из противников Сталина". Из дальнейших пояснений Кагановича отчётливо видно, насколько страшила сталинскую клику возможность объединения этих людей, несмотря на то, что они прошли через длинную полосу капитуляций и унижений. "Бухарин с Каменевым встречался (в 1928 году -

¹ Вопросы истории. 1995. № 1 С. 8-9.

² Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 102.

³ Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 193.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 89, 105.

В. Р.), беседовали, разговаривали о политике ЦК и прочее, - говорил Каганович. - Как же можно было их держать на свободе? ...Троцкий, который был хорошим организатором, мог возглавить восстание... Кто же мог поверить, что старые, опытные конспираторы, используя весь опыт большевистской конспиративности и большевистской организации, что эти люди не будут между собой связываться и не будут составлять организацию?" Революционным прошлым оппозиционеров Каганович фактически объяснял и применение к ним пыток. Эта мысль была выражена им в следующей витиеватой фразе: "Пытки, возможно, и были, но надо полагать тоже и так, что они старые, опытные большевики, и чтоб они давали добровольно показания?"¹

В отличие от переписки Сталина и Молотова, переписка Сталина с Кагановичем до сих пор не опубликована. Между тем, уже в 1957 году были собраны два тома этой переписки, "переполненной слащавостью, подхалимством, угодливым тоном" со стороны Кагановича².

¹ Там же. С. 138-139.

² Исторический архив. 1994. № 1. С. 68.

3. Ворошилов

На Ворошилова Сталин возложил задачу проведения чистки в армии. Троцкий высказывал предположение, что с определённого момента Ворошилов "стал проявлять признаки независимости по отношению к Сталину. Весьма вероятно, что Ворошилова толкали люди близкие к нему. Военный аппарат весьма прожорлив и нелегко переносит ограничения, налагаемые на него политиками, штатскими. Предвидя возможность трений и конфликтов с могущественным военным аппаратом, Сталин решил своевременно поставить Ворошилова на место. Через ГПУ, т. е. Ежова он подготовил петлю для ближайших сотрудников Ворошилова за его спиной и без его ведома и в последний момент поставил его перед необходимостью выбора. Ясно, что Ворошилов, предавший всех своих ближайших сотрудников и цвет командного состава, представлял после этого деморализованную фигуру, не способную больше сопротивляться"¹.

Эта гипотеза Троцкого подтверждается сохранившимся конспектом выступления Ворошилова на февральско-мартовском пленуме ЦК, где подчёркивалось: "В армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю к счастью, надеюсь, что в Красной Армии врагов вообще немного"². Несколько позже, в составленной для себя записи Ворошилов признавался себе: противясь увольнению из армии или аресту отдельных командиров, он опасается, что "можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом"³.

На первых порах Ворошилов действительно пытался защищать некоторых своих подчинённых. Так, ему удалось предотвратить готовившееся исключение из партии и увольнение из армии начальника Ташкентского военного училища Петрова, который в годы Отечественной войны успешно командовал армиями и фронтами и закончил её в звании генерала армии.

После процесса Тухачевского Ворошилов стал, как правило, без возражений визировать списки на арест командиров, накладывая на них резолюции типа: "нужно арестовать", "согласен на арест", "берите всех подлецов" и т. д.⁴ На донесении о том, что корпусной комиссар Савко назвал на партийном собрании арест одного из военачальников недоразумением, Ворошилов написал: "Арестуйте!"⁵.

Арестованные командиры обращались за помощью прежде всего к Ворошилову. Только в приёмную наркома обороны на протяжении 1938 года поступило более двухсот тысяч, а в 1939 году - более 350 тыс. писем, среди которых немалую долю составляли заявления, посланные из тюрем⁶. Некоторые офицеры и генералы посылали Ворошилову десятки таких заявлений, расска-

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 276.

² Вопросы истории. 1991. № 6. С. 28.

³ Они не молчали. М., 1991. С. 377.

⁴ Реабилитация. С. 299; Вопросы истории. 1991. № 6. С. 28-29.

⁵ Коммунист. 1990. № 17. С. 70.

⁶ Там же.

зывая о пытках и издевательствах, которым они подвергались. Группа командиров - товарищей Ворошилова по гражданской войне писала: "Климент Ефремович! Вы проверьте ведение дел на командиров РККА. Вы убедитесь, что материалы берут от арестованных путём насилия, угроз, превращения человека в тряпку. Заставляют писать одного арестованного на другого и этим самым предъявляют обвинение, говоря, что кто попал в органы НКВД, не должен вернуться обратно"¹. Между тем не имеется ни одного свидетельства о том, что Ворошилов откликнулся на какое-либо из таких обращений.

После ареста всех своих заместителей, руководителей армии, флота и авиации, и сотен других лиц, работавших с ним на протяжении многих лет, Ворошилов остро чувствовал ущерб, нанесённый армии. В заметках, составленных для себя, он с тревогой писал, что "авторитет армии в стране поколеблен... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя, как наркома, потерпели сокрушительный крах"².

По-видимому, Ворошилов выполнял палаческие функции не с таким рвением, как Молотов и Каганович. На июньском пленуме 1957 года Хрущёв, отделяя Ворошилова от других "ближайших соратников", говорил, что Ворошилов "больше других возмущался злоупотреблениями, особенно в отношении военных"³. Как явствует из мемуаров Хрущёва, такой вывод им был сделан на основании разговора между Сталиным и Ворошиловым, при котором ему довелось присутствовать. Во время финской войны, когда Сталин гневно критиковал Ворошилова, "тот тоже вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на критику Сталина бросил ему обвинение: "Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры". Сталин тоже ответил. Тогда Ворошилов схватил тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил ею об стол. На моих глазах это был единственный такой случай"⁴.

В отличие от Молотова и Кагановича, Ворошилов вспоминал о великой чистке с чувством горечи и отвращения. На июньском пленуме 1957 года он просил его участников "кончать об этих ужасах рассказывать"⁵. Наиболее позорные и страшные страницы тех лет Ворошилов старался как бы вытеснить из своей памяти. Этим, по-видимому, объясняется его бурная, негодующая реакция на признание Кагановича в том, что члены Политбюро подписали секретное постановление о применении пыток. "Я никогда такого документа не только не подписывал, - утверждал с горячностью Ворошилов, - но заявляю, что если бы что-нибудь подобное мне предложили, я бы в физиономию плюнул. Меня били по (царским) тюрьмам, требуя признаний, как же я мог такого рода документ подписать? А ты говоришь - мы все сидели (на заседании Политбюро во время принятия этого постановления - В. Р.)- Так нельзя, Лазарь Моисеевич"⁶.

¹ Они не молчали. С. 380.

² Вопросы истории. 1991. № 6. С. 29.

³ Исторический архив. 1995. № 3. С. 87.

⁴ Вопросы истории. 1996. № 7. С. 104.

⁵ Исторический архив. 1994. № 1. С. 18.

⁶ Исторический архив. 1991. № 3. С. 88.

От Молотова и Кагановича Ворошилов отличался и тем, что после смерти Сталина никогда не упоминал о виновности военачальников в приписанных им преступлениях. Даже в сталинские времена он, по словам первого секретаря ЦК Компартии Литвы Снечкуса, говорил литовским руководителям, что "Уборевича неправильно расстреляли"¹.

В последние годы жизни Ворошилов пытался как бы загладить свою вину по отношению к погибшим генералам. В приказе от 12 июня 1937 года он назвал Гамарника "предателем и трусом, побоявшимся предстать перед судом советского народа". Спустя тридцать лет Ворошилов написал очерк о Гамарнике, который заканчивался словами: "Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника - это трудовой и ратный подвиг... Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся"².

¹ Исторический архив. 1993. № 6. С. 71.

² Ян Гамарник. М., 1978. С. 130.

4. Микоян

Молотов, Каганович и Ворошилов составляли вместе со Сталиным и Ежовым фактически "малое Политбюро", разрабатывавшее стратегию и тактику великой чистки и подписавшее основную часть проскрипционных списков. Но и других, менее значимых лиц из своего ближайшего окружения Сталин также сделал соучастниками своих преступлений. Для подавления их политической воли и человеческой совести он использовал "сомнительные" моменты в их биографии. Предметом шантажа Микояна Сталин избрал то обстоятельство, что он сумел выжить во время своего пребывания в 1918 году на партийной работе в Баку. Как рассказал сам Микоян в 1956 году, Сталин в начале 1937 года заявил ему: "История о том, как были расстреляны 26 бакинских комиссаров и только один из них - Микоян - остался в живых, темна и запутана. И ты, Анастас, не заставляй нас распутывать эту историю"¹.

После этого Микоян беспрекословно выполнял все порученные ему палаческие и сопутствовавшие им идеологические акции. В декабре 1937 года он выступил с докладом, посвящённым 20-летию органов ЧК-ОГПУ-НКВД. В этом докладе обращали внимание два "ударных места". Во-первых, Микоян объявил: "У нас каждый трудящийся - наркомвнутделец!" Во-вторых, говоря об итогах истекшего года, он воскликнул: "Славно поработал НКВД за это время!.. Мы можем пожелать работникам НКВД и впредь так же славно работать, как они работали"².

Памятуя о национальном происхождении Микояна, Сталин послал его вместе с Ежовым и Маленковым в Армению, где ими был осуществлён разгром всего партийного руководства республики. Хотя в то время печать подчёркивала ведущую роль в этих событиях именно Микояна, его имя при упоминании о них на XXII съезде не было названо³.

После смерти Сталина Микоян обнаружил способность к смелой и решительной критике сталинизма. Из членов Политбюро 1937 года, он оказался единственным, кто поддержал Хрущёва в деле разоблачения сталинских преступлений. В напряжённые дни XX съезда, когда ещё не был решён вопрос, - зачитывать ли секретный доклад Хрущёва, Микоян выступил с яркой речью, которая вызвала огромный резонанс в стране и во всём мире. Не упоминая имени Сталина, он тем не менее дал недвусмысленную оценку сталинскому режиму, указав, что "в течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осуждённый ещё Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на её деятельность"⁴.

От бесцветных выступлений остальных членов Политбюро речь Микояна отличалась обилием приведённых фактов и чёткостью обобщений. Особое внимание в ней было уделено критике историко-партийной литературы, вклю-

¹ Медведев Р. А. Они окружали Сталина. С. 183.

² Правда. 1937. 21 декабря.

³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. II. С. 214.

⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., 1956. Т. I. С. 302.

чая священный для сталинистов "Краткий курс истории ВКП(б)". "Если бы наши историки, - говорил Микоян, - по-настоящему, глубоко стали изучать факты и события истории нашей партии за советский период... то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма, осветить многие факты и события, изложенные в "Кратком курсе"¹.

Тему исторических фальсификаций Микоян избрал плацдармом для того, чтобы впервые сообщить о лживости обвинений в адрес некоторых деятелей партии, числящихся врагами народа. "Один московский историк, - заявил он, - договорился даже до следующего: не будь среди украинских партийных руководителей тов. Антонова-Овсеенко и тов. Косиора, возможно, не было бы махновщины и григорьевщины, Петлюра не имел бы успеха в отдельные периоды, не было бы и увлечения насаждением коммун (кстати, явление не только украинское, а общее для партии в то время), и сразу, видите ли, на Украине была бы взята линия, на которую вся партия и страна перешли в результате нэпа"². Наиболее ошеломляющим в этой тираде было употребление имён стократ заклеянных большевиков с приставкой "товарищ".

После речи Микояна закоренелым сталинистам, входившим в состав Политбюро, было уже трудно сопротивляться оглашению доклада Хрущёва о Сталине.

¹ Там же. С. 325.

² Там же. С. 326.

5. Андреев

Секретаря ЦК Андреева Сталин шантажировал беспрецедентным среди "ближайших соратников" фактом его биографии. Во время дискуссии о профсоюзах в 1920-1921 годах Андреев, тогда один из самых молодых членов ЦК, голосовал за платформу Троцкого. Поэтому, несмотря на безоговорочную защиту им позиций правящей фракции во всех последующих дискуссиях, за ним закрепилась репутация "в прошлом активного троцкиста". Сохранение Андреева в составе Политбюро должно было служить подтверждением того, что Сталин не карает "разоружившихся троцкистов", проявляющих беспощадность по отношению к своим прежним единомышленникам. На заседании Военного Совета, предшествовавшем суду над группой Тухачевского, Сталин указал на находившегося рядом с ним Андреева, заявив, что тот "был очень активным троцкистом в 1921 году", но потом отошёл от троцкизма и "дерётся с троцкистами очень хорошо"¹.

Хрущёв вспоминал, что "Андрей Андреевич сделал очень много плохого во время репрессий 1937 года. Возможно, из-за своего прошлого он боялся, чтобы его не заподозрили в мягком отношении к бывшим троцкистам. Куда он ни ездил, везде погибало много людей"².

Самой палаческой экспедицией Андреева была поездка осенью 1937 года в Узбекистан. Её формальной целью было "разъяснение" Центральному Комитету Компартии республики письма Сталина и Молотова о первом секретаре ЦК Узбекистана Икрамове, ещё остававшемся на свободе. В нём говорилось, что ЦК ВКП(б) на основании показаний арестованных и очных ставок установил: "Т. Икрамов не только проявил политическую слепоту и близорукость в отношении буржуазных националистов, врагов узбекского народа,.. но иногда даже покровительствовал им"; у него "по-видимому, были связи с руководителями троцкистско-правых групп в Москве". Республиканскому пленуму ЦК предлагалось "обсудить вопрос тов. Икрамова и сообщить своё мнение ЦК ВКП(б)"³.

Ко времени пленума большинство членов узбекского ЦК уже находились в тюрьме. Собравшийся в усечённом составе пленум выразил требуемое "мнение" об Икрамове и открыл новую волну террора в республике. Ситуация, возникшая во время пребывания Андреева в Ташкенте, была настолько страшной, что Икрамов сразу же после пленума сказал своей сотруднице, выдвинутой на должность секретаря обкома: "Ни в коем случае не принимайте назначения. Вас сразу арестуют. Заболейте, уезжайте, что хотите. Им надо выполнить план по номенклатуре"⁴. Самому Икрамову было приказано направиться в одном поезде с Андреевым в Москву, где он вскоре был арестован.

После снятия Ежова с поста наркома внутренних дел Андреев был назначен председателем комиссии Политбюро по расследованию деятельности

¹ Источник. 1994. № 3. С. 74.

² Вопросы истории. 1990. № 4. С. 78.

³ Знамя. 1989. № 6. С. 95.

⁴ Там же. С. 75.

НКВД. На его имя стали поступать тысячи писем от арестованных с просьбами о пересмотре их дел. Хорошо знавший Андреева 62-летний большевик Кедрова писал: "Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к Вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не проходите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов... Убеждён, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств необоснованность обвинений будет легко установлена"¹. Письмо было оставлено Андреевым без ответа. Хотя устроенный над Кедровым суд оправдал его, он был казнён в начале Отечественной войны по личному приказу Берии.

¹ Реабилитация. С. 55-56.

6. Калинин

Среди членов сталинского Политбюро Калинин находился в его составе дольше всех - с момента образования этого органа в марте 1919 года. Тогда же он по предложению Троцкого был избран на пост председателя ВЦИК (при этом избрании Троцкий впервые назвал Калинина "всесоюзным старостой"). Отваживавшийся в 20-х годах высказывать свои самостоятельные суждения, Калинин в 30-е годы превратился в чисто декоративную фигуру. В годы большого террора он беспрекословно давал санкции на аресты членов высшего государственного органа страны. Только во второй половине 1937 года им было направлено в Прокуратуру СССР 15 списков с порочащими данными на 181 члена ЦИК. После получения "заключения" Прокуратуры Калинин подписывал указы об исключении этих людей из состава ЦИК и передаче их дел в НКВД¹.

Калинин оказался первым из членов Политбюро, у которого была арестована жена (черед жён Молотова и Андреева наступил после войны). По свидетельству Лариной, Е. Д. Калинина была арестована летом 1938 года за характеристику Сталина, данную в беседе со старой подругой: "Тиран, садист, уничтоживший ленинскую гвардию и миллионы невинных людей".

К Калинин у как к главе государственной власти нередко обращались родственники арестованных с просьбой повлиять на решение их судьбы. Когда один московский профессор попросил способствовать освобождению своей жены из лагеря, Калинин бесхитростно ему ответил: "Голубчик, я нахожусь точно в таком же положении. Я, как ни старался, не смог помочь собственной жене. Не имею возможности помочь и вашей"².

В результате настойчивых просьб "всесоюзного старосты" Сталин распорядился освободить его жену только после войны.

¹ Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. М., 1995. С. 200-201.

² Ларина А. М. Незабываемое. С. 224-225.

7. Жданов

Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро Жданов принадлежал к когорте собственно сталинских выдвиженцев. Он возглавлял чистку в Ленинграде, начавшуюся сразу же после убийства Кирова и принявшую особенно широкий размах, поскольку большинство членов ленинградской партийной организации поддержали в 1925 году "новую оппозицию". Помимо этого, Жданову поручались выезды в другие области для расправы с местными партийными кадрами. Эти поездки по лютоści могут быть сравнимы с карательными экспедициями Кагановича и Андреева.

В октябре 1937 года Жданов провёл пленум Башкирского обкома ВКП(б), на котором обвинил руководство обкома в троцкистско-бухаринском и буржуазно-националистическом заговоре. "С политической точки зрения - это фашисты, шпионы. С социальной стороны - паршивые, развращённые чиновники". О первом секретаре обкома Быкине Жданов отозвался следующим образом: "Быкин - старый волк; *по-моему, он окажется* старым шпионом со стажем 8-10 лет (курсив мой - В. Р.)"¹.

В докладе на торжественном заседании, посвящённом 14-летней годовщине со дня смерти Ленина, Жданов заявил, что "1937 год войдёт в историю как год разгрома врагов народа"².

Будучи одним из самых циничных и безжалостных сталинских сатрапов, Жданов не был чужд и специфическому юмору. Авиаконструктор Яковлев, допущенный в те годы в круг кремлёвских вождей, вспоминал об анекдоте, рассказанном ему Ждановым: "Сталин жалуется: пропала трубка. Он заявил: "Я много бы дал, чтобы её найти". Берия уже через три дня нашёл 10 воров, и каждый из них "признался", что именно он украл трубку. А ещё через день Сталин нашёл свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате". "И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту", - добавлял Яковлев³.

¹ Вопросы истории. 1988. № 9. С. 126.

² Правда. 1938. 22 января.

³ Яковлев А. Цель жизни. М., 1969. С. 509.

8. Хрущёв

Выдвинутый на высокую аппаратную должность лишь в 1932 году, Хрущёв успешно продолжал своё восхождение в годы великой чистки. 1937 год он пробыл первым секретарём МК и МГК, а в начале 1938 года был переведён на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины. Хрущёв был единственным человеком (не считая Ежова), введённым за эти годы в состав изрядно поредевшего Политбюро в качестве кандидата.

Поведение Хрущёва существенно не отличалось от поведения других республиканских и областных секретарей, обязанных давать санкцию на арест работников, входивших в номенклатуру их партийных комитетов. Вместе с тем не случайно, что именно Хрущёв выступил инициатором разоблачения сталинских преступлений. Его мемуары свидетельствуют о том, что репрессии 1936-1938 годов вызывали его искреннее недоумение, которое после смерти Сталина превратилось в жгучее возмущение.

В мемуарах Хрущёв не скрывал своего преклонения перед Сталиным в 30-е годы и мучительности пережитого им процесса избавления от иллюзий относительно Сталина. Он писал, что только после расследования сталинских преступлений осознал в полной мере: в их основе лежали "тщательно рассчитанные поступки деспота, который сумел внушить многим и многим, что Ленин не разбирался в людях, не умел подбирать людей, а почти все, кто после его смерти возглавляли страну, оказались врагами народа"¹. Великая чистка, по словам Хрущёва, была развязана Сталиным "с целью исключить возможность появления в партии каких-то лиц или групп, желающих вернуть партию к ленинской внутрипартийной демократии, повернуть страну к демократичности общественного устройства... Сталин говорил, что народ - навоз, бесформенная масса, которая идёт за сильным. Вот он и показывал эту силу. Уничтожал всё, что могло давать какую-то пищу истинному пониманию событий, толковым рассуждениям, которые противоречили бы его точке зрения. В этом и заключалась трагедия СССР"².

Рассказывая об обстановке, сложившейся в годы большого террора на Украине, Хрущёв пытался оправдать себя тем, что нарком внутренних дел республики Успенский заваливал его бумагами, "и что ни бумага, то враги, враги, враги". Визируя списки арестованных и осуждённых, Хрущёв тем самым "осуществлял вроде бы партийный контроль (над республиканским НКВД)". Однако ему было хорошо известно, что одновременно эти списки направлялись Ежову, который докладывал о них Сталину. Таким образом, любой отказ местного партийного руководителя от санкционирования арестов был бы непременно замечен Сталиным. Описывая этот механизм великой чистки, Хрущёв справедливо замечал: "Какой же тут контроль, когда партийные органы сами попали под контроль тех, кого они должны контролировать... Над партией встала ЧК"³. Возвращаясь к характеристике взаимоотношений

¹ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 80.

² Вопросы истории. 1991. № 12. С. 62-63.

³ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 64.

между партийными органами и органами НКВД, он писал: "Собственно говоря, не мы ими руководили, а они навязывали нам свою волю, хотя внешне соблюдалась вся субординация. Фактически своими материалами, документами и действиями они направляли нас туда и так, как хотели. Мы же, согласно сложившейся практике, обязаны были во всём доверять их документам, которые представлялись в партийные органы"¹.

Понятно, что в мемуарах Хрущёв подробно останавливался на тех случаях, когда ему удавалось помешать аресту отдельных лиц. Так, он спас от ареста поэта Максима Рыльского, рассказав очередному наркому внутренних дел о том, что написанную им песню о Сталине "поёт вся Украина". Хрущёв упоминал и такие случаи, когда он по собственной воле отваживался идти в НКВД для беседы с арестованными, в виновности которых сомневался, или когда он сообщал Маленкову о своём недоверии к некоторым показаниям².

В мемуарах Хрущёва ярко описана репрессивная кампания, вызванная массовым падежом лошадей в пограничных районах Украины. Для расследования причин гибели лошадей было создано несколько комиссий, члены которых арестовывались уже в начале их работы как участники вредительского заговора. Пытаясь вникнуть в эту историю, Хрущёв узнал: профессоров и ветеринаров обвиняют в том, что они приготавливали и подсыпали в корм лошадям какое-то ядовитое зелье. После этого он попросил Успенского получить от арестованных химическую формулу этого яда. По этому рецепту был приготовлен корм лошадям, от которого они не заболели. Вслед за этим Хрущёв попытался лично допросить арестованных. Те заявили ему, что действительно травили лошадей ядовитой добавкой к кормам, полученной из Германии. Таким образом, арестованные сделали всё, чтобы "подтвердить свои показания и доказать правоту своих мучителей-чекистов"³. Падеж лошадей тем временем продолжался. Тогда Хрущёв создал две новые параллельно работающие комиссии, плюс ещё одну - из московских учёных. Эти комиссии обнаружили действительную причину гибели лошадей, заключавшуюся в заражённости несвежего корма, который давался лошадям, микроскопическим грибом, поселяющимся на соломе. После того, как была составлена строгая инструкция о приготовлении кормов, падеж прекратился. Этот рассказ Хрущёва подтверждается сообщением дожившего до наших дней академика Саркисова, который в конце 30-х годов совместно с украинскими учёными обнаружил токсичность гриба⁴. Однако ко времени этого открытия уже были расстреляны по обвинению во вредительстве многие председатели колхозов, агрономы, зоотехники, учёные.

По словам Хрущёва, даже после этих событий он не допускал мысли, что лживые показания выбиты органами НКВД, поскольку "органы эти считались безупречными"⁵. Здесь Хрущёв несомненно лукавил. Ведь ему доводилось многократно встречаться с людьми, которые рассказывали о перенесённых

¹ Там же. С. 58.

² Там же. С. 47, 51.

³ Там же. С. 61.

⁴ Правда-5. 1995. № 25. С. 11.

⁵ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 63.

ими истязаниях. Так, бывший нарком торговли Украины Лукашов после своего освобождения из тюрьмы сообщил Хрущёву, как его сделали инвалидом, требуя показаний, что он был послан Хрущёвым за границу для установления связей с зарубежной разведкой. Когда Хрущёв рассказал об этом Сталину, тот заявил: "Да, бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы. Ежов собирает"¹.

Хрущёв рассказал Сталину и о том, как к нему на приём пришёл молодой учитель, только что вышедший из тюрьмы, где его истязали, вымогая показания о том, что председатель Совнаркома Украины Коротченко - агент румынского королевского двора. Услышав, что Коротченко был, по версии НКВД, связан с румынским королем, Сталин "пошутил": "Или с королевой? Сколько лет этой королеве?" Хрущёв ответил в том же духе: "Король там несовершеннолетний, а есть мать-королева. Он, должно быть, связан с королевой-матерью". Это вызвало ещё больше шуток².

Этот эпизод, как и упоминавшийся выше анекдот Жданова, ярко рисует атмосферу, царившую среди сталинской камарильи. Правда, в данном случае результатом "обмена шутками" стал расстрел следователей, стряпавших "дело Коротченко".

По-видимому, в данном рассказе Хрущёва речь идёт о деле молдавского учителя Садалюка, у которого добивались порочащих показаний не только на Коротченко, но и на Хрущёва. Жалоба Садалюка в декабре 1938 года рассматривалась на заседании Политбюро, в результате чего было принято решение: "Организовать открытый суд, расстрелять виновных и опубликовать (об этом) в печати (центральной и местной)"³.

Этот эпизод характеризует особое доверие, которым пользовался у Сталина Хрущёв, после XVIII съезда избранный членом Политбюро.

¹ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 86-87.

² Вопросы истории. 1990. № 5. С. 48-49.

³ Хлевнюк О. В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 225.

9. Берия

Берия оказался одним из двух секретарей республиканских компартий, благополучно переживших великую чистку. Вторым был секретарь Азербайджанского ЦК Багиров. Оба они, ранее возглавлявшие республиканские органы ЧК-ГПУ, не зависели, как другие партийные секретари, от местного НКВД, а полностью подчинили его себе, самолично руководя террором в своих республиках.

Сталин не препятствовал созданию в Грузии культа Берии, превосходившего своими масштабами любой другой "местный" культ. О Берии грузинские поэты сочиняли восторженные стихи и песни, а его приспешник Меркулов опубликовал брошюру под названием "Верный сын партии Ленина-Сталина".

Эренбург в своих воспоминаниях рассказывал, как впервые увидел Берию на торжественном заседании, посвящённом юбилею Руставели. "Некоторые выступавшие его прославляли, и тогда все стоя аплодировали. Берия хлопал в ладоши и самодовольно улыбался. Я уже понимал, что при имени Сталина все аплодируют, а если это в конце речи, встают. Но удивился - кто такой Берия? Я тихо спросил соседа-грузина, тот коротко ответил: "Большой человек"¹.

Ощущая доверие Сталина и предугадывая его желания, Берия вёл провокационную кампанию против Орджоникидзе, стоявшего неизмеримо выше его в партийной иерархии. Он арестовал старшего брата Серго, который вместе с женой был приговорён в 1937 году бериевской "тройкой" к расстрелу. Ещё в ноябре 1936 года начальник секретно-политического отдела грузинского НКВД Кобулов в рапорте на имя Берии сообщал, что арестованный Гогоберидзе сознался в распространении "контрреволюционных клеветнических измышлений о прошлом тов. Берии... со слов т. Орджоникидзе"².

В 1937 году по указанию Берии были арестованы и привезены в Тбилиси бывшие руководители Грузии, в последние годы перед арестом работавшие за пределами республики.

Один из них - бывший председатель грузинского Совнаркома Орахелашвили, в частности, показал на следствии: "Мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Леваном Гогоберидзе, Петре Аниашвили и Нестором Лакоба ведут самую активную борьбу против секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берия, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные вымыслы". Такие показания, как сообщил в 1953 году бывший нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе, вымогались для того, чтобы "послать протокол И. В. Сталину и скомпрометировать Орджоникидзе хотя бы посмертно"³.

По словам Кобулова, Берии принадлежала инициатива в проведении репрессий против грузинских партийных работников, а "Гоглидзе был у него на посылках... Если Берия давал указание "крепко допросить", то следователи... боялись не выполнять этих указаний, так как могли сами попасть в такое по-

¹ Эренбург И. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9. М., 1967. С. 183.

² Берия: конец карьеры. М., 1991 С. 367.

³ Там же. С. 378-379.

ложение"¹. Нередко Берия самолично избивал арестованных и приказывал бить их ещё и перед расстрелом.

Во время следствия по делу Берии было собрано 26 томов его предписаний об арестах и более ста его резолюций типа: "крепко излупить", "взять в работу и выжать всё". Берия руководил республиканской "тройкой", которая рассмотрела дела на 30 тыс. чел., из которых 10 тысяч были приговорены к расстрелу².

В 1936 году Берия своими руками уничтожил двух видных партийных деятелей Закавказья. Летом этого года он расстрелял в своём кабинете первого секретаря ЦК Компартии Армении Ханджяна. В печати было сообщено, что Ханджян покончил жизнь самоубийством. Спустя несколько месяцев Берия отравил председателя ЦИК и Совнаркома Абхазии Лакобу. В официальном сообщении указывалось, что Лакоба умер от разрыва сердца. Лакоба был торжественно похоронен, свои соболезнования по поводу его смерти прислали Димитров, Будённый и другие известные деятели. А через несколько месяцев состоялся суд над руководителями Абхазии, на котором Лакоба был объявлен главой местного заговора. Берия приказал выкопать и сжечь его труп, а пепел развеять по ветру. По приказу Берии были расстреляны все сотрудники Лакобы и все члены его семьи, включая несовершеннолетнего сына³.

¹ Там же. С. 374.

² Там же. С. 316.

³ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 86.

10. Маленков

В 20-е годы Маленков работал в секретариате Сталина, а в наиболее острый период борьбы с левой оппозицией руководил партийной организацией МВТУ, где влияние троцкистов было особенно велико. В 1934-1939 годах он возглавлял в ЦК отдел руководящих партийных органов. На этом посту он стал одним из организаторов расправы над местными партийными руководителями.

В 1936 году Маленков вместе с Ежовым создал версию о существовании в Белоруссии разветвлённой сети антисоветского подполья, на основании которой было исключено из партии более половины коммунистов республики. Когда в 1937 году председатель Совнаркома Белоруссии Голодед поставил эту версию под сомнение, Маленков выехал в Белоруссию, где во время его пребывания были арестованы почти все руководители республики¹. В сентябре 1937 года Маленков вместе с Микояном и Берией осуществил расправу над партийно-государственным руководством Армении. При этом он лично допрашивал многих арестованных, прибегая в ряде случаев к их избиванию².

Столь же зловещими были поездки Маленкова в автономные республики и области Российской Федерации. После этих поездок были арестованы первый секретарь Тульского обкома Сойфер, первый секретарь Ярославского обкома Зимин, первый секретарь Татарского обкома Лепа³.

После ареста Ежова Берия провёл его специальный допрос о Маленкове. Заполучив в 1955 году протокол этого допроса, по-видимому, серьёзно компрометировавший его, Маленков данный документ уничтожил⁴.

После великой чистки формальный статус Маленкова был приведён в соответствие с его фактической политической ролью. В марте 1939 года он был избран членом и секретарём ЦК, а в феврале 1941 года - кандидатом в члены Политбюро.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. I. С. 297.

² Там же. Т. II. С. 214.

³ Исторический архив. 1993. № 3. С. 23.

⁴ Там же. С. 22.

11. Мехлис

В 1937 году Мехлис был назначен начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии и заместителем наркома обороны. В "Бюллетене оппозиции" это назначение комментировалось следующим образом: "Назначая свою лошадь в сенаторы, Калигула хотел унижить римский сенат. Назначая своего лакея Мехлиса в вожди Красной Армии, Сталин преследует гораздо менее платонические цели. Бывший личный секретарь Сталина, бездарный карьерист, спец по закулисной интриге, исполнитель наиболее грязных дел хозяина, Мехлис силен лишь поддержкой Сталина. Мехлис - замнаркомвоена! Кто поверил бы этому ещё полгода тому назад? Чем больше "врагов народа" истребляет Сталин, подымаясь на их трупах вверх, тем большая пустота образуется вокруг него. Резервы верных ограничены сегодня субъектами типа Мехлиса"¹.

На новом посту Мехлис принял руководящее участие в завершении разгрома командных кадров. Он многократно выезжал в военные округа, где проводил аресты командиров среднего звена и посылал Сталину шифровки с просьбой санкционировать арест наиболее крупных военачальников.

О иезуитстве Мехлиса и садистском удовольствии, которое он испытывал в годы массовых репрессий, рассказывается в воспоминаниях Б. Ефимова. Здесь приводится рассказ Михаила Кольцова о беседе с Мехлисом: "Сидим в моём кабинете, а он вдруг говорит: "А знаешь, Миша, надо очень и очень присмотреться к Августу Потоцкому. Это, безусловно, замаскированный враг". Я обомлел. "Что ты, Лев? -говорю, Август?! Этот честнейший, преданнейший большевик? Старый политкаторжанин?" - "Да, да, Миша, - отвечает Мехлис нетерпеливо и злобно, - именно он, честнейший и преданнейший. Именно из таких, как ты говоришь, "честнейших", царская охранка вербовала провокаторов!.." И в эту минуту в кабинет вошёл... Август с газетными полосами на подпись. Ты бы видел, как мгновенно и жутко изменилось лицо Мехлиса, как ласково и приветливо он заговорил: "А-а!.. Товарищ Август! Рад вас видеть! Как поживаете, дорогой, как здоровье?" - "Спасибо! Стареем, товарищ Мехлис, стареем..." - "Ну, что вы, товарищ Август! Вам ещё рано стареть! Вон вы какой богатырь. Ещё поработаете для "Правды", для партии!" ...А ведь Август, видимо, уже конченный человек. Это вопрос дней"².

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 23.

² Михаил Кольцов каким он был. М., 1989. С. 100-102.

12. Шкирятов

Шкирятов, работавший с 1934 года секретарём партколлегии Комиссии партийного контроля, стал фактическим главой этой Комиссии после того, как Ежову в сентябре 1936 года было поручено "9/10 своего времени отдавать работе в НКВД". О характере участия Шкирятова в великой чистке рассказывалось на июньском пленуме ЦК 1957 года: "Шкирятов механически штамповал все незаконные действия органов..., которые без всякого основания арестовывали многих коммунистов и об этом сообщали Шкирятову, а Шкирятов, в свою очередь, принимал единоличное решение: исключить арестованного из членов партии, как врага народа... Получалось, что основанием для исключения из партии арестованного являлось сообщение... о факте ареста, а основанием для обвинения во вражеской деятельности арестованного было постановление КПК об исключении его из партии как врага народа"¹.

О власти, которую приобрёл Шкирятов, говорит следующий факт. В 1939 году партийный работник А. В. Снегов, освобождённый из тюрьмы, побывал у нескольких членов Политбюро и рассказал им о том, что творится в застенках НКВД. После этого один лишь Микоян счёл нужным обратиться к Шкирятову с просьбой об ускорении партийной реабилитации Снегова. Когда Снегов пришёл к Шкирятову в КПК, он был там вновь арестован, после чего провёл 17 лет в лагерях².

* * *

Поведение названных выше лиц в 1936-1938 годах подтвердило правильность замечания Троцкого о том, что ближайшее сталинское окружение "состоит из средних бюрократов, опьянённых вырванной ими у партии властью"³.

Большинство этих людей осуществляло свою дьявольскую миссию, по-видимому, без удовольствия. Будучи предоставленными самим себе, они, вероятно, отказались бы от проведения великой чистки. Об этом свидетельствует то, что буквально на следующий день после смерти Сталина они приостановили новый вал террора, угрожавший превзойти все предшествовавшие. Вслед за этим они достаточно быстро и легко расправились с Берией и его сатрапами, захватившими все ведущие посты в МВД, и приступили к массовой реабилитации ранее осуждённых.

Эти люди, не смеявшие при Сталине и заикнуться о своих сомнениях в правомерности репрессий, ясно сознавали их необоснованность. Когда на июльском пленуме ЦК 1953 года Хрущёв заявил: "Давайте посмотрим дела 1937 года и после 1937 года. Среди них было много липовых дел", из зала последовала реплика: "Больше половины липа, правильно". Не встретило никаких возражений и другое заявление Хрущёва: "Особое совещание - вот вам самый настоящий террор"⁴.

¹ Исторический архив. 1993. № 6. С. 13.

² Медведев Р. А. Они окружали Сталина. С. 187.

³ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 2.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 150, 154.

Приведённые в этой главе факты свидетельствуют, что ближайшее окружение Сталина не во всём совпадало с официальной партийной иерархией. Например, Маленков, не являвшийся даже кандидатом в члены ЦК, был больше приближен к Сталину и обладал большей реальной властью, чем некоторые члены и кандидаты в члены Политбюро, которым было суждено погибнуть в пожаре великой чистки.

XXI

В недрах Политбюро

На пленуме ЦК, состоявшемся 10 февраля 1934 года, Политбюро было избрано в составе десяти членов (Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев, Косиор) и пяти кандидатов (Микоян, Чубарь, Петровский, Постышев, Рудзутак). Перечень фамилий здесь дается в той последовательности, в какой они перечислялись в информационном сообщении о пленуме ЦК. Данная последовательность отражала место этих людей в партийной иерархии и их популярность в партии и стране (точнее, ту популярность, которую стремились создать им официальная пропаганда).

До 1937 года изменения в составе Политбюро произошли лишь на февральском пленуме ЦК 1935 года, где Микоян и Чубарь были избраны членами, а Жданов и Эйхе - кандидатами в члены Политбюро. К моменту февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года членами Политбюро были девять человек (за вычетом умерших Кирова, Куйбышева и Орджоникидзе), а кандидатами - пять человек. Из членов Политбюро в годы великой чистки было репрессировано двое, остальные вошли в состав Политбюро, избранного на XVIII съезде. Из кандидатов в члены Политбюро было репрессировано трое, один (Петровский) был снят с руководящей работы и один (Жданов) - переведён после XVIII съезда в члены Политбюро.

Во многих зарубежных работах о великой чистке репрессированные члены и кандидаты в члены Политбюро причисляются к некой "либеральной группе", якобы пытавшейся противодействовать сталинскому террору. Например, Авторханов утверждает, что Косиор, Чубарь, Рудзутак и Постышев вместе с Орджоникидзе выступали против суда над Рыковым и Бухариным¹. Ставшие доступными за последние годы источники доказывают полную несостоятельность подобных версий. "Отбор", произведённый Сталиным, объяснялся другими причинами, скорее всего - его недоверчивым отношением к "инородцам". Из пяти репрессированных только Постышев был русским, Рудзутак и Эйхе были латышами, Косиор - поляком, а Чубарь - украинцем. Все эти люди никогда не входили в ближайшее окружение Сталина и, за исключением Рудзутака (а с 1934 года - и Чубаря), не принимали участия в повседневной работе кремлёвской верхушки, так как находились вне Москвы. В 1937-1938 годах Эйхе и Косиор были переведены на работу в Москву, а спустя несколько месяцев после этого были арестованы. Относительно их исключения из состава ЦК и из партии не проводилось даже формальной процедуры опроса членов ЦК.

Эйхе в октябре 1937 года был назначен наркомом земледелия СССР, а на январском пленуме ЦК 1938 года выступил с докладом, вызвавшим одобрение Сталина. Его арест был произведён 29 апреля 1938 года.

¹ Октябрь. 1992. № 8. С. 158-159.

Косиор был назначен в январе 1938 года заместителем председателя СНК СССР и председателем Комиссии советского контроля при СНК. В апреле 1938 года он был отстранён от всех занимаемых постов, а в мае арестован. По этому поводу не было ни решения Политбюро, ни обмена мнениями между его членами¹.

Можно полагать, что одной из причин расправы над Косиором была его nepозволительная, с точки зрения Сталина, "вина": попытка заступиться за своего брата Владимира, "неразоружившегося" троцкиста, находившегося с 1928 года в ссылке. После того, как в начале 1936 года была арестована жена В. Косиора, последний написал гневное письмо брату, в котором требовал её освобождения. С. Косиор переслал это письмо Ежову, попросив его разобраться в данном деле. Узнав об этом, Сталин выразил резкое возмущение тем, что "Ст. Косиор находит возможным вмешиваться в это шангажистское дело"².

Чубарь в январе 1938 года получил повышение, будучи назначен на пост первого заместителя председателя Совнаркома. 16 июня 1938 года было принято постановление Политбюро, в котором говорилось: "Ввиду того, что показания Косиора, Эйхе, Тр. Чубаря (брата В. Я. Чубаря), а кроме того, показания Рудзутака и Антипова бросают тень на т. В. Я. Чубаря, Политбюро ЦК не считает возможным оставить его членом Политбюро ЦК и заместителем председателя СНК Союза ССР и считает возможным дать ему работу лишь в провинции для испытания". На следующий день было принято ещё одно постановление Политбюро - о назначении Чубаря начальником строительства Соликамского целлюлозного комбината³.

Хрущёв, которому довелось присутствовать при последнем телефонном разговоре Сталина с Чубарем, вспоминал, что после него Сталин сказал окружающим: "Чубарь плачет, волнуется, доказывает, что он честный человек"; а тон у Сталина был сочувствующий Чубарю. Казалось, с пониманием он отнесся к переживаниям Власа Яковлевича. И я был сильно удивлён, когда буквально на следующий день Чубарь был арестован⁴.

Репрессированные члены и кандидаты в члены Политбюро, отличавшиеся до ареста неизменным послушанием, подчёркивали на суде, что они всегда и целиком были согласны со сталинской политикой, привычно именуемой ими политикой партии. Рудзук заверял суд, что "лично у него никогда не было никакой мысли против политики нашей партии". Эйхе говорил, что умрёт "так же с верой в правильность политики партии, как верил в неё на протяжении всей своей работы"⁵.

Единственным человеком в составе Политбюро, не репрессированным, но и не оставленным на руководящей работе, был Петровский. В январе 1938 года он был избран заместителем председателя Верховного Совета СССР, а спустя месяц - награждён орденом Ленина в связи с его 60-летием. Наступившая

¹ Реабилитация. С. 39.

² Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 240.

³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 167-168.

⁴ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 86.

⁵ Реабилитация. С. 36, 37.

вскоре после этого опала Петровского, по-видимому, была связана с тем, что у него были арестованы сын и зять, а второй сын, командир корпуса, был уволен из армии. В 1939 году Петровский был лишён всех своих постов и находился без работы около года, пока его старый товарищ Самойлов, работавший директором Музея Революции, не предложил стать его заместителем.

То обстоятельство, что Петровский не был репрессирован, Хрущёв объяснял тем, что он "после революции не считался активным организатором в партии. Он, так сказать, выполнял роль партийной иконы. Поэтому Петровский не был опасен для Сталина и оказалось достаточно упрятать его в Музей революции"¹.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 79.

XXII

Ликвидация Центрального Комитета

Историки, отыскивающие корни большого террора в установлениях, действовавших в ленинский период жизни партии, чаще всего ссылаются на принятую X съездом РКП(б) резолюцию "О единстве партии". Бесспорно, что эта резолюция, выработанная в экстремальной обстановке Кронштадтского мятежа, привела к существенному ограничению внутрипартийной демократии. Особенно это относится к её не подлежавшему оглашению седьмому параграфу, предоставлявшему Центральному Комитету право применять по отношению к членам ЦК "в случае нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии"¹.

В заключительной речи на съезде Ленин прямо говорил о том, что этот параграф противоречит Уставу партии и принципу демократического централизма. Он выразил надежду, что обозначенная в нём крайняя мера, вызванная угрозой расщепления партии на несколько фракций, применяться не будет². И конечно, никто не мог предположить, что когда-либо на основе данного параграфа будет исключено и тем более уничтожено подавляющее большинство состава ЦК.

Оправдывая учинённую в 1937-1938 годах расправу над Центральным Комитетом, Молотов утверждал, что этот процесс происходил без формальных нарушений Устава партии и принципа демократического централизма. "Не было такого положения, чтобы меньшинство исключило большинство, - говорил он. - Это постепенно происходило. Семьдесят исключили 10-15 человек, потом 60 исключили ещё 15... По существу это привело к тому, что в составе ЦК осталось меньшинство из этого большинства... Такой постепенный, хотя и довольно быстрый процесс очищения путей"³.

Вопреки этим софистическим рассуждениям Молотова, в ходе "очищения путей", т. е. истребления большинства Центрального Комитета допускались и многочисленные формальные нарушения. Прежде всего это касалось оговоренной в резолюции процедуры исключения из партии: обсуждения данного вопроса на пленуме ЦК. Между тем такое разбирательство было проведено только в отношении Бухарина и Рыкова, дело которых рассматривалось на двух пленумах ЦК.

После февральско-мартовского пленума 1937 года решения об исключении членов ЦК принимались в опросном порядке и утверждались списком. На трёх пленумах (в июне и октябре 1937 года и в январе 1938 года) было исключено путём голосования списками 75 человек (36 членов и 39 кандидатов), т. е. бо-

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2. М., 1970. С. 220-221.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 108.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 463.

лее половины состава ЦК¹. Многие из этих лиц к моменту голосования были арестованы.

На июньском пленуме было подтверждено исключение из ЦК восьми человек, арестованных в апреле-мае 1937 года. Помимо этого, в первый день работы пленума было исключено 26 человек, а в последующие дни - ещё 5 человек.

Некоторые из исключённых были освобождены от своих должностей задолго до пленума (Чудов в июне 1936 года, Калманович в апреле 1937 года). Другие были арестованы за несколько дней до открытия пленума (Кубяк, Румянцев, Уншлихт) или во время его работы (Сулимов, Седельников, Струспе). Небольшая часть исключённых формально оставалась на своих постах некоторое время после пленума. Лаврентьев был освобождён от должности в июле 1937 года, Любимов - в сентябре, Антипов - в январе 1938 года.

Во время работы следующего, октябрьского пленума ЦК был введён новый пропускной режим. Так, Бубнова и Затонского не пропустили в Кремль по их цековским удостоверениям. Дежуривший у входа работник НКВД заявил им, что установлен новый порядок: для присутствия на пленуме, кроме удостоверения, следует иметь ещё особый талон. Бубнов вернулся в свой наркомат, где узнал из сообщения радио, что освобождён от должности как "не справившийся с работой"² (эта формулировка употреблялась и по отношению к некоторым другим членам ЦК). Он был исключён из партии и арестован в декабре 1937 года. Затонский вернулся на Украину, где был арестован в 1938 году.

11 октября пленум ЦК рассмотрел вопрос об избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР. На следующий день обсуждался второй пункт повестки дня: "О составе ЦК". Его обсуждение свелось к выступлению Сталина, который сообщил, что за период после июньского пленума "выбыло и арестовано" 8 членов и 16 кандидатов в члены ЦК. "По рассмотрению всех материалов, по проверке материалов, оказалось, что эти люди, они - враги народа, - заявил он. - Если вопросов нет, я бы предложил принять это сообщение к сведению".

В то же время на октябрьском пленуме Сталин преподнес "подарок" некоторым уцелевшим к тому времени кандидатам в члены ЦК. Он предложил перевести десять человек из их числа в члены ЦК. Поскольку список кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, составлялся в порядке получения большинства голосов, предлагалось избрать членами ЦК тех кандидатов, которые в этом списке занимали первые десять мест.

После выступления Сталина Хрущёв предложил, помимо десяти названных Сталиным лиц, перевести в члены ЦК ещё четырёх кандидатов, которые "проводят очень большую работу". После голосования предложений Сталина и Хрущёва вопрос о составе ЦК был объявлен рассмотренным³.

На январском пленуме 1938 года было подтверждено исключение ещё 13 членов и кандидатов в члены ЦК, арестованных после октябрьского пленума. Большинство из них было исключено опросом 4-8 декабря 1937 года, причём в

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 87.

² Биневич А., Серебрянский З. Андрей Бубнов. М., 1964. С. 78-79.

³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 157-158.

опросных листах Политбюро извещало об их аресте и просило членов ЦК "санкционировать" их вывод из ЦК и арест. В протоколе январского пленума эта "санкция" обосновывалась следующим образом: "На основании неопровержимых данных Пленум ЦК ВКП(б) признает необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука В., Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами, Иванова В. и Яковлева Я., оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки, Михайлова М., связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым. Секретарь ЦК И. Сталин"¹. Из этих девяти человек двое (Чернов и Иванов) были выведены на процесс "право-троцкистского блока", от остальных, по-видимому, не удалось добиться признательных показаний. Бауман, освобождённый от своей должности ещё в апреле 1937 года, был арестован 12 октября и спустя два дня после ареста умер в Лефортовской тюрьме. Он был исключён из состава ЦК посмертно.

Во время декабрьского голосования А. И. Егоров на своём опросном листе сделал следующую надпись: "Всех этих негодяев и мерзавцев стереть с лица земли как самых подлых гадов и отвратительную нечисть"². Однако это не спасло самого Егорова, по поводу которого 28 февраля 1938 года Сталин направил следующее письмо членам и кандидатам в члены ЦК: "Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и принимая во внимание, что жена его, урождённая Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из её собственного показания, - ЦК ВКП(б) и СНК решили освободить т. Егорова от обязанностей командующего Закавказским военным округом и отчислить его из армии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) признало необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б)"³. Спустя несколько дней Егоров был арестован. Среди прочих обвинений ему вменялось в вину установление в 1919 году "преступных связей" с Троцким и подготовка в 1920 году(!) террористического акта против Сталина⁴.

После январского пленума и вплоть до XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 года) пленумы ЦК больше не созывались. Исключение ещё 14 членов и 11 кандидатов в 1938 году было проведено опросным порядком. В отношении 7 человек не производилось даже формальной процедуры опроса.

Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, в 1936-1940 годах было репрессировано 98 человек, в том числе 44 (из 71) члена ЦК и 55 (из 68) кандидатов в члены ЦК. Более 80 % из них к моменту ареста были моложе 50 лет, т. е. находились в самом расцвете сил.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 630. л. 4.

² Там же. л. 51.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 2. д. 640. л. 104.

⁴ Вопросы истории. 1995. № 4. С. 144.

За период между XVII и XVIII съездами состав ЦК уменьшился на 108 человек или на 78 процентов. За это время естественной смертью умерло пятеро (Куйбышев, Менжинский, Крупская, Товстуха и Штейнбург), насильственной смертью - двое (Киров и Орджоникидзе). О члене ЦК И. В. Косиоре было объявлено, что он умер в подмосковном санатории 3 июля 1937 года. Однако сам факт его скорострительной смерти спустя несколько дней после июньского пленума ЦК, открывшего новую волну репрессий, а также то, что он не был похоронен на Красной площади (где обычно хоронили даже кандидатов в члены ЦК), говорит о том, что он скорее всего покончил жизнь самоубийством. Трое (Томский, Гамарник и Любченко) застрелились в преддверии ареста, причём в официальных сообщениях их поступки объяснялись тем, что они "запутались в преступных связях".

К началу работы XVIII съезда в ЦК остался всего 31 человек. Из них семеро не были переизбраны в ЦК на XVIII съезде. Из этого числа пятеро (Петровский, Кржижановский, Бройдо, Чувьрин, Шварц) были устранены с руководящей работы или выведены на пенсию, двое (Юркин и Завенягин) были возвращены в состав ЦК на XIX и XX съездах.

Лишь 24 человека, избранных в ЦК на XVII съезде, вошли в его состав на следующем съезде. Из них впоследствии умерло насильственной смертью четверо. М. М. Каганович, обвинённый в шпионаже, покончил жизнь самоубийством 1 июля 1941 года. Лозовский был расстрелян в 1952 году по приговору суда над Еврейским антифашистским комитетом. Берия и Багиров после смерти Сталина были приговорены к высшей мере наказания.

Из остальных двадцати человек до смерти Сталина умерло восемь - Николаева (единственная из бывших участников оппозиций, оставленная в составе ЦК), Калинин, Жданов, Литвинов, Мехлис, Бадаев, Вейнберг и Макаров. После смерти Сталина умерли Мануильский (1959 год), Поскребышев (1965), Ворошилов (1969), Шверник (1970), Хрущёв (1971), Андреев (1971), Будённый (1973), Булганин (1975), Микоян (1978), Молотов (1986), Каганович (1991 год).

Из состава ЦК XVII съезда было избрано в ЦК на XIX съезде 15 человек, на XX съезде - 11 человек, на XXII съезде - четверо (Будённый, Микоян, Хрущёв, Шверник), на XXIII съезде - четверо (Будённый, Ворошилов, Микоян, Шверник), на XXIV съезде - двое (Будённый и Микоян).

Большинство репрессированных членов и кандидатов в члены ЦК (89 человек) были реабилитированы в юридическом и партийном отношении в 1954-1961 годах. Реабилитация тех лет не коснулась в основном жертв московских процессов (Пятаков, Сокольников, Бухарин, Рыков, Розенгольц, Чернов). Их юридическая и партийная реабилитация произошла лишь в 1988 году.

2 человека из состава ЦК были приговорены к расстрелу на процессе по делу "антисоветского троцкистского центра" (1937 г.), 8 - на суде над "правотроцкистским блоком" (1938 г.), 3 - на закрытом суде над военачальниками. О расстреле двух (Енукидзе и Шеболдаева) было объявлено в официальном сообщении о закрытом суде, якобы состоявшемся в декабре 1937 года. В действительности Енукидзе и Шеболдаев были расстреляны без суда 30 октября этого года.

Об аресте и последующей судьбе остальных членов и кандидатов в члены ЦК официально не сообщалось. Поэтому на Западе долгие годы они считались не расстрелянными, а "исчезнувшими". Общественное мнение не могло представить всей тяжести репрессий, обрушенных Сталиным на правящую верхушку.

Более половины репрессированных членов и кандидатов в члены ЦК были подвергнуты групповым расстрелам. Двенадцать из них были расстреляны 30 октября 1937 года, семь - 27 ноября 1937 года, пять - 10 февраля 1938 года, девять - 28 июля 1938 года и семь - 25 и 26 февраля 1939 года¹.

Безжалостной чистке были подвергнуты и другие высшие партийные органы. В 1937-1938 годах было арестовано и осуждено 18 из 22 членов Центральной ревизионной комиссии и около половины (29 из 61) членов Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)².

При всём этом остаётся вопрос: почему члены и кандидаты ЦК, обладавшие хотя бы формальной возможностью воспрепятствовать репрессиям, не сумели помешать расправе даже над ними самими?

В общей форме ответ на этот вопрос был дан на июньском пленуме ЦК 1957 года, где говорилось: "Если бы пленум (ЦК) принимал активное участие в руководстве партией, разве расстрелял бы он сам себя?"³.

Смысл существования партии и её выборных органов заключается в коллективной выработке важнейших политических решений. Формой этого процесса являются общепартийные дискуссии, в ходе которых на партийных собраниях свободно обсуждаются альтернативные позиции и платформы. В годы гражданской войны, т. е. в наиболее неблагоприятное время для таких дискуссий, они происходили непрерывно и охватывали ключевые вопросы внутренней и внешней политики. Существование фракций и группировок в партии считалось в то время нормальным явлением. Возникшая в 1923 году левая оппозиция пыталась возродить такое положение. В ответ на это правящая группировка решила увековечить запрет на фракции, использовав 7 параграф резолюции X съезда "Об единстве партии", впервые обнародованный на XIII партийной конференции (январь 1924 года). С этих пор борьба против всех оппозиций велась под флагом противопоставления их "раскольнической" деятельности "монолитному" Центральному Комитету.

Все лица, способные к оппозиционным выступлениям, были выброшены из ЦК в 20-е - начале 30-х годов. Однако и к 1937 году ЦК оставался таким институтом, с которым Сталину надо было до известной степени считаться, на утверждение которого следовало выносить хотя бы решения об аресте его членов. Для полного достижения сталинского идеала "монолитности" требовалось фактически ликвидировать прежний Центральный Комитет, заменить его новыми людьми, покорность которых сталинскому диктату была бы обеспечена при всех обстоятельствах.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 86.

² Реабилитация. С. 83.

³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 70.

За годы сталинского тоталитаризма пирамида высших партийных органов была фактически перевернута по сравнению с той, какой она должна была быть согласно Уставу партии. При Ленине иерархия этих органов строилась в следующем порядке: съезд партии, пленум ЦК, Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК. На съезды и пленумы ЦК выносились важнейшие вопросы партийной политики, по которым развёртывались оживлённые дискуссии, публикуемые в печати. В ходе полемики, принимавшей временами крайне острый характер, коммунисты резко критиковали, но ни в коем случае не оскорбляли друг друга. Это положение изменилось сразу же после смерти Ленина, когда атмосфера на съездах и пленумах ЦК стала принимать прямо-таки хулиганский характер, а полемика начисто утратила черты партийного товарищества.

Уже в 1923-1924 годах Политбюро превратилось в гипертрофированное сверхправительство, одновременно выполнявшее функции верховного законодателя страны (такое положение сохранилось вплоть до последних лет горбачёвской "перестройки"). Таким образом, "политику партии" определяла не партия и не её ЦК, а узкая верхушечная группа.

В середине 30-х годов на каждое заседание Политбюро выносились десятки, а то и сотни вопросов (большинство из них решалось фактически в опрощённом порядке). Поскольку члены Политбюро не могли даже вникнуть в содержание всех этих вопросов, решения по ним подготавливались штатным аппаратом ЦК, роль которого непрерывно росла.

Наиболее важные вопросы проходили через личную сталинскую канцелярию. Лишь небольшая часть принятых Политбюро, Оргбюро и секретариатом ЦК решений публиковалась в печати. Большинство их носило строго секретный характер.

На пленумах ЦК, по существу, лишь утверждались решения, подготовленные аппаратом и одобренные Политбюро. После 1929 года на пленумах не происходило никаких дискуссий и все решения принимались единогласно. Публиковались только резолюции пленумов, иногда - произнесённые на них доклады и в очень редких случаях - выступления в прениях. Стенограммы съездов публиковались целиком, но сами съезды приняли парадный и декларативный характер, выступления на них сводились к отчётам бюрократов и дежурным восхвалениям "генеральной линии". Таким образом, стала действовать следующая закономерность: чем больше была реальная властная роль партийного органа, тем в большей степени его работа была окутана покровом секретности.

В период великой чистки права ЦК и его членов были ещё более сужены. В первые годы после XVII съезда "рядовые" члены ЦК могли присутствовать на заседаниях Политбюро, не принимая участия в обсуждении вопросов. На закрытые заседания Политбюро рядовые члены ЦК не допускались, но им предоставлялась возможность знакомиться с секретными решениями, принятыми на этих заседаниях ("Особая папка"). После великой чистки и вплоть до ликвидации партии в 1991 году подавляющее большинство членов ЦК ни разу не присутствовало на заседаниях Политбюро, хотя по Уставу Политбюро должно было считаться органом, подчинённым Центральному Комитету. Суще-

ственно сузилась и сфера информированности членов ЦК. Требование "не совать нос не в свои дела" стало негласной заповедью, неотъемлемой частью дисциплинарного кодекса, обязательного для всякого высокопоставленного бюрократа.

Как вспоминал Хрущёв, "к 1938 г. прежняя демократия в ЦК была уже сильно подорвана. Например, я, кандидат в члены Политбюро, не получал материалов наших заседаний. После страшного 1937 г. я не знал, собственно говоря, кому вообще рассылались эти материалы. Я получал только те материалы, которые Сталин направлял по своему личному указанию"¹.

Из всего сказанного понятна бесправная и жалкая роль рядовых членов и кандидатов в члены ЦК, в сознании которых над всеми иными соображениями часто доминировал страх за собственную судьбу, боязнь попасть в очередной проскрипционный список. Об умонастроении этих людей свидетельствуют воспоминания писателя Авдеенко, работавшего в 1937 году корреспондентом "Правды" в Донбассе. В одной из бесед с ним кандидат в члены ЦК, секретарь Донецкого обкома Саркисов говорил: "У нас в Донбассе нет ни одного предприятия, колхоза, совхоза, учреждения, где бы ни орудовали политические бандиты с партийными билетами в кармане.

- Откуда их столько?

- Оттуда они, из кубла Троцкого. Старые наследники и теперешние выкорышки. Тайные читатели троцкистского "Бюллетеня оппозиции"^{2*3}.

У Саркисова были особые основания опасаться сталинской расправы: он был единственным человеком в составе ЦК XVII съезда (не считая расстрелянного в январе 1937 года Пятакова), который исключался из партии в 1927 году за активное участие в "оппозиционном блоке". Но и прибывший в мае 1937 года на смену Саркисову кандидат в члены ЦК Прамнек, никогда не участвовавший ни в каких оппозициях, был охвачен маниакальной подозрительностью и страхом в не меньшей степени, чем Саркисов. Свой разговор с ним Авдеенко описывал следующим образом:

- Как вам работается в Донбассе, - спрашиваю я. Он безнадежно, в полном отчаянии махнул рукой.

- С кем работать? Все первые и вторые секретари горкомов и райкомов оказались врагами народа. Почти все члены бюро репрессированы. Директора предприятий оказались вредителями или шпионами. Главные инженеры, главные технологи, даже главные врачи поликлиник и больниц - тоже из разряда сволочей. Днем с огнём надо искать честных людей. Надо семь пядей иметь во лбу, чтобы отличить порядочного человека от подлеца, фашистского наймига.

Втянутый в безумную охоту за "врагами народа", Прамнек спешил продемонстрировать собеседнику свою бдительность, остро ощущая собственную незащищённость, боязнь поплатиться за любое неосторожное слово.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 70.

² Это брошенное мимоходом замечание выступает свидетельством как острого страха сталинской клики перед изданием Троцкого, выходящим в далёкой Франции мизерным тиражом, так и того, что это издание просачивалось в СССР и в 1937 году.

³ Авдеенко А. Наказание без преступления. С. 171-172.

Раскрывая правила игры, негласно принятые в его разговоре с Прамнеком, Авдеенко писал: "Мы с Прамнеком заражены страхом перед бушующими в стране репрессиями, но тщательно скрываем друг от друга эту сторону своих переживаний, чтобы не дай бог, не возникла у кого-нибудь опасная мысль: на воре шапка горит. Свой страх перед "ежовыми рукавицами" мы топим в выпененем и ультрапатриотическом говорении. И это так надо. Инстинкт самосохранения требует потери какой-то части человеческой совести"¹.

Картина, обрисованная Авдеенко, как бы погружает нас в атмосферу 1937 года. Собеседники даже в разговоре с глазу на глаз скрывают друг от друга свои подлинные мысли и переживания, говорят искусственным языком, состоящим из набора газетных клише и площадных ругательств. В их душах живёт негласный пароль сталинской эпохи: "так надо". Это означает: надо подчиняться установленным требованиям и запретам, даже перед самим собой не ставя вопрос об их разумности. И журналист, и секретарь обкома находятся во власти страха за собственную судьбу и камуфлируют этот страх дежурными проклятиями по адресу "врагов народа". Они понимают: если не скрывать свой страх, то у собеседника может возникнуть подозрение: *этому* есть чего бояться. Кандидат в члены ЦК испытывает не меньший, а больший страх, чем простые смертные. Не отдавая до конца отчёта в этом себе самому, он сознает, что охота идёт прежде всего за партийными деятелями такого уровня, как он. Главное условие своего выживания он видит в постоянной демонстрации своей личной преданности Сталину.

Концентрация всех усилий на поисках врагов народа создавала некий порочный круг. Она отвлекала внимание партийных руководителей от управления народным хозяйством, в результате чего в бесхозной экономике плодились новые неурядицы, вплоть до аварий и катастроф, за которые искали новых козлов отпущения. "Промышленность Донбасса не выполняет государственных планов ни по чугуну, ни по стали, ни по углю, ни по химии, ни по машиностроению, - завершал свой рассказ о разговоре с Прамнеком Авдеенко. - Огромный регион в этом году работает хуже, чем в тридцать шестом. Производительность труда резко снизилась. Но прорыв на трудовом фронте нового секретаря тревожит меньше, чем на кадровом, идеологическом. Первым делом - выкорчёвывание врагов народа, замена их людьми сталинской закалки, а всё остальное приложится само собой"².

Каково было действительное устроение членов ЦК до и после ареста? К сожалению, об этом не сохранилось почти никаких свидетельств. Очевидно, эти лица содержались в условиях большей изоляции, чем другие заключённые, или находились среди таких же смертников, как они (среди репрессированных членов и кандидатов в члены ЦК не спасся от расстрела *ни один* человек).

Одно из немногих свидетельств принадлежит М. Шрейдеру, работавшему в 1938 году заместителем наркома внутренних дел Казахстана. Он вспоминал, что на первомайской демонстрации этого года во многих колоннах несли огромные портреты первого секретаря ЦК Компартии республики Мирзояна.

¹ Там же. С. 182-183.

² Там же. С. 183.

А спустя день или два в Алма-Ату поступило указание Сталина об освобождении Мирзояна от должности и отзыве его в распоряжение ЦК. По дороге в Москву Мирзоян был арестован.

По словам Шрейдера, содержавшегося в одной камере с Мирзояном, к последнему применялись особенно зверские пытки, ему перебили все ребра. На допросах Мирзояна несколько раз присутствовал Берия, лично избивавший его. Во время одного из допросов в кабинет, где находился Мирзоян, вошли Молотов, Каганович и Маленков. Мирзоян сказал им, что его страшно пытали, после чего не смог продолжать говорить и зарыдал. "- А что же, с такой сволочью, как ты, целоваться, что ли", - бросил реплику Каганович, и все присутствующие улыбнулись этой "остроте".

Даже в октябре 1954 года партийный функционер Москатов, работавший в 1937 году уполномоченным КПК в Алма-Ате, заявил Шрейдеру, что Мирзоян был "опасным врагом народа". Когда в ответ на это Шрейдер рассказал, как у Мирзояна были выбиты показания и на Москатова, последний был потрясён¹.

В мемуарах Авторханова содержится рассказ о его встрече в камере Бутырской тюрьмы с группой бывших членов ЦК, среди которых были Постышев и Варейкис. По словам Авторханова, Постышев не подписывал признательных показаний и потому находился на режиме непрерывных пыток. До появления Постышева в камере заключённые обвиняли в терроре карьеристов из НКВД, которые-де сочинили чудовищный план внутрипартийного заговора, чтобы, уничтожив старых революционеров, затем уничтожить и самого Сталина и установить в стране фашистскую диктатуру. Таких взглядов придерживался, например, Варейкис, рассуждавший о "заговоре Ежова против Сталина". Услышав эти рассуждения, Постышев заявил Варейкису: "Твоя формула будет правильной, если её перевернуть: "заговор Сталина против Ежова". Ежов - охотничий пес на поводке у Сталина, но пес преданный и разборчивый, который по воле своего хозяина уничтожает партию и терроризирует народ. Как только собака кончит охоту (а нас тогда уже не будет в живых), Сталин объявит её бешеной и уничтожит".

Ещё более принципиальный характер носили возражения Постышева по поводу слов Варейкиса: "Если цена сохранения социализма в стране - это наша гибель, то большевик должен быть готовым идти и на такую жертву". В ответ на это Постышев заявил: "Если цена сохранения социализма - это казнь партии, которая руководила его строительством, и каторга для миллионов, которые его строили, тогда мне наплевать на такой социализм. К тому же никакого социализма мы ещё не построили... Да, Ильич говорил, что у нас есть всё необходимое, чтобы построить социализм, но Сталин доказал, что у нас было, оказывается, и всё необходимое, чтобы создать единоличную тиранию, опирающуюся на палачей из НКВД, проституток из партии и уголовников из общества... И пусть Варейкис не беспокоится за тот "победивший социализм", который мы оставили на воле. Он никуда не денется, он не только останется,

¹ Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. С. 109-170, 172-174.

но его интересами Сталин оправдает как нынешнюю инквизицию, так и все свои будущие преступления"¹.

Воспоминания Авторханов едва ли можно признать вполне надёжным источником - и не только потому, что во многих других случаях он выдавал собственные выдумки за достоверные факты. Едва ли большое количество таких арестованных, как члены ЦК, могло содержаться в одной камере. Слишком резок переход от того Постышева, каким он был до своего ареста, к тому Постышеву, каким он предстаёт у Авторханова. Вместе с тем аргументация, которую вложил Авторханов в уста Постышева, могла прийти в голову многим членам ЦК в тюрьме (а может быть, и до неё). Она весьма близка аргументации заключённых-троцкистов (см. гл. XXXIII) и "невозвращенцев" 1937-1938 годов (см. гл. XXXIX-XL).

¹ Октябрь. 1992. № 8. С. 158-159.

XXIII

Партийный аппарат

На многих страницах воспоминаний Хрущёва рисуется страшная картина того, как "людей буквально хватили и тащили резать". Это касалось прежде всего партийных руководителей всех уровней, которые были арестованы, как выразился Хрущёв, тремя поколениями: "то, которое было ранее в руководстве, второе, выдвинутое и третье, тоже выдвинутое"¹. Почти все аппаратчики, которые работали в 1937 году с Хрущёвым в Москве, были уничтожены. Такая же картина предстала перед Хрущёвым на Украине, где ко времени его приезда в начале 1938 года "было в смысле кадров, что называется, чисто: ни одного секретаря обкома партии, ни одного председателя облисполкома нет, нет ни председателя Совета народных комиссаров, ни его заместителей"².

Оставшиеся на воле аппаратчики чувствовали себя смертниками, людьми, находящимися на краю пропасти. "Среди партийных работников не имелось фактически человека, на которого не было показаний"³. "Сегодня представитель какой-то партийной организации выступает и разоблачает арестованных ранее, а завтра и его самого уже нет, что тоже находило объяснение, дескать, он ретиво разоблачал, потому что сам был замешан и чтобы скрыть правду... Партийные органы были совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было выдвинуть без апробации со стороны НКВД... Создавалась замкнутая цепь порочной практики руководства, которое становилось тем самым на путь как бы самоистребления"⁴.

В книгах Р. Медведева, Р. Конквеста и других авторов приводятся обширные синодики имён руководителей, которые погибли в 1937-1938 годах. Я не стану приводить подобных перечней. Достаточно будет сказать, что от репрессий в те годы не спасся почти ни один партийный секретарь (райкома, горкома, обкома и ЦК нацкомпартий), ни один председатель исполкома любого уровня, ни один директор крупного завода, ни один союзный или республиканский нарком. В этой среде царила обстановка, охарактеризованная в одной из дневниковых записей Троцкого: "При помощи систематической клеветы, охватывающей всё: политические идеи, служебные обязанности, семейные отношения и личные связи, люди доводятся до самоубийства, до безумия, до прострации, до предательства. В области клеветы и травли аппараты ВКП, ГПУ и Коминтерна работают рука об руку. Центром этой системы является рабочий кабинет Сталина"⁵.

Одним из наиболее фундаментальных противоречий, породивших великую чистку, было противоречие между бонапартистскими устремлениями Сталина,

¹ Вопросы истории. 1990. № 4. С. 65-66.

² Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 86.

³ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 81.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 52.

⁵ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 154.

готового реализовать их даже ценой предательства интересов социализма и страны, и настроениями большинства аппаратчиков, сохранявших преданность этим интересам. Конечно, многих из этих людей Сталин ещё до 1937 года повязал соучастием в своих преступлениях. Это соучастие они пытались даже в собственных глазах оправдать тем, что истребительные походы против крестьянства или оппозиционеров продиктованы некими высшими интересами. Но даже самые изощрённые казуистические ходы не могли объяснить, как может служить делу социализма полное обезглавление партии, государства, армии, хозяйства и культуры. "Когда Сталин обвиняет ту или другую часть аппарата в утрате "бдительности", - писал Троцкий, - он этим говорит: вы заботитесь об интересах хозяйства, науки или армии, но вы не заботитесь о моих интересах! В таком же положении находится каждый из агентов Сталина во всех областях страны и на всех ярусах бюрократической башни. Бюрократия может поддерживать дальше свою власть не иначе, как подрывая все основы хозяйственного и культурного прогресса. Так, на новой исторической почве возрождается неожиданно исконный русский антагонизм между опричниной и земщиной. Борьба между ними превратилась в истребление лучших людей страны её наиболее развращёнными отбросами"¹. Указывая, что в великой чистке противоречие между Октябрьской революцией и термидорианской бюрократией нашло наиболее драматическое выражение, Троцкий писал: "В борьбе за власть и доходы бюрократия вынуждена отрубать и громить те группы, которые связаны с прошлым, которые знают и помнят программу Октябрьской революции, которые искренне преданы задачам социализма. Истребление старых большевиков и социалистических элементов среднего и младшего поколений является необходимым звеном антиоктябрьской реакции"².

Задолго до 1937 года образом жизни и менталитетом сталинской бюрократии стали лицемерие и двоедушие. Даже лучшие люди из этой среды были обречены на то, чтобы скрывать свои истинные мысли и публично повторять официальную ложь. Для характеристики психологии и поведения таких людей Сталин использовал слово "двурушник". Согласно сталинским канонам, двурушником считался тот, кто в своих публичных высказываниях дублировал утверждения официальной пропаганды, в своём поведении подчинялся партийным ритуалам, а в душе сохранял собственные убеждения, внутреннее несогласие со сталинской политикой. Чем более высокий пост занимал аппаратчик, чем лучше он был информирован о положении в стране, тем глубже он должен был подавлять свои сомнения и прятать свои колебания под густым слоем ритуальной лжи.

Двойной стандарт господствовал и в повседневном личном поведении значительной части бюрократии, далеко продвинувшейся по пути бытового переживания. Многие бюрократы, повторявшие традиционные формулы о скромности большевика, оказывались заражены чванством, барством, вельможностью. Пример этому давала бюрократическая верхушка во главе с самим Сталиным. "С тех пор, как Сталин объявил: "Жить стало лучше, товарищи! Жить

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 4.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 66-67. С. 21.

стало веселее!", - писал Орлов, - советская правящая элита отказалась от практики тайных вечеринок с выпивкой, танцами и игрой в карты, а начала устраивать подобные развлечения открыто, без всякого стеснения"¹.

До определённого времени проявления грубости, самоснабжения, самодурства аппаратчиков не служили объектом публичных обличений. При переходе к большому террору Сталин соорудил новую амальгаму. На страницах печати и на широких собраниях с участием беспартийных стали предаваться гласности такие нравы и отношения, которые ныне считаются характерными лишь для периода застоя. Так, в статье о секретаре сельского райкома партии Сурнине "Правда" писала: "По его прямому указанию советская торговля в районе упразднена. Товары бронируются и неделями лежат под прилавком. Людям высокого ранга приносит товары на дом сам заведующий районным отделом внутренней торговли, другим - директор районного универсального магазина. Не забывает Сурнин и колхозные амбары. В колхозе "Путь к коммунизму" он взял 5 пудов белой муки и 116-килограммовую свинью. Продукты ему доставлял председатель колхоза, которого скоро после этого выдвинули председателем районного союза потребительской кооперации"².

Такого рода критика поначалу представлялась даже проникательным людям попыткой очищения общественной атмосферы. Так, М. Пришвин обратил внимание на статью "Пошлость", где высмеивался секретарь парткома завода "Серп и Молот", устроивший двухдневное партийное собрание, на котором присутствовавшим предлагалось решить открытым голосованием, кого на заводе следует считать подхалимами³. "Сколько времени будет продолжаться эта политика "сшибания носов" - трудно сказать, - записывал Пришвин в своём дневнике. - Видимо, в основе её таится искреннее желание покончить с порядками подхалимства и дать голоса патриотам и вообще честным людям - с одной стороны, и с другой - создать более надёжный партийный аппарат"⁴.

Разумеется, такого рода намерения не составляли истинную цель открытого Сталиным истребительного похода против аппаратчиков. Великая чистка не была "антибюрократической революцией", как склонны считать некоторые отечественные и зарубежные исследователи. Среди поколения, выжженного в 1937-1938 годах, было намного больше бескорыстных людей, не тронутых ржавчиной коррупции и бюрократического высокомерия, чем среди тех, кто пришёл ему на смену. Обличение бытовых и нравственных изъянов, которыми действительно страдали многие бюрократы 30-х годов, было средством запугивания аппаратчиков, натравливания их друг на друга с тем, чтобы исключить их консолидацию перед лицом ударов, обрушившихся на весь правящий слой.

Характеризуя процессы, которые привели первое поколение советской бюрократии к его трагическому финалу, Троцкий писал: "Чем больше под гнѐтом исторических трудностей остывали и уставали массы, тем выше поднимался

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 140-141.

² Казѐнный оптимизм. - Правда. 1937 5 января.

³ Правда. 1937. 29 марта.

⁴ Октябрь. 1994. № 11 С. 159.

над ними бюрократический аппарат. Одновременно он совершенно менял свой внутренний характер. Революция по самому существу своему означает применение насилия масс. Бюрократия, которая благодаря революции пришла к власти, решила, что насилие является единственным фактором истории.. В то же время бюрократия всё больше приходила к убеждению, что, вручив ей власть, массы выполнили тем самым свою миссию. Так и марксистская философия истории подменялась полицейской философией.. Когда бюрократия увенчала собою революцию в изолированной и отсталой стране, она почти автоматически подняла на своих плечах Сталина, который вполне отвечал её полицейской философии и лучше, т. е. беспощаднее всех других, способен был защищать её власть и привилегии". Однако по мере отхода сталинского руководства от принципов Октябрьской революции сохранявшаяся преданность лучшей части бюрократии этим принципам становилась угрозой для всемогущества Сталина. "Боясь масс больше, чем когда-либо, он противопоставляет им бюрократический аппарат. Но самый аппарат этот никогда не достигает необходимой "монолитности". Старые традиции и новые запросы общества порождают в аппарате трения и критику. Отсюда постоянная необходимость "чистки"... А так как для касты выскочек опаснее всего те представители революционного поколения, которые хоть отчасти сохранили верность старому знамени, то ГПУ доказывает, что старые большевики - сплошь шпионы, изменники и предатели"¹.

Политическое и нравственное перерождение бюрократии проявилось ярче всего в отвержении ею принципов социального равенства, во имя которых была совершена Октябрьская революция. Приняв дарованные им привилегии как должное, аппаратчики утрачивали качества революционеров и коммунистов, отрывались от масс и руководствовались прежде всего интересами своего социального слоя.

Троцкий не раз подчёркивал, что разграничительная линия между сталинистами и левой оппозицией связана прежде всего с отношением к социальному неравенству. "Бюрократия, - отмечал он, - пришла к судебным подлогам не сразу, а постепенно, в процессе борьбы за своё господство. Ложь и подлог заложены в самом положении советской бюрократии. На словах она борется за коммунизм. На деле она борется за свои доходы, свои привилегии, свою власть. Со страхом и злобой социального выскочки она истребляет всех оппозиционеров. Чтобы оправдать этот бешеный террор перед народом, она вынуждена приписывать своим жертвам всё более и более чудовищные и фантастические преступления"².

Отмечая, что бюрократия годами воспитывалась на беззастенчивой клевете по адресу левой оппозиции, Троцкий писал: "Десятки тысяч газетных статей в десятках миллионов экземпляров, стенографические отчёты бесчисленных обвинительных речей, популярные брошюры в миллионных тиражах, толстые книги разносили и разносят изо дня в день самую отвратительную ложь, какую способны изготовить тысячи наёмных литераторов, без совести, без идей и без

¹ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 251-252.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 5.

воображения"¹. Повторение этой лжи было необходимым условием для того, чтобы любой аппаратчик мог удержаться на своём посту и добиться продвижения по службе.

Первоначально укрепление социальных позиций бюрократии и усиление бонапартистского могущества Сталина представляли два параллельно протекавших процесса. Но постепенно основное противоречие, на котором выросла бонапартистская власть, противоречие между бюрократией и народом, всё более дополнялось противоречием между революционными и термидорианскими элементами внутри самой бюрократии. Опираясь на бюрократию против народа и на термидорианцев против революционеров, Сталин неуклонно двигался к термидорианской "монолитности", т. е. к подавлению всех остатков революционного духа и малейших проявлений политической самостоятельности.

Такая "монолитность" могла быть полностью достигнута лишь путём физического истребления тех представителей бюрократии, которые сохраняли приверженность большевистским идеям и традициям и потому внутренне противостояли интересам своего социального слоя. А коль скоро репрессии против своих недавних товарищей вызывали недоумение и протест в среде даже сталинистски настроенной части аппарата, Сталин принял решение: ликвидировать весь правящий слой в том виде, как он сложился к 1937 году, и заменить его новым поколением, людьми без революционного прошлого, не имевшими преемственной связи с традициями большевизма. Отсюда выросло фундаментальное противоречие великой чистки: почти все прежние представители правящего слоя были истреблены, но зато упрочились позиции самого этого слоя, который обрёл полную политическую однородность и полностью подчинился воле "вождя".

Масштабы истребления аппаратчиков достигли небывалых размеров в период проведения выборов в Верховный Совет СССР, названных Сталиным "самыми свободными и действительно демократическими выборами, примера которых не знает история". "Бюллетень оппозиции" в статье "Верховный Совет преторианцев" сопоставлял официальные данные о выдвинутых кандидатах и избранных депутатах. Это сопоставление показало, что за 2-3 недели до выборов исчезли 54 кандидата, в том числе Межлаук, только что назначенный председателем Госплана, многие наркомы, военачальники, секретари обкомов и т. д. Среди исчезнувших были и те, кто совсем недавно именовался "организатором разгрома троцкистско-бухаринских контрреволюционеров" или "стойким большевиком, посланным тов. Сталиным на ликвидацию троцкистско-бухаринских выродков".

Среди избранных депутатов рабочие, занятые на производстве, и колхозники составляли 14 процентов. Свыше трёх четвертей депутатов были аппаратчиками разных уровней, в том числе 68 человек (6 % депутатского корпуса) - высшими чинами НКВД. 25 % партийных секретарей и председателей исполкомов, избранных депутатами, числились "исполняющими обязанности", т. е. совсем недавно заняли эти посты. Всё это дало основание авторам статьи сде-

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 154.

лать вывод, что Верховный Совет представляет собой "сборище преторианцев,... "выбранное" в условиях осадного положения"¹.

Об итогах следующего этапа "кадровой революции" рассказывала статья "Благонадёжность сталинских кадров", посвящённая сопоставлению составов партийных комитетов, избранных весной 1937 и летом 1938 года. За этот период во всех республиках, краях, областях и крупных городах парткомы были обновлены не менее чем на 85 %. Из секретарей обкомов, избранных в 1937 году, в следующем году не был переизбран никто, за исключением Жданова, Хрущёва и секретаря Горьковского обкома Ю. М. Кагановича, брата "железного наркома"². При этом, как подчёркивалось в статье, в большинстве случаев неизвестна судьба "исчезнувших" - арестованы ли они, расстреляны или только сняты со своих постов.

Сегодня мы имеем возможность восполнить пробелы анализа, осуществлённого "Бюллетенем оппозиции". Так, из 1996 делегатов XVII съезда ВКП(б) с решающим и совещательным голосом (подавляющее большинство их составляли аппаратчики) было арестовано 1108 человек, из которых 848 были расстреляны³.

Наивно было бы считать, что все аппаратчики 30-х годов разделяли фетишистское отношение к Сталину, которое было свойственно, например, Хрущёву, признававшемуся спустя тридцать лет: "Когда Сталин разоблачал врагов, я считал, что он прозорлив: он видит врага, а я? Вокруг меня, оказывается, столько было врагов, столько арестовано людей, с которыми я ежедневно общался, а я и не замечал, что они враги"⁴. Хрущёв не был старым большевиком, за ним не числилось революционных заслуг в годы царского подполья и гражданской войны, он был внезапно выдвинут в начале 30-х годов на руководящую работу Сталиным и Кагановичем. Он мало знал о прошлом Сталина и слабо разбирался в вопросах внутривнутрипартийной борьбы. Основная часть партийных руководителей 30-х годов была по своему умонастроению ближе к взглядам не Хрущёва, а большевиков-"невозвращенцев", решившихся на разрыв со сталинщиной.

К началу 1938 года на такой поступок отважились четыре человека. Из них лишь один - полпред в Румынии Бутенко объявил о своём разрыве с большевизмом. В отличие от других невозвращенцев, Бутенко не был профессиональным дипломатом или разведчиком. Будучи рядовым работником советского персонала на всемирной Парижской выставке 1937 года, он вскоре, подобно многим другим выдвиженцам, перескочил через несколько ступеней в своей карьере, превратившись за считанные месяцы в советника посольства, а затем и посла. После его внезапного исчезновения советское правительство поспешило сообщить, что он был убит троцкистами. Однако спустя несколько дней после этого сообщения Бутенко объявился в Риме, где заявил, что нико-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 20-21.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 11-13.

³ Исторический архив. 1994. № 2. С. 40.

⁴ Огонёк. 1989. № 28. С. 31.

гда не был по своим убеждениям коммунистом и что по своим политическим взглядам он близок к украинскому фашизму.

Комментируя этот неожиданный скачок Бутенко, Троцкий писал: "От много ли ему приходилось отказываться? Много ли ломать в себе? Мы этого не думаем. Очень значительная и притом растущая часть сталинского аппарата состоит из ещё не сознавших себя фашистов. Отождествлять советский режим в целом с фашизмом есть грубая политическая ошибка, в которую склонны впадать ультралевые дилетанты, игнорирующие разницу социальных фундаментов. Но симметрия политических надстроек, сходство тоталитарных методов и психологических типов бросается в глаза. Бутенко есть симптом огромной важности: он показывает нам карьеристов сталинской школы в натуральном виде"¹.

Ещё более важным симптомом политического размежевания внутри "монопольной" партии Троцкий считал уход в эмиграцию трёх коммунистов, порвавших со Сталиным, но не с большевистскими принципами. Троцкий выражал уверенность, что настроения наиболее последовательного из них - Райсса разделяют немало лиц, принадлежащих к советской бюрократии. Конечно, подчёркивал он, большинство аппаратчиков не способно на столь смелый поступок. "Они презирают свою среду. Они ненавидят Сталина. И в то же время тянут и тянут ляжку без конца. Причина такого приспособленчества коренится в самом характере термидора, как медленной, ползучей, обволакивающей реакции. Революционер постепенно и незаметно для себя втягивается в заговор против революции. Каждый новый год усиливает его связь с аппаратом и отрыв от рабочих масс. Бюрократия, особенно бюрократия ГПУ, живёт в искусственной атмосфере, которую она сама же создает для себя. Каждая сделка с революционной совестью подготавливает на завтра ещё более тяжкую сделку и тем затрудняет разрыв. К тому же остаётся иллюзия, что дело идёт о службе "революции". Люди надеются на чудо, которое вернет завтра политику правящей клики на старые рельсы, - надеются и продолжают тянуть ляжку"².

Раскрывая социальную неоднородность советской бюрократии, Троцкий отмечал подспудное формирование внутри неё различных политических типов. "Если б можно было политически просветить насквозь весь советский аппарат, мы нашли бы в нём: затаившихся большевиков; растерянных, но честных революционеров; буржуазных демократов; наконец, кандидатов фашизма". Как часто случалось с анализами Троцкого, этот анализ, правильно предугадывая тенденции развития, несколько опережал ход исторических событий. Первая названная им группа была в основном истреблена в годы великой чистки. Вторая, идейно разобщённая группа сохранилась на всём протяжении дальнейшего существования партии. Для оформления и консолидации двух последних групп понадобилось ещё несколько десятилетий. Только в годы горбачёвской "перестройки" и ельцинских "реформ" выявилась со всей наглядностью правота мысли Троцкого о том, что "ряды советского аппарата заполнены чиновниками буржуазного образа мыслей. Когда они сбрасывают с

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 5.

себя мундир сталинизма, они просто обнаруживают свою действительную политическую природу"¹. Именно такого типа бюрократы - Горбачёв и деятели его Политбюро - Яковлев, Ельцин, Шеварнадзе - стали в начале 90-х годов главными виновниками распада СССР и перевода его бывших республик на капиталистический путь развития.

Только с учётом погрома партийных кадров, учинённого в годы великой чистки и порвавшего нить большевистской преемственности, с учётом последующего загнивания сталинистского и постсталинистского режимов, можно правильно оценить тот поразительный факт, что запрет многомиллионной КПСС в 1991 году не встретил даже подобия отпора. Основная часть аппаратчиков нашла удобные ниши в новых структурах власти, а во главе большинства государств, образовавшихся на развалинах СССР, оказались бывшие руководители республиканских компартий. Шумные заверения этих людей об их внезапном "прозрении" были столь же фальшивыми и лицемерными, как их вчерашние апологетические речи о "развитом социализме".

Поэтому при всей радикальности социального переворота, произошедшего в конце 80-х - начале 90-х годов, для его осуществления не понадобилось сломать государственную машину и персонально обновить весь государственный аппарат сверху донизу, как обычно происходит при подобных социальных катаклизмах. "Безболезненность" для правящей бюрократии этого верхушечного переворота ("контрреволюция сверху") была оплачена страданиями десятков миллионов людей, ставших его жертвами.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

XXIV

Армия

Истребление цвета командного состава Красной Армии в преддверии войны Троцкий считал "фактом небывалым в человеческой истории"¹, наиболее ярким примером того, что Сталин "неизменно жертвовал интересами целого", т. е. страны, когда эти интересы вступали в конфликт с его личными интересами². Главную причину уничтожения лучших советских военачальников Троцкий видел в том, что "Сталин всячески заигрывает перед армией, но он смертельно боится её"³.

Во время партийных чисток 1933-1936 годов советская печать восхваляла надёжность и чистоту подбора коммунистических кадров армии. В подтверждение приводились данные об исключительно низком проценте вычищенных армейских коммунистов. В период великой чистки удар обрушился прежде всего на командиров-членов партии, в результате чего численность коммунистов в РККА уже к концу 1937 года уменьшилась по сравнению с 1932 годом вдвое - до 150 тыс. чел.⁴

Комментируя итоги первого года чистки, Бармин писал: "Близко зная командный состав Красной Армии, я могу насчитать лишь около десяти действительно талантливых и самостоятельных полководцев, могущих творчески руководить операциями и способных управлять массами войск в обстановке величайшего напряжения современной войны. Сталин может похвалиться тем, что одной июньской расправой (суд над военачальниками - В. Р.) он уничтожил семерых из них... Остались лишь двое крупных полководцев - маршалы Блюхер и Егоров. Остались... Надолго ли?"⁵.

Июньский процесс 1937 года стал сигналом к развёртыванию истребительного похода против военных кадров. Уже через девять дней после расстрела подсудимых было арестовано 980 командиров и политработников⁶.

21 июня был подписан секретный приказ Ворошилова и Ежова, призывавший всех военнослужащих, "замешанных в деятельности контрреволюционных фашистских и вредительских организаций или знавших об их существовании", явиться с повинной, за что была обещана амнистия. Тот факт, что никто не принёс повинную, только разжёг ярость Сталина, потребовавшего усиления репрессий в армии. Летом 1937 года Ежов на совещании в НКВД сообщил, что Сталин считает: "военно-фашистский заговор должен иметь ряд ответвлений"⁷.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 211.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 210.

⁴ Петров Ю. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. М., 1964. С. 312.

⁵ Архив Троцкого. № 15865. С. 12.

⁶ Реабилитация. С. 299.

⁷ Вопросы истории. 1991. № 6. С. 29, 30.

Значительная часть арестов высших военачальников производилась по непосредственным указаниям Сталина. Так, ознакомившись в августе 1937 года с протоколом допроса заместителя начальника разведуправления РККА Александровского, Сталин отослал его Ежову, сделав пометки "взять", "арестовать" против 30 фамилий, названных подследственным¹.

Во всех воинских частях была создана атмосфера истерической охоты за врагами народа, к которым в первую очередь были отнесены, разумеется, бывшие участники оппозиций. Во всех воинских частях и военных учебных заведениях был налажен их доскональный учёт. Так, военком Военно-электротехнической академии направил в ПУР список 269 коммунистов Академии, "участвовавших в оппозициях и антипартийных группировках, имевших колебания, выступавших в защиту оппозиционеров или имевших с последними связь"².

Другой категорией лиц, подлежащих тотальной чистке, были представители национальностей, имевших государственные образования за пределами СССР. 10 марта 1938 года Маленков поручил Мехлису представить списки армейских коммунистов - поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев и представителей ряда других национальностей. В июне 1938 года Ворошиловым была подписана директива об увольнении из РККА командиров и политработников этих национальностей или уроженцев загранич³. В этом проявилось присущее Сталину мнение о ненадёжности всех "инородцев", их способности предать социалистические принципы, даже в тех случаях, когда они отдали их защите всю свою предшествующую жизнь.

В Наркомате обороны вёлся тщательный учёт репрессированных командиров. Как сообщалось в докладной записке начальника управления НКО по начсоставу Щаденко, направленной Сталину, Молотову, Ворошилову и Андрееву, с 1 марта 1937 года по 1 марта 1938 года из РККА были уволены 21,3 тыс. чел., в том числе по политическим мотивам 17,4 тыс. чел., из которых 5329 чел. было арестовано. Репрессии касались прежде всего высшего состава, но серьёзно ослабленным оказалось также низшее и среднее командное звено. Только с 1 января по 1 ноября 1937 года из РККА было уволено более 14,5 тыс. капитанов и лейтенантов⁴.

Параллельно вакханалии репрессий в армии развернулась эпидемия самоубийств. Кончали с собой в основном лица, подвергнутые травле и ожидавшие близкого ареста. Например, начальник одного из управлений наркомата обороны Левензон застрелился после того, как был обвинён в симпатиях к Троцкому, проявленных 12-15 лет назад. Всего в РККА было зарегистрировано в 1937 году 728, а в 1938 году - 832 случая самоубийств или покушений на самоубийство⁵.

¹ Реабилитация. С. 299.

² Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. С. 23.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.

⁴ Вопросы истории. 1991. № 6. С. 30.

⁵ Коммунист. 1996. № 17. С. 73.

Многие командиры, прошедшие через первые этапы репрессий (исключение из партии или увольнение из армий), вступали на единственно доступный путь борьбы за своё спасение, направляя жалобы и апелляции в вышестоящие органы. Поток жалоб был настолько велик, что бюрократический аппарат не успевал их разбирать. В начале 1938 года Щаденко составил справку, в которой указывалось, что в наркомате обороны накопилось 20 тысяч вовсе не рассмотренных жалоб и 34 тысячи жалоб, по которым не принято окончательного решения¹.

Лишь в августе 1938 года, когда последствия погрома, учинённого в армии, стали угрожать потерей управляемости ею, была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров. Она рассмотрела около 30 тысяч заявлений и возвратила в Красную Армию около 12,5 тысяч командиров и политработников².

Некоторые командиры публично указывали на разрушительные последствия армейской чистки для обороноспособности страны. Так, начальник Химуправления РККА Степанов заявил на собрании партийного актива: "Посмотрите, что делают с кадрами. 40-45 процентов начхимв округов арестованы, 60-65 процентов начхимв корпусов и дивизий тоже арестованы... Мы сейчас настолько слабы и деморализованы, что воевать совершенно не можем"³. Выступая на заседании Военного совета при наркомате обороны, командующий Закавказским военным округом Н. В. Куйбышев назвал боевую подготовку войск неудовлетворительной. "Основная причина этого в том, - заявил он, - что округ в кадровом отношении сильно ослаблен". На это последовала "успокоительная" реплика Ворошилова: "Не больше, чем у других"⁴.

Итоги армейской чистки были подведены Ворошиловым на заседании Военного Совета, проходившем 29 ноября 1938 года. "Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, - заявил он, - никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая заражённые части организма до живого, здорового мяса, очищаясь от мерзостной предательской гнили... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за всё время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек"⁵.

С мая 1937 года по сентябрь 1938 года были репрессированы около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов⁶. За небольшим ис-

¹ Знамя. 1989. № 10. С. 41.

² Коммунист. 1990. № 17. С. 75.

³ Они не молчали. С. 379.

⁴ Самсонов А. М. Знать и помнить. М., 1988. С. 281-282.

⁵ Реабилитация. С. 300-301.

⁶ Великая Отечественная война. 1941-1945. Краткая история. М., 1965. С. 39-40.

ключением, были арестованы все начальники управлений и другие ответственные работники наркомата обороны и Генерального штаба, все начальники военных академий и институтов, все руководители Военно-Морского флота и командующие флотами и флотилиями. Вслед за Тухачевским были арестованы и расстреляны все остальные заместители наркома обороны - Егоров, Алкснис, Федько и Орлов.

Доля репрессированных была тем выше, чем более высоким был этаж военной иерархии. Из 837 человек, которым в ноябре 1935 года были присвоены персональные воинские звания (от полковника до маршала), было репрессировано 720 человек¹. Из 16 человек, получивших звания командармов и маршалов, уцелели после великой чистки только Ворошилов, Будённый и Шапошников.

Причина особого благоволения Сталина к Шапошникову, бывшему полковнику царской армии, вступившему в партию только в 1930 году, крылась, по-видимому, в том, что во время советско-польской войны 1920 года Шапошников выступил в военном журнале с шовинистической статьёй о "природном иезуитстве ляхов", которому противопоставлялся "честный и открытый дух великороссов". За публикацию этой статьи особым приказом Троцкого журнал был закрыт, а Шапошников отстранён от работы в Генеральном штабе². В 1937 году Сталин несомненно припомнил этот случай, не только оградив Шапошникова от репрессий, но и назначив его на должности начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны.

Из девяти военных работников, избранных в состав ЦК ВКП(б) XVII съездом, уцелели только Ворошилов и Будённый.

Следует подчеркнуть, что расстрелянные военачальники находились в самом расцвете физических и духовных сил. Среди подсудимых июньского процесса 1937 года старшему (Корку) было 49 лет, а младшему (Путне) - 39 лет. Тухачевский был всего на три года старше Жукова и Рокоссовского, занимавших в 1937 году должности комдивов.

Полному опустошению подвергся корпус политработников Красной Армии и Флота. Только в 1938 году было уволено 3176 политработников, в том числе "в связи с арестом" - 265 чел., исключённых из ВКП(б) - 982 чел., бывших участников внутрипартийных группировок - 187 чел. и по директиве наркома обороны об увольнении "инородцев" - 863 чел.³ Все политработники, получившие в 1935 году высшее звание армейского комиссара (16 человек), были расстреляны.

Репрессировано было большинство военных теоретиков и историков, труды которых были изъяты из пользования.

Чем выше был ранг репрессированных, тем большей в их составе была доля расстрелянных. Из 408 работников руководящего и начальствующего состава РККА, осуждённых Военной коллегией, 401 был приговорён к расстрелу

¹ Самсонов А. М. Знать и помнить. С. 316.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 273.

³ Известия ЦК КПСС. 1990 № 3. С. 193.

и только семь - к различным срокам заключения¹. Из репрессированных командиров бригадного, дивизионного, корпусного звена 643 чел. были расстреляны, 63 - умерли под стражей, 8 покончили жизнь самоубийством и 85 отбыли длительные сроки заключения². В результате предвоенных репрессий Красная Армия лишилась больше военачальников высшего звена, чем за все годы Отечественной войны.

В 1935 году был образован Военный Совет при наркомате обороны, в который входило 85 высших руководителей армии и флота. Судьба этих людей сложилась следующим образом. Один (С. С. Каменев) умер в 1936 году, двое покончили самоубийством в ожидании ареста, 76 были подвергнуты в 1937-1938 годах репрессиям. Из числа репрессированных 68 были расстреляны, один (Блюхер) был забит до смерти на допросе в Лефортовской тюрьме, один умер в лагере и трое вышли из лагерей после смерти Сталина³. Не были затронуты великой чисткой лишь 9 человек, из которых трое были репрессированы в последующие годы: Штерн был расстрелян в 1941 году, Кулик - в 1950 году, Мерецков был арестован в 1941 году и спустя несколько месяцев освобожден из тюрьмы и возвращен в армию. Таким образом, репрессии не коснулись лишь шести человек (Ворошилова, Буденного, Тимошенко, Шапошникова, Апанасенко и Городовикова). Все они, кроме Шапошникова, во время гражданской войны служили в Первой Конной армии.

Комментируя дошедшие до него (далеко не полные) сведения о чистке в Красной Армии, Троцкий напоминал, что во время первой мировой войны царское правительство арестовало военного министра по обвинению в государственной измене. По этому поводу иностранные дипломаты говорили премьер-министру Сазонову: сильное же у вас правительство, если оно решается во время войны арестовать собственного военного министра. "На самом деле сильное правительство находилось накануне крушения, - писал Троцкий. - Советское правительство не только арестовало фактического военного министра Тухачевского, но и истребило весь старший командный состав армии, флота и авиации"⁴.

Среди уцелевших командиров высокого ранга не было ни одного, на которого в 1937-1938 годах органами НКВД не собирался бы порочащий материал. Такой "компромат" был подготовлен на Жукова, Конева, Малиновского, Баграмяна, Соколовского и других будущих маршалов, полководцев Великой Отечественной войны. Всем им пришлось в период великой чистки пройти через многочисленные испытания и унижения. Так, Жуков вынужден был внести 9 февраля 1938 года в свою автобиографию следующее дополнение: "Связи с врагами народа никогда не имел и не имею. Никогда у них не бывал и у себя их также не принимал. Моя жена также ни в какой связи с врагами народа не

¹ Реабилитация. С. 302.

² Аргументы и факты. 1995. № 41.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 80.

⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 278.

состояла и никогда у них не бывала. Связь с Уборевичем, Мезисом и другими врагами народа из командования округа была только чисто служебная"¹.

На Конева в 1937 году поступил донос, в котором указывалось, что он на партийной конференции Белорусского военного округа "в одиночном числе выступил в защиту Уборевича (ещё до ареста последнего - В. Р.) и стал его восхвалять, как хорошего человека и члена партии"². В результате этого Конев направил письмо в ЦК ВКП(б), в котором сообщал, что "по долгу службы имел деловые отношения с врагами народа Уборевичем и Фельдманом, но никогда не считал их большевиками". Вместе с тем Конев признавал свою вину в том, что "нигде официально не ставил вопроса о враждебной деятельности этих людей".

Другим испытанием для Конева явилось выступление на митинге одного из полков его дивизии, где он сказал: "Надо помнить, что шпионов, диверсантов, - по указанию т. Сталина - в нашу страну будет засылаться в 2-3 раза больше, чем в капиталистические страны". Сразу же после этой речи Коневу было указано на его невольную оговорку, и он выступил вторично, "исправив свою ошибку" (следовало сказать: "как указывал т. Сталин "). Несмотря на это, он послал заявление в ЦК ВКП(б) с покаянием по поводу допущенной "ошибки"³.

Лица, занимавших, подобно Жукову и Коневу, в 1937 должности комдива, к исходу великой чистки уцелело совсем немного. Среди обновлённого генералитета Красной Армии преобладали поспешно выдвинутые лица, по своим военным знаниям и служебному опыту явно не соответствующие новым должностям. Так же обстояло дело и на всех других уровнях армейской иерархии. В представленной Сталину справке о составе командных кадров указывалось, что в 1939 году около 85 процентов командиров всех уровней были моложе 35 лет⁴.

Об уровне подготовки высших и средних командиров накануне войны свидетельствуют следующие данные. Даже среди командующих армиями были лица, не имевшие высшего военного образования. Из 225 человек, вызванных летом 1940 года на сборы командиров полков, лишь 25 окончили военные училища, а 200 - только курсы младших лейтенантов⁵. Только 7 % командиров имели высшее военное образование, а 37 % не прошли даже полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях.⁶

Трагические последствия расправы с военными кадрами обнаружались уже в период финской войны. Очевидно, её печальный опыт побудил Сталина дать указание об освобождении и возвращении в армию части командиров, находившихся в тюрьмах и лагерях. Из арестованных в 1937-1938 годах 9579 командиров 1457 были освобождены и восстановлены в армии уже в 1938-1939

¹ Известия. 1992. 8 мая.

² Они не молчали. С. 377.

³ Известия. 1992. 8 мая.

⁴ Правда. 1988. 20 июня.

⁵ Знамя. 1989. № 10. С. 41

⁶ Великая Отечественная война. 1941-1945. Краткая история. С. 40.

годах¹. Накануне Отечественной войны и в первые её месяцы было реабилитировано и возвращено в строй около четверти репрессированных офицеров и генералов, оставшихся к тому времени в живых². Среди освобождённых из заключения был будущий маршал Рокоссовский, содержавшийся во внутренней тюрьме НКВД два с половиной года.

Однако этот "обратный поток" не мог оказать решающего влияния на боеготовность Красной Армии, поскольку было возвращено в строй менее 10 % уволенных и репрессированных деятелей высшего состава³.

Разгром генеральского и офицерского корпуса не только обескровил Красную Армию, но и подорвал в ней воинскую дисциплину и порядок. Восстановление в этих условиях института комиссаров, породившее двоевластие в армейских подразделениях, ещё более ослабило управление воинскими частями. Описывая сложившуюся в результате всего этого обстановку в армии, Троцкий писал: "Исторический фильм развёртывается в обратном порядке, и то, что было прогрессивной мерой революции (введение Военных Советов и института комиссаров - В. Р.), возвращается в качестве отвратительной и термидорианской карикатуры... Во главе армии стоит Ворошилов, народный комиссар, маршал, кавалер орденов и прочая, и прочая. Но фактическая власть сосредоточена у Мехлиса, который, по непосредственным инструкциям Сталина, переворачивает армию вверх дном. То же происходит в каждом военном округе, в любой дивизии, в каждом полку. Везде сидит свой Мехлис, агент Сталина и Ежова, и насаждает "бдительность" вместо знания, порядка и дисциплины. Все отношения в армии получили зыбкий, шаткий, пловучий характер. Никто не знает, где кончается патриотизм, где начинается измена. Никто не уверен, что можно, чего нельзя. В случае противоречий в распоряжениях командира и комиссара всякий вынужден гадать, какой из двух путей ведёт к награде, какой - к тюрьме. Все выжидают и тревожно озираются по сторонам. У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обделывают свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и в малом воцаряется запустение. Оружие не чистится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на красноармейцах грязное бельё. Пища становится всё хуже по качеству и не подаётся в положенные часы. В ответ на жалобы командир отсылает к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство, комиссары соперничают с ними и в этом отношении. Прикрытый полицейским деспотизмом режим анархии подрывает ныне все стороны советской жизни; но особенно губителен он в армии, которая может жить только при условии правильности режима и полной прозрачности всех отношений"⁴.

¹ Аргументы и факты. 1995. № 41.

² Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945. Краткая история. С. 40.

³ Вопросы истории КПСС. 1990 № 5. С. 31.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 4.

О том, насколько соответствовала действительности представленная Троцким картина внутренней жизни армии (воссозданная, очевидно, путём обобщения сообщений советской печати), свидетельствуют наиболее честные воспоминания советских военачальников. В беседе с К. Симоновым Жуков говорил, что слабые стороны Красной армии, обнаружившиеся в ходе советско-финской войны, были "результатом 1937-1938 годов, и результатом самым тяжёлым. Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок"¹.

Репрессии против командных кадров сопровождались созданием такой обстановки, при которой военнослужащих всех уровней, начиная с солдат, призывали "разоблачать" своих командиров. Такая установка в первый период войны отрицательно сказалась на состоянии воинской дисциплины.

За чисткой в Красной Армии пристально следила германская военная разведка. 28 января генштабом вермахта был подготовлен "Краткий обзор советских вооружённых сил", в котором указывалось: "В настоящее время многие должности следует считать вакантными в результате многочисленных репрессий. Недостаток офицерского состава стараются устранить путём сокращения сроков обучения офицеров и путём производства старослужащих младших командиров в младшие лейтенанты... После расстрела Тухачевского и ряда генералов летом 1937 года из числа военачальников остались лишь несколько личностей. По всем имеющимся в настоящее время данным, средний и старший командный состав является наиболее слабым звеном. Отсутствует самостоятельность и инициатива. Эта категория командиров в бою с трудом приспособится к условиям меняющейся обстановки и кризисных ситуаций"². События 1941-1942 годов подтвердили этот прогноз немецких военных аналитиков.

На исходе великой чистки официальный журнал германских военных кругов "Дейче вер" опубликовал статью "Советский Союз на пути к бонапартизму?", в которой причины устранения почти всего командного состава Красной Армии усматривались в "чувстве самосохранения" правящей клики. "Кремль не доверяет командному составу и постоянно меняет лиц на командных постах, чтобы они не закрепляли своего положения в симпатиях солдатских масс, - говорилось в статье. - Вопреки распространённым на этот счёт в Европе взглядам, дело при этом идёт вовсе не о выходах из рядов интеллигенции. Вернее обратное - в большинстве случаев всё это "истинные пролетарии" и старые большевики". Журнал с нескрываемым удовлетворением отмечал, что из пяти маршалов в живых остались двое - "типичные маршалы для советских парадов"³.

¹ Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.

² Цит. по: Комсомольская правда. 1990. 22 июня.

³ Цит. по: Новая Россия. Париж. 1938. № 57. С. 13-14.

Главную роль в решении Гитлера заключить советско-германский пакт сыграла его оценка состояния Красной Армии, обескровленной репрессиями. Будучи уверенным, что уничтоженные советские командные кадры будут заменены равноценными лишь спустя несколько лет, Гитлер имел основания полагать, что на Востоке его руки не будут связаны, и это позволит ему выиграть войну на Западе. С целью предотвращения военного союза Англии и Франции с СССР он поручил своим спецслужбам усиленно распространять информацию о крайнем ослаблении Красной Армии после чисток. Как справедливо замечал выдающийся советский разведчик Л. Треппер, "французский и английский генеральные штабы как раз потому и не стремились заключить военный союз с Советским Союзом, что слабость Красной Армии стала для них очевидной. Вот тогда-то и открылся путь для подписания пакта между Сталиным и Гитлером"¹.

Маршал Василевский, находившийся перед войной на посту заместителя начальника Генерального штаба СССР, впоследствии склонялся к выводу: если бы Сталин не истребил командный состав Красной Армии, то не только весь ход войны сложился бы по-другому, но и самой войны могло не быть. "В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, - говорил он, - большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошёл"².

Этот взгляд подтверждается целым рядом высказываний Гитлера и руководителей вермахта. Известно, что многие немецкие генералы предостерегали Гитлера от нападения на Советский Союз, указывая на такие неблагоприятные для Германии факторы, как огромная территория СССР, его гигантские людские и природные ресурсы и т. д. Не отрицая всего этого, Гитлер приводил один контраргумент - ослабление Красной Армии в результате уничтожения её командного состава. По словам Кейтеля, Гитлер "постоянно исходил из того, что... Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет"³.

Выступая 23 ноября 1939 года на секретном совещании руководства вермахта, Гитлер характеризовал СССР как ослабленное в результате многих внутренних процессов государство, которое не представляет серьёзной военной опасности для Германии. "Фактом остаётся то, - заявил он, - что в настоящее время боеспособность русских вооружённых сил незначительна. На ближайший год или два нынешнее состояние сохранится"⁴.

К аналогичным выводам пришёл начальник германского генштаба Гальдер, который, заслушав в мае 1941 года доклад военного атташе в СССР Кребса, записал в своём дневнике: "Русский офицерский корпус исключительно плох.

¹ Треппер Л. Большая игра. М., 1990. С. 69.

² Коммунист. 1988. № 9. С. 88.

³ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне "третьего рейха" против СССР. М., 1996. С. 306.

⁴ Там же. С. 101.

Он производит жалкое впечатление. Гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуются 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня"¹.

Хотя Гальдер и зависил сроки восстановления прежней боеспособности Красной Армии, его соображения оказались во многом подтверждены ходом военных действий, особенно в первые годы войны, когда Красная Армия потеряла во много раз больше солдат и офицеров, чем армии её противников, - главным образом, из-за слабости командных кадров.

Последствия великой чистки самым трагическим образом сказались на ходе военных операций в 1941-1942 годах, когда основная часть кадрового состава Красной Армии была уничтожена или взята в плен. В 1941 году, не столько из-за материально-технического превосходства немецких войск, сколько из-за грубейших ошибок и просчётов тогдашнего советского военного командования, было потеряно 67 % стрелкового оружия, 91 % танков и САУ, 90 % боевых самолетов, 90 % орудий и минометов, находившихся к началу войны на вооружении Красной Армии².

Говоря о жертвах советского народа в Отечественной войне, Хрущёв замечал: "Если кадры, которые были обучены, выращены партией и прошли школу гражданской войны, остались бы в живых,.. то совершенно иначе пошло бы дело при нападении Гитлера на Советский Союз... Наверное, имели место две, три, а где-то и четыре смены командного состава. Я знаю людей даже пятой смены. Многие из них заслуженно вырывались вперед. Это были способные и честные люди, преданные Родине. Но им нужен был опыт, а опыт этот они приобретали в ходе войны за счёт солдатской крови и материального ущерба для ресурсов Родины. Такое учение стоило огромного количества жизней и разорения страны. В конце концов мы выжили, победили, на собственных ошибках научились командовать по-настоящему и разбили врага. Но чего это стоило? Если бы не произошло того, что сделал Сталин, когда выдумал "врагов народа" и уничтожил честных людей, я убеждён, что нам победа стоила бы во много раз дешевле, если, конечно, это слово морально допустимо с точки зрения количества крови тех человеческих жизней, которые пришлось положить во время войны. Всё бы произошло значительно дешевле и гораздо легче для нашего народа"³.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. II. М., 1969. С. 504.

² Известия. 1990. 8 мая.

³ Вопросы истории. 1991. № 9-10. С. 72.

XXV

НКВД

Одним из первых шагов Ежова на посту наркома внутренних дел было указание, что НКВД должен развернуть более широкую чистку, начиная с самого себя. 18 марта 1937 года Ежов выступил с докладом на собрании руководящих работников наркомата, в котором заявил, что шпионы заняли в этом учреждении ключевые посты. Он потребовал "твёрдо усвоить, что и Феликс Эдмундович Дзержинский имел свои колебания в 1925-1926 гг. И он проводил иногда колеблющуюся политику"¹. Эти слова послужили импульсом для ареста всех бывших сотрудников Дзержинского, прежде всего из числа поляков.

Первая волна репрессий над чекистами коснулась не только ветеранов ЧК, но и выдвиженцев Ягоды, которые слишком много знали о провокациях и следственных подлогах предшествующих лет. В начале 1937 года был арестован начальник секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД Молчанов, непосредственно руководивший с начала 30-х годов преследованиями троцкистов и других оппозиционных элементов. Сообщая Троцкому о своих беседах с Кривицким, Седов писал: обвинение Молчанова в потворстве троцкистам "было так сервировано, что мой информатор спрашивал у меня: А вы действительно не имели связи с Молчановым?"².

Вскоре после февральско-мартовского пленума ЦК были арестованы почти все начальники отделов наркомата внутренних дел и их заместители. В их числе был начальник оперативного отдела Паукер, курировавший личную охрану Сталина. Как рассказывал Орлов, "личная охрана Ленина состояла из двух человек. После того, как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое. Когда же к власти пришёл Сталин, он создал для себя охрану, насчитывавшую несколько тысяч секретных сотрудников, не считая специальных воинских подразделений, которые постоянно находились поблизости в состоянии полной боевой готовности"³. Создание столь могучей армады (которая после смерти Сталина была сокращена во много раз и возродилась только во времена ельцинского режима) было делом рук Паукера, руководившего ею на протяжении почти десятилетия.

За верную службу Сталин подарил Паукеру две импортные автомашины и наградил его шестью орденами. Однако уже в мае 1937 года Паукер был снят с должности, арестован и объявлен немецким шпионом. Одновременно с этим было сменено всё руководство охраной Кремля⁴.

О режиме, который установился в центральном аппарате НКВД после прихода туда Ежова, рассказывали его ближайшие помощники, арестованные в конце 1938 - начале 1939 года. Так, Радзивиловский сообщил на следствии, что

¹ Они не молчали. С. 217.

² Архив Троцкого. № 17106.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 306.

⁴ Там же. С. 309.

Ежов заявил на банкете, посвящённом награждению большой группы работников наркомата: "Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания". Бывший заместитель наркома Фриновский рассказал на суде, что Ежов требовал "подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи, и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в своих руках"¹.

На смену прежним кадрам были выдвинуты молодые беззастенчивые карьеристы, начисто лишённые моральных тормозов. В докладе на XX съезде КПСС и в мемуарах Хрущёв рассказывал, какое впечатление на него произвёл вызванный в 1956 году на заседание Президиума ЦК бывший заместитель начальника следственной части НКВД по особо важным делам Родос, который, в частности, вёл следствие по делам Косиора, Чубаря и Косарева. Из его объяснений было отчётливо видно, что это - "никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок". Когда Родоса спросили, каким образом ему удалось добиться от подследственных признательных показаний, он без обиняков ответил: "Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги". Родос сообщил, что получил подробный инструктаж о том, как следует допрашивать этих людей, и в частности, прямую директиву в отношении Чубаря: "бить его, пока не сознается"².

До июньского пленума ЦК 1937 года, предоставившего НКВД чрезвычайные полномочия, применение пыток на допросах было официально запрещено. Как вспоминал бывший начальник отдела милиции УНКВД Ивановской области Шрейдер, он и его товарищи вначале не верили слухам о том, что следователь Фельдман избивал Молчанова: "все мы тогда ещё с недоверием относились к рассказам и слухам об избиениях и наивно считали, что Фельдман перегнул палку по собственной инициативе, за что и понёс заслуженную кару"³.

Положение изменилось после того, как в июле 1937 года на места была послана секретная директива Политбюро о применении при допросах физических методов воздействия. Однако даже на исходе большого террора некоторые партийные руководители, только что пришедшие на свои посты, полагали, что попытки применяются по инициативе местных чинов НКВД (соответствующие директивы возвращались в ЦК сразу же после ознакомления с ними и не были известны новым партийным кадрам). Когда запросы по этому поводу поступили в ЦК, Сталин разослал 10 января 1939 года секретарям, республиканских и областных парторганизаций и руководителям наркоматов и управлений НКВД шифрованную телеграмму, в которой говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей со-

¹ Правда. 1988. 29 апреля.

² Реабилитация. С. 41; Вопросы истории. 1990. № 4. С. 72.

³ Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. С. 37.

циалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод"¹. Таким образом, "разъяснение" о "целесообразности" "самых безобразных форм" физической расправы было дано Сталиным от имени ЦК, 80 процентов которого к тому времени испытали на себе этот "совершенно правильный метод". Сталину было, разумеется, хорошо известно, что истязания применяются только в фашистских застенках, а отнюдь не всеми "буржуазными разведками". К тому же марксистски мыслящий человек не мог придерживаться мысли о том, что советская разведка должна "соревноваться" с капиталистическими в применении бесчеловечных методов. Однако к тому времени Сталин уже перестал стесняться в обнаружении перед аппаратом своих самых варварских и изуверских установок.

Спустя десять дней после посылки этой телеграммы Сталин дополнил её новой шифровкой, в которой указывалось, что "применение метода физического давления, который используется НКВД, было разрешено в 1937 году на основе согласия Центральных Комитетов коммунистических партий всех республик"². Это "разъяснение" представляло беззастенчивую ложь. Как явствует из объяснений Молотова и Кагановича на июньском пленуме ЦК 1957 года, директива о применении пыток была подписана Сталиным и узким кругом его приспешников, по-видимому, даже без участия и ведома остальных членов и кандидатов в члены Политбюро, не говоря уже о ЦК союзных республик.

Уже в первые месяцы великой чистки аппарат НКВД в центре и на местах был увеличен в несколько раз. Как вспоминал Хрущёв, "Сталин... решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: "Главное, арестовывать и требовать признания"³. Оказываясь на допросах лицом к лицу с людьми совершенно иной социальной среды и чувствуя свою безграничную власть над ними, многие из таких "новичков" быстро овладевали палаческими приёмами и превращались в законченных садистов. Среди чекистов нового набора оказывалось и немало таких, кто, будучи ошеломлен обстановкой, царящей в "органах", сходил с ума или кончал самоубийством.

Ради создания в НКВД особой касты, дорожающей своими привилегиями, оклады его работников в 1937 году были существенно увеличены и стали превышать даже оклады партийных работников. Кроме того, в системе НКВД была создана специальная сеть магазинов, в которых по бросовым ценам продавалось конфискованное имущество репрессированных. По словам бывшего наркома внутренних дел Грузии Гоглидзе, такой порядок был установлен ещё

¹ Реабилитация. С. 40-41.

² Иного не дано. М., 1989. С. 561-562.

³ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 81.

до 1937 года, "но кем он был установлен, мне неизвестно... Так было не только в Грузии, а повсеместно"¹.

Развращённые абсолютной властью и материальными привилегиями, наиболее ретивые руководители "органов" на местах изощрялись в том, как превзойти друг друга по числу арестованных и осуждённых. Так, в Киргизии было введено "соцсоревнование" между отделами НКВД. В приказе наркома внутренних дел республики "О результатах соцсоревнования третьего и четвёртого отделов УГБ НКВД республики за февраль 1938 года" говорилось: "Четвёртый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к-р. организаций на 13 чел. больше, чем 3-й отдел. Однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегии и 11 дел на спецколлегии, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных тройкой, почти на 100 человек"².

Вакханалии арестов способствовало установление союзным наркоматом внутренних дел лимитов и контрольных цифр республиканским наркоматам и областным управлениям; эти цифры в свою очередь развёрстывались местными сатрапами по отделам наркоматов и управлений. Как показал на следствии чекист Постель, в Москве "массовые аресты, которые заранее определялись по контрольным цифрам на арест по каждому отделу на каждый месяц в количестве 1000-1200 человек, превратились в буквальную охоту... и уничтожение взрослой части мужского населения... Если проанализировать протоколы и "альбомы" осуждённых террористов,... то получается такая совершенно дикая и невероятная картина, что в дни праздников 1 мая и 7 ноября в колоннах демонстрантов на Красной площади шагали чуть ли не целые десятки или сотни "террористов"³.

"Разнарядки", направляемые на места, носили зачастую строго адресный характер, ориентируя прежде всего на расправу со старыми большевиками и партийным активом. Бывший председатель Совнаркома Белоруссии вспоминал, как республиканский нарком внутренних дел заявил: "И что мне делать... ума не приложу? Ежов опять разнарядку на старых коммунистов прислал. А где их взять? Нет уже"⁴.

Аналогичные разнарядки спускались руководством республиканских и областных органов НКВД в районные отделы. Председатель одного из райисполкомов Ильясов рассказывал, как его и первого секретаря райкома вызвал к себе начальник райотдела НКВД, зачитавший им полученную от его областного начальства шифровку, в которой значилось: "вам надлежит заготовить двадцать быков". Далее он объяснил, что под "быками" имеются в виду руководящие работники района, сообщил, что часть "быков" для ареста он подобрал сам, а остальных предложил своим собеседникам подобрать из числа работников аппарата райкома и райисполкома. После получения нескольких таких

¹ Берия: конец карьеры. С. 317.

² Реабилитация. С. 249.

³ Сопротивление в ГУЛАГе. С. 119-120.

⁴ Вопросы философии. 1988. № 12. С. 93.

шифровок в районе были арестованы все партийные и советские кадры, почти все председатели колхозов, директора совхозов и начальники МТС. Сам Ильясов спасся от ареста только потому, что заболел на нервной почве и попал в психиатрическую больницу¹.

Хотя на словах органы НКВД находились под партийным контролем, фактически дело обстояло прямо противоположным образом: каждый партийный руководитель являлся объектом неослабного контроля и манипулирования со стороны этих органов. Была узаконена практика обязательного получения партийными органами справок из НКВД на всех назначаемых руководящих работников. Все материалы следствия находились исключительно в руках органов НКВД, а на долю партийных секретарей оставалось только визирование представлений на аресты и приговоры. По словам Хрущёва, "руководители такого даже, как я, довольно высокого положения... оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД"².

Чтобы крепче повязать партийных функционеров участием в репрессиях, Сталин, как вспоминал Хрущёв, "выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов... Это получался не контроль, а фикция, ширма, которая прикрывала их действия... Теперь ясно, что Сталин сделал это сознательно, он продумал это дело, чтобы, когда понадобится, мог бы сказать: "Там же партийная организация. Они ведь следят, они обязаны следить"... Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями"³.

В целях непрерывного ужесточения террора и осуществления его "на законных основаниях", Сталин и его приспешники расширяли "правовое обеспечение" репрессий. Так, постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 года максимальный срок лишения свободы за шпионаж и измену Родине был повышен с 10 до 25 лет⁴. 14 сентября 1937 года упрощённый порядок рассмотрения дел о терроре, установленный в 1934 году (слушание дел без участия прокурора и адвоката, запрещение кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании, приведение приговора в исполнение немедленно после его вынесения), был распространён на дела о вредительстве и диверсиях⁵. Такой порядок, по существу, копировал столыпинские законы о военно-полевых судах.

В 1937 году была существенно расширена сфера внесудебных расправ. Здесь также были использованы традиции царской России, где широко применялась учрежденная ещё Александром II административная ссылка без суда - по указам Особого совещания при министерстве внутренних дел. В начале XX века число административно ссылных в Сибири исчислялось сотнями тысяч.

¹ Социалистическая индустрия. 1989. 22 марта.

² Вопросы истории. 1990. № 6. С. 91.

³ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 104.

⁴ Собрание законов и постановлений Правительства СССР. 1937. № 66. Ст. 297.

⁵ Они не молчали. С. 216.

8 апреля 1937 года Политбюро утвердило положение об Особом совещании при НКВД, которому предоставлялось право ссылать "лиц, признаваемых общественно опасными", под гласный надзор или заключать их в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет. Особое совещание наделялось также правом заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет "лиц, *подозреваемых* в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности (курсив мой - В. Р.)"¹. Спустя несколько месяцев меры наказания, выносимые Особым совещанием, были расширены до двадцати пяти лет лишения свободы и расстрела. Принятие этих чрезвычайных законов возводило внесудебные репрессии в ранг юридических норм.

Условия для репрессивного беспредела устанавливались и подзаконными актами - приказами наркома внутренних дел. Так, по приказу Ежова от 30 июля 1937 года, утверждённому Политбюро, в республиках, краях и областях были созданы "тройки", которым предоставлялось право в отсутствие обвиняемых рассматривать дела и выносить приговоры, вплоть до высшей меры наказания. "Тройка" обычно даже не собиралась, а её членам просто приносили бумаги для подписи от её председателя - высшего чина НКВД. Приказами Ежова от 11 августа и 20 сентября 1937 года внесудебное рассмотрение дел было возложено также на "двойки", состоящие из местных руководителей НКВД и прокуроров².

Эти приказы подкреплялись распоряжениями генерального прокурора СССР Вышинского. Так, летом 1937 года Вышинский предписал прокурорам передавать в "тройки" "ещё не рассмотренные судами" дела о государственных преступлениях. 27 декабря 1937 года он издал циркуляр, содержавший указание представлять на рассмотрение Особого совещания уголовные дела в тех случаях, когда "характер доказательств виновности обвиняемого не допускает использования их в судебном заседании"³. К таким "доказательствам" относились донесения тайных осведомителей, показания лжесвидетелей и провокаторов и т. п.

В стране делалось всё, чтобы поднять авторитет высших чинов НКВД. На выборах в Верховный Совет СССР были избраны депутатами все наркомы внутренних дел союзных и автономных республик и все начальники областных и краевых управлений НКВД, на выборах в республиканские Верховные Советы - все их заместители.

Разумеется, многие работники НКВД не могли не задаваться вопросами, по какой причине от них требуют откровенных фальсификаций и подлогов. О том, какой ответ давался на этот вопрос в центральном аппарате НКВД, можно судить по воспоминаниям бывшего генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Мильчакова. На его допросе следователь лейтенант Мешик (впоследствии дослужившийся на службе у Берии до генеральского чина и поста наркома внутренних дел УССР) цинично заявлял: "Такие, как ты, отжили свой век, хоть ты и не старый. Вы цепляетесь за жалкие побрякушки советской и партийной демо-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 986. л. 24.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81-82.

³ Коммунист. 1990. № 10. С. 107.

кратии, самокритики. Кому, к черту, они нужны? Вы не поняли изменившейся обстановки. Нужен обновлённый, новый режим и прежде всего твёрдая власть, возглавляемая сильным "хозяином". Пришла эпоха Сталина, а с нею - и новые люди, занимающие все позиции в аппарате. В авангарде идёт гвардия Сталина, чекисты... Мы, чекисты - партия в партии. Мы вычистим из рядов партии половину всякого хлама, вроде так называемой "старой гвардии" и лиц, связанных со стариками, со взглядами вчерашнего дня. Около миллиона людей, состоявших в партии, мы уже, наверное, вытряхнули... А остальные будут перевоспитаны. Они пойдут за нами, за Сталиным, как миленькие. Они займут ваши места во всех аппаратах и будут дорожить оказанным им доверием"¹.

Едва ли молодой сатрап самостоятельно додумался до подобных мыслей. По-видимому, они высказывались Ежовым на совещаниях и инструктажах аппарата.

Наиболее циничные сотрудники НКВД не считали нужным скрывать механизмы фабрикации дел от подследственных, которые намечались для участия в открытых процессах. После возвращения из заключения член партии с 1906 года Розенблум рассказал, как начальник Ленинградского У НКВД Заковский показал ему несколько вариантов схем "ленинградского центра", готовившихся для предстоящего открытого процесса. Ознакомив Розенблума с этими схемами, Заковский заявил: "Самому тебе ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя конспект по каждому филиалу в отдельности, твоё дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4-5 месяцев, а то и полгода. Всё это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь"².

Многие из работников НКВД, осуществлявшие великую чистку, сами погибли в мясорубке тех лет. За 1934-1939 годы 21800 сотрудников этого наркомата были репрессированы по обвинению в "контрреволюционных преступлениях"³. За этой цифрой стоят три основные группы: 1. чекисты, пытавшиеся оказать сопротивление репрессиям; 2. те, кто слишком много знал, например, о Кировском деле или о механике фабрикации открытых процессов; 3. организаторы "липовых" дел, арестованные в конце 1938 - начале 1939 года.

¹ Реабилитирован посмертно. М., 1988. С. 415-416.

² Реабилитация. С. 37-38.

³ Неделя. 1990. № 20. С. 11.

XXVI

Комсомол

Комсомольские организации подвергались локальным чисткам с начала 30-х годов. Так, в ноябре 1932 года ЦК ВЛКСМ принял решение о чистке сельских комсомольских организаций Северного Кавказа, где особенно сильно проявлялось недовольство насильственной коллективизацией. В результате этой чистки только на Кубани было исключено 56,3 % комсомольцев. При этом нередко исключались целые ячейки в полном составе¹.

Ряд основателей Комсомола примыкал к внутривнутрипартийным оппозициям. К ним относился, например, Шацкий, избиравшийся на V и VII съездах ВЛКСМ почётным комсомольцем. В 1929 году Шацкий был подвергнут резкой критике за его статью в "Комсомольской правде", где осуждалась позиция "партийного обывателя", готового одобрить, не задумываясь, любую спущенную сверху директиву, выступать в качестве "голосующей машинки"². На IX съезде ВЛКСМ генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев заявил, что Шацкий, принимавший участие в деятельности группы Сырцова-Ломинадзе, "вступил на путь явного предательства партии"³.

Несмотря на расправы предшествующих лет, к 1937 году в руководстве комсомола по-прежнему преобладали люди, начавшие свою политическую деятельность в первые годы Советской власти. Комсомольская молодёжь представляла опасность для сталинского режима как часть общества, отличающаяся особой чуткостью к несправедливости и личным бесстрашием. Не будучи обременена, подобно многим старым большевикам, прошлым самооплёвыванием и униженными покаяниями в своих "ошибках", она могла выступить в качестве силы социального протеста против произвола и репрессий.

Поэтому Сталин держал чистку в комсомоле под своим неослабным контролем и прямо направлял её. В этой работе он опирался прежде всего на Косарева, ставшего генеральным секретарём ЦК ВЛКСМ в 26 лет. В стране был создан "малый культ" Косарева, его именем были названы Центральный аэроклуб Осоавиахима, горноразведывательный институт, танк новейшей конструкции, пограничные заставы и отряды⁴.

Будучи одним из наиболее преданных сталинцев, Косарев послушно повторял установки о борьбе с врагами. Ещё в 1935 году в докладе на пленуме ЦК ВЛКСМ он говорил: "Враг не уступает добровольно своего места. Его можно убрать только насильно, методами экономического воздействия или

¹ Общественные науки. 1989. № 6. С. 146.

² Комсомольская правда. 1929. 18 июля.

³ Косарев А. За большевистские темпы плюс качество. Доклад и заключительное слово на IX Всесоюзном съезде ВЛКСМ. М., 1931. С. 21.

⁴ Трущенко Н. Косарев. М., 1988. С. 366.

методами организационно-политической изоляции, а когда в этом есть потребность - и методами физического истребления"¹.

В 1937 году масштабы репрессий в комсомоле перестали удовлетворять Сталина. Приняв трёх секретарей ЦК ВЛКСМ, он потребовал от них "пересмотреть позиции и возглавить борьбу с врагами народа"². После этой беседы Косарев сказал своим товарищам: "Никак не могу понять, откуда у нас взялось столько врагов". Эту же мысль он повторил в разговоре со своей женой: "Что делать? Сталин требует людей. Он требует голов... Кого я могу назвать? Где враги?"³.

Однако очень скоро Косарев сумел побороть свои сомнения и включиться в охоту за "врагами народа". На одном из заседаний он записал в набросках к своей речи: "Покончить с либеральным отношением к врагам и вражеским деятелям. Полностью осуществить ставку на выкорчёвывание"⁴. Эта установка нашла выражение в работе IV пленума ЦК ВЛКСМ (21-28 августа 1937 года), на который был вынесен один вопрос: "О работе врагов народа внутри комсомола". Перед открытием пленума были арестованы 35 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, в том числе секретари ЦК ВЛКСМ Лукьянов, Файнберг, Салтанов, председатель делегации ВЛКСМ в КИМе (Коммунистический Интернационал Молодёжи) Чемоданов, редактор "Комсомольской правды" Бубякин.

Для участия в работе пленума Сталин направил Кагановича, Андреева, Жданова и Маленкова. Эта четвёрка вошла в состав комиссии, подготовившей резолюцию, в которой говорилось о недопустимом опоздании с разоблачением "объединённой троцкистско-правой организации", действовавшей в комсомольских органах. На следующий день после закрытия пленума "Правда" выступила с передовой статьёй, в которой говорилось: "Оголтелые враги народа Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Бубякин, Андреев и другие, пользуясь идиотской болезнью политической слепоты ряда руководящих работников из Бюро ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь т. Косарева, делали своё подлое, грязное дело"⁵. Упоминание о заражённости "идиотской болезнью" не предвещало ничего хорошего для Косарева и других уцелевших комсомольских руководителей.

Вскоре после пленума были арестованы ещё десятки членов ЦК и сотни работников местных комсомольских комитетов. До конца 1937 года только в аппаратах райкомов и обкомов были сняты с работы как "враги народа" 561 человек, а за связь с "врагами народа" - 830 чел.⁶

Вся комсомольская литература, выпущенная в 20-х - начале 30-х годов, была объявлена "политически вредной". В декабре 1937 года бюро ЦК ВЛКСМ

¹ Косарев А. О перестройке работы комсомола. М., 1935. С. 23-24.

² Они не молчали. С. 324.

³ Огонёк. 1987. № 7. С. 27.

⁴ Комсомольская правда. 1989. 16 июня.

⁵ Правда. 1937. 29 августа.

⁶ Вопросы истории. 1990. № 11. С. 139.

приняло решение о запрете и изъятии из библиотек шестидесяти книг по истории ВЛКСМ и КИМа¹.

После августовского пленума деятельность Косарева приняла более свирепый характер. "Мы ещё не умеем, как следует, - заявлял он, - как этого требует от нас партия, обнаруживать врагов, выискивать их и разоблачать... А некоторые наши товарищи ищут троцкистов - врагов народа в любых организациях, но только не у себя, не в комсомоле, и в силу этого недостаточно остро ведут борьбу"².

В марте 1938 года на приём к Косареву пришёл бывший секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Уткин, недавно освобождённый из тюрьмы. После встречи с ним Косарев направил письмо Ежову, в котором сообщал: "Уткин под большим секретом заявил мне, что те показания, которые он дал в Наркомвнутделе, якобы не соответствуют действительности, являются вынужденными и что он себя считает честным человеком. В ответ на эти утверждения он от меня получил соответствующий отпор. Ему я заявил, что его поведение есть вражеская клевета на органы Наркомвнутдела, что такое поведение лишней раз свидетельствует о том, что он, Уткин, является врагом, причём врагом неразоружившимся"³. Этим доносом Косарев прямо провоцировал новый арест Уткина, после которого тот провёл 16 лет в лагерях, откуда вышел в середине 50-х годов инвалидом.

Вместе с тем в ряде случаев Косарев пытался предотвратить или смягчить чересчур наглые погромные акции. Одной из таких попыток, закончившейся трагически для него и для всего тогдашнего руководства комсомола, было "дело Мишаковой". В сентябре 1937 года инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова была направлена на отчётно-выборную комсомольскую конференцию в Чувашии. Там она объявила врагами народа не только всё комсомольское руководство республики, но и первого секретаря обкома партии. Бюро ЦК ВЛКСМ освободило Мишакову от должности за клевету. Осенью 1938 года Мишакова направила Сталину письмо, в котором жаловалась, что её преследуют за борьбу с врагами народа. Это письмо послужило Сталину сигналом о том, что пришла пора расправиться с руководством комсомола.

Эта расправа была несколько отложена из-за юбилейных торжеств, посвящённых 20-летию комсомола. 29 октября 1938 года был созван юбилейный пленум ЦК ВЛКСМ, открытие которого описывалось в "Комсомольской правде" такими словами: "5, 10, 15 минут гремят аплодисменты. Со всех концов зала несутся приветствия: "Да здравствует вождь народов товарищ Сталин!", "Любимому Сталину - комсомольское ура!"... С воодушевлением и подъёмом юбилейный пленум принимает горячее, прочувствованное приветствие товарищу Сталину"⁴.

Во время работы пленума Косарев находился в президиуме рядом со Сталиным, выступал с вступительным словом, а затем - с основным докладом. В

¹ Общественные науки. 1989. №6. С. 144.

² Известия ЦК ВЛКСМ. 1937. № 10. С. 10.

³ Молодой коммунист. 1990. № 6. С. 66.

⁴ Комсомольская правда. 1938. 30 октября.

тот же день в "Правде" была опубликована его статья "Молодой человек страны социализма". Таким образом, ничто не предвещало близкой расправы над ним и другими членами ЦК ВЛКСМ.

Через три недели был созван новый пленум ЦК ВЛКСМ, который продолжался с 19 по 22 ноября. На него явилась вся ударная сила великой чистки: Сталин, Молотов, Каганович, Андреев, Жданов, Маленков и Шкирятов. Стенограмма пленума зафиксировала несколько десятков их вопросов и реплик во время доклада Косарева. Помимо докладов комсомольских руководителей, на пленуме был заслушан доклад Шкирятова о положении в комсомоле.

В выступлении на пленуме Косарев ставил себе в заслугу, что ЦК ВЛКСМ "нередко шёл впереди НКВД", и приводил многочисленные примеры ареста комсомольских работников "по нашим материалам" и "после нашего следствия". Однако Сталин во время доклада Косарева ясно дал понять, что масштабы расправы с комсомольскими кадрами его не удовлетворяют. Когда Косарев говорил об ошибках в работе комсомола, Сталин бросил многозначительную реплику: "А, может, это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок после всего прошедшего. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок всё ещё очень много. Нет ли тут системы?". В развитие этой установки Жданов в своей речи привёл показания арестованных комсомольских работников о "вражеской работе" Косарева¹.

Столь же угрожающим было выступление Андреева, который упрекал Косарева в том, что от него "приходилось не раз слышать,.. что в комсомоле, мол, нет врагов... Эта позиция была ложной, и т. Косарев неоднократно получал предупреждения от ЦК ВКП(б), в том числе и на пленумах ЦК комсомола, что не может быть такого положения, чтобы в комсомоле не было врагов и всякого рода двурушников"².

Пленум освободил от должности Косарева и ещё четырёх секретарей ЦК ВЛКСМ за "бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)"³.

Из 93 участников пленума 77 человек было арестовано, в том числе 48 - расстреляно. Всего же за 1937-1938 годы было арестовано 96 из 128 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, избранных на X съезде комсомола в 1936 году⁴.

¹ Общественные науки. 1989. № 6. С. 146-147; Комсомольская правда. 1989. 16 июня.

² Реабилитирован посмертно. С. 251.

³ Исторический архив. 1993. № 5. С. 77.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 101; Реабилитация. С. 84.

XXVII

Беспартийная интеллигенция

С начала 30-х годов слой верхушечной интеллигенции, включавший наиболее известных учёных, инженеров, писателей, деятелей искусства, превратился в привилегированную группу, социально-имущественное положение которой немногим отличалось от положения правящей бюрократии. Даже в самые тяжёлые годы первой пятилетки Сталин неуклонно поднимал планку жизненного уровня этого слоя - путём увеличения окладов, прикрепления к закрытым распределителям, дарования просторных государственных квартир и т. д.

В те же годы из литературно-художественной жизни ушло понятие "попутчик", отделявшее беспартийных деятелей культуры от коммунистов. Щедрые подачки, вроде писательского дома в Лаврушинском переулке и дачного поселка в Переделкино, раздавались любимцам режима безотносительно к их партийной принадлежности.

В 1936 году исчезла и категория "лишенцев", т. е. выходцев из бывших господствующих классов, лишённых избирательных прав. Всё это привело к тому, что многие деятели интеллигенции, проклиная Октябрьскую революцию, встали на путь поддержки и восхваления сталинского режима. Идеология и практика социального неравенства и привилегий, насаждавшиеся Сталиным, больше отвечали их духу, чем эгалитаристский режим первых лет Советской власти.

Даже в интимных документах этого периода - личных дневниках - место прежних инвектив в адрес большевиков заняли горячие славословия Сталину. В этом отношении показателен дневник Корнея Чуковского, отражавший настроения не только самого автора, но и других известных писателей, принадлежавших к его кругу.

Описывая в дневнике одну из своих бесед с Тыняновым, Чуковский так излагал мысли своего собеседника: "Я историк. И восхищаюсь Сталиным как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, - величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин назваться гениальнейшим человеком эпохи. Но пожалуйста, не говорите об этом никому. - Почему? - Да, знаете, столько прохвостов хвалят его теперь для самозащиты, что если мы слишком громко начнем восхвалять его, и нас причислят к той же бессовестной группе"¹.

Не менее выразительны страницы дневника, где сам Чуковский расточал такие панегирики Сталину, которые своей сервильностью и подобострастием превосходили даже официальные публикации того времени, а сегодня воспринимаются как пародия. Неподдельный восторг писателя нашёл особенно яркое выражение в трепетном описании впечатлений от появления Сталина на съезде комсомола в апреле 1936 года: "Что сделалось с залом! А ОН стоял, немно-

¹ Чуковский К. Дневник. 1930-1969. М., 1994. С. 9.

го утомлённый, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его - просто видеть - для всех нас было счастьем. К нему всё время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И все ревновали, завидовали, - счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой - все мы так и зашептали: "Часы, часы, он показал часы" - и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне всё время о нём восторженные слова, а я ему, и мы оба в один голос сказали: "Ах, эта Демченко заслоняет его!" (на минуту). Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью"¹.

Разумеется, в годы большого террора такого рода настроения должны были несколько померкнуть. Тем не менее, подчиняясь законам сталинского тоталитаризма, деятели культуры после каждого процесса как бы соревновались в нахождении наиболее яростных проклятий осуждённым. Только за одну неделю в "Литературной газете" было опубликовано около тридцати статей известных писателей. Среди них - статья "Фашисты перед судом народа" Ю. Олеси, "Ложь, предательство, смердяковщина" И. Бабеля, "Чудовищные ублюдки" М. Шагинян, "Путь в гестапо" М. Ильина и С. Маршака, "Преодоление злодейства" А. Платонова, "Приговор суда - приговор страны" Ю. Тынянова, "Карающий меч народа" Д. Бергельсона².

Не было недостатка и в попытках "художественного оформления" версий о злокозненных действиях врагов народа. Такие попытки не породили и не могли породить ни одного произведения, достойного быть причисленным к искусству.

Ещё раз подтвердился художественный закон, согласно которому ложная и навязанная извне идея не может создать ничего, кроме карикатуры на творчество. Такими карикатурами были безобразные вирши, появившиеся в дни московских процессов на страницах "Правды". "Поэтический отклик" В. Луговского выглядел следующим образом:

*...Но приходит час, и злая свора
В тишине притонов и квартир
Предает изменнику и вору
Наш прекрасный, исполинский мир...
Мерзостью несёт, могильным тленьем:
Разговор зверей в тифозном сне.
А за ними - кровожадной тенью
Троцкий в докторском пенсне.
Делит он долины и заливы,
Воробьём снует у наших карт.
Будь ты проклят, выродок блудливый,*

¹ Там же. С. 141.

² Литературная газета. 1937. 26 января, 1 февраля.

*Осло-мексиканский Бонапарт!*¹

А. Безыменский попытался разбавить поток грубой брани некими поэтическими изысками, от чего его стихотворение выглядело ещё более омерзительным, а местами - вовсе бессмысленным:

*Иудушка Троцкий сидит у стола,
Козлиной тряся бороδοю.
Он весь изогнулся. Судьба тяжела
И время чревато бедою...
Но долго над списком чужого добра
Торгуется шут пустяковый
За серебряковский кусок серебра,
За стёртый пятак Пятакову...
Попробуйте, суньтесь к нам рылом свиним!
Мы с вами о ценах поспорим.
И тут же советским оружием стальным,
Весьма добросовестно вам объясним
Почём Украина с Приморьем.²*

Лишь немногие, наиболее дальновидные и пронизательные писатели отказывались на то, чтобы дать хотя бы самим себе отчёт в неблагоприятности своего сервильного поведения. Приводя в дневнике свои слова, сказанные в беседе с секретарём Союза советских писателей Ставским: "Теперь надо держаться государственной линии... сталинской", М. Пришвин добавлял: "Дома подумал о том, что сказал, и так все представляют: "На одной линии ссылают и расстреливают, на другой, государственной или сталинской, всё благополучно. И значит вместо "сталинской" линии я мог бы просто сказать, что надо держаться той стороны, где всё благополучно. В таком состоянии, вероятно, Пётр от Христа отрёкся. Скорее всего так"³.

По мере развёртывания большого террора в среде деятелей культуры поселялся всё более отчаянный страх. Об атмосфере, царившей в этих кругах, выразительно рассказывается в мемуарах И. Эренбурга. Возвратившись из Испании в конце 1937 года, он был изумлен объявлением, вывешенным в лифте его дома: "Запрещается спускать книги в уборную. Виновные будут установлены и наказаны"⁴. Как бы продолжая этот рассказ, Н. Мандельштам вспоминала: "При каждом очередном аресте всюду пересматривались книги и в печку летели опусы опальных вождей. А в новых домах не было ни печек, ни плит, ни даже отдушин, и запретные книги, писательские дневники, письма и прочая крамольная литература резались ножницами и спускались в уборную"⁵.

Эта же тема находит продолжение в рассказе В. Каверина о Ленинграде осени 1937 года, охваченном "каким-то воспаленным чувством неизбежности,

¹ Правда. 1937. 28 января.

² Правда. 1937. 25 января.

³ Октябрь. 1994. № 11. С. 162.

⁴ Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 182.

⁵ Юность. 1989. № 8. С. 40.

ожидания. Одни боялись, делая вид, что они не боятся; другие - ссылаясь на то, что боятся решительно все; третьи - притворяясь, что они храбрее других; четвёртые - доказывая, что бояться полезно и даже необходимо. Я зашёл к старому другу, глубокому учёному, занимавшемуся историей русской жизни прошлого века. Он был озлобленно-спокоен.

- Смотри, - сказал он, подведя меня к окну, из которого открывался обыкновенный вид на стену соседнего дома. - Видишь?..

И я увидел - не двор, а воздух двора, рассеянную, незримо-мелкую пепельную пыль, неподвижно стоявшую в каменном узком колодце.

- Что это? Он усмехнулся.

- Память жгут, - сказал он. - Давно - и каждую ночь...

- Я схожу с ума, - сказал он, - когда думаю, что каждую ночь тысячи людей бросают в огонь свои дневники!¹

В главе воспоминаний, рассказывающей о Москве 1937-1938 годов, Эренбург оговаривался: он может описать только то, что наблюдал лично, - быт и душевное состояние людей своего круга, главным образом писателей и художников. Характеризуя настроение этих людей, он замечал: "Мы думали (вероятно, потому, что нам хотелось так думать), что Сталин не знает о бессмысленной расправе с коммунистами, с советской интеллигенцией". В подтверждение писатель приводил эпизод, происходивший в обстановке, заведомо исключавшей всякую неискренность: "Ночью, гуляя с Чукой, я встретил в Лаврушинском переулке Пастернака; он размахивал руками среди сугробов: "Вот если бы кто-нибудь рассказал про всё Сталину!"²

На последних страницах книги, вспоминая о своём обещании читателям раскрыть "причины наших заблуждений", Эренбург признавался, что не в состоянии этого сделать, ибо знает слишком мало для итогов и выводов, а из того, что ему известно, по-прежнему многого не понимает. Возвращаясь к характеристике своих настроений в годы великой чистки, он писал: "Я не любил Сталина, но долго верил в него, и я его боялся... Я не сразу разгадал роль "мудрейшего"... Как многие другие, я пытался обелить перед собой Сталина, приписывал массовые расправы внутрипартийной борьбе, садизму Ежова, дезинформации, нравам". Перечисляя своих близких друзей, погибших в конце 30-х годов (писатель называл их по имени-отчеству, чтобы не упоминать фамилии Бухарина), Эренбург подчёркивал: никто и никогда не мог бы убедить его в том, что они оказались предателями. "Да, я знал о многих преступлениях, но пресечь их было не в моих силах, - резюмировал он свои выводы. - Да о чём тут говорить: пресечь преступления не могли и люди, куда более влиятельные, куда более осведомлённые"³. В подтверждение этого писатель ссылаясь на постановление ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий", написанное соучастниками сталинских преступлений. В этом постановлении утверждалось, что "ленинское ядро Центрального Комитета" (так именовали

¹ Каверин В. Собрание сочинений. Т. 6, М., 1966. С. 269.

² Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 189.

³ Там же. С. 732, 735, 737.

себя Молотов и ему подобные) не выступило против Сталина и не отстранило его от власти потому, что это "было бы не понято народом"¹.

Характеризуя умонастроения своей среды, Эренбург писал: "Не только я, очень многие считали, что зло исходит от маленького человека, которого звали "сталинским наркомом". Мы ведь видели, как арестовывают людей, никогда не примыкавших ни к какой оппозиции, верных приверженцев Сталина или честных беспартийных специалистов"². Это вырвавшееся ненароком признание писателя весьма примечательно; оно говорит о том, что в его среде недоумение вызывали лишь репрессии против беспартийных либо "верных приверженцев", но отнюдь не против партийных оппозиционеров.

Как свидетельствуют другие источники, описанные Эренбургом иллюзии были свойственны далеко не всем деятелям советской интеллигенции. В начале 1938 года академик Вернадский записывал в своём дневнике: "Сейчас как будто люди подумали и меньше верят, чем раньше... Накапливается недовольство и слышишь его проявления, несмотря на страх. Раньше этого не было"³.

Ещё более определённо эти мысли Вернадский выразил в дневниковой записи о процессе "право-троцкистского блока": "Безумцы. Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что в своей основе не исчезнет. Но силу государства, в котором интересы масс - во всём их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной), - стоят действительно в основе государства, сейчас сами подрывают.

Огромное впечатление тревоги - разных мотивов - но *не* чувства силы правящей группы - у всех. Глупые мотивировки в газетах (передовые статьи)... Кто поверит? И если часть толпы поверит, то это часть такая, которая поверит всему и на которую не обопрёшься... (Это) может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идёт не извне, а по произволу самой власти"⁴.

Ещё более глубоко понимал смысл происходящих событий И. Бабель, о чём выразительно свидетельствуют доносы, хранящиеся в его следственном деле. В ноябре 1938 года "источник" сообщал о высказываниях Бабеля по поводу процесса "право-троцкистского блока": "Чудовищный процесс. Он чудовищен страшной ограниченностью, принижением всех проблем. Бухарин пытался, очевидно, поставить процесс на теоретическую высоту, ему не дали. К Бухарину, Рыкову, Раковскому, Розенгольцу нарочито подобраны грязные преступники, охранники, шпионы вроде Шаранговича, о деятельности которого в Белоруссии мне рассказывали страшные вещи: исключал, провоцировал и т. д. (не будучи в силах разобраться в сталинских амальгамах, Бабель допускал, что ретивость "загибщиков" типа Шаранговича могла быть вызвана их службой на иностранные разведки - В. Р.)... Они умрут, убеждённые в гибели представляемого ими течения, и вместе с тем в гибели коммунистической революции - ведь Троцкий убедил их в том, что победа Сталина означает гибель

¹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. М., 1986. С. 120.

² Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 189.

³ Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 11-12.

⁴ Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии Наук СССР. М., 1995. С. 38.

революции (и здесь Бабель принимал на веру сталинскую амальгаму, представляя Бухарина и Рыкова "учениками" Троцкого - В. Р.)... Люди привыкают к арестам, как к погоде. Ужасает покорность партийцев и интеллигенции к мысли оказаться за решёткой. Всё это является характерной чертой государственного режима. На опыте реализации январского пленума ЦК мы видим, что получается другое, чем то, о чём говорится в резолюциях. Надо, чтобы несколько человек исторического масштаба были бы во главе страны. Впрочем, где их взять, никого уже нет. Нужны люди, имеющие прочный опыт в международной политике. Их нет. Был Раковский - человек большого диапазона..."

Эти мысли Бабель, как передавал "источник", развивал в феврале 1939 года. "Существующее руководство ВКП(б), - говорил он, - прекрасно понимает, только не выражает открыто, кто такие люди, как Раковский, Сокольников, Радек, Кольцов и т. д. Это люди, отмеченные печатью высокого таланта, и на много голов возвышаются над окружающей посредственностью нынешнего руководства, но раз дело встаёт о том, что эти люди имеют хоть малейшее соприкосновение к силам, то руководство становится беспощадно: "арестовать, расстрелять"¹.

И стиль приведённых суждений, и смелость содержащихся в них обобщений свидетельствуют, что здесь переданы подлинные сокровенные мысли Бабеля, а "источником" был человек, пользовавшийся абсолютным доверием писателя.

Находясь в заключении, Бабель дал подробные письменные показания. Очищая эти записи, равно как и протоколы допросов от навязанных следователями эпитетов "клеветнический", "контрреволюционный" и т. п., можно понять причины пронизательности писателя.

С начала 20-х годов Бабель, как и многие другие беспартийные писатели, испытал идейное влияние выдающегося литературного критика и активного участника левой оппозиции А. Воронского. Сперва их объединяла общность взглядов на литературные проблемы, но со временем Бабель стал разделять взгляды Воронского на вопросы политики и положение в стране. В 1924 или 1925 году Воронский организовал на своей квартире чтение Багрицким "Думы про Опанаса". На этой встрече присутствовал Троцкий, который расспрашивал писателей об их биографиях и творческих планах.

От Воронского Бабель (равно как В. Иванов, Пильняк, Сейфуллина, Леонов и другие "попутчики") слышал критику внутрипартийного режима и "выпады против существующего руководства партии и лично против Сталина". Воронский познакомил группирующихся вокруг него писателей с другими известными оппозиционерами - Лашевичем, Зориным и В. М. Смирновым, "постоянно отзываясь о них как о лучших представителях партии". Узнав в 1928 году о самоубийстве Лашевича, Бабель писал Л. Никулину: "Прочитал сегодня о смерти Лашевича и очень грущу. Человек всё-таки был - каких бы побольше!"².

¹ Поварцов С. Причина смерти - расстрел. С. 85-86.

² Там же. С. 52, 60.

Бабель был близок и с группой командиров корпуса червонного казачества - Примаковым, Кузьмичевым, Охотниковым, Шмидтом, Зюком. Все они принадлежали к левой оппозиции и были арестованы первыми из красных командиров. Бабель, по его словам, "был близким человеком в их среде, пользовался их любовью, посвящал им свои рассказы... С интересом к ним присматривался, считая их биографии, кривую их незаурядных жизней драгоценным материалом для литературы"¹. Прославленному коннику Шмидту, получившему во время гражданской войны второй по счёту орден Красного Знамени, Бабель посвятил один из рассказов в "Конармии", а Багрицкий - либретто оперы "Дума про Опанаса".

Как свидетельствовали агентурные данные, Бабель общался и с такими известными оппозиционерами, как Дрейцер, Серебряков, Раковский, Мдивани, Евдокимов.

Друзья Бабея Раевский и Охотников в 1932-1933 годах проходили по делу оппозиционной группы И. Н. Смирнова. По словам Гаевского (из протокола его допроса, хранящегося в деле Бабея), члены этой группы "ставили своей задачей... окружить руководство партии стеной вражды, недоверия и насмешек"².

"Будучи под постоянным влиянием троцкистов, - писал в своих показаниях Бабель, - я после того, как были репрессированы Воронский, Лашевич, Якир и Радек (с последними я также был близок ряд лет), в разговорах неоднократно высказывал сомнения в их виновности". Пытаясь разобраться в фальсификаторском характере московских процессов, он отмечал несоответствия между текстом судебных отчётов и записями лиц, присутствовавших на суде. В беседах с Олешей, Катаевым, Михоэлсом и другими близкими к нему людьми Бабель говорил, что в стране происходит "не смена лиц, а смена поколений.., арестованы лучшие, наиболее талантливые политические и военные деятели". Особенно искренний характер носили, по-видимому, беседы с Эйзенштейном, которому Бабель говорил, что "талантливым людям нет места на советской почве, что политика партии в области искусства исключает творческие искания, самостоятельность художника, проявление подлинного мастерства". Возможность расцвета советской культуры он связывал с "установлением демократического режима в стране, основанного на политических взглядах, которые отстаивали троцкисты"³.

Во время своих поездок за границу Бабель откровенно беседовал с зарубежными антисталински настроенными левыми деятелями, прежде всего с Сувариным, который проявлял особый интерес к судьбе репрессированных оппозиционеров. Бабель рассказал ему всё, что знал, о жизни Раковского, Зорина и других в ссылке, "стараясь изобразить их положение в сочувственных для них тонах"⁴. Эти сообщения подтверждаются воспоминаниями Суварина, который

¹ Там же. С. 69.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 97-98, 102.

⁴ Там же. С. 145.

рассказывал: Бабель говорил ему, что арестовано и отправлено в ссылку приблизительно десять тысяч троцкистов¹.

Не менее опасные темы затрагивались в переписке Бабеля с Андре Мальро. Отвечая на вопросы Мальро о реакции советских людей на московские процессы, Бабель писал, что, по его наблюдениям, процессы "явились убедительными для рабочих слоёв населения, но вызвали недоумение и отрицательную реакцию среди части интеллигенции". В этой связи он приводил "конкретные данные, которыми располагал, о настроениях людей разных профессий и, не называя фамилий, процитировал два отрицательных отзыва о процессе - профессора математики и женщины-врача"².

Подобно Бабелю, другой репрессированный известный писатель - Борис Пильняк был в дружеских отношениях со многими оппозиционерами, активно повлиявшими на его политические взгляды. Рассказывая на следствии о своих беседах с Виктором Сержем, Пильняк говорил: "Мы пришли к одной мысли, что политическое положение чрезвычайно тяжёлое, ощущается невиданный гнёт государства над личностью, отсутствуют минимальные права выразить своё мнение, что мы живём сейчас на осадном положении. Социализма нет, так как социализм подразумевает улучшение отношений между людьми, а у нас культивируются волчьи отношения"³.

Столь же неоднозначными, как в среде интеллигенции, были политические настроения рабочих и крестьян.

¹ Суварин Б. Последние разговоры с Бабелем. - Континент. 1980. № 23. С. 352.

² Поварцов С. Причина смерти - расстрел. С. 128, 157.

³ Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 200.

XXVIII

Народ

В книге "Люди, годы, жизнь", говоря о культе Сталина, Эренбург замечал, что "к началу 1938 года правильнее применить просто слово "культ" в его первичном, религиозном значении. В представлении миллионов людей Сталин превратился в мифического полубога; *все* с трепетом повторяли его имя, верили, что он один может спасти Советское государство от нашествия и распада (курсив мой - В. Р.)". В подтверждение этих обобщений писатель, однако, приводил лишь один эпизод: когда на сессии Верховного Совета СССР старейший депутат, академик Бах закончил вступительную речь здравицей в честь Сталина, "раздался грохот рукоплесканий... Я сидел высоко, вокруг меня были обыкновенные москвичи - рабочие, служащие, и они неистовствовали"¹.

Разумеется, именно такой культ, приближающийся к идолопоклонству, насаждали Сталин и его клика. Нет оснований усомниться в описанной Эренбургом картине. Но писатель не упоминал, что "неистовствовали" люди, тщательно подобранные на политический форум аппаратом. Чьё-либо недостаточное рвение при орациях даже не на столь высоких форумах немедленно замечалось обильно рассеянными в зале сексотами и влекло крайне неблагоприятные последствия для недостаточно "неистовствовавших".

Далеко не все испытывали те чувства, о которых говорил Эренбург. Более объективно настроения и поведение простых людей в эти страшные годы описаны в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, наблюдавшей рабочих не на торжественных собраниях, а в повседневном труде и быту. Получив после ссылки "минус", т. е. запрещение проживать ближе 100 километров к Москве и другим крупным городам, Мандельштамы поселились в Калининe, снимая комнату в доме рабочего-металлурга. Здесь Надежда Яковлевна убедилась, что "в рабочих семьях в то суровое время разговаривали гораздо более прямо и открыто, чем в интеллигентских". "Уже отцы и дети наших хозяев работали на заводах, - рассказывала она, - Татьяна Васильевна не без гордости объясняла: "Мы - потомственные пролетарии"... К процессам оба относились с полным осуждением: "Нашим именем какие дела творятся", - и хозяин с отвращением отбрасывал газету. "Их борьба за власть" - вот как он понимал происходящее. Что всё это называлось диктатурой рабочего класса, приводило обоих в ярость: "Заморочили вам голову нашим классом". Или: "Власть, говорят, за нашим классом, а пойдёшь, сунься - покажут тебе твой класс"... У обоих было понятие пролетарской совести, от которого они не желали отказываться".

После ареста мужа Мандельштам поселилась в поселке Струнино, где работала на текстильной фабрике. "Относились ко мне хорошо, особенно пожилые мужчины, - вспоминала она об этой поре своей жизни. - ...На каждом шагу я замечала дружеское участие - не ко мне, а к "стопятнице".

¹ Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 189.

Однажды ночью (завод работал в три смены) в цех явились двое молодых людей, приказавших Надежде Яковлевне следовать за ними в отдел кадров. Путь туда пролегал через несколько цехов. По мере того, как Мандельштам в сопровождении энкаведешников двигалась по цехам, рабочие выключали машины и шли следом: они знали, что из отдела кадров нередко уводят прямо в НКВД. "Чего от меня хотели, - писала Мандельштам, - я так и не поняла, но в ту ночь меня отпустили, быть может, потому, что во дворе толпились рабочие... Когда кончилась ночная смена, один за другим к нашему окну стали приходить рабочие. Они говорили: "Уезжай", - и клали на подоконник деньги. Хозяйка уложила мои вещи, а хозяин с двумя соседями погрузили меня на один из первых поездов. Так я ускользнула от катастрофы благодаря людям, которые ещё не научились быть равнодушными. Если отдел кадров первоначально не собирался меня арестовывать, то после "проводов", которые мне устроили, мне, конечно бы, не уцелеть"¹.

Об отношении рабочих к репрессированным много говорит и рассказ Мандельштам о том, что по утрам рабочие, переходя железнодорожные пути, внимательно смотрели себе под ноги: они искали записки, которые выбрасывались заключёнными из поездов, обычно проходивших через Струнино по ночам. Нашедший записку клал её в конверт, переписывал адрес и бросал конверт в почтовый ящик. Свидетельства такого рода мы находим и во многих других воспоминаниях: тысячи людей получали весточки от родных путём подобной добровольной пересылки.

В работах, посвящённых сталинским репрессиям, обычно к их жертвам относят крестьянство и интеллигенцию. Значительно меньше внимания уделяется репрессиям, обрушившимся на рабочий класс. Между тем, в годы великой чистки из его рядов были вырваны десятки тысяч людей, в основном наиболее активная и сознательная часть: коммунисты и стахановцы. Были арестованы почти все рабочие и инженерно-технические работники, которые проходили стажировку на зарубежных заводах. При этом господствовали представления, утвердившиеся в "органах": любой советский человек, побывавший за границей, не мог не откликнуться на вербовку иностранными разведками.

Как рассказывал автору этой книги профессор Д. И. Гальперин, работавший в 1937 году главным инженером на тамбовском оборонном заводе, с сентября 1937 года по февраль 1938 года там были арестованы два директора завода, все их замы, все начальники отделов, три состава парткома, два состава завкома, более сотни стахановцев. Аналогичная картина наблюдалась на всех военных заводах. Процент расстрелянных среди арестованных зависел от степени садизма местного руководства НКВД. В феврале 1938 года всё тамбовское руководство НКВД было расстреляно. После этого примерно треть арестованных выпустили на свободу, а остальных направили в лагеря. Сам Гальперин провёл пять лет в "шарашке", где принимал участие в создании "Катюши", за что был амнистирован и получил звание лауреата Сталинской премии. Как он вспоминал, при снятии судимости работникам "шарашек" партийность была отягчающим обстоятельством.

¹ Юность. 1989. № 8. С. 37-39.

Инженер московского завода "Каучук" Д. Б. Добрушкин рассказывал, что на его предприятии было арестовано несколько десятков рабочих, прежде всего стахановцев и орденосцев¹.

В деревне жертвами великой чистки были по преимуществу коммунисты и колхозная интеллигенция. Во многих сельских районах проходили открытые процессы, на которых судили председателей колхозов, руководителей районных партийных и советских организаций, агрономов, ветеринаров и т. д. Их вражеской деятельностью объяснялись действительные беды и неурядицы, которые переживала советская деревня: падёж скота, отсутствие кормов, слишком ранняя или, наоборот, запоздавшая уборка урожая, низкая оплата труда в колхозах и т. д. Всё это, как узнавали многочисленные зрители этих процессов, делалось с целью вызвать озлобление крестьян против Советской власти. Эти провокационные приёмы нередко побуждали колхозников воспринимать аресты и расстрелы как заслуженную кару "вредителям", как предвестие "зажиточной жизни", которую обещал Сталин и наступлению которой якобы мешали "ликвидируемые" враги народа.

Во время насильственной коллективизации и после неё сельские, да и многие городские коммунисты, мобилизованные для участия в очередных кампаниях по выкачиванию хлеба из деревень, были вынуждены - под угрозой лишения партбилета или даже ареста - прибегать к репрессивным мерам по отношению к крестьянам. На этой волне выдвигались наиболее жестокие и бессовестные, многие из которых спустя несколько лет сами попали в мясорубку великой чистки. Известия о расправе над ними вызывали у многих крестьян чувство удовлетворения, ощущение восстановления попорченной справедливости.

В 1937 году впервые было публично сказано о многих прежде замалчиваемых событиях, в том числе о массовом голоде недавнего времени. Так, в романе "Бруски" Ф. Панферова рисовались кошмарные картины, не уступавшие по своей выразительности изображению голода в художественных произведениях 60-80-х годов:

"По обе стороны дороги то и дело попадались лошадиные трупы с обглоданными ребрами, но кое-где виднелось и более страшное, чудовищное, на что Кирилл не мог без содрогания смотреть. Вон совсем недалеко от дороги сидит на корточках рыжебородый мужик... На голове у него вместо шапки слой льда. Лёд с головы спускается на шею и тянется по спине.

- Не подъедем? - спросил шофер.

- Он мёртвый, - ответил Кирилл, скрывая свой испуг...

Из переулка выехал человек на санях. Он едет по улице и кричит, точно скупая:

- Эй! У кого есть мертвяки? Давай!

На повороте он наклонился над Никитой Гурьяновым.

- Что, умираешь? - спросил он, подталкивая Никиту ногой.

- Умираю, - глухо прохрипел он.

- Так ты давай в сани... всё равно отвозить.

¹ Сообщение Д. Б. Добрушкина автору книги.

- С мертвяками?

- А то с кем же?"¹

Эти жуткие сцены, однако, понадобились Панферову лишь для того, чтобы устами одного из своих "образцовых" героев провозгласить: "Кто некоторые села... посадил на голодный паёк? Кто? Враг! Врага многие не видят, за врагом плетутся, врагу поддакивают... А врага надо бить. Бить как гниду. Враг засел в земельных органах, в планирующих, в органах наркомпроса, в научных заведениях, в Академии... Жги беспощадно, без слёз, без умиления, не слюняйничай... не то - тебя сожгут, детей твоих сожгут"².

Шесть лет коллективизации породили глубокий антагонизм между крестьянством и верхушечными слоями города, для которых коллективизация обернулась, в частности, возможностью нанимать за мизерную плату домработниц из числа женщин, бежавших из голодных деревень или от раскулачивания. О том, как трудно было представителям этих полярных слоёв понять друг друга, рассказывается в воспоминаниях О. Адамовой-Слюзберг, которые открываются разговором автора со своей домработницей, чудом избежавшей раскулачивания и получившей письмо о судьбе своих близких. "От мужика твоего три месяца ничего нет, слышала, канал роет, - писала соседка. - Дети твои с бабкой жили (в Сибири), всё хворали. Землянка сырая, ну и питанья мало... А только начала валить ребят scarлатина, мои тоже все переболели, еле выходила, а твоих Бог прибрал. Мать твоя как без ума, не ест, не спит, всё стонет, наверное, тоже скоро умрёт".

Когда Адамова рассказала об этом письме своему мужу - доценту университета, тот заявил ей: "Видишь ли, революция не делается в белых перчатках. Процесс уничтожения кулаков - кровавый и тяжёлый, но необходимый процесс. В трагедии Маруси далеко не всё так просто, как тебе кажется. За что её муж попал в лагерь? Трудно поверить, что он так уж не виновен. Зря в лагерь не сажают"³.

Удивительно ли, что великая чистка, не затронувшая основную массу сельского населения, была с относительной толерантностью встречена на селе, которое в эти годы стало оправляться от последствий насильственной коллективизации. Тогда же несколько улучшилось положение раскулаченных. В 1938 году Политбюро утвердило проект постановления Совнаркома, согласно которому детям спецпереселенцев и ссыльных по достижении 16-летнего возраста разрешалось выдавать паспорта на общих основаниях и предписывалось не чинить препятствий к выезду на учёбу или работу⁴. Постановлением СНК от 22 декабря 1938 года спецпоселения были переведены на режим обычных сельских артелей. К началу войны в спецпоселениях осталось менее одного миллиона раскулаченных и членов их семей.

В 1937-1938 годах Политбюро приняло несколько постановлений о работе обкомов, в которых вражеской деятельностью местных аппаратчиков объясня-

¹ Панферов Ф. Бруски. Т. IV. М., 1937. С. 110, 114.

² Там же. С. 124.

³ Дружба народов. 1989. № 7. С. 60-61.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 1002. л. 57.

лись факты произвола по отношению к колхозникам и единоличникам, снижение размеров приусадебных участков и т. д. Во исправление этого "вредительства" предписывалось снять многочисленные недоимки с колхозников и единоличников, разрешалось им беспрепятственно пасти скот в лесах и учреждались некоторые другие льготы¹.

Конечно, все эти меры носили паллиативный характер и не могли в корне изменить атмосферу советского общества, которая, по словам Троцкого, была "насыщена ненавистью к привилегированным верхам"². Одна из функций великой чистки состояла в перемещении этой ненависти с режима и его хозяев - сталинской клики на местных функционеров, с которыми непосредственно сталкивалось население.

Касаясь причин, по которым версия о массовой террористическо-диверсионной деятельности была встречена с доверием значительной частью населения, важно учитывать следующие обстоятельства. Диверсии и террор нередко выступали в истории средствами законной самообороны народа против своих угнетателей, орудием партизанской деятельности, сопровождавшей гражданские и национально-освободительные войны. Эти средства широко применялись в годы второй мировой войны не только партизанским движением в СССР, но и движением сопротивления во всех оккупированных гитлеровцами странах. Эти же сильнодействующие средства использовались и реакционными силами (бандформирования, "боевики") вплоть до нынешнего времени (чеченская война).

В 1937-1938 годах миллионы советских людей хорошо помнили акты диверсий и террора, которые в спонтанных, стихийных, одиночных, разрозненных формах выступали в качестве ответной реакции крестьянства на насильственную коллективизацию. Сталинская пропаганда всячески раздувала масштабы этой деятельности, апеллируя не только к сознанию, но и к подсознательным элементам человеческой психики. Эту психологическую пружину большого террора тонко уловил писатель Фазиль Искандер, замечавший, что Сталин "хорошо понимал одну важную сторону человеческой психологии. Он знал, что человеку свойственно жгучее любопытство к потустороннему. Человеку доставляет особую усладу мысль, что рядом с обычной, нормальной жизнью идёт тайная жизнь, чертовщина. Человек не хочет смириться с мыслью, что мир сиротливо материален. Он как бы говорит судьбе: "Если уж ты меня лишила бога, то по крайней мере не лишай дьявола"³. На этих потайных струнах человеческой психики ловко играл Сталин, разжигая атмосферу средневековой истерии и мракобесия.

Рациональному восприятию большого террора препятствовал тотальный запрет на выражение каких бы то ни было сомнений и даже постановку самих вопросов, неизбежно возникавших в годы великой чистки: почему в стране "победившего социализма" оказалось такое количество шпионов, изменников и диверсантов, какое никогда не встречалось в истории? Почему почти каж-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 3. д. 977. л. 49-50; д. 933. л. 88-90; д. 944. л. 11; д. 995. л. 32.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 3.

³ Искандер Ф. Старый дом под кипарисом. - Знамя. 1987. № 7. С. 71-72.

дый советский гражданин, находившийся за границей, становился добычей иностранных разведок? Почему большинство зарубежных коммунистов, прибывших в "отечество всех трудящихся", оказывались его злейшими врагами?

Ошеломлению народа гигантскими масштабами вражеской деятельности служили показательные процессы, проходившие не только в Москве, но и в большинстве других регионов страны. Они также строились по принципу амальгамы. Подсудимыми на них нередко становились, например, работники торговли, обвинявшиеся в искусственном создании дефицитов и очередей, чтобы вызвать недовольство населения правительством. Зачастую на суд выводились действительные казнокрады, мошенники, расхитители, чьи действия объяснялись не личной корыстью, а желанием навредить Советской власти.

Чтобы лучше понять психологическую атмосферу, сопровождавшую великую чистку, остановимся на её восприятии полярными социально-политическими слоями общества.

XXIX

Великая чистка глазами врагов Советской власти

В десятках воспоминаний, рассказывающих о тюремных камерах, движении этапов с заключёнными, прибытии их в лагеря и т. д., мы встречаемся с одной и той же картиной: подавляющее большинство арестантов в 1936-1938 годах составляли коммунисты. Н. А. Иоффе вспоминает, что на лагерных этапах встречалась вся "партийная география". При встрече различных этапов заключённые перекрикивались между собой: "Эй, друзья, есть кто-нибудь из Новочеркасска - здесь ваш партийный секретарь"; "ребята из Челябинского обкома комсомола, откликнитесь"¹. Дважды арестованная Адамова-Слиозберг рассказывала: если в 1949 году вместе с ней в камере находилось процентов десять членов партии, то в 1936 году эта пропорция была обратной: коммунисты составляли до 90 процентов заключённых².

Вместе с тем среди жертв репрессий тех лет не было полной социально-политической однородности. Ориентация великой чистки на истребление преимущественно коммунистов (включая сотни тысяч людей, выброшенных из партии во время официальных партийных чисток) не исключала планомерного уничтожения и некоторых других категорий населения. Решив обезопасить себя от всякой оппозиции и от всяких нежелательных эксцессов в будущей войне, Сталин дал указание о расправе и над членами бывших социалистических партий, бывшими участниками белых армий, реэмигрантами (например, из рядов казачества) и т. д. Поэтому состав заключённых был весьма пестрым, и между ними часто возникали столкновения на идейной, политической почве.

Существует немало свидетельств того, с каким злорадством "бывшие" встречали коммунистов в тюрьмах и лагерях. Сокамерница А. М. Лариной говорила ей: "Я по крайней мере знаю, за что сижу. Мой отец - крупный купец.. Он был контрреволюционером, а не революционером, и я тоже ненавижу вашу революцию. Могу только позлорадствовать, что ваш вождь всех видных большевиков перебил"³.

Многие антисоветски настроенные заключённые видели в великой чистке возжеленную месть большевикам, претворение в жизнь того, что им самим не удалось осуществить в годы гражданской войны. Бывший белогвардейский офицер говорил в лагере старой большевичке Немцовой: "Сейчас происходит выполнение нашего лозунга: Вся власть Советам, но без коммунистов!.. Будьте уверены: все (старые большевики - В. Р.) попадут в лагерь"⁴.

Сходные чувства испытывали многие раскулаченные, к 1937 году оказавшиеся в лагерях на "руководящих" должностях. О. Адамова-Слиозберг вспоминала, как нормировщик, ведавший распределением работ среди заключён-

¹ Иоффе Н. А. Время назад. М., 1992. С. 160.

² Адамова-Слиозберг О. Путь. М., 1993. С. 175.

³ Ларина А. М. Незабываемое. С. 142.

⁴ Огонёк. 1988. № 27. С. 6.

ных, узнав, что её бригада целиком состоит из бывших членов партии, сказал: "Когда эти члены партии в 1929 году раскулачивали меня, выгоняли из дома с шестью детьми, я им говорил: "Чем же дети-то виноваты?" Они мне отвечали: "Таков советский закон". Так вот, соблюдайте советский закон, выбрасывайте по 9 кубометров грунта"¹.

В те же годы на воле происходили существенные сдвиги в социальной структуре общества. Облава на большевиков сочеталась с восстановлением гражданских прав и возрастанием возможностей социальной мобильности у недавних лишенцев, т. е. представителей бывших господствующих классов.

В цикле исторических романов Анатолия Рыбакова одним из наиболее ярких и запоминающихся образов является образ Шарока, выходца из мелкобуржуазной семьи, тайно ненавидящей Советскую власть. "Поварившись в рабочем котле", т. е. проработав год на заводе, Шарок был выдвинут на работу в НКВД, где прошёл полосу стремительного карьерного восхождения. Став одним из главных ежовских следователей, он ощущал глубокое удовлетворение от того, что получил возможность уничтожать "тех, кого с детства ненавидел, тех, кто погубил Россию - старых большевиков, так называемую "ленинскую гвардию", а заодно и всяких евреев, латышей, поляков, которые сделали Октябрьскую революцию. Конечно, этих революционеров, коммунистов, большевиков он уничтожал именем революции, коммунистической партии, но не в этом суть, важно, что уничтожал именно их"².

Именно такие люди, как Шарок, - обладавшие способностью к социальной мимикрии и приспособленчеству, свободные от всяких идей и моральных тормозов, руководствовавшиеся только карьеристскими соображениями, циничные до мозга костей, - обладали наибольшими шансами выжить в годы великой чистки.

Социально-политические последствия этого процесса наглядно проявились в годы Отечественной войны. Как справедливо отмечает исследователь статистики сталинских репрессий Земсков, тогда "выяснилось: десятки тысяч людей, испытывавших ненависть к советскому общественному и государственному строю и мечтавших устроить массовую резню коммунистов... избежали в 1937-1938 гг. ареста по той причине, что не вызывали у органов НКВД особых подозрений в силу своего показного "верноподданничества" (именно такие люди стали на оккупированной территории власовцами, полицаями, карателями, старостами, бургомистрами и т. д. - В. Р.)... В то же время ГУЛАГ был битком набит преданными коммунистической партии и Советской власти людьми, которые... в своих письмах в разные инстанции просили оказать им только одну услугу - послать их на фронт, позволить с оружием в руках защищать Родину, идеалы Великого Октября и социализма"³.

Великая чистка не только не ликвидировала "пятую колонну", как на все лады твердила сталинская пропаганда, а, напротив, пополнила ряды потенци-

¹ Адамова-Слиозберг О. Путь. С. 82.

² Рыбаков А. Страх (Тридцать пятый и другие годы). Кн. 2. М., 1991. С. 279.

³ Земсков В. Н. ГУЛАГ. Историко-социологический аспект. - Социологические исследования. 1991. № 6. С. 20.

альных коллаборационистов, будущих гитлеровских приспешников людьми, озлобленными сталинским террором.

Настроения людей, которых ещё в 20-е годы называли "внутренними эмигрантами", находили идеологическое оформление в родственных им по духу кругах зарубежной эмиграции.

Великая чистка глазами русской эмиграции

Социально-политический смысл великой чистки был правильно уловлен и левым и правым крылом эмиграции, хотя оценка этого процесса различными эмигрантскими течениями была зачастую полярной.

На одном из крайних флангов эмиграции стояли просталинистские элементы, организационным центром которых был "Союз возвращения на родину". В докладе Союза о московских процессах они именовались "последним звеном в длинной цепи борьбы большевиков со своим зяблым врагом - троцкизмом... Только такой гениальный вождь, как Сталин, мог предвидеть, во что выродится Троцкий, троцкизм и все его приспешники". Как бы стремясь перещеголять московских идеологов в апологетике сталинского режима, докладчик утверждал, что "в СССР свобода совести существует больше, чем в какой бы то ни было другой стране, и никого не судят за его убеждения, если он не начинает претворять в действие взгляды, вредные для интересов социализма"¹.

На крайне правом фланге эмиграции события в СССР воспринимались также с удовлетворением, хотя, разумеется, по принципиально иным причинам. Белогвардейский генерал Лампе, принимавший активное участие в изготовлении и подбрасывании Москве провокационных документов о "предательстве" старых большевиков, в июне 1937 года писал заместителю председателя Российского общевойскового союза (военизированной организации бывшего белого офицерства) Кусонскому: в СССР "жертвами теперь являются те, кого мы и сами без колебаний повесили бы... 20 лет они (большевики - В. Р.) жили и *своих* не угробливали, а на вторые 20 лет именно с этого-то и начали. А взаимные угробливания и казни в *своей* среде есть нормальный *конец* всякой революции... Пусть Сталин проведет чёрную работу как можно дальше... Все же разговоры об "изменах", "шпионаже в пользу одной державы" - это сплошной вздор"².

Такого рода взгляды высказывались и на страницах белоэмигрантских изданий. Уже в 1936 году автор журнала "Третья Россия" подчёркивал, что "всё теперешнее могущество Сталина выросло в умалении и из умаления коммунистической партии", и что Ленин, к счастью для него, "своевременно умер, иначе и его постигла бы участь Троцкого... если бы он, конечно, остался прежним Лениным"³.

По мере развития великой чистки на страницах "Третьей России" всё явственнее проступало нескрываемое злорадство по поводу учинённого Сталиным антибольшевистского переворота. "Если авторы совершаемых теперь массовых расправ, - писал один из авторов журнала, - отдадут на моральное и

¹ Наш Союз. Париж. 1937. № 3-4. С. 17.

² Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989. С. 88.

³ Третья Россия. Париж. 1936. № 7. С. 35.

физическое растерзание марксистско-троцкистских собак, то, по-своему, они знают, что делают"¹.

По-иному вела себя центристская часть эмиграции, которая не разделяла глумливых суждений белогвардейцев и не выражала торжества по поводу уничтожения коммунистов в Советском Союзе. На страницах газеты "Последние новости", редактировавшейся П. Н. Милюковым, регулярно публиковались синодики - перепечатки сообщений советских центральных и периферийных газет о всё новых судах и казнях (из таких материалов можно было получить представление о размахе массового террора).

"Последние новости" перепечатали отрывок из статьи влиятельной французской газеты "Тан", к позициям которой редакция органа Милюкова явно присоединялась. В этой статье, посвящённой 20-й годовщине Октябрьской революции, говорилось: "Что празднует Советское правительство? Годовщину коммунизма? Но коммунизм давно превратился в России в пустой звук... Ликвидацию царского деспотизма? Но его место занял новый деспотизм, ещё более тягостный и более кровавый. Разрыв с прошлым? В учебниках снова появилось восхваление истории святой России. Освобождение рабочего класса? Но в России трудящиеся лишены всех прав. Нет, торжества организованы не для восхваления режима, а для возвеличения одного человека - Сталина"².

Проницательные высказывания о сущности великой чистки принадлежали Г. Федотову, писавшему, что она производит впечатление "полной смены правящего класса - того Сталиным созданного слоя "знатных" людей, в состав которого входили партия, спецы и командиры Красной армии". К этой "знати", по мнению Федотова, принадлежала и верхушка беспартийной интеллигенции, за годы Советской власти слившаяся в один слой с интеллигенцией партийной. "Бухарин, Рыков, каждый советский сановник тащили за собой десятки спецов, профессоров, сотрудников, без которых немислимо управлять государством. И вот теперь вся интеллигенция платится за эту компрометирующую связь".

Подчёркивая, что удар наносится прежде всего по сподвижникам и друзьям Ленина, Федотов объяснял такое направление главного удара тем, что Сталин стремится заменить коммунистическую элиту деклассированными элементами, которые "ненавидят интеллигенцию, хотя бы и ленинскую, острой ненавистью. Так сам Сталин ненавидит Троцкого и Бухарина - белую кость ленинизма"³.

Осуждая радостный отклик, который убийства большевиков находили в правых кругах эмиграции, Федотов указывал, что эти убийства наносят колоссальный ущерб не только большевистской партии, но и России. "Если бы представить себе, хотя бы в порядке исторической фантазии, - писал он, - что Гитлеру удалось поставить во главе России и её Коммунистической партии своего доверенного агента, он не мог действовать лучше Сталина"⁴.

¹ Третья Россия. Париж. 1938. № 8. С. 44.

² Последние новости. 1937. 9 ноября.

³ Федотов Г. П. Полное собрание статей. Т. IV. С. 188-189.

⁴ Там же. С. 178.

Левое крыло эмиграции, прежде всего меньшевики, воспринимали великую чистку с нарастающим ужасом. Комментируя сообщения советских газет о "перестройке" и "демократизации" политической жизни, автор "Социалистического вестника" обращал внимание на подлинный смысл этой кампании: обличения бюрократизма и бюрократов понадобились Сталину для того, чтобы уничтожить весь прежний аппарат, заменить его людьми новой формации, свободными от большевистской ментальности. Ради этого вытаскиваются на свет и действительные проявления помпадурства зарвавшихся чиновников. "Сейчас со злобою, часто даже без опаски, - говорилось в статье, - клеймят последними эпитетами вчера ещё всемогущих исполкомщиков и партийцев... Открылись шлюзы недовольства. На всех собраниях перед слушателями сменяются, как в говорящем фильме, жуткие рассказы о том, как изворачивается советский гражданин, чтобы прожить, пробиться, обойти, задобрить бездушного чиновника или хищного стяжателя"¹.

"Социалистический вестник" опубликовал интервью с находившимся в заграничной командировке беспартийным советским инженером, который называл себя убеждённым противником коммунизма и заявлял, что именно поэтому от всего сердца аплодирует Сталину, ведущему "под флагом борьбы против троцкизма и Троцкого... борьбу собственно *против коммунизма*, как теории, как мировоззрения... Сталин ведёт чистку страны от никому больше не нужных, устарелых идей и держащихся за них людей"².

Вместе с тем меньшевистский анализ социально-политических процессов в году великой чистки страдал серьёзными внутренними противоречиями и неувязками. С одной стороны, идеологи меньшевизма явно преувеличивали достигнутые в СССР социальные завоевания, закрывая глаза на униженное и бесправное положение советского рабочего класса. "Рабочий класс, - писала О. Доманевская, - является господствующим классом в стране, и массы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть коренной реконструкции страны, подвели тем самым твёрдую базу под своё господство. Те исключительные привилегии и права, которые имеет в Советской России рабочий класс, немислимы ни в одной капиталистической стране"³.

С другой стороны, меньшевики, сохраняя свои прежние оценки большевизма, рассматривали внутрипартийную борьбу в СССР как свару между "большевистскими кликами", исход которой в любом случае привёл бы к торжеству бюрократического абсолютизма. "Сталинизм" и "ангисталинизм", - писал Ф. Дан, - это лишь две двери, одинаково ведущие к контрреволюционно-бонапартистскому (или, выражаясь с тою же степенью исторического приближения в более современных терминах, - к фашистскому) завершению русской революции"⁴.

Кричащие противоречия обнаруживались нередко в рамках одной и той же статьи "Социалистического вестника". Так, в статье, посвящённой итогам вто-

¹ По России. - Социалистический вестник. 1937. № 7-8. С. 21-22.

² Социалистический вестник. 1937. № 11. С. 14.

³ Социалистический вестник. 1937. № 1-2. С. 16.

⁴ Социалистический вестник. 1937. № 4. С. 5.

рого московского процесса, говорилось: "Задача и смысл суда состоит в истинной *бессудной* расправе со всякой коммунистической оппозицией, в моральном и физическом уничтожении "старого большевизма", которое всё больше становится повелительной необходимостью для сталинского единодержавия в его борьбе за самосохранение". Эти справедливые констатации соседствовали в статье с прямо противоположными суждениями, которые отождествляли палачей и их жертв. Приводя ликующее сообщение "Правды": "Вынесен смертный приговор троцкизму", автор утверждал: "Нет, не троцкизму, а *большевизму* во всех его фракциях, оттенках, разветвлениях и уклонах вынесен этот приговор!.. Что сказать тогда о большевизме, сумевшем завести возглавляемую им великую революцию в такую кроваво-грязную трясиину... С какой стороны ни подойти к вопросу, смрадом морального тления несёт не от одного только "троцкизма", а от всего большевизма в целом"¹.

По мере дальнейшего развития сталинского террора оценки меньшевистских лидеров становились более объективными и взвешенными. В отклике на процесс "право-троцкистского блока" Дан писал: "Убивая морально и физически "старый большевизм", Сталин убивает самое революцию, делает дело контрреволюции"².

В статье Р. Абрамовича "Международное значение московского процесса" подчёркивалось, что сталинизм наносит сокрушительные удары делу мировой революции. Абрамович указывал, что большевистская революция "самим фактом своего существования - фактом прихода к власти в гигантской стране партии, вышедшей из пролетариата и проникнутой пролетарской идеологией, - необычайно стимулировала у значительной части мирового пролетариата революционные чаяния, надежды и настроения... Революционный энтузиазм разбуженных войной и послевоенными революциями западноевропейских масс стихийно толкал их в сторону большевизма и коммунизма. Началось победное шествие коммунизма по всем странам Европы и Америки". Однако в этот период наивысшего подъёма престижа большевистской революции, которая могла стать "неисчерпаемым резервуаром сил для мирового революционного социализма", сталинизированный Коминтерн восстановил против себя широкие массы организованного пролетариата на Западе своей тактикой раскола, демагогии и коррумпирования лидеров зарубежных компартий. В результате эти партии резко уменьшились в своей численности. Так наступил первый этап ослабления и деморализации революционного пролетариата, обусловивший его поражения в целом ряде стран. Новый прилив революционного энтузиазма возник в результате мирового капиталистического кризиса, разочарования масс в буржуазной демократии и побед фашизма. "Звезда большевизма снова высоко поднялась на горизонте мирового пролетариата; престиж советской революции вырос в ещё небывалой степени. Пролетарское государство... начало становиться прообразом социализма; этому государству прощались все изъязны, недостатки и даже преступления, как прощаются молодому титану детские болезни и грехи молодости". Австрийские шупбундовцы, уз-

¹ Социалистический вестник. 1937. № 3. С. 2-3.

² Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 13.

ники гитлеровских лагерей и другие жертвы фашизма рвались в Советскую Россию, представляющую им подлинным "отечеством всех трудящихся", лучезарным видением строящегося социалистического общества, оплотом и надеждой в борьбе за демократию и социализм. И как раз в этот момент, когда идеологическое влияние большевистской революции вновь достигло своего апогея, "необъяснимо и непонятно для всех начался пароксизм самого ужасного и жестокого терроризма, наступила длительная полоса массовых расстрелов и "процессов". С недоуменным страхом, а потом всё больше с чувством отвращения и ужаса мировой пролетариат наблюдал чудовищное, непостижимое, необъяснимое для него зрелище"¹.

¹ Там же. С. 7-8.

Великая чистка глазами коммунистов

В партийной среде великая чистка была встречена не только с ужасом, но и с растерянностью. Тысячи советских коммунистов не могли найти объяснения тому, что люди, проливавшие кровь за революцию во времена, когда она находилась на волоске от гибели, изменили ей, когда Советская власть оказалась прочной, как никогда, а сами они пользовались почётом и признанием.

Сегодня вопрос стоит перед нами иначе: почему многие и многие большевики, во времена подполья и гражданской войны не испытывавшие страха даже перед самой смертью, в годину большого террора покорно шли за Сталиным, несмотря на всё возрастающий произвол, уносивший из жизни одну за другой большевистские когорты.

Ныне нет недостатка в мемуарах, раскрывающих восприятие тогдашними коммунистами великой чистки. В совокупности они создают чрезвычайно противоречивую картину смятенного массового сознания, отражавшего глубокую идейную и социально-психологическую неоднородность партии: наличие в ней разных поколений, обладавших разным политическим опытом; пестроту отношения к Сталину - от идентификации с ним Советской власти и веры в его величие до отношения к нему как к могильщику революции; существование двух противоположных тенденций, насаждавшихся сталинским режимом: тенденции к конформизму, стадности, массовому психозу и тенденции к разобщению, атомизации людей, их взаимному недоверию.

Поэтому не следует принимать на веру попытки отдельных мемуаристов экстраполировать свои собственные настроения на "всех". Внимательное сопоставление мемуаров, как и других исторических источников раскрывает существование внутри партии весьма различных социально-психологических слоёв, т. е. слоёв, объединённых общностью мировосприятия и отношения к трагическим событиям своего времени.

Первый слой состоял из молодых коммунистов, сохранявших веру в обоснованность репрессий, - до того момента, пока они сами не оказывались в тюремных камерах, а зачастую и после этого. Говоря о разнице между обитателями сталинских застенков в 1936 и 1949 годах, О. Адамова-Слиозберг замечала, что после войны не только в тюрьме, но и на воле она не встретила "ни одного человека с ненадтреснутой верой в справедливость", тогда как во время её первого ареста "у всех, и у меня в том числе, была вера в непогрешимость советской власти, советского суда и особенно Сталина,.. имя которого было синонимом революции, социализма, истины, справедливости"¹.

К людям такого типа относилась поэтесса Ольга Берггольц, которая в 1935 году записала в своём дневнике: "Как я... горда и рада, что советский человек, что живу в такие годы. Просто иногда стеснение какое-то овладевает от гордости и радости, не хочется выражать это громко, как иногда совестно восхи-

¹ Адамова-Слиозберг О. Путь. С. 183.

щаться вслух и словами красотой природы, точно боясь оскорбить её этим и разрушить то невыразимое, чистое, что в тебе возникло".

За время полугодичного пребывания Берггольц в тюрьме эти настроения подверглись трагической ломке. Одна из её первых дневниковых записей после выхода на свободу гласила: "Товарищи, родные мои, прекрасные мои товарищи, все, кого знаю и кого не знаю, все, кто ни за что томится сейчас в тюрьмах в Советской стране, о, если б знать, что это моё обращение могло помочь вам, отдала бы вам всю жизнь! ...Всё или почти всё до тюрьмы казалось ясным: всё было уложено в стройную систему, а теперь всё переубавлено, многое поменялось местами, многое переоценено... Может быть, раздробленность такая появилась оттого, что слишком стройной была система, слишком неприкосновенными фетиши, и сама система была системой фетишей?"

Готовясь к собранию, на котором предстояло её восстановление в партии, Берггольц сделала следующую дневниковую запись: "О, как страстно хочется мне сказать: "Родные товарищи! Я видела, слышала и пережила в тюрьме то-то, то-то и то-то... всё, что открылось мне, болит и горит во мне, как отравы. Мне непонятно то-то и то-то, мне отвратительно то-то. Такие-то вещи кажутся мне неправильными. Вот я вся перед вами - со всей болью, со всеми недоумениями своими". Но это делать нельзя. Это было бы идеализмом! Что они объяснят? Будет исключение, осуждение... И, вероятнее всего, опять тюрьма"¹.

По своему восприятию великой чистки к слою рядовых коммунистов были близки многие низовые партийные работники, с болью воспринимавшие насильственную коллективизацию и другие акции сталинизма, в которых они вынужденно принимали участие, подчиняясь партийной дисциплине. О прозрении этих людей рассказывается в книге И. И. Ефимова, подчёркивавшего, что "рассуждать мы научились только в тюрьме. До тюрьмы у всех у нас как будто занавески на глазах были или видели мы только одну сторону медали, слышали одну истину"². Ефимов вспоминал, как партийные работники районного масштаба в тюремных дискуссиях приходили к переоценке внутрипартийной борьбы и роли Сталина. "Кто же вознёс его на престол себе на погибель, - размышлял один из них. - Те, кто окружал Сталина и держался за его фалды. Быть рядом с властью или у самой власти значительно выгодней, чем выступать с критикой её ошибок. Поддерживали и мы, молодые коммунисты, не знавшие всей подоплеки внутрипартийной борьбы. Мы же ни о чём не думали, да нам и не полагалось думать: мы... могли только голосовать, не разбираясь, кто прав, а кто виноват"³.

Нередко в тюремных камерах возникали острые коллизии при обмене мнениями относительно происходящего. Е. Гинзбург вспоминала, как она общалась путём перестукивания с находившимся в соседней камере известным политическим деятелем Татарии Гареем Сагидуллиным, арестованным ещё в 1933 году по обвинению в "буржуазном национализме". Подобно многим другим оппозиционерам, он был привезён на переследствие, чтобы "перевести его

¹ Нева. 1990. № 5. С. 173-176.

² Ефимов И. И. Не сотвори себе кумира. Л., 1990. С. 161.

³ Там же. С. 117-118.

дело на язык 37 года", т. е. заменить прежний приговор на более суровый. Сагидуллин выстукивал Гинзбург следующие соображения: "Говори прямо о несогласии с линией Сталина, называй как можно больше фамилий таких несогласных. Всю партию не арестуют. А если будут тысячи таких протоколов, то возникнет мысль о созыве чрезвычайного партийного съезда, возникнет надежда на "его" свержение. Поверь, внутри ЦК его ненавидят не меньше, чем в наших камерах. Может быть, такая линия будет гибельная для нас лично, но это единственный путь к спасению партии".

Гинзбург признавалась, что в то время она ещё не созрела для того, чтобы соглашаться с такими мыслями. "Заявить о несогласии с линией я не могла. Это было бы ложью. Ведь я так горячо и искренне поддерживала и индустриализацию страны, и коллективизацию сельского хозяйства"¹.

Такой же фетишизм по отношению к "генеральной линии партии" и "сталинскому руководству" был присущ и некоторым старым партийцам, на протяжении длительного времени принимавшим активное участие в "борьбе с троцкизмом". Свидетельства таких людей о своём восприятии великой чистки крайне противоречивы. Так, член партии с 1902 года Лазуркина, выступившая на XXII съезде КПСС с предложением о выносе тела Сталина из Мавзолея, рассказывала: "Ни на одну минуту - и когда я сидела два с половиной года в тюрьме, и когда меня отправили в лагерь и после этого в ссылку (пробыла там 17 лет) - я ни разу не обвинила тогда Сталина. Я всё время дралась за Сталина, которого ругали заключённые, высланные и лагерники. Я говорила: "Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть!" Однако тут же Лазуркина подчёркивала, что в 1937 году "господствовал не свойственный нам, ленинцам, страх. Клеветали друг на друга, не верили, клеветали даже на себя". И тем не менее она заявляла: "Мы не верили, что в нашей ленинской партии мог быть такой произвол", и "боролись до конца". Эта борьба, по её словам, выражалась после ареста в том, что "мы писали, писали до бесконечности. Если посмотреть архив моих писем, то можно обнаружить целый том писем Сталину"².

Наглядным примером раздвоенности преданного сталиниста является мироощущение и поведение в годы великой чистки Михаила Кольцова. До ареста Кольцов был одним из редакторов "Правды", руководителем газетно-журнального издательства ("Жургиз"), редактором журналов "Огонёк", "Крокодил" и "За рубежом". В 1938 году был награждён орденом Красного Знамени, избран депутатом Верховного Совета СССР и членом-корреспондентом Академии Наук. Помимо этого, он занимал много общественных постов, руководил международными связями Союза советских писателей. За месяц до его ареста массовым тиражом вышла первая книга его "Испанского дневника", удостоившаяся восторженной рецензии А. Толстого и Фадеева в "Правде".

Типичными для выступлений Кольцова были его слова в праздничном номере "Правды": "Какое, чёрт возьми, интересное и знаменательное время! Ни-

¹ Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 1990. С. 50.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. III. С. 120.

когда наш народ не стоял таким сильным и спокойным перед всем миром, как теперь, как сегодня, как сейчас"¹.

Было бы неверным видеть в этих словах лишь повторение общеобязательных дежурных восторгов. По словам брата Кольцова - художника Бориса Ефимова, Кольцов "искренне, глубоко, не боюсь сказать фанатически, верил в мудрость Сталина. Сколько раз, после встреч с "хозяином", брат в мельчайших деталях рассказывал мне о его манере разговаривать, об отдельных его замечаниях, словечках, шуточках. Всё в Сталине нравилось ему"².

Вместе с тем Кольцов не мог не испытывать смятения перед лицом известий о всё новых репрессиях. В одной из откровенных бесед с братом он говорил: "Я чувствую, что схожу с ума. Ведь я по своему положению - член редколлекции "Правды", известный журналист, депутат - я должен, казалось бы, уметь объяснить другим смысл того, что происходит, причины такого количества разоблачений и арестов. А на самом деле я сам, как последний перепуганный обыватель, ничего не знаю, ничего не понимаю, растерян, сбит с толку, брожу впотьмах".

Размышляя над тем, Ежов ли разжигает подозрительность Сталина или же, напротив, Сталин "настойчиво и расчётливо подогревает усердие Ежова", Кольцов рассказал эпизод, который объяснил ему многое в механике великой чистки. Зайдя однажды к Мехлису, он застал его за чтением толстой тетради, в которой содержались показания главного редактора "Известий" Таля. Мехлис сказал, что не имеет права познакомить Кольцова с этими показаниями, но может показать *его* резолюцию: "Товарищам Ежову и Мехлису. Прочесть совместно и арестовать всех упомянутых здесь мерзавцев". "Понимаешь? - взволнованно говорил Кольцов. - Люди, о которых идёт речь, ещё на свободе, они работают, может быть, печатаются в газетах, ходят с жёнами в гости и в театры, собираются в отпуск куда-нибудь на юг. И не подозревают, что они уже "мерзавцы", что они уже осуждены и, по сути дела, уничтожены одним росчерком этого красного карандаша. Ежову остаются чисто технические детали - оформить "дела" и выписать ордера на арест".

"Я слушал брата, - вспоминает Б. Ефимов, - и сердце сжималось зловещей тревогой. Я не мог отказаться от мысли, что и его судьба, может быть, решена вот так же... красным карандашом на чьих-нибудь вынужденных или выдуманных показаниях. Я чувствовал, что он думает о том же, но вслух высказать эти мысли мы не решались, хотя читали их друг у друга в глазах"³.

Кольцов и Ефимов принадлежали к тому кругу партийной и околопартийной интеллигенции, который находился под гнётом постоянного напряжения и неотвязного страха за собственную судьбу и судьбу своих близких. Атмосфера, в которой жили эти люди, с пронзительной достоверностью передана в воспоминаниях Ефимова: "Как описать состояние тысяч и тысяч людей, не знающих за собой никакой вины, но каждую (каждую!) ночь с замиранием сердца прислушивавшихся, не раздастся ли в дверь роковой звонок, облегчен-

¹ Правда. 1938. 7 ноября.

² Михаил Кольцов, каким он был. С. 103.

³ Там же. С. 104.

но вздыхавших и забывавшихся тяжёлым сном где-то под утро, для того чтобы в течение дня с ужасом думать о предстоящей ночи?.. Эти люди страстно хотели бы что-то у кого-то узнать, спросить, что-то кому-то объяснить, в чём-то оправдаться, что-то опровергнуть. Но сделать этого они не могут, потому что никто никаких вопросов им не задаёт, ни в какие объяснения не вступает, никаких претензий не высказывает, никаких обвинений не предъявляет. Человек чувствует себя в каком-то жутком бредовом вакууме, но должен при этом делать вид, что никаких оснований для беспокойства у него нет, должен выглядеть абсолютно спокойным и жизнерадостным, должен сохранять полную работоспособность, выполнять, как обычно, свои обязанности"¹.

После каждого ареста своего родственника, сослуживца или близкого товарища человек лихорадочно вспоминал, не произнёс ли он когда-то в личном разговоре с ним что-нибудь "крамольное". Ведь даже из газетных сообщений было ясно, что мало-мальски критических высказываний в адрес Сталина или каких-то аспектов его политики достаточно для того, чтобы быть обвинённым по меньшей мере в "контрреволюционной агитации".

Разумеется, было немало людей, понимавших произвольность и фантастичность "признаний", о которых неустанно вещали печать и радио. Как рассказывал И. Райсс, "над "признаниями" в Москве откровенно издеваются. Успехом пользуются рассказы вроде того, что Алексей Толстой после ареста и допросов признал, что написал Гамлета, и т. д."².

Но, пожалуй, не меньше насчитывалось тех, кто верил не только в неведение Сталина относительно провокаций и зверств, творящихся в тюремных застенках, но и в широко пропагандируемую формулу "НКВД не ошибается". Такие люди искренне отрекались даже от своих ближайших друзей или родных, как только узнавали об их аресте. К. Икрамов вспоминал, как его мать сказала близкой подруге, узнав об аресте её мужа: "Если его взяли, значит - он сволочь". Услышав эти слова, та упала в обморок - не из-за потрясения их жестокостью, а потому что вспомнила, как совсем недавно её муж отреагировал на арест своего товарища буквально теми же словами³.

Конечно, далеко не все коммунисты руководствовались только соображениями собственного выживания, жили во власти страусовой психологии, вольного или невольного стремления не обременять своё сознание и совесть размышлениями о смысле происходящего. Намного более трагическим было мироощущение тех, кто сознавал преступную роль Сталина и в то же время остро ощущал свою беспомощность, невозможность действительно противостоять валу репрессий. Об этом психологически убедительно рассказывается в повести Г. Бакланова "Июль 41 года". Здесь описывается, как в конце лета 1937 года, когда "события приняли громадный размах", к полковнику Щербатову пришёл его друг и дальний родственник Емельянов, который был настолько "в больших чинах", что Щербатов "никогда о своих родственных связях не напоминал, сам к нему почти не ездил, разве что в дни рождений, ко-

¹ Там же. С. 100.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 21.

³ Знамя. 1989. № 5. С. 55.

гда неудобно было не ехать" (этот штрих выразительно говорит об установившейся к тому времени четкой иерархии, разделявшей даже "ответственных коммунистов" на невидимые страты). Емельянов предстаёт в повести как подлинно народный характер, человек, выдвинутый на первые роли революцией и беззаветно преданный её делу. "Могучего сложения, рослый, с трезвым, ясным умом, он был из тех людей, которые во множестве всегда есть в народе, но становятся видны только в крутые, переломные моменты истории. В такие поворотные моменты они приходят хозяйски умелые, уверенные, знающие, что им делать, не спрашивая, сами подставляют широкое плечо под тот угол, где тяжелей".

В ночной беседе с другом этот мужественный, властный человек ясно и определённо характеризует атмосферу безысходности, в которой жили в те дни такие люди, как он. "Новостей ждешь? - спросил Емельянов в упор. - Новостей сейчас ждут больше, чем правды, - он усмехнулся. - Вот так и сидим по углам, ждем: "Может, меня минует"... Ну-ка, выйди, скажи громко... Так завтра, кто знал тебя, имени твоего будут бояться... Вдуматься - сам начинаешь не верить себе! Мы, два коммуниста, и, чего уж там говорить, дороже Советской власти ничего для нас нет, а не то что слов - мыслей своих боимся".

Емельянов, живший в ожидании нависшего над ним неминуемого ареста, понимал, что в атмосфере тоталитарной истерии публично высказанная истина только подогреет внедряемые всей мощью официальной пропаганды убеждения в многочисленности "врагов". "Страшно, - говорил он, - что мы сами помогли укрепить слепую веру и теперь перед этой верой бессильны. Святая правда выглядит страшной ложью, если она не соответствует сегодняшним представлениям людей. Ты можешь представить, что было бы, если б нашёлся сейчас человек, который по радио, например, сказал бы на всю страну о том, что творится, о Сталине? Знаешь, что было бы? С этой минуты даже тот, кто колеблется, поверил бы. И уже любая жестокость была бы оправдана"¹.

Эти мысли примечательны не только пониманием трагической вины тех, кто в годы легальной внутрипартийной борьбы помог обрести Сталину всевластие. Люди такого интеллектуального уровня и морального качества, как Емельянов, поднимались и до осознания того порочного круга, который представал перед теми, кто был способен отважиться на публичное обличение сталинских преступлений, не говоря уже об ответном террористическом акте против Сталина. Если бы кто-то из большевиков, хотя бы тот же Емельянов, решился на такой поступок, то едва ли современники и потомки поверили бы в произвольность репрессий против тысяч других, обвинённых в террористических намерениях и действиях. Фабрикацией "антитеррористических" дел и процессов Сталин отводил от себя руку мщения. Более того, любое публичное упоминание о незаконности репрессий было бы сочтено в обстановке 1937 года "троцкистской вылазкой" и тем самым - работало бы на Сталина.

Троцкий считал возможным, что "режим, истребляющий, под предлогом борьбы с терроризмом, лучшие головы страны, вызовет против себя в конце концов действительный террор. Можно сказать больше, было бы противно за-

¹ Бакланов Г. Военные повести. М., 1986. С. 258-260.

конам истории, если б правящие гангстеры не воспитали против себя террористов отчаяния и мести¹.

Известно, что уже в начале 30-х годов в некоторых молодёжных группах вынашивались террористические настроения против Сталина. В том, что такие настроения не переросли в действия, сыграло скорее всего понимание реальной альтернативы, которая в период великой чистки заключалась в следующем.

Умри Сталин в эти годы естественной смертью - репрессии, по-видимому, сразу же были бы прекращены, как это произошло в 1953 году. Погибни он от террористического акта - все предшествующие расправы выглядели бы оправданными, и машина государственного террора заработала бы с ещё более страшной силой. В этом случае Сталин остался бы в сознании потомков в ореоле героя и мученика, павшего жертвой зловещего заговора.

Такого рода соображениями, по-видимому, руководствовался Троцкий, когда он писал в 1937 году: "В самых суровых кодексах человечества не найти достаточной кары для правящей московской клики и прежде всего для её главы. Если тем не менее в наших обращениях к советской молодёжи мы не раз поднимали голос предостережения против индивидуального терроризма, который так легко возрождается на русской почве, пропитанной произволом и насилием, то не по моральным, а по политическим соображениям. Акты отчаяния ничего не меняют в системе, а лишь облегчают узурпаторам кровавую расправу над противниками"².

Успех сталинского истребительного похода определялся и тем, что все обвинения в адрес жертв массового террора строились с учётом социалистического духа и патриотических качеств большинства советских людей. Советский Союз воспринимался ими как оплот социализма и мирового коммунистического движения, как отечество, находящееся под угрозой вражеского нашествия, и как могучий противовес фашизму на международной арене. В соответствии с этим "враги народа" обвинялись в стремлении к реставрации капитализма, в подготовке поражения СССР в грядущей войне и в сговоре с германским фашизмом.

Эти обвинения, подтверждённые подсудимыми московских процессов, создавали впечатление: если люди, занимавшие весьма высокие посты, признают свою причастность к таким страшным преступлениям (а ведь и до этих признаний они многократно каялись в своей "объективно преступной" оппозиционной деятельности), то избавление страны от множества расплодившихся террористов и вредителей, проникших во все поры партийно-государственного механизма, является безусловным благом. Советовать можно лишь по поводу того, что, "когда лес рубят - щепки летят".

Представляющаяся сегодня слепой и странной доверчивость людей, не замечавших многочисленных неувязок московских процессов и веривших в шитые белыми нитками показания подсудимых, во многом объяснялась действием всепроникающей пропаганды в условиях предельной суженности инфор-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 3.

мационного пространства. Ведь в те годы не существовало вещавшего на СССР зарубежного радио, только после второй мировой войны ставшего для миллионов советских людей каналом и источником контринформации, разрушающей сталинистские мифы и фальсификации. Выступления Троцкого, способные радикально переместить знаки в восприятии большого террора, практически не прорывались через железный занавес, отделявший Советский Союз от всего остального мира.

История XX века показала могущественную власть над умами, которую способен обрести коллективный миф, тиражируемый средствами массовой информации. И дело здесь не в отсталости Советского Союза или в каких-то особых свойствах "русской души". Не менее властными оказались в те же годы изуверские мифы о превосходстве "высшей расы" для немецкого народа, прошедшего школу буржуазной демократии. А разве уже в наши дни не обрели власть над умами многих советских людей злобные мифы об изначальной порочности большевистского "утопического эксперимента" или о мировом "масонско-сионистском заговоре"? Разве верхушечная интеллигенция, кичащаяся своим духовным превосходством над народными массами, не поверила в риторику Горбачёва о "судьбоносных преобразованиях" или в демократические устремления Ельцина и благодетельность для страны "рыночных реформ"?

Главные мифы 1937 года - о величии Сталина и о злодейских троцкистских замыслах, будучи неразрывно связанными между собой, на протяжении многих предшествующих лет настойчиво внедрялись в массовое сознание. Их утверждение могло происходить только через реки крови. Ведь культ Сталина не был спонтанным выражением народных чувств. Он разительно противоречил массовым настроениям первых лет революции, ярко переданным Маяковским в поэме "Владимир Ильич Ленин":

*Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберёг,
я бы
стал бы
в перекоре шествий
поклонениям
и толтам поперёк.
Я б
нашёл
слова
проклятья громоустого
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,*

я бросал бы
в небо
богохульства
по Кремлю бы
бомбами
метал:
долой!^{1*2}

Чтобы насадить сталинский культ - эту разновидность светской религии - тоталитарный режим должен был вытравить такие настроения, уничтожить тех, кто был способен встать "поклонениям и толпам поперек". К таким людям относились прежде всего троцкисты, чьё влияние распространялось на множество советских людей. И если герой романа А. Рыбакова "Страх" двадцатилетний Саша Панкратов разобрался в подлинной сущности московских процессов, то лишь потому, что в сибирской ссылке он общался с троцкистами, раскрывшими ему на многое глаза. Во время чтения судебных отчётов Саша вспоминал о несломленной оппозиционерке Звягуро, которая "всё понимала. А он спорил с ней, когда она говорила, что Сталин хуже уголовного, кого угодно убьёт, если понадобится. Оправдываются её предсказания"³.

В известном смысле Саше было легче понять правду, чем более взрослым членам партии, которых правящая фракция с 1923 года проводила через длительную череду "антитроцкистских" кампаний. Даже такой искушённый в политике человек, как Раскольников, нашедший в себе силы порвать со Сталиным, в своих зарубежных выступлениях оговаривался, что далёк от троцкизма. Между тем, подобно мольеровскому герою, не ведавшему, что он говорит прозой, он по сути повторял "троцкистскую" критику сталинизма.

Многие тысячи людей усвоили десятилетиями вбивавшуюся в их головы ложь о троцкизме как антипартийном и антисоветском течении. Отсюда было недалеко и до принятия "подтверждённого" московскими процессами тезиса: каждый троцкист - преступник, способный к измене, шпионажу и вредительству. Эти настроения при всей их абсурдности доминировали на партийных собраниях 1937 года, где каждому коммунисту вменялось в обязанность принять активное участие в розыске троцкистов. Одно из таких собраний выразительно описано Г. Баклановым в повести "Июль 41 года" - через восприятие её главного героя Щербатова:

"Тогда собрания шли часто... И вот на таком собрании капитан, один из его командиров рот, тихий, бесцветный человек, вдруг попросил слова... Он говорил глуховато, званием он был младше многих, но с тем, что он говорил на этой трибуне, он как бы поднялся над всеми. И каждый вслушивался, понимая, что сейчас должно что-то произойти.

¹ С 1937 по 1953 год вторая, "террористическая" строфа была выброшена из всех изданий произведений Маяковского

² Маяковский В. В. Поли. собр. соч. Т. 6. М., 1934. С. 19.

³ Рыбаков А. Страх. Кн. 2. М., 1991. С. 235.

- Давайте спросим себя, как коммунист коммуниста, спросим, положи руку на сердце: Всегда ли мы искренни перед партией? ...Нет, товарищи! Не всегда! Вот среди нас сидит полковник...

Тут он впервые поднял голову и посмотрел в зал. И Щербатов увидел его глаза, глаза своего подчинённого, столько раз опускавшиеся перед ним. Сейчас это были глаза человека, для которого уже нет запретного, который переступил и не остановится ни перед чем. Взгляд их, поднимаясь, прошёл по рядам.

- ...Вон там в углу сидит полковник Масенко.

И весь зал обернулся туда, куда указал палец с трибуны, и каждый, кто знал Масенко и кто не знал его в лицо, сразу увидел его: белый, пригвождённый, сидел он, чем-то незримым сразу отделившись от всех.

- А ведь вы неискренни перед партией, товарищ Масенко!... В двадцать седьмом году, помните, вы присутствовали на собрании троцкистов? Зачем скрывать от нас такой факт своей биографии?

А по проходу уже шёл, почти бежал пожилой полковник Масенко, рукой тянулся к президиуму, делал негодующие, отрицательные жесты... То, что чувствовал каждый сейчас, Щербатов чувствовал в себе. Подумать, Масенко. Приятный скромный человек с боевой биографией. Троцкист! ...Вот уж невозможно было предположить...

А Масенко на трибуне непримиримо, угрожающе тряс щеками, и постепенно из-за общего шума поражённых открывшимся людей стал всё-таки слышен его голос:

- Я был. Да. Я был послан... Я по заданию партии (в 1927 году на фракционные собрания оппозиции действительно засылались провокаторы и доносчики - В. Р.)... А вы, голубчик... Вы как же? Вы почему меня видели там? Как вы там были? И я ещё скажу. Я сам хотел сказать... выйти. Я назову... - Зал затих. - Вот... вот, пожалуйста. Капитан Городницкий был тогда... посещал. Полковник Фомин.

Тишина была полной. И над этой тишиной, над головами всё выше поднимался трясущийся палец Масенко. Слепо шурясь, он выбирал кого-то ещё:

- Вот... Сейчас... Вот...

И вдруг палец остановился на Щербатове. В ту долю секунды, пока поворачивался к нему зал, Щербатов успел пережить всё. Он, ни в чём не замешанный, ни в чём не виноватый, со страшной ясностью ощутил вдруг, как вся его жизнь может быть зачёркнута крест-накрест, если палец остановится на нём. Надо было встать, сказать, но он сидел перед надвигавшимся, оцепенение сковывало его. А потом вместе со всеми, он обернулся на того, на кого, перенесясь, указал трясущийся палец Масенко¹.

Сегодня в этой сцене изумляет и потрясает всё - и то непомерное значение, которое приобрело участие во фракционном собрании десятилетней давности, и утрата человеческого облика и достоинства перед лицом такого обвинения командирами, не раз глядевшими в лицо смерти, и готовность отдать на заклятие любого, чья малейшая причастность к бывшей оппозиции будет обнару-

¹ Бакланов Г. Военные повести. С. 201-203.

жена, и смертельный ужас тех, кто знал за собой эту роковую вину, и остервенение зала при известии о малейшем подозрении в причастности к троцкистам, и бессилие перед ложным доносом, даже открыто высказанным на собрании.

Но именно так велась "борьба с троцкизмом" в 1937 году.

Гигантское разоблачение людей, отравленных взаимной подозрительностью и натаскиваемых на ложь и клевету, благоприятствовало тому, что в дело вступили, говоря словами Хрущёва, "просто шарлатаны, которые избрали для себя профессией разоблачение врагов народа". В этой связи Хрущёв рассказывал случай, ставший "анекдотом, который по всей Украине передавался из уст в уста". На одном собрании какая-то женщина, указав пальцем на коммуниста Медведя, закричала: "Я этого человека не знаю, но по глазам его вижу, что он враг народа". Медведь, не растерявшись, нашёл единственно подходящий ответ: "Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, не знаю, но по глазам вижу, что она проститутка" (Хрущёв добавлял к этому, что Медведь "употребил слово более выразительное"). Самое же страшное состояло в том, что Хрущёв считал: лишь такая "находчивость" спасла Медведя; "если бы Медведь стал доказывать, что он не враг народа, а честный человек, то навлёк бы на себя подозрения"¹.

Убеждение, что принадлежность даже в отдалённом прошлом к оппозиции является непрекращаемой виной человека, за которую он заслуживает расправы, определяла логику поведения даже тех, кто отваживался на заступничество за исключённых и арестованных. Основным аргументом людей, защищавших своих товарищей, было заверение, что они никогда не участвовали ни в каких оппозициях, напротив - всегда боролись с ними.

Даже в частных разговорах между близкими людьми сомнение в виновности арестованных нередко расценивалось, как "троцкистская клевета". Когда Эренбург, возвратившийся из Москвы в Испанию, сказал своему другу Савичу: "Трудно понять, почему каждый день забирают людей, ни в чём не повинных", тот ответил вопросом: "Ты что - троцкистом стал?"².

Всемирно-историческое заблуждение, связанное с убеждённостию в справедливости сталинистских квалификаций "троцкизма", сохранилось у многих партийных "ортодоксов" даже после многолетнего пребывания в лагерях. Когда П. В. Аксёнов, делегат XVI и XVII съездов партии, председатель Казанского горсовета, вернулся на свободу, то бывший секретарь партколлегии Татарской КПК Бейлин, принимавший активное участие в его исключении из партии и тоже прошедший около двадцати лет в лагерях, написал ему: "Я от души рад, что Вы вернулись живым". В ответном письме Бейлину Аксёнов писал: "Фактически Вы были одним из самых выдающихся охотников за ведьмами. Усердие Ваше было настолько велико, что, когда не попадались настоящие ведьмы, Вы вылавливали *всех*, кто попадал к Вам в руки, приклеивали ярлыки, предавали анафеме. Я сам и моя семья были жертвами Вашей неутомимой деятельности... А ведь Вы и Лепа (в 1937 году - первый секретарь Татарского об-

¹ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 50.

² Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 194.

кома партии) знали меня достаточно хорошо, чтобы не причислять к троцкистам... Во всей этой истории меня занимает не столько моя личная судьба, сколько выяснение причин - почему наша партия оказалась безоружной. Меня интересует вопрос: как опытные борцы партии - Лепа, Бейлин, Вольфович и многие, многие другие - вдруг потеряли большевистское чутьё и, очертя голову, бросились рубить коммунистов¹.

На эти трагические вопросы Аксёнов не мог найти ответа, потому что в самой их постановке руководствовался сталинистской логикой. Он упрекал Бейлина и других за то, что они причислили его не к шпионам, вредителям, террористам, а именно и только к троцкистам ("настоящим ведьмам"). Как видно из содержания письма, даже спустя четверть века после 1937 года Аксёнов считал, что "большевистское чутьё" у "охотников за ведьмами" не было бы утрачено, если бы оно было направлено на расправу только с подлинными троцкистами; таких людей, по мысли Аксёнова, можно было и следовало "рубить".

Подобная логика заставляла при размышлениях о трагедии, пережитой партией и народом, вращаться в порочном кругу недоумений даже лиц, осознавших преступность сталинского режима. В романе Солженицына "Раковый корпус" старый большевик Шулубин делится мучающими его вопросами: "Скажите, в чём причина чередования этих периодов Истории? В одном и том же народе за какие-нибудь десять лет спадает вся общественная энергия, и импульсы доблести, сменивши знак, становятся импульсами трусости... Ведь как же я смело разгонял в Тамбове эсероменьшевистскую думу, хотя только и было у нас - два пальца в рот и свистеть. Я - участник гражданской войны. Ведь мы же ничуть не берегли свою жизнь! Да мы просто счастливы были отдать её за мировую революцию! Что с нами сделалось? Как же мы могли поддаться?.. Ну хорошо, я - маленький человек, но Надежда Константиновна Крупская? Что ж она - не понимала, не видела? Почему *она* не возвысила голос? Столько бы стоило одно её выступление для всех нас, даже если б оно обошлось ей в жизнь? Да может быть мы бы все переменялись, все уперлись - и дальше бы не пошло? А Орджоникидзе? - ведь это был орёл! - ни Шлиссельбургом, ни каторгой его не взяли - что же удержало его один раз, один раз выступить вслух против Сталина?"².

При всей искренности боли, испытываемой Шулубиным, в его рассуждениях содержится немало невольного лукавства - даже перед самим собой. Ему как бы неведомо, что сам он, как и чтимые им люди, постепенно утрачивали своё мужество и принципиальность задолго до 1937 года - в ходе внутрипартийной борьбы, где с самого начала оружием большинства была беспринципность и безжалостность по отношению к своим недавним товарищам.

Зачастую только в лагерях, где люди оказывались вырванными из атмосферы привычного казённого лицемерия и на поверхность выступало глубоко хранимое в тайниках сознания, многие коммунисты отказывались от суждений, долгие годы казавшихся им аксиомами. В этом смысле интересны воспоминания И. Фильштинского о встрече в лагере с "одним из старых каторжан

¹ Огонёк. 1991. № 2. С. 21.

² Новый мир. 1990. № 8. С. 56-57.

набора тридцатых годов" - Ворониным (фамилия этого человека, как указывает автор, изменена). В двадцатые годы Воронин был парторгом большого ленинградского завода, а затем - секретарём одного из ленинградских райкомов, где вёл непримиримую борьбу с оппозицией (по его словам, он имел в 1928 году специальное задание от обкома: собирать и уничтожать литературу, распространявшуюся троцкистами). Закончил он свою партийную карьеру в Архангельске, куда был направлен для "выкорчёвывания остатков троцкистско-бухаринской оппозиции". На вопрос о причинах своего ареста Воронин отвечал: "Смена опоры... Сталину нужно было убрать всех нас и повсюду насадить преданных ему людей. Это закон революционного процесса. Ведь сказано: "Революцию задумывают мечтатели, осуществляют герои, а плодами её пользуются подлецы". Наша революция не составляет исключения"¹.

Абстрактные рассуждения Воронина о "законе революционного процесса" столь же неубедительны, как и взволнованные возгласы Шулубина. Куда убедительней выглядят его суждения в споре с более молодым заключённым Ш., которого Фильштинский называет "государственным придурком новой формации, чуждым и даже враждебным былым революционным идеям всеобщего эгалитаризма". Ш., ставший в 1938 году "восходящей звездой на партийном Олимпе", выступал главным обвинителем Воронина как человека, имевшего "связи с троцкистами". Между Ворониным и Ш., арестованным в 1949 году по "ленинградскому делу", часто возникали политические споры.

- Вы породили целое поколение стяжателей и воров, отступили от наших партийных идеалов, - кричал обычно сдержанный, когда речь шла о политических вопросах, Воронин, - помогли Сталину разгромить старую партийную гвардию, а сами стали омещавшимися чиновниками. Вами движут только корыстные интересы, ради них вы готовы на любую подлость, уничтожали сотни тысяч преданных делу Ленина, обвиняли кого попало в троцкизме.

- А вы что, были святыми, щадили своих противников? - кричал в ответ Ш. - Не громили тех же троцкистов и прочих уклонистов? ...Вы превратили партию и народ в послушное стадо, а теперь кричите о нашем цинизме... Вы утверждаете, что действовали бескорыстно. А разве вы не жили боярами с вашими привилегированными магазинами, когда страна голодала из-за ваших экспериментов? А мы последовали вашему примеру и старались жить послаще².

Конечно, в упреках Воронина много справедливого. Его поколение и впрямь не было заражено вирусом цинизма и корыстолюбия в такой степени, как поколение, пришедшее ему на смену. Но и в рассуждениях Ш. тоже немало истины. Беспощадность людей типа Воронина по отношению к своим товарищам по партии, их пользование "положенными" привилегиями проложили дорогу следующему поколению аппаратчиков, в сознании которых уже ничего большевистского не осталось. Да и сам Воронин видел вину своих палачей лишь в том, что они "обвиняли кого попало в троцкизме". Очевидно, подобно Аксёнову, он считал, что подлинные троцкисты заслуживали своей участи.

¹ Фильштинский И. Мы шагаем под конвоем. М., 1994. С. 122-123.

² Там же. С. 128-130.

Критическое отношение к собственному поведению в годы великой чистки проявилось у многих сталинистов лишь после многолетнего пребывания в тюрьмах и лагерях. Так, Е. А. Гнедин, цензурировавший на московских процессах сообщения иностранных корреспондентов, утверждал, что среди известных ему людей, "безусловно честных, а были среди них люди и весьма пронизательные, - не знал ни одного, кто решился бы взять на себя бремя последних логических выводов из анализа тогдашних политических событий, в частности судебных процессов"¹.

Понятно, что среди бюрократов, прикосновенных к "тайнам" московских процессов, не могло оказаться людей, которые, как писал Гнедин, "решились бы взять на себя это бремя". Однако ссылка на поведение своего окружения не может служить самооправданием. К этой мысли приближался и сам Гнедин, когда писал о собственном поведении: "Я поступал в соответствии со своими обязанностями и ставил интересы государства, его внешнеполитический престиж выше истины. Наивно было бы винить теперь себя за это, но как не вспомнить, что в эти же самые дни в соседнем здании в НКВД следователи, в свою очередь, во имя интересов государства - как они их понимали - пренебрегали истиной и вымогали показания от невинных людей"². Таким образом, сознательное надругательство над истиной во имя "выполнения своих обязанностей" Гнедин справедливо ставил в один ряд с поведением следователей-садистов.

Я попытался рассмотреть свидетельства самых разных людей, в результате чего вырисовывается картина крайней психологической и нравственной неоднородности партии в годы великой чистки. Эта неоднородность "преодолевалась" по мере уничтожения носителей большевистского сознания. Такая эволюция массовых политических настроений - от приверженности большевистским идеалам к полной идейной опустошенности - уловлена писателем Н. Нароковым, эмигрировавшим в 1944 году на Запад. Некоторые суждения его романа "Мнимые величины" сегодня воспринимаются как пронизательные исторические прогнозы. Это относится, например, к словам, которыми начальник областного управления НКВД в подпитии и порыве откровенности делится со своим заместителем: "Только не сомневайся: если нашей коммунистической партии завтра прикажут выкинуть из Мавзолея труп Ленина, проклясть Карла Маркса и заплевать коммунизм, так она и выкинет, и проклянет, и зашлюёт"³. Эти слова, едва ли применимые к обстановке 1937 года, как нельзя лучше характеризуют поведение многих партократов более позднего времени, устроивших в конце 80-х - начале 90-х годов настоящий шабаш вокруг имён Маркса и Ленина, равно как и вокруг самой коммунистической идеи.

Уже в 50-е годы многие большевики, вышедшие из лагерей, с горечью убеждались в том, что партия, которой они отдали всю свою жизнь, осталась прежней только по названию. В этом отношении примечателен рассказ Адамовой-Слюзберг о старой большевичке, к сыновьям которой пришёл их за-

¹ Цит. по: Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 339.

² Гнедин Е. А. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977. С. 104.

³ Дружба народов. 1990. № 2. С. 35.

водской товарищ - член парткома. Узнав, что их мать состояла в партии с 1916 года, он стал уговаривать её восстановиться в партии, прельщая персональной пенсией союзного значения и другими льготами. "Маша помолчала, а потом ответила: нет, я была не в вашей партии, я была совсем в другой"¹.

Для большевиков, даже прошедших невредимыми через лихолетье 30-х годов, правда о великой чистке не явилась откровением. Уже спустя три месяца после смерти Сталина старый большевик Линде писал Г. И. Петровскому: "Не пора ли дать спокойную старость жертвам 1937-1938 годов?.. С другой стороны: выросли дети этих жертв... и все они должны притворяться, что их отцы и матери были врагами народа. Разве это не нетерпимая ложь?!"².

После ознакомления с докладом Хрущёва на XX съезде Линде послал Петровскому письмо, в котором выходил на широкие обобщения, касавшиеся не только сталинских преступлений, но и сложившегося в стране политического режима в целом: "За это время столько нового, - писал он. - Правда, не для нас с Вами. Но сейчас это стало уже известно и для широких партийных масс... А подумайте глубже во все внешние проявления: синие жандармские фуражки, милиция по форме старых городских, золотые погоны, каких нет даже у наших врагов, яркая форма чиновников, щедрость для верхов, для чинов органов безопасности и прочая, прочая мишура. Только ли это мишура или попытка вернуться к старому?.. Зло причинено ужасное. Жалко не только людей, погибших в расцвете сил и талантов, обидно за партию, нашу честную и любимую партию, которой мы отдали и молодость и зрелую жизнь и которую так гнусно изнасиловали! У меня много дел по реабилитации погибших товарищей, ведь иногда только я являюсь живым свидетелем человеческой жизни, загубленной зря. Только уж очень долго проходит эта реабилитация"³.

В архиве Петровского хранится много подобных писем от товарищей по партии, в том числе от репрессированных, которые до XX съезда проявляли нерешительность даже в просьбах о заступничестве. Так, И. Г. Рогачевский писал из Магадана в январе 1956 года: "Если Вы не сможете или не захотите по каким-либо соображениям помочь мне, - большая просьба: это письмо никуда не пересылайте, а уничтожьте"⁴.

За всем этим остаётся один из кардинальных вопросов, неизбежно встающих при осмыслении великой чистки: существовало ли в партии и стране какое-либо действительное сопротивление сталинизму? Имелись ли среди жертв великой чистки люди, "виновные" в умыслах и действиях против сталинского режима?

¹ Адамова-Слиозберг О. Путь. С. 117.

² Голоса истории. Вып. 22. Кн. 1. М., 1990. С. 219.

³ Там же. С. 220-221.

⁴ Там же. С. 222.

Были ли виновные?

Почти во всех работах о великой чистке, принадлежащих авторам самой разной политической ориентации, в качестве аксиомы принимается тезис об абсолютной произвольности сталинских репрессий. Суждения, согласно которым в СССР в 30-е годы не было ни врагов Советской власти, ни коммунистических противников сталинского тоталитаризма, парадоксальным образом разделялись и антикоммунистами, и официальными советскими критиками "культы личности".

Доля истины в этой версии заключается в том, что в 30-е годы в Советском Союзе не существовало организационно оформленных сил капиталистической реставрации. Если бы монархисты и белогвардейцы вели какую-то политическую борьбу внутри страны, описанию их "подвигов", конечно, нашлось бы место на страницах эмигрантской печати и в работах западных советологов. Однако до сих пор никаких подобных свидетельств не обнаружено.

Ненависть врагов Октябрьской революции и Советской власти, находившихся в СССР, была глубоко затаённой. Она открыто обнаружилась лишь в годы Отечественной войны, выразившись в открытом пособничестве фашистским интервентам, затем проявилась в идеологической форме - в сочинениях правого крыла диссидентов 60-х - 80-х годов и, наконец, выплеснулась в период "перестройки" и "реформ", когда соответствующие силы получили возможность своего политического оформления.

Вместе с тем в 30-е годы советское общество отнюдь не было всецело оцепеневшим от сталинских репрессий. Существовали разные уровни сопротивления сталинизму. Известно множество случаев, когда советские люди, рискуя собственной жизнью, отстаивали доброе имя своих оклеветанных товарищей. Это был, так сказать, первый уровень противостояния сталинизму и его репрессивной машине. Но были и иные, более высокие уровни такого противостояния, рождавшегося в основном в большевистской среде. Оно шло не только со стороны действительных троцкистов. Неведомо для себя к троцкистским идеям приходили и многие другие члены партии, сохранявшие большевистский тип социального сознания и возмущённые поруганием принципов Октябрьской революции.

Ставшие ныне доступными мемуары очевидцев и участников событий тех лет, равно как и опубликованные материалы следственных дел опровергают концепцию книги Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", согласно которой всё население СССР состояло из "кроликов", не отваживавшихся на какое-либо сопротивление насилию и произволу, и все аресты осуществлялись без всякого основания. Нагнетая такого рода представления, Солженицын приводит многочисленные примеры жестоких приговоров по нелепым и ничтожным поводам: портной воткнул в газету иголку, которая попала в глаз на портрете Кагановича; сторож, который нёс тяжёлый бюст Сталина в клуб, обернул его ремнем, зацепившим Сталина за шею; матрос продал англичанину зажигалку;

старшеклассники, боровшиеся в колхозном клубе, нечаянно сорвали со стены плакат и т. д.¹

По мнению Солженицына, "струйка политической молодёжи" потекла лишь, "кажется, с 43-44 года, когда возникли первые школьные политические кружки, распространявшие антисталинские листовки"^{2*},³.

Применительно к 30-м годам Солженицын делает исключение только для троцкистов, которые, по его словам, были "чистокровные политические, этого у них не отнять". Всех остальных коммунистов он называет "ортодоксами", которые якобы даже в тюрьмах и лагерях сохраняли преданность Сталину и сталинизму. В этой среде он находит лишь немногие исключения, известные ему не по личным наблюдениям, а по рассказам заключённых, прошедших через застенки НКВД в 1937-1938 годах. Он упоминает о коммунистах, которые "плевали на деньги, на всё личное" и для которых, несмотря на все пройденные испытания, "коммунистическая вера была внутренней, иногда единственными смыслом оставшейся жизни". Одним из таких людей был белорусский цензор Яшкевич, который "хрипел в углу камеры, что Сталин - никакая не правая рука Ленина, а -собака, и пока он не подохнет - добра не будет". Солженицын приводит и дошедший до него рассказ о венгерском эмигранте Сабо, командире партизанского отряда в годы гражданской войны, который говорил своим сокамерникам: "был бы на свободе - собрал бы сейчас своих партизан, поднял бы Сибирь, пошёл на Москву и разогнал бы всю сволочь".

При всём этом Солженицын утверждает, что прозрение даже таких коммунистов наступало только в тюремных камерах и "бороться из них не пробовал никто... хотя бы на день раньше своего ареста"⁴. Утверждению этой версии, согласно которой все большевики слепо верили в Сталина и сталинский социализм, способствовали следующие обстоятельства. Наиболее активные оппозиционеры дополнительно просеивались в тюрьмах и лагерях через плотный фильтр сексотов. Признание - даже в приватном разговоре - в своей верности троцкистским убеждениям грозило немедленным расстрелом. Даже после смерти Сталина рассказать что-либо о своей прежней оппозиционной деятельности - значило обречь себя в лучшем случае на сохранение судимости. Поэтому в мемуарах уцелевших троцкистов крайне скупо рассказывается об их оппозиционной (легальной и нелегальной) работе.

Совсем иная, нежели у Солженицына, картина политических настроений встанет при обращении к следственным делам 1937-1938 годов. Такого рода свидетельств было бы несравненно больше, если бы "свободная" и "независимая" "демократическая" пресса не использовала рассекречивание российских архивов для того, чтобы переключить внимание с фактов сопротивления ста-

¹ Даугава. 1989. № 10. С. 78.

² М. Байтальский, в отличие от Солженицына, знакомый с событиями 30-х годов не понаслышке, вспоминал, как уже в мае 1936 года встречался в тюрьме "со многими мальчиками из кружков, собиравшихся для чтения и обсуждения работ Маркса и Ленина. Они получили по пять лет лагеря" (Байтальский М. Тетради для внуков (рукопись). С. 150).

³ Даугава. 1989. № 10. С. 78. С. 88.

⁴ Там же. С. 91-94.

линизму на бесплодные поиски документов, компрометирующих Ленина и большевиков революционной поры.

Однако даже сравнительно немногочисленные публикации недавнего времени позволяют внести существенные коррективы в традиционную трактовку великой чистки. Остановимся в этой связи на следственном и судебном деле выдающегося советского физика Л. Д. Ландау.

Казалось бы, молодой беспартийный учёный, всецело увлечённый своей работой, должен был быть далёк от политики, и его арест мог служить примером абсолютной произвольности политических репрессий. Однако из следственного дела Ландау мы узнаем, что он признал своё участие в изготовлении антисталинской листовки. Проходивший по тому же делу коллега Ландау - коммунист Корец, проведший два десятилетия в тюрьмах и лагерях, рассказывал впоследствии, что им был составлен текст этой листовки, предназначавшейся для распространения в колоннах демонстрантов 1 мая 1938 года.

Содержание листовки, не менее радикальной, чем документы троцкистов и рютинцев, заслуживает того, чтобы привести её целиком.

"Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Великое дело Октябрьской революции подло предано. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придёт его очередь. Хозяйство разваливается. Надвигается голод.

Разве вы не видите, товарищи, что сталинская клика совершила фашистский переворот. Социализм остался только на страницах окончательно изоглавшихся газет. В своей бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнил с Гитлером и Муссолини. Разрушая ради сохранения своей власти страну, Сталин превращает её в лёгкую добычу озверелого немецкого фашизма.

Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны - это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма, борьба за социализм.

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД. Они способны только избивать беззащитных заключённых, ловить ни о чём не подозревающих невинных людей, разворовывать народное имущество и выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах. Товарищи, вступайте в Антифашистскую Рабочую Партию. Налаживайте связь с её Московским Комитетом. Организуйте на предприятиях группы АРП. Налаживайте подпольную технику. Агитацией и пропагандой подготавливайте массовое движение за социализм.

Сталинский фашизм держится только на нашей неорганизованности.

Пролетариат нашей страны, сбросивший власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику"¹.

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 140-147.

Даже согласно ныне существующему российскому законодательству, эта листовка не может быть квалифицирована иначе как призыв к насильственному ниспровержению власти (точнее - правящей верхушки).

Особое совещание приговорило Ландау по совокупности предъявленных ему обвинений (к его действительным поступкам было добавлено и придуманное следствием обвинение во вредительстве) к восьми годам тюремного заключения. Сам факт вынесения такого относительно мягкого по тем временам приговора косвенно свидетельствует о том, что изготовление листовки с открытым призывом к ниспровержению сталинской клики не рассматривалось "органами" как некое исключительное событие.

В архивах НКВД найдены и многие другие листовки, содержащие не менее беспощадные оценки сталинского режима, чем листовка Кореца-Ландау:

"Уважаемый товарищ! Вам, вероятно, как и всем мыслящим людям, стало безумно тяжело жить. Средневековый террор, сотни тысяч замученных НКВД и расстрелянных безвинных людей, лучших, преданнейших работников Советской власти - это только часть того, что ещё предстоит!!! Руководители Политбюро - или психически больные, или наймиты фашизма, стремящиеся восстановить против социализма весь народ. Они не слушают и не знают, что за последние годы от Советской власти из-за этих методов управления отшатнулись миллионы и друзья стали заклятыми врагами".

"Вечная память легендарным героям Красной Армии, погибшим от кровавой руки НКВД, тг. Блюхеру, Бубнову, Тухачевскому, Егорову и др."

"Наша власть... в нарушение Конституции, сотнями тысяч арестовывает в огромном большинстве случаев ни в чём не повинных советских граждан, ссылает и расстреливает их... Все боятся слово сказать, все боятся друг друга. Наша власть - это Сталин и его чиновники, подхалимы и негодяи без чести и без совести".

"Товарищи по крови. Снимите ваши шапки и станьте на колени перед страданиями народа и ваших товарищей по борьбе... Перед вами реки крови и моря слез. Директива чрезвычайного съезда одна: Сталин и сталинцы должны быть уничтожены"¹.

Едва ли и сегодня могут быть найдены более меткие слова для характеристики сталинских преступлений. В листовках, написанных разными людьми или группами людей, мы неизменно улавливаем не только гневный протест против произвола, но и чётко сформулированное противопоставление выродившейся сталинской клики миллионам честных сторонников Советской власти и социализма. Обращает внимание и то, что авторы листовок подписывали их именем то чрезвычайного партийного съезда, то "антифашистской рабочей партии", стремясь создать впечатление о существовании в стране организованного коммунистического подполья.

Содержание всех этих листовок убеждает, что их авторы, подобно группе Кореца-Ландау, рассуждали и действовали в духе призывов Троцкого к политической революции, направленной на ликвидацию сталинского режима при сохранении социальных завоеваний Советской власти.

¹ Берия: конец карьеры. С. 389-390.

Возвращаясь к делу Ландау, отметим, что его судьба сложилась уникально по сравнению с судьбой других людей, пытавшихся бороться против сталинского режима. После обращений к Сталину академика Капицы и известного шведского физика Нильса Бора с просьбой освободить Ландау, последний был освобождён на поруки Капице. Однако обвинение Ландау в антисоветской деятельности оставалось в силе вплоть до 1990 года, когда он был реабилитирован.

Если очистить многие следственные дела от выражений типа "антипартийный", "антисоветский", "контрреволюционный", "клеветнический" и т. п., обычно вписывавшихся следователями в протоколы допросов, то перед нами предстанет картина широко распространённых оппозиционных настроений, разделявшихся и видными деятелями партии. Так, один из старейших грузинских большевиков Орахелашвили, бывший председатель Совнаркома Грузии, на допросе показал: "Я клеветнически отзывался о Сталине как о диктаторе партии, а его политику считал чрезмерно жестокой... Будучи очень тесно связан с Серго, Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений... В частности, я был свидетелем того, что Буду Мдивани в беседе с Серго Орджоникидзе высказывал недовольство партийным руководством"¹.

Знакомясь с материалами следственных дел, можно прийти к следующим выводам. Если на открытых процессах Сталин запрещал говорить что-либо о действительных политических мотивах оппозиционеров, то от следствия он требовал досконального выявления этих мотивов. Получая показания подследственных, он убеждался в том, как относятся многие большевики к его "социализму". Это в свою очередь давало импульс к дальнейшему развязыванию большого террора.

Сопоставление многих показаний с высказываниями "невозвращенцев" (см. гл. XXXIX-XL) убеждает в том, что старые большевики в своей значительной части не были ослеплены и оболванены. Многие из того, о чём говорилось в стране после XX съезда, было ясно им ещё в 30-е годы.

Далеко не всё в показаниях обвиняемых было, как выражались в 30-е годы, "романами", вложенными в их уста следователями. Конечно, в деятельности следователей, особенно периферийных, не было недостатка в выдумках самой низкой пробы. Однако перед следователями, ведущими дела видных партийных работников, чекистов и т. д., ставились задачи, связанные с получением информации о действительных политических настроениях этих лиц и их окружения. В распоряжении следователей были и собранные на протяжении многих лет агентурные материалы, отражавшие истинные взгляды политических противников Сталина.

В этой связи безусловный интерес представляет дело Л. М. Субоцкого, занимавшего в 30-е годы два, казалось бы, несовместимых поста: помощника главного военного прокурора и редактора "Литературной газеты". Но и этот человек, призванный быть юридическим и идеологическим стражем режима, в

¹ Там же. С. 378-379.

известной мере разделял оппозиционные настроения. В полученных против него показаниях указывалось, что он "враждебно оценивал внутрипартийный режим, клеветнически обвинял руководителей партии в бюрократизме, казённости, праздности, в зажиме активности масс и запрете свободного высказывания политических взглядов", говорил о "зверствах ГПУ, чиновникам которого законы не писаны". В деле Субоцкого зафиксировано и следующее его высказывание: голод на Украине и Северном Кавказе вызван "жестоким политикой руководителей партии, которые, проводя насильно коллективизацию сельского хозяйства, истребляют наиболее культурных крестьян"¹. Всего этого, казалось, было достаточно для жестокой расправы хотя бы по статье "антисоветская агитация". Однако вскоре после осуждения Субоцкого к шести годам лагерей его дело было прекращено и он был освобождён. В дальнейшем он работал заместителем главного редактора журналов "Красная новь" и "Новый мир", а во время войны - заместителем прокурора на нескольких фронтах.

Разумеется, такого рода снисхождение не распространялось на старых большевиков, занимавших более высокие должности, чем Субоцкий. В этой связи коснёмся дела одного из наиболее близких сподвижников Дзержинского А. Х. Артузова, который в 20-е годы руководил операциями "Трест" и "Синдикат", заманил в СССР Савинкова и Сиднея Рейли, а в 30-е - курировал вербовку группы выпускников Кембриджского университета, на протяжении нескольких десятилетий передававших советской разведке ценную информацию.

Артузов был обвинён в работе на германскую разведку с 1925 года, на французскую - с 1919, а на английскую - даже с 1913 года. Но и в этом, насквозь фальсифицированном деле встречаются такие показания обвиняемого, какие было не под силу выдумать ежовским следователям. Артузов сообщил, что политическая программа, которую разделяли Бухарин, Рыков, Томский и Тухачевский, состояла в том, чтобы восстановить иностранные концессии, добиться выхода советской валюты на мировой рынок, отменить ограничения на выезд и въезд в СССР иностранцев, разрешить свободный выбор форм землепользования - от колхоза до единоличного хозяйства, провести широкую амнистию политзаключённых и свободные демократические выборы, установить свободу слова, печати, союзов и собраний. Как видим, речь шла о вполне реалистической политической программе, направленной не на разрушение, а на укрепление принципов социализма.

Передавая свои разговоры с Ягодой, Артузов сообщил: Ягода говорил ему, что в стране и особенно в партии царит недовольство руководством, "деспотизм которого находится в кричащем противоречии с декларациями о советской демократии"².

Такое политическое недовольство даже в самый разгар большого террора проявлялось в поведении коммунистов и беспартийных, находившихся на воле. Об этом свидетельствуют, в частности, документы, извлечённые из партийных архивов Запорожья. Так, коммунист Телешко в заявлении, направленном в областную контрольную комиссию, писал о "всевластии аппарата" и

¹ Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 192-193.

² Родина. 1995. № 2. С. 87.

"невероятном внутрипартийном сталинском зажиме". Студент медицинского техникума Яхно на собрании, посвящённом обсуждению проекта конституции, заявил: "У нас в СССР демократии нет и не будет, а всё делалось и делается так, как диктует диктатор Сталин". На запорожских заводах распространялись антисталинские листовки, а на стене ферролитейного завода появилась надпись: "Товарищи, остерегайтесь, Россия гибнет. Сталин истребляет народ. ЦК ВКП(б)"¹.

Ещё одним источником для характеристики подлинных настроений советских людей в годы великой чистки могут служить их письма влиятельным людям страны, депутатам Верховного Совета СССР и т. д. Так, в 400 письмах, находящихся в депутатском архиве А. Н. Толстого, затрагивается тема репрессий. Любопытно, что Толстой до конца своих дней хранил эти письма, невзирая на их опасное содержание и на встречавшиеся в них нелестные оценки его собственного поведения. Эту депутатскую почту можно разделить на три группы.

Первую составляют письма, не только подписанные авторами, но и содержащие их обратные адреса. В одном из таких писем В. В. Калинин, рассказывая о судьбе своего репрессированного брата, замечал: "Я заранее знаю, что Вы ничего сделать не можете, что Вы ничем не сможете помочь. Вы получаете сотни писем с подобным содержанием. Я прошу Вас не за брата, у меня другое к Вам". Зная из печати, что Толстой работает над книгой о Сталине, Калинин обращался к нему со следующими словами: "Неужели нет защиты от карьеристов, подхалимов и трусов, которые на каждом лозунге, вчера на коллективизации, сегодня на бдительности, зарабатывают на хлеб... Неужели вы, депутаты, созданы только для того, чтобы кричать ура Сталину и аплодировать Ежову". Обращаясь к писателю с просьбой передать это его письмо Сталину, Калинин писал: "Не бойтесь, я не сумасшедший, я живой человек, у меня есть семья, есть сын, есть работа, которую я люблю, я не карьерист, не подхалим... Трус? - может быть, не больше, чем другие. Но сейчас для меня чувство правды сильнее страха перед 10-тью годами лагеря"².

А. В. Филиппченко, жена известного ученого, осуждённого на 10 лет без права переписки, также рискуя собственной свободой, сообщала, что от вышедших на свободу сокамерников её мужа она узнала: его признания были получены путём применения "исключительно жестоких мер воздействия, таких, которые не может выдержать человек"³.

Вторая группа писем также подписана, но без указания обратного адреса. К этой группе принадлежит письмо Козуба, подчёркивавшего, что не могут пользоваться народным признанием писатели, которые "пишут неправду, подхалимничают под существующий строй и славят одно имя Сталина, от которого плачут народы и который создал искусственную голодовку, от которой умерли миллионы"⁴.

¹ Коммунист. 1990. № 17. С. 80-82.

² Звенья. Исторический альманах. Вып. I. М., 1991. С. 509.

³ Там же. С. 515.

⁴ Там же. С. 508.

Соловьёв из Ташкента упрекал писателя за замалчивание положения миллионов советских заключённых. "Знаете ли Вы о том, что заключённые находятся в кошмарных условиях, что их не считают за людей... и что благодаря этому они погибают медленной и мучительной смертью?" Соловьёв сообщал о себе, что в годы гражданской войны он служил в Красной Армии, но после того, как в 1931 году был отправлен "в порядке профилактики" в ссылку, перешёл на нелегальное положение"¹.

Третья группа писем, содержащая наиболее смелые и обличительные высказывания, отправлена без подписи. В одном из таких писем безымянная женщина, откликаясь на речь Толстого об еврейских погромах в Германии, замечала, что нисколько не легче участь заключённых в застенках НКВД. Приводя многочисленные примеры садизма тюремщиков, она писала: "Ужасным веет вообще от рассказов об Астрахани. Там не щадили ни юнцов, ни стариков, одна женщина, доведённая до отчаяния допросами, выбросилась из окна 3 этажа и разбилась на глазах у прохожих. Неужели астраханские дела не вопиют о себе?.. Неужели и Вы замолчите?"².

В отклике на ту же речь другая корреспондентка писала, что немецкие евреи "могут кричать, вопить, и весь цивилизованный мир, в том числе и Вы, уважаемый писатель, можете протестовать и возмущаться". В отличие от этого, невинные женщины, находящиеся в советских лагерях, "уже обезумевшие от страха,.. не имеют права написать: за что? за что? за что?"³.

Страстную инвективу сталинскому режиму представляет анонимное письмо, в котором говорится: "Люди, называющие себя отцами отечества, люди, ставшие во главе народа, - вдруг обрушивают на наши головы самый гнусный, дикий и бессмысленный террор! По всему многострадальному лицу России несётся вой и стон жертв садистов, именующих себя "бдительным оком революции". Два года диких, открытых издевательств. Об этом циничном разгуле... Вы знаете... и молчите. Где же правда писателя земли Русской?" Упомянув о том, что "кровавое дело свершилось, ошарашенные граждане удовлетворились каким-то бормотаньем о конце ежовщины", автор писал, что те, кто был выпущен из тюрем, превратились в "калек нравственных и физических"⁴.

Наиболее сильным представляется мне письмо женщины, рассказывавшей, как она разорвала портрет Толстого после прочтения статьи, излагавшей содержание его романа "Хлеб". "Вы казались мне тем инструментом, который никогда, ни в каких условиях не может издавать фальшивую ноту, - говорилось в письме. - И вдруг я услышала вместо прекрасной мелодии захлебывающийся от восторга визг разжиревшей свиньи, услышавшей плеск помоев в своём корыте... Ведь в "Хлебе" вы протаскиваете утверждение, что революция победила лишь благодаря Сталину. У вас даже Ленин учится у Сталина... Ведь это приём шулера... Вы показываете Троцкого предателем. Вы негодяй после этого! Пигмей рядом с этим честнейшим гигантом мысли! Ведь это звучит

¹ Там же. С. 517-520.

² Там же. С. 510-511.

³ Там же. С. 523-524.

⁴ Там же. С. 524.

анекдотом, что он и тысячи благороднейших людей, настоящих большевиков, сейчас арестованных, стремились к восстановлению у нас капиталистического строя... Этому не верит никто!"

Автор письма поднималась до глубоких обобщений о судьбе страны, в которой "волной разлилась реакция", а миллионы людей задыхаются в нищете и удушливой духовной атмосфере. "Лучшие люди, преданные ленинской идее, честные и неподкупные, сидят за решётками, их арестовывают тысячами, расстреливают, они не в силах перенести грандиозную подлость, торжествующую по всей стране, сами уходят из жизни, кончают самоубийством... Произвол и насилие оставляют кровавые следы на советской земле. Диктатура пролетариата превратилась в диктаторство Сталина. Страх - вот доминирующее чувство, которым охвачены граждане СССР... Партия ушла от массы, она превратилась в диктаторскую партию... Сверкающая идея Ленина заменена судорожными усилиями Сталина удержать власть. Где тот великолепный пафос, что в Октябре двинул миллионы на смертельную битву? Под зловонным дыханием Сталина и вот таких подпевал, как вы, вековая идея социализма завяла, как полевой цветок в потных руках мерзавца!"¹.

Во всех этих письмах не встречается ни одного антисоветского высказывания, все они написаны с позиции людей, испытывающих боль за разрушение возведённого большевизмом здания.

¹ Там же. С. 521-523.

XXXIII

Оппозиционеры в лагерях

Особое беспокойство Сталина должны были вызывать сообщения о настроении и поведении оппозиционеров. Если большинство лидеров оппозиции после перехода из комфортных условий существования в тяжёлые условия ссылки выступили с капитулянтскими заявлениями, то тысячи рядовых троцкистов даже в местах лишения свободы оставались не сломленными.

До 1936 года большинство репрессированных оппозиционеров находились в ссылке и политизоляторах - тюрьмах для политзаключённых, где режим был относительно мягким. В 1936 году начался их массовый перевод из мест ссылки в концентрационные лагеря. Параллельно с этим шло резкое ужесточение режима в политизоляторах. На это, равно как и на первые московские процессы, оппозиционеры ответили негодующими письмами в партийные и чекистские органы, что только усилило репрессии по отношению к ним. В феврале 1937 года Ежов подписал приказ, предписывающий предать суду "содержащихся в тюрьмах ГУГБ осуждённых на разные сроки заключения, приславших мне в связи с введением нового тюремного режима и процессом оскорбительные заявления". Среди лиц, подлежащих, согласно этому приказу, новым репрессиям, мы находим имена многих троцкистов, а также лидера группы "децистов" В. М. Смирнова и одного из наиболее непреклонных "правых" В. В. Кузьмина¹.

На февральско-мартовском пленуме ЦК Сталин обнародовал свои планы относительно троцкистов и зиновьевцев. Определив их примерную численность в 30 тыс. человек, он сообщил, что из этого числа уже арестовано 18 тысяч. Таким образом, "каких-нибудь 12 тыс., может быть из старых кадров остаётся,.. которых мы скоро перестреляем"². Разумеется, эти каннибальские высказывания не вошли в опубликованный текст его выступлений.

Тем временем в лагерях оппозиционеры прибегали к коллективным акциям протеста. Так, троцкисты, находившиеся на Колыме, объявили в августе 1936 года голодовку, предварительно направив в ЦИК и НКВД заявления с требованием об установлении для них режима политзаключённых. На тринадцатый день голодовки администрация прибегла к принудительному искусственному кормлению, в результате чего состояние многих голодающих резко ухудшилось. Спустя некоторое время требования участников голодовки были удовлетворены, троцкисты стали содержаться компактно, а мужья и жёны получили возможность жить совместно (при наличии детей - и с детьми)³.

В одном из лагерей, где находилось 180 троцкистов, центром их общения стала комната барака, в которой жили супруги Сербский и Захарьян с ребёнком. В донесении охраны, им вменялось в вину следующее "преступление":

¹ Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. С. 794-795.

² Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 21.

³ Сопротивление в ГУЛАГе. С. 148-149.

"Ребёнок 4-5 лет развивается, слыша имена вождей рабочего класса СССР от детей вольнонаёмных служащих, но мать категорически и с угрозами воспрещает ему их воспринимать и произносить... Он вырастает замкнутым от действительности советского веселья и радостной детской жизни и выковывается в будущего троцкиста".

Сербский и Захарьян оказались одними из первых, кому было сфабриковано новое, "лагерное" дело (до этого они уже пять раз подвергались репрессиям). В сентябре 1937 года оба они были приговорены к высшей мере наказания и спустя месяц расстреляны¹.

Примерно в то же время была привлечена к следствию и суду Т. И. Мягкова. В конце 20-х годов она была членом Всеукраинского подпольного центра оппозиции. В 1928 году была выслана на 3 года в Астрахань, где работала секретарём Раковского, участвовала в выпуске листовок, требующих возвращения из ссылки Троцкого и освобождения из тюрем оппозиционеров. После подачи в 1929 году заявления о разрыве с оппозицией была досрочно освобождена. В 1932 году вместе с другими участниками группы И. Н. Смирнова вернулась к нелегальной оппозиционной деятельности и была вторично арестована. С 1933 года содержалась в Верхнеуральском политизоляторе, а затем - в казахстанской ссылке. В июне 1936 года была арестована в Алма-Ате и отправлена в Колымские лагеря сроком на 5 лет². Здесь вначале она работала плановиком-экономистом, жила в благоустроенном бараке для служащих, получала такую же зарплату, как и вольнонаёмные работники, пользовалась правом вести неограниченную переписку.

Как вспоминала подруга Мягковой М. Варшавская, Мягкова говорила начальнику секретно-политического отдела Магаданского УНКВД Мосевичу, осуждённому по процессу ленинградских чекистов в 1934 году: "Уничтожат не только нас. Уничтожат и вас, потому что вы знаете, что мы (троцкисты - В. Р.) Кирова не убивали"³.

Осенью 1937 года Мягкова была арестована за то, что вступила в разговор со своим старым товарищем Поляковым, проходившим мимо её барака в составе этапа троцкистов. В ответ на требование охранника отойти от колонны она кричала: "Фашисты, наймиты фашистские, я знаю, что при этой власти не щадят ни женщин, ни детей. Скоро вам будет конец с вашим произволом"⁴.

В 50-е годы бывшая оппозиционерка С. Смирнова рассказывала: летом 1937 года Мягкову, как и других троцкистов, привезли в Магадан из дальних лагерей для предъявления новых обвинений. Заключённых помещали в большой барак с двухярусными нарами. По ночам в бараке появлялась команда охраны, зачитывавшая очередной список осуждённых. В одну из таких ночей вызвали Мягкову.

Последнее письмо Мягковой родным датировано восемнадцатым сентября. А спустя месяц ей был вынесен смертный приговор по следующим обвинени-

¹ Там же. С. 150-154.

² Выписки из следственных дел Т. И. Мягковой. Хранятся в личном архиве Р. М. Мягковой-Полоз.

³ М. И. Варшавская. Воспоминания (рукопись). Хранится в личном архиве Р. М. Мягковой-Полоз.

⁴ Сопrotивление в ГУЛАГе. С. 126-127.

ям: находясь в лагере, систематически устанавливала связи с заключёнными троцкистами; держала голодовку в течение шести месяцев; высказывала контрреволюционные пораженческие идеи.

В конце 1937 года начали производиться в массовом порядке мероприятия по ликвидации "зачинщиков-организаторов волынок (т. е. забастовок - В. Р.) среди троцкистов". Родственникам жертв этих истребительных операций было в 50-60-е годы отказано в партийной реабилитации их близких. Большинство троцкистов были полностью реабилитированы в юридическом и партийном отношении лишь в конце 80-х годов.

Положение троцкистов в лагерях осложнялось тем, что заключённые из числа наиболее тупых или наиболее запуганных сталинистов продолжали выказывать и питать к ним искреннюю ненависть. Один из таких "ортодоксов" в воспоминаниях, написанных в 60-е годы, так рассказывал о своей первой лагерной встрече с троцкистами. В Магадане, где, по его словам, "нас (арестантов) встретили, как рабочих, нужных людей для большой стройки и для добычи крайне нужного стране золота", к прибывшему этапу подошёл один из старых заключённых-троцкистов со словами: "Что, товарищи сталинцы, получили от своего мудрого бати благодарность за верность и преданность?" "Пишу об этом штрихе потому, - присовокупляя к этому рассказу автор воспоминаний, - что бгущее сейчас мнение, что 100 процентов арестованных в те годы были невиновны, неверно. Были тогда и настоящие враги нашего социалистического строительства. Они и в лагере вели антипартийную работу, стремясь поколебать ленинскую убеждённость"¹.

Об отношениях между сталинистами и троцкистами в лагерях много говорит эпизод, описанный в романе К. Симонова "Живые и мёртвые". С явным одобрением Симонов рассказывал, как главный герой романа комбриг Серпилин, находясь в заключении, "без долгих слов избил в кровь одного из своих бывших сослуживцев по гражданской войне, троцкиста, по ошибке избравшего его своим поверенным и поделившегося с ним мыслями о том, что партия переродилась, а революция погибла"².

Проводя с 1923 года каждого члена партии через серию погромных кампаний, где неизменным условием выживания являлось выражение ожесточённой ненависти к "троцкизму", Сталин внёс в партию глубокую рознь, которая не иссякала даже в обстановке лагерей. Ожесточение против "троцкистов" лишь усугублялось у лиц, причисленных к ним "по ошибке", мыслью, что виновниками их несчастья являются подлинные троцкисты, и впрямь представляющие опасность для государства.

Историкам ещё предстоит определить, кто из осуждённых по статье КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность) действительно принадлежал к троцкистам. Такой подсчёт может быть облегчен тем, что оппозиционеры, никогда не выступавшие с капитулянтскими заявлениями, были арестованы в первом потоке большого террора и содержались в лагерях, как правило, компактно. Сопоставление некоторых свидетельств о численности подлинных

¹ Реабилитирован посмертно. С. 322.

² Симонов К. Живые и мертвые. М., 1960. С. 160.

троцкистов позволяет сделать вывод, что она только в колымских и воркутинских лагерях составляла тысячи, а, может быть, и десятки тысяч человек.

Перед администрацией лагерей была поставлена задача: создать троцкистам особо тяжёлый режим. А поскольку троцкисты не скрывали своих убеждений и выступали с коллективными акциями протеста, они подвергались по приказам из Москвы свирепому истреблению.

Вместе с тем бесчисленные сталинские амальгамы породили серьёзный парадокс. Подавляющее большинство подлинных троцкистов были направлены в лагеря в 1936 году, когда Особое совещание не имело права давать более 5 лет лишения свободы. Большинство же тех, кто прибывал в лагеря в 1937-1938 годах, когда по статье "КРТД" давали сроки в 10-25 лет, никогда не принадлежали ни к каким оппозициям. Тупым сталинским тюремщикам было не под силу отделить настоящих троцкистов от тех, кто был подведён под эту статью в горячке большого террора. Поэтому среди тысяч троцкистов остались десятки, может быть, сотни тех, кто не был расстрелян в лагерях. Некоторые из них вышли на свободу после отбытия своего срока и принимали участие в Отечественной войне.

К числу выживших относился, например, А. Р. Пергамент, впервые арестованный за оппозиционную деятельность в 1927 году и высланный в Вятскую область сроком на 2 года. После возвращения из ссылки и вплоть до января 1935 года он работал в Москве помощником председателя Госплана. 26 августа 1936 года был осуждён Особым совещанием к пяти годам лишения свободы. В лагере подписал групповое заявление в ЦК ВКП(б) и Исполком Коминтерна с требованием пересмотра дел троцкистов. 17 июля 1938 года был приговорён к высшей мере наказания, замененной Верховным Судом РСФСР десятью годами лишения свободы¹.

В конце 40-х годов все бывшие троцкисты, находившиеся на воле, оказались "повторниками", направленными вновь в лагеря без предъявления каких-либо новых обвинений.

¹ В недрах Ухпечлага. Вып. II. Ухта, 1994. С. 20.

XXXIV

Воркутинская трагедия

Наиболее масштабная операция по массовому уничтожению троцкистов получила название "воркутинской трагедии"^{1*}. Известия о ней проникли на Запад вскоре после войны - от бывших лагерников, попавших в число "перемещённых лиц". Свидетельства о троцкистах - жертвах лагерных расстрелов на Воркуте, принадлежавшие Сюзанне Леонгард, появились в начале 50-х годов в троцкистских изданиях разных стран².

В 1961 году в "Социалистическом вестнике" была опубликована статья "Троцкисты на Воркуте", написанная бывшим воркутинским узником, скрывшимся под инициалами М. Б. В ней рассказывалось, что к 1937 году в воркутинских лагерях находилось несколько тысяч оппозиционеров, которые с конца 20-х годов содержались в ссылке и "до конца остались верны своей платформе и вождям". Только в одном лагере, где находился автор статьи, содержалось около тысячи "кадровых" троцкистов. Кроме того, по словам автора, в лагерях Печорского края насчитывалось несколько тысяч заключённых, которые, "прежде будучи коммунистами или комсомольцами, примыкали к троцкистской оппозиции, затем в разное время и по разным причинам... были вынуждены раскаться в своих "ошибках" и отойти от оппозиции"³.

Большое число воспоминаний о судьбах троцкистов в воркутинских лагерях было собрано Б. И. Николаевским. В 1952 году он направил Н. И. Седовой письмо со свидетельствами нескольких бывших воркутинцев о судьбе Сергея Седова. В них рассказывалось, что летом 1936 года на воркутинский рудник в составе новых этапов прибыло много троцкистов, как недавно арестованных, так и переведённых из других лагерей, политизоляторов и мест ссылки. Их размещали в брезентовых палатках, каждая из которых была рассчитана на 250 человек. Группа троцкистов, в которой находился Седов, была самой многочисленной и организованной на руднике⁴.

В коллекции Николаевского находится составленный одним из бывших узников список более 100 активных троцкистов, прибывших в Воркуту в 1936 году и расстрелянных в марте-апреле 1938 года. В нём значатся, в частности, секретарь парторганизации ФОНа (факультет общественных наук) МГУ, член московского троцкистского центра - "организатор по вузам" Сократ Геворкян,

¹ Поскольку это событие было беспрецедентным в истории сталинских лагерей, А. Солженицын счёл нужным посвятить ему несколько страниц в книге "Архипелаг ГУЛАГ" ("Новый мир". 1990. № 11. С. 83-86). Однако в своём описании он использовал сомнительные источники, к которым добавил по своему обыкновению мало отсебятины, расхвалившейся с действительными фактами и достоверными свидетельствами.

² *Quantieme Internationale*. 1951. Vol. 9. № 1; *The Militant*. 1951. Vol. 15. № 3; *Proletarian Action*. 1951. № 3, 4-5.

³ *Социалистический вестник*. 1961. № 10-11. С. 201.

⁴ Hoover Institution Archives. Collection of Nikolaevsky (далее - Коллекция Николаевского). Ящик 628. Папка 13.

один из активных участников сапроновской "группы 15" Миньков и его жена, Ладо Енукидзе (племянник А. С. Енукидзе), московский рабочий Кривцов, секретарь донбасской группы писателей "Забой" Баглюк, секретарь парторганизации Луганского пединститута Дейнека, член Московского центра троцкистов Магид и др.¹

В статье "Кровь в тундре (из воспоминаний воркутинца)" говорилось, что троцкисты являлись в Воркуте "единственной значительной группой заключённых, которая организованно и упорно до конца оказывала сопротивление сталинской диктатуре, квалифицируя её как фашистскую"².

Наиболее подробное описание событий 1936-1938 годов в Воркуте содержится в воспоминаниях Балашова "Воркутинская трагедия". В них рассказывалось, что в лагерь, организованный в 1931 году на воркутинском руднике, летом 1936 года прибыло более 3 тысяч политзаключённых, наиболее многочисленной группой среди которых были "настоящие, убеждённые троцкисты". Их вожаками были С. Геворкян, Владимир Иванов, В. В. Косиор, Мельнайс (крупный экономист, в прошлом - член ЦК комсомола) и бывший секретарь Троцкого Познанский.

Осенью 1936 года эта группа троцкистов объявила голодовку, которой предшествовал сбор подписей под декларацией "большевиков-ленинцев", содержавшей следующие требования:

1. отменить незаконное решение НКВД о переводе всех троцкистов из административной ссылки в лагерь. Дела политических противников режима должны рассматриваться не Особым совещанием, а на открытых судебных заседаниях;
2. рабочий день в лагере не должен превышать восемь часов;
3. питание заключённых не должно зависеть от нормы выработки, которую следует стимулировать не хлебной пайкой, а денежным вознаграждением;
4. размещать политзаключённых в бараках и на рабочих участках отдельно от уголовных элементов;
5. переселить политзаключённых-инвалидов, женщин и стариков из запляжных лагерей в места, расположенные в более благоприятных климатических условиях.

"Это была беспримерная в условиях советских лагерей массовая голодовка протеста политзаключённых, - писал Балашов. - В ней участвовало около тысячи человек, половина из которых находилась на руднике. Начавшаяся 27 октября 1936 года, голодовка продолжалась 132 дня и закончилась только в марте 1937 года".

Насильно осуществляемое искусственное кормление голодающих спасло многих заключённых от смерти, но количество умирающих росло с каждым днем. К голодовке присоединились многие заключённые из соседних лагерей, что поставило под угрозу все производственные планы и задания. Один из голодавших сообщил о голодовке через местного жителя своей жене, англичанке по крови и подданству, которая вскоре выехала из Советского Союза на роди-

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 237. Папка 14.

² Там же. Ящик 236. Папка 4.

ну. Там в ряде газет появилось её письмо о голодовке в советском Заполярье. В палате общин был сделан по этому поводу запрос английскому правительству¹.

Голодовка троцкистов закончилась их полной победой. В марте 1937 года им сообщили радиogramму из Москвы: "Объявите голодающим заключённым Воркутинского Печлага, что все их требования будут удовлетворены". Только после этого голодовка была прекращена. Почти всех её участников, оставшихся в живых, пришлось отправить в больницу - так они были слабы.

Через некоторое время троцкисты вышли на работу. В шахту их не посылали. Работали они исключительно на поверхностных объектах, а некоторые даже в конторе рудоуправления в качестве счетоводов, бухгалтеров, экономистов и т. д. Их рабочий день не превышал восьми часов, а питание не зависело от выполнения нормы выработки².

Тем временем шла подготовка к расправе над троцкистами, которая должна была производиться в строжайшей тайне от других заключённых. Для этого был выбран старый кирпичный завод, расположенный в 20 километрах от воркутинского рудника, вдаль от каких бы то ни было поселений. Осенью 1937 года здесь были поставлены большие брезентовые палатки, обнесённые густой сетью колючей проволоки.

В начале зимы 1937-1938 года на кирпичном заводе было собрано около 1200 заключённых. За исключением семи-восьми "религиозников", всё это были коммунисты, вступившие в партию до революции или в первые её годы³.

В начале 1938 года в Воркуту прибыл Е. И. Кашкетин, наделённый чрезвычайными полномочиями по приказу НКВД за № 00409. О значимости приказа можно судить по двум нулям, ставившимся только в тех случаях, когда приказ принимался по инициативе лично Сталина.

Примечательны некоторые подробности биографии Кашкетина. В сентябре 1936 года медицинская комиссия признала его инвалидом III группы с диагнозом: шизоидный психоневроз. После этого он был уволен из НКВД и направлен на работу в МК ВКП(б). В январе 1938 года был вновь зачислен на службу в НКВД и командирован в Воркуту для руководства оперативной группой по борьбе с троцкистами⁴.

Как вспоминала М. М. Иоффе, Кашкетин по время допроса уверял её, что "все обкомы, горкомы, ЦК республик заражены были вашей троцкистской ересью"⁵.

Одним из первых на допрос был вызван старый большевик, бывший член ЦК Компартии Армении Вираб Вирабов. Как рассказывал Балашов, "возвращаясь с допроса в сопровождении двух конвоиров, Вирабов громко кричал и жестикулировал: "Я тебе покажу, как бить... Меня, старого революционера, по

¹ Там же. Ящик 233. Папка 23.

² Там же. Ящик 237. Папка 14.

³ Байтальский Д. Тетради для внуков. Рукопись. (Хранится в личном архиве Р. А. Медведева). С. 181.

⁴ Заполярье. Воркута. 1991. 18 сентября.

⁵ Иоффе М. Одна ночь. Нью-Йорк, 1978. С. 99.

лицу бить... сволочь сталинская, фашистские палачи!.." Его взъерошенные седые волосы трепал ветер, перекошенное злобой и ненавистью лицо с горящими глазами было страшным. Конвоиры, сжимая в руках автоматы, при каждом резком выкрике или взмахе руки вздрагивали и замедляли шаги"¹.

Особенно жестоким пыткам на допросе был подвергнут И. М. Познанский: "Его истязали, требуя каких-то особых признаний. Сталин хотел добыть возможно больше материалов, дискредитирующих Троцкого"².

Допросы, начавшиеся ещё до приезда Кашкетина, сменились в марте групповыми расстрелами. Почти ежедневно десятки заключённых направлялись в тундру, где их встречал взвод стрелков, оснащённый станковым и лёгким пулеметами и "закреплённый", согласно отчёту Кашкетина, "на месте проведения операции".

Расстреливали не только самих троцкистов, но и находившихся вместе с ними членов их семей. "При расстреле мужа, жена его, находившаяся в заключении, автоматически подлежала тоже расстрелу, у более значительных оппозиционеров подлежали расстрелу и дети, достигшие 12-летнего возраста"³. Бойня продолжалась до тех пор, пока в живых осталось немногим более ста человек.

Заметая следы преступления, лагерная администрация распорядилась снести в районе старого кирпичного завода все строения и совершенно ликвидировать сам завод. Летом на протяжении двух недель тундру потрясали взрывы аммонала: на "месте операции" взрывали мерзлую землю, чтобы хоть как-то прикрыть трупы убитых.

В настоящее время опубликованы подписанные Кашкетиным акты о приведении в исполнение приговоров тройки НКВД по Архангельской области "за вновь совершённые преступления в лагере". Первый акт зафиксировал расстрел 173 заключённых 1 марта 1938 года. Среди имён расстрелянных мы встречаем имена таких "кадровых" троцкистов, как Геворкян, Яковин, В. Б. Эльцин, Бровер. В сопроводительной записке к акту Кашкетин сообщал, что "операция" продолжалась 10 часов. Следующий акт сообщал о расстреле в марте 1938 года 351 человек, в том числе В. В. Косиора, Познанского, Дингельштедта, Радомысленской (сестры Зиновьева). Всего Кашкетиным и его командой был расстрелян 2901 заключённый⁴.

За последние годы в России опубликованы воспоминания бывших узников сталинских лагерей, в которых приводятся рассказы о воркутинской трагедии⁵.

В книге "По следам судьбы моего поколения" М. Войтоловская, рассказывая о воркутинской трагедии, замечает: "Мы мало знаем о последних минутах отдельных товарищей, но в целом они умирали так же, как жили - бесстрашно, стойко, героически, предпочтя смерть измене своей молодости и самим себе.

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 233. Папка 23. С. 12.

² Байтальский Д. Тетради для внуков. С. 185.

³ Социалистический вестник. 1961. № 10-11. С. 204.

⁴ Заполярье. 1991. 18 сентября; 1992. 15 января.

⁵ Нильский М. Воркута. Сыктывкар, 1991. С. 79-100; Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 328-344.

Их жизнь и смерть должна оставить запечатленный след в сознании современников и грядущих поколений"¹.

В книге И. Дойчера приводится свидетельство узника сталинских лагерей, польского журналиста Зингера о том, что тысячи заключённых из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, появившиеся в 1939-1940 годах в лагерях, не встретили среди старых заключённых троцкистов или зиновьевцев. "Старые заключённые рассказывали об их казни шепотом или намеками, потому что ничего не было более опасным даже для несчастного заключённого, чем навлечь на себя подозрение, что он испытывает симпатию или жалость к троцкистам". В этой связи Дойчер справедливо замечал, что повальное уничтожение троцкистов в 1937-1938 годах явилось главной причиной того, что "в последние 15 лет сталинского правления в советском обществе не осталось ни одной группы, даже в тюрьмах и лагерях, способной бросить ему вызов... В сознании нации образовался громадный провал. Её коллективная память была опустошена, преемственность революционной традиции порвана, способность создавать и кристаллизовать любые неконформистские понятия уничтожена. В итоге в Советском Союзе не осталось не только в практической политике, но даже и в скрытых умственных процессах какой-либо альтернативы сталинизму"².

¹ Войтоловская М. По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991. С. 240.

² Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 451-452.

Кому была выгодна великая чистка?

Если на одном полюсе советского общества находились противники сталинского режима, обречённые на гибель, то на другом - те, кому в 1937 году жилось поистине хорошо.

Такое масштабное явление, как великая чистка, не могло не иметь своей социальной базы - в виде групп населения, кровно заинтересованных в массовых репрессиях. На такие группы делал ставку Сталин, на них в первую очередь ориентировалась официальная пропаганда.

Великая чистка представляла собой гигантское перераспределение позиций в социальной структуре общества и власти. Такое перераспределение обуславливалось прежде всего тем, что арест любого высокопоставленного работника своим следствием имел продвижение вверх не одного, а сразу нескольких человек. Вслед за замещением такого работника происходила быстрая передвижка по ступеням карьерной лестницы ряда лиц, последовательно занимавших высвобождаемые посты. А поскольку в обстановке снятия людей "слоями" этот процесс происходил в известной степени стихийно, многие одновременно перепрыгивали через несколько ступеней, движение по которым в нормальных социальных условиях занимает годы. В итоге выдвинутые в 1937-1938 годов оказывались на таких должностях, о которых несколькими годами ранее не могли и мечтать. Поскольку же чаще всего это были молодые, политически неопытные и не склонные к глубоким размышлениям люди, они не могли не одобрять всего, что происходило в стране, и не возносить искреннюю хвалу Сталину, обеспечившему им действительно лучшую и весёлую жизнь.

Не меньшие сдвиги, чем в структуре распределения власти, происходили и в структуре распределения личной собственности. Этот процесс начался ещё в годы коллективизации, когда борьба с кулачеством была сведена не к урезанию кулацких накоплений посредством налоговой политики и других экономических мер, как это предлагала левая оппозиция, а к беспощадной экспроприации имущества семей, подогнанных под категорию "кулаков" или "подкулачников", и к их депортации в отдалённые районы страны. При этом производственное имущество раскулаченных передавалось колхозам (именно поэтому в официальной формуле речь шла о "сплошной коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса"), а бытовое имущество (дома, одежда, домашний инвентарь и т. д.) отдавалось односельчанам.

В годы великой чистки процесс насильственного перераспределения собственности шёл более окольными путями. Приговор по 58 статье, как правило, заканчивался словами о конфискации всего имущества, принадлежавшего осуждённому. Такие массовые конфискации затрагивали чаще всего слои, наделённые статусными и материальными привилегиями и успевшими создать внушительные накопления.

Приводя описание имущества, конфискованного у его отца, А. В. Антонов-Овсеенко пишет, что в ней отсутствовали многие вещи, видимо, прикарманен-

ные лицами, осуществлявшими конфискацию. "Могу засвидетельствовать, - со своего рода гордостью подчёркивает он, - что квартира отца нисколько не походила на изображённую в акте лавку нищего старьевщика". В опись не попали "подлинные гравюры известных художников, пишущая машинка, радиола с восемью альбомами пластинок, драгоценности жены, её беличья шуба, дорогие французские духи... и многое-многое другое"¹. В 30-е годы такие вещи были достоянием лишь весьма узкого привилегированного слоя.

Трагедии семей, переброшенных из разряда привилегированных в разряд изгоев общества, сопутствовал выход на путь преуспеяния новых "слуг народа". На смену снимаемым "слоями" партийным, советским, хозяйственным, военным, комсомольским кадрам приходили более молодые возрастные когорты, которым вместе с властью передавались и сопряжённые с ней материальные привилегии - от высоких окладов и персональных машин до просторных квартир и государственных дач. Излишне говорить о том, *что* означало всё это для людей, ещё недавно разделявших бедность и лишения, переживаемые основной частью населения страны.

Конфискованное имущество арестованных передавалось в казну, а некоторая его часть перераспределялась "законным путём" (через "спецгорги") в пользу чинов НКВД, как бы подхлестывая их заинтересованность в вакханалии большого террора. Значительная часть квартир репрессированных также передавалась сотрудникам НКВД. Помимо этого узаконенного мародёрства широко практиковалось и мародёрство нелегальное - присвоение вещей и ценностей пряткими исполнителями во время производства обысков.

Корыстную выгоду от репрессий извлекали не только гласные и негласные сотрудники НКВД, но и добровольные доносчики, использовавшие обстановку поиска "врагов народа" для сведения личных счётов, устранения соперников по службе, а то и для открытого вымогательства материальных благ. На XVIII съезде ВКП(б) рассказывалось о киевской учительнице Могилевской, которая не только клеветала на честных людей, но путём запугивания и шантажа вымогала деньги и путёвки на курорты у разных организаций. О руководителях, отказывавших ей в подобной "помощи", она писала доносы, объявляя их врагами народа².

Более квалифицированные, говоря словами Энгельса, "прохвосты, обделывавшие свои делишки при терроре"³, беззастенчиво развязывали свои преступные инстинкты другими путями. Так, подготовленная известным философом Стэном для Большой Советской Энциклопедии статья "Маркс", после ареста Стэна была напечатана под именем сталинского выдвиженца на "философском фронте" Митина. После того, как в начале 60-х годов этот плагиат был разоблачён, Митин отделался лёгким испугом и сохранил свои позиции на академическом Олимпе вплоть до своей смерти в 1987 году.

¹ Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. М., 1994. С. 187.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1939. С. 596.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 45.

Тип ловкого соглядатая, заметно поднявшего в 1937 году свой социальный статус, описан в романе А. Солженицына "Раковый корпус" под именем Русанова. Опасаясь в первые годы после смерти Сталина возвращения из лагеря своего бывшего сослуживца и соседа Родичева, оклеветанного им, Русанов вспоминает: "Капа (жена Русанова) так намечала: как только Родичева арестуют, так Катьку Родичеву сейчас же выселить и захватить всю квартиру, и балкон тогда будет весь их... Операция эта с комнатой была уже вся согласована, и пришли Катьку выселять, но она выкинула номер - заявила, что беременная. Настояли проверить - принесла справку. А по закону беременную выселять нельзя. И только к следующей зиме её выселили, а длинные месяцы пришлось терпеть и жить с ней о бок - пока она носила, пока родила и ещё до конца декретного".

Русанов вспоминал о тридцать седьмом - тридцать восьмом годах как о "прекрасном честном времени", когда "заметно очищалась общественная атмосфера.. а люди принципиальные, устойчивые, преданные, друзья Русанова и сам он, ходили с достойно поднятой головой"¹.

Именно люди типа Русанова, вступавшие в круг новой советской элиты, составляли социальную базу великой чистки. Их стремительный путь наверх был тем легче, что занятие аппаратных постов в те годы не требовало прошлых заслуг, специальных знаний и профессиональной подготовки (кроме прохождения в ряде случаев краткосрочных партийных курсов, где выдвиженцы "изучали" несложный набор сталинских догм и фальсификаций). Именно таким людям, "ждушим своего выдвижения", бросил клич Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, и они отлично поняли смысл этого клича.

Сталинская установка была широко подхвачена всей пропагандистской машиной, которая неустанно повторяла, что враги народа мешали выдвижению "молодых замечательных кадров", затирала "новые свежие силы". В газетах печатались призывы "смелее выдвигать в партийные органы талантливую советскую молодёжь, воспитанную сталинской эпохой", тех, кто "беспоощаден к врагам" и "испытан в борьбе с врагами народа". Михаил Кольцов с восторгом писал, что тысячи людей, считавших себя "маленькими скромными винтиками", выдвигаются "на ещё большую, и ещё и ещё большую и ответственную работу"². В разгар избиения командного состава армии Ворошилов заявил на собрании лейтенантов: "Каждый из вас в потенциции - маршал"³.

Выступавшие на XVIII съезде партийные бонзы с удовлетворением приводили цифры выдвиженцев в своих епархиях. Так, констатировалось, что в Киеве только за 1938 год было выдвинуто на партийную работу 2942 человека, на советскую и хозяйственную работу - 11700 "партийных и непартийных большевиков"⁴.

¹ Новый мир. 1988. № 6. С. 105.

² Красная звезда. 1938. 23 февраля.

³ Красная звезда. 1938. 21 февраля.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 596.

Неверно, что все советские люди жили в 1937-1938 годах в постоянном страхе и еженощном ожидании ареста. От таких опасений были начисто свободны представители последнего слоя "выдвиженцев", не имевшие до того времени политической биографии и опасных связей. Прodelывая за считанные месяцы неожиданно для самих себя восхождение от рядового инженера или мелкого служащего до секретаря обкома или председателя исполкома горсовета, они въезжали в освобождавшиеся квартиры, построенные для партийно-государственной элиты, получали в своё распоряжение личных шоферов и иную "обслужу", посещали никогда ранее не виданные ими шикарные санатории и другие "положенные" закрытые социально-бытовые учреждения. Эти люди в большинстве своём благополучно пережили войну, потому что, находясь на своих бюрократических постах, не подлежали призыву в армию.

Политика десталинизации велась столь половинчато и непоследовательно при Хрущёве и была столь быстро свернута после его свержения именно потому, что она подрывала позиции этого социального слоя, успевшего прочно привыкнуть к своему бюрократическому всемогуществу и к своим привилегиям.

Для того, чтобы нагляднее представить социальный облик "новобранцев 1937 года", уместно привести хотя бы краткие характеристики их состава.

Новобранцы 1937 года

О возрастном составе аппаратчиков на исходе "кадровой революции" свидетельствуют данные мандатных комиссий XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 года) и XVIII Всесоюзной партконференции (февраль 1941 года). Около половины делегатов XVIII съезда с решающим голосом были в возрасте не свыше 35 лет, 81,5 % - в возрасте не старше 40 лет¹. Среди делегатов XVIII партконференции 35,6 % составляли лица в возрасте до 35 лет, 42,8 % - от 36 до 40 лет².

Не менее выразителен состав делегатов XVIII конференции по партийному стажу. 45 % из них вступили в партию в 1927-1928 годах, 35 % - в 1929 году и позднее. Таким образом, подавляющее большинство тех, кто в 1941 году управлял страной, были в годы Октябрьской революции и гражданской войны детьми или подростками и стали коммунистами в то время, когда существование партийных дискуссий и легальных оппозиций было уже невозможно.

Из 71 члена и 68 кандидатов в члены ЦК, избранных на XVIII съезде, соответственно 44 и 66 были избраны в этот орган впервые. Среди новых членов и кандидатов было лишь шесть человек с дореволюционным партийным стажем и четверо - со стажем с 1917 года. Для сравнения укажем, что на XVII съезде из 71 члена ЦК всего 10 человек были избраны впервые, минуя кандидатский цекистский стаж, а из кандидатов более половины состояли в составах ЦК, избранных предыдущими партсъездами. Среди тех, кто вошёл тогда в ЦК впервые, большинство вступило в партию не позднее 1917 года³.

В апреле 1917 года в партии состояло свыше 100 тыс. чел., к августу 1917 года её численность выросла до 240 тыс. чел.⁴ Ещё десятки тысяч членов вступили в партию в последние месяцы 1917 года. В 1973 году в КПСС оставалось 702 человека с партийным стажем до февраля 1917 года и 3340 человек, вступивших в партию в 1917 году⁵. Значительная часть этих людей провела многие годы в сталинских тюрьмах и лагерях, известная часть была сохранена Сталиным в качестве "партийных икон", призванных иллюстрировать преемственность ленинской и сталинской партии.

О масштабах "кадровой революции", осуществлённой между XVII и XVIII съездами, свидетельствовали обнародованные самим Сталиным цифры, которые, по его мнению, служили выражением успехов его кадровой политики. Сталин сообщил, что за отчётный период было выдвинуто на руководящие

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 149.

² Коммунист. 1988. № 1. С. 32.

³ Рассчитано по: Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 707.

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 7. С. 702.

⁵ Правда. 1973. 17 июля.

партийные и государственные посты "более 500 тыс. молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии"¹.

Говоря о том, что после великой чистки на руководящих постах утвердился четвёртый или пятый слой аппаратчиков (предыдущие слои были истреблены почти целиком), Хрущёв замечал, что это были люди "уже без революционного прошлого, как бы без рода и племени, если говорить о революционной деятельности"².

На смену нескольким поколениям большевиков (шестидесятилетним, пятидесятилетним и сорокалетним), почти целиком уничтоженным в пожаре великой чистки, пришло поколение людей, только недавно перешагнувших порог своего тридцатилетия. От них Сталин мог ожидать безоговорочного конформизма и беспрекословного, бездумного послушания при любых поворотах своего политического курса.

Для характеристики стремительности, с которой происходило продвижение этих людей, приведем некоторые биографические данные тех, кто впоследствии управлял партией и страной.

Брежнев родился в 1906 году, стал членом партии в 1931 году, в 1936 году работал директором техникума. В 1937 году был выдвинут на пост зампреда исполкома Днепродзержинского городского совета, а в 1939 году - на пост секретаря Днепропетровского обкома партии.

Косыгин родился в 1902 году, член партии с 1927 года. В 1937 году занимал должность рядового инженера, откуда был выдвинут на пост директора небольшой ленинградской фабрики. В 1938 году занимал всё более ответственные посты в Ленинградском обкоме и облисполкоме. В 1939 году был назначен наркомом текстильной промышленности СССР и избран членом ЦК ВКП(б). В 1940 году стал заместителем председателя Совнаркома СССР.

Громыко родился в 1909 году, член партии с 1931 года. До 1939 года работал научным сотрудником института экономики, откуда внезапно был переведён на дипломатическую работу. В 1943 году занял пост посла СССР в США.

О том, как такие люди отбирались на ответственную работу, свидетельствует рассказ Молотова о поисках им кандидатуры на освободившуюся должность наркома финансов СССР. Поручив представить ему список партийных работников, окончивших финансовый институт, Молотов просмотрел их личные дела и остановился на кандидатуре Зверева, который был тогда секретарём одного из московских райкомов³.

Многие выдвиженцы заполняли вакуум руководящих работников на тех предприятиях, куда направлялись после окончания института. Так, В. А. Малышев, окончивший в 1937 году технический вуз, был направлен на Коломенский машиностроительный завод, где сразу же был назначен главным инженером. Других кандидатур на эту должность не имелось, так как все инженеры, работавшие на этом крупном предприятии, были арестованы⁴. В 1939

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 30.

² Вопросы истории. 1990. № 5. С. 51.

³ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 291.

⁴ Знамя. 1990. № 12. С. 38.

году Малышев был избран членом ЦК и назначен наркомом тяжёлого машиностроения, а спустя год - ещё и зампредом Совнаркома СССР.

Некоторые выдвиженцы, не способные справиться с новыми обязанностями не только из-за своей неопытности, но и из-за дезорганизации производства в результате бесчисленных арестов, сами попадали под каток репрессий. Шрейдер вспоминал о встрече в тюремной камере с молодым человеком, рассказавшим, что во время учёбы на последнем курсе авиационного института он был неожиданно вызван к наркому авиационной промышленности М. М. Кагановичу. Там он узнал о своём назначении на должность начальника ЦАГИ, где весь руководящий состав был к тому времени арестован. Вскоре молодой руководитель огромного института был утверждён председателем правительственной комиссии, созданной для приёмки нового военного самолета. На испытаниях самолет разбился, а управлявший им прославленный летчик Чкалов погиб. Председатель комиссии вместе со всеми другими лицами, имевшими отношение к испытанию самолета, был арестован¹.

Во многих случаях на ответственную работу выдвигали рабочих-стахановцев, не имевших никакого представления об управленческой деятельности. Хрущёв вспоминал, как инженеры, попавшие под начало бывшего известного стахановца Дюканова, жаловались на применявшиеся последним "методы руководства": "Если что-то не ладится и что-то не выполнено, так у него один аргумент: "Ты смотри, а то я тебе ж... нашлёпаю". И каждый из нас, инженеров, дважды в сутки носит к нему это место, чтобы он его нашлёпал"².

На исходе великой чистки в руководящие сферы проникали и те, чьи ближайшие родственники были врагами Советской власти, - лишь бы у них было связей со старой большевистской средой. В 70-е годы член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Кунаев, начавший своё карьерное восхождение в конце 30-х годов, поставил помпезный монумент на могиле своего тестя - бывшего купца Ялымова, в годы гражданской войны занимавшего высокий пост в колчаковской администрации города Акмолинска. Кунаева не смутило даже то обстоятельство, что участие Ялымова в расправе над большевиками было описано в романе известного казахского писателя Сакена Сейфуллина, погибшего в 1937 году³.

"Новобранцы 1937 года" были несравнимо менее компетентнее и идейнее тех, кому они пришли на смену. Преданность большевистским идеалам у них была заменена поистине безграничной личной преданностью вождю и готовностью к ревностному исполнению любых директив, идущих из его канцелярии. Писатель Чуев, возвращавшийся в этой среде, приводит характерный рассказ бывшего секретаря ЦК Компартии Грузии Мгеладзе о его беседе с Суловым, который восторженно говорил: "Пойми, ведь только благодаря Сталину мы все так поднялись. Только благодаря Сталину всё у нас есть"⁴.

¹ Шрейдер М. Б. НКВД изнутри. С. 176-177.

² Вопросы истории. 1990. М 6. С. 91.

³ Казахстанская правда. 1988. 7 июня.

⁴ Правда-5. 1995. № 12. С. 8.

Такие люди вплоть до своих последних дней были склонны к возвеличиванию Сталина и признанию "пользы" сталинских репрессий. Так, бывший министр сельского хозяйства Бенедиктов в 80-х годах подчёркивал в своём интервью: "Думаю, Берию, как и Мехлиса, Сталин использовал как своего рода "дубинку страха", с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки... И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно"¹.

Будучи стерильно "чистыми" в смысле свободы от всякого рода политических сомнений, не говоря уже об инакомыслии, "новобранцы 1937 года" значительно меньше заботились о нравственной чистоте в своём личном повседневном поведении. Многие из них очень скоро обнаружили податливость к таким формам коррупции, которые были заведомо невозможны до великой чистки. Примером этого может служить поведение Усмана Юсупова, приложившего руку к уничтожению первых поколений узбекских коммунистов и выдвинутого в 1937 году на пост первого секретаря ЦК КП Узбекистана. В годы войны обнаружилось, что Юсупов был владельцем собственной животноводческой фермы, табуна скакунов и подпольной артели, производившей вино, которое по тайным каналам сбывалось в уральские города. Когда инспектор ЦК КПСС сообщил об этих фактах Маленкову, от того последовало указание: "проверку прекратить, немедленно возвращаться"².

Подобные факты бросались в глаза всякому непредвзятому человеку. Академик Вернадский в 1941 году записал в своём дневнике: "Одну основную ошибку он (Сталин) сделал: под влиянием мести или страха, уничтожением цвета людей своей партии - он нанёс потери, которые невозвратимы, так как реальные условия жизни вызывают колоссальный приток всех воров, которые продолжают лезть в партию, уровень которой в среде, в которой мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных"³.

К моменту смерти Сталина "новобранцам 37 года" было в среднем 50 лет. Пришедшие к власти совсем молодыми и прошедшие выучку на сталинских методах руководства, эти люди не были способны и склонны к перестройке своего образа жизни и образа мышления, но зато были достаточно энергичны, чтобы добиваться пожизненного закрепления своих властных позиций и материальных привилегий. Их не устраивали ни предусмотренное новым Уставом КПСС, принятым на XXII съезде, систематическое обновление партийных кадров на всех уровнях, ни нараставшее в партийных и беспартийных массах стремление к более смелому разоблачению преступлений прошлого и к демократизации общественно-политической жизни.

Интересам и психологии этого несменяемого слоя, прочно привыкшего к своему бюрократическому всемогуществу и к своим привилегиям, всецело отвечал политический курс, утвердившийся в застойный период: отказ от сколько-нибудь серьёзных изменений как в сложившихся экономических, социаль-

¹ Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 62.

² Знамя. 1989. № 6. С. 78.

³ Литературная газета. 1988. 16 марта.

ных и политических структурах, так и в персональном составе руководящих кадров.

Выдвинувшаяся в годы великой чистки правящая элита продержалась у власти на протяжении полувека. По мере её старения и одряхления всё более стагнировали экономическая и социальная политика, политическая система советского общества. Был искусственно задержан социальный рост поколения, духовно сформировавшегося под влиянием XX съезда КПСС.

Устранив Хрущёва, брежневская клика не только наложила безусловное табу на дальнейшее освещение и осмысление трагических уроков сталинизма, но и предприняла шаги, направленные на ползучую реабилитацию Сталина. В этих целях были выпущены художественные произведения и тщательно отредактированные мемуары сталинистов, восстанавливающие престиж Сталина как строгого, но мудрого государственного деятеля и великого полководца. Так происходило попятное движение даже от половинчатой и непоследовательной хрущёвской оттепели.

Последние видные представители поколения "новобранцев 1937 года" либо умерли в первой половине 80-х годов (Брежнев, Косыгин, Сулов, Устинов, Андропов, Черненко), либо были выведены на пенсию в первые годы "перестройки" (Громыко, Тихонов, Зимянин, Пономарёв и др.). На смену им пришло выросшее под их покровительством новое поколение бюрократов, проложивших себе дорогу к власти долголетним аппаратным служением, последовательным продвижением по ступенькам партийной иерархии, угодливостью и подбострастием по отношению к вышестоящим. Бюрократическая безнаказанность и балансирование в мире чиновничьих игр и интриг превратили большинство представителей этого поколения в циников и коррупционеров, озабоченных исключительно соображениями личной карьеры. Получив свободу действий, они оказались способны лишь к тому, чтобы, прикрываясь обманными лозунгами "революционной перестройки", "обновления и возрождения социализма", осуществить демонтаж социалистических основ советского общества. Непрерывно меняя свои лозунги, эти "наследники наследников" Сталина вели страну с завязанными глазами к распаду, экономическому хаосу и политической катастрофе. Так великая чистка через полвека отозвалась на судьбах нашей страны.

XXXVII

Кто и как был наказан после смерти Сталина

Наиболее наглядным проявлением непоследовательности в разоблачении сталинских преступлений была снисходительность к их непосредственным исполнителям.

В 50-е годы было привлечено к уголовной ответственности лишь несколько сот ежовско-бериевских палачей. Даже прямые указания выживших жертв террора на своих инквизиторов в большинстве случаев не приводили к наказанию последних. Так, в 1955 году старая большевичка Лазуркина направила в ЦК заявление, в котором сообщалось о применении к ней и бывшему секретарю Ленинградского обкома ВЛКСМ Уткину зверских истязаний бывшими следователями НКВД Галкиным и И. П. Карповым. В результате проверки этих фактов Особая инспекция НКВД приняла решение, в котором говорилось: "Карпов применение мер физического воздействия к Уткину отрицает. Подтвердить же другими доказательствами заявление Уткина не представляется возможным". Проявив, таким образом, больше доверия палачу, чем его жертвам, работники Особой инспекции ограничились тем, что указали Карпову: он "получил от Уткина несоответствующие действительности показания". Относительно Галкина было отмечено, что он "по работе характеризуется положительно", а потому его наказание следует ограничить понижением в должности¹.

Даже когда проверка устанавливала неоспоримые факты виновности бывших следователей, к ним применялись крайне мягкие меры наказания. Одним из примеров этого является расследование Комитетом партийного контроля преступлений Г. Г. Карпова, в конце 50-х годов работавшего председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Как указывалось в справке Комитета, Карпов, занимавший в 30-е годы ответственные посты в Ленинградском управлении и Псковском окружном отделе НКВД, "проводил массовые аресты, применял извращённые методы следствия, фальсифицировал протоколы допросов". Эти факты были установлены ещё в 1941 году военной коллегией войск НКВД Ленинградского военного округа, которая вынесла определение о возбуждении уголовного дела в отношении Карпова. Однако к тому времени Карпов находился на работе в центральном аппарате НКВД, где это решение было положено в архив.

Ознакомившись со всеми этими фактами, партследователи 50-х годов приняли такое соломоново решение: "За допущенные нарушения социалистической законности в 1937-1938 гг. т. Карпов Г. Г. заслуживал исключения из КПСС, но, учитывая давность совершённых им проступков и положительную работу в последующие годы, Комитет партийного контроля ограничился в от-

¹ Источник. 1993 № 5-6. С. 157-161.

ношении т. Карпова объявлением ему строгого выговора с занесением в учётную карточку¹.

Под "партийный суд" попали и бывшие работники УНКВД по Ивановской области Волков, Серебряков и Козлов. Было установлено, что они принимали участие в фабрикации нескольких крупных фальсифицированных дел. После получения от арестованного секретаря обкома Епанечникова показаний на 63 руководящих работников области ими было сфабриковано групповое дело, по которому было осуждено большое количество лиц. Многие из осуждённых, в том числе два секретаря обкома, председатель облисполкома, секретарь обкома комсомола, секретарь Партколлегии КПК по Ивановской области были расстреляны. После смены руководства области данные сотрудники НКВД арестовали ещё одного секретаря обкома и добились от него показаний о существовании в области "запасного право-троцкистского центра", в который якобы входили заменившие прежних руководителей три секретаря обкома, председатель облисполкома, прокурор области, председатель облсуда. За все эти злодеяния палачи отделались исключением из партий².

Столь же "суровая" кара была применена к Городниченко и Боярскому, работавшим в 1937 году в органах НКВД Северо-Осетинской АССР. Комитет партийного контроля установил, что они сфабриковали дело о существовании в республике буржуазно-националистической организации, по которому было арестовано более 600 человек. И эти палачи после разоблачения их преступлений остались на свободе, будучи лишь исключены из рядов КПСС³.

Если многие лица, избалованные в тягчайших должностных преступлениях, отделялись лёгким испугом, в крайнем случае - наказанием по партийной линии, то значительно суровей "партийное следствие" относилось к тем, кто совершил в 20-30-е годы деяния, в отношении которых "правосудие" хрущёвских и брежневских времён не признавало срока давности.

Юридическая реабилитация 50-х годов не коснулась тех немногих уцелевших коммунистов, которые принимали активное участие в деятельности оппозиций. К ним относилась, например, С. Н. Равич, в прошлом жена старого большевика В. А. Карпинского. В полном собрании сочинений Ленина встречаются десятки писем, адресованных Карпинскому и Равич. В 1935 году Равич была арестована как активная участница "новой" или "ленинградской" оппозиции 20-х годов. Она провела около 20 лет в лагерях и ссылке и умерла в 1957 году, получив отказ в реабилитации, несмотря на соответствующие ходатайства Г. И. Петровского и Е. Д. Стасовой⁴.

Засевшие в партийных и правоохранительных органах сталинисты даже после XX съезда КПСС делали немало для того, чтобы затормозить реабилитацию или не допустить реабилитированных к возвращению на работу. 28 июня 1956 года Г. И. Петровский, хлопотавший о реабилитации своих товарищей по партии, записал в дневнике: "Медленно идёт ликвидация сталинщи-

¹ Реабилитация. С. 80.

² Там же. С. 77-78.

³ Там же. С. 76-77.

⁴ Голоса истории. Сб. научных трудов. Вып. 22. Кн. 1. М., 1990. С. 226.

ны. Нет доверия возвращаемым. Медленно восстанавливают и реабилитируют. Не берут стариков на работу"¹.

Нередко "преступлениями" или во всяком случае проступками, не допускавшими восстановления в партии, признавались не вполне "ортодоксальные", с точки зрения сталинистов, высказывания, произнесённые много лет назад. Так, во время разбора апелляции бывшего партийного работника Ефимова ему напомнили об "ошибке", допущенной им в лекции, прочитанной в 1935 году. "Ошибка" эта сводилась к следующему: на вопрос, почему на первом процессе Зиновьева он не был приговорён к расстрелу, Ефимов ответил: Зиновьев - старый революционер и теоретик, работавший вместе с Лениным в эмиграции, член ЦК партии с 1907 по 1927 год, а после революции - член Политбюро и председатель Исполкома Коминтерна; поэтому его расстрел нанёс бы "моральный урон мировому коммунистическому движению, подорвав его нравственный авторитет в широких партийных массах за рубежом". Зачитав этот ответ, донос о котором хранился в партийном архиве, первый секретарь Ленинградского обкома Спиридонов упрекнул Ефимова в том, что он двадцать лет назад ответил на вопрос "неправильно, не по-партийному". Этот факт, наряду с другими аналогичными "ошибками" Ефимова в 30-е годы, послужил основанием для отказа в восстановлении в партии².

Ещё более настороженно "переследователи" 50-60-х годов относились к участникам бывших оппозиций, судьба которых после освобождения из лагерей складывалась намного труднее, чем судьба других узников сталинизма. Сам факт участия в легальной левой оппозиции 20-х годов (не говоря уже о её подпольных формированиях в последующие годы) считался достаточным для отказа в партийной реабилитации.

Отражая эту установку, справка Комитета партийного контроля указывала: "При рассмотрении дел иногда выяснялось, что среди реабилитированных по суду и подавших заявления о восстановлении в КПСС были лица, которые в период острой борьбы с троцкистами, зиновьевцами и правыми оппортунистами активно выступали против партии, в защиту оппозиции. Этих людей не было оснований привлекать к судебной ответственности, но из партии они в своё время были исключены правильно. Поэтому Комитет партийного контроля отказывал таким лицам в восстановлении в КПСС"³.

О том, как проходил разбор апелляций бывших оппозиционеров, рассказывается в воспоминаниях Е. Осипова. Во время слушания его дела в 1958 году на бюро Ленинградского обкома он обнаружил, что партийные органы в 30-е годы пользовались другими материалами, нежели НКВД. Подняв персональное дело Осипова, хранившееся в партийном архиве, докладчик "перечислил столько фактов моего "отступничества", сколько НКВД далеко не было известно. Во всяком случае, некоторые из них не возникали ни на одном допросе по моему делу - ни в 1935 г., ни позднее". Так, партследователь сообщил, что во время празднования десятилетия Октябрьской революции, когда в Ленин-

¹ Там же. С. 228.

² Ефимов И. И. Не сотвори себе кумира. С. 407.

³ Реабилитация. С. 88.

граде проходила альтернативная оппозиционная демонстрация, Осипов, служивший тогда в военной части, охранял пулеметы в Петропавловской крепости. "Если бы НКВД было в своё время всё это известно, - замечал Осипов, - не то, что я бы там что-то такое делал, а что просто имел какое-то касательство к оружию во время тех демонстраций,.. то меня тотчас бы расстреляли".

Партследователь подробно изложил, в каком году Осипов выступал на стороне оппозиции и читал её платформу, когда он присутствовал на оппозиционном собрании и т. д. После этого выступления докладчику не было задано ни одного вопроса, а председательствующий на заседании Спиридонов заявил: "Предлагаю Осипова в партии не восстанавливать ввиду его слишком большой активности в оппозиции, а также... ввиду слишком долгого пребывания вне рядов партии".

На том же заседании рассматривалась апелляция бывшего рабочего Ижорского завода, который привёл на штурм Зимнего дворца пятьсот красногвардейцев из Колпина. Этот человек, в 1925-1927 годах поддерживавший, как и большинство ленинградских коммунистов, "новую оппозицию", тем не менее при Кирове работал заместителем председателя Ленсовета. Находясь с 1935 года в ссылке, он после начавшихся там арестов сам пришёл в местное отделение НКВД и заявил: "Почему вы всех моих товарищей забираете, а меня нет?" На это ему было отвечено: "Идите, немножко погуляйте, не беспокойтесь. Подойдёт очередь и ваша. Что Вы волнуетесь?" Вскоре он был арестован по ложному обвинению в попытке побега из ссылки и получил 10 лет лагерей. И этому человеку ленинградские бюрократы также отказали в восстановлении, используя циничную формулировку об "отрыве от партии (в годы ссылок и лагерей! - В. Р.)"¹.

При рассмотрении заявлений о реабилитации сохранялся прежний покров секретности. Ни лицам, хлопотавшим о своей реабилитации, ни родственникам осуждённых (если речь шла о посмертной реабилитации) не предоставлялась возможность ознакомиться с материалами их дел, в особенности с "агентурными материалами", т. е. доносами и данными наружного наблюдения, получить очную ставку со своими доносчиками и следователями. Реабилитация проводилась путём бюрократической разборки дел в тайниках партийных или гэбистских канцелярий. "Переследователи" (так же как ранее "двойки", "тройки" или особые совещания) лишь листали следственные и судебные документы. Обнаружив в них очевидные нелепости, они принимали решения о реабилитации, а обнаружив сведения о действительно оппозиционной деятельности - отказывали в ней. Тридцатилетняя давность такой деятельности не считалась смягчающим обстоятельством, поскольку речь шла о самой опасной, с точки зрения партийных бюрократов, "вине" - пресловутой "антипартийности". "Ведь всё в сталинской политике, за исключением явно незаконных репрессий, продолжало считаться выражением правильности "генеральной линии партии".

¹ Память. Исторический сборник. Вып. I. Париж, 1978. С. 348-350.

XXXVIII

Террор против зарубежных коммунистов

До сих пор речь шла о массовых репрессиях против советских людей. Но с не меньшей свирепостью чистка была направлена против революционных эмигрантов, деятелей международного коммунистического движения.

В середине 30-х годов в Советском Союзе находилось несколько десятков тысяч зарубежных коммунистов. Одни из них работали в Коминтерне, Профинтерне, Коммунистическом Интернационале Молодёжи и других международных организациях. Другие трудились на советских предприятиях и в учреждениях. Значительным было также число беспартийных эмигрантов, воспользовавшихся правом убежища, которое предоставлялось, согласно Конституции СССР, "зарубежным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу"¹. Как считал известный советский разведчик Л. Треппер, восемьдесят процентов этих людей были репрессированы в годы великой чистки².

Одними из первых были арестованы находившиеся в СССР основатели зарубежных компартий, участники первых конгрессов Коминтерна, в прошлом - деятели левого крыла II Интернационала. Известна фотография Президиума I Конгресса Коминтерна, где рядом с Лениным сидят зарубежные делегаты Клингер, Эберлейн и Платтен. Все они погибли в сталинских тюрьмах и лагерях.

Одним из старейших революционеров-интернационалистов был Э. Пелузо, в разные годы своей жизни состоявший членом социал-демократических и коммунистических партий Франции, Испании, Португалии, Австрии, Швейцарии, Баварии, Италии. На следствии Пелузо был обвинён в связях с Зиновьевым, Бухариным и Радеком и др. На это он ответил, что точно так же его можно обвинять в связях с Лениным и Розой Люксембург. Как указывалось в его жалобе, направленной прокурору, "четыре человека, вооружённые различными инструментами, били меня в течение 40 минут, повесив меня головой вниз". В 1940 году Пелузо был приговорён Особым совещанием к пяти годам ссылки, а в 1942 году был расстрелян по обвинению в принадлежности к "контрреволюционной повстанческой организации"³.

Как рассказывал И. Райсс, в начале 1937 года в НКВД была подготовлена записка, в которой утверждалось, что все оставшиеся в России после Брестского мира военнопленные на самом деле остались в целях шпионажа. Эта записка, писал Райсс, "по-видимому, должна была обосновать расправу с иностранными коммунистами-эмигрантами, которых сейчас поголовно истребляют в СССР". Райсс подчёркивал, что "особенно отчаянное положение тех, у кого на родине господствует фашизм: немцев, поляков, венгров и т. д. Их некому было

¹ Конституция СССР. М., 1937. С. 17.

² Треппер Л. Большая игра. С. 56.

³ Соппротивление в ГУЛАГе. С. 107-110.

защищать, с ними, следовательно, нечего было церемониться. Как правило, все они обвинялись в шпионаже. Очень скоро перешли к аресту русских, женатых на иностранках, т. е. на "шпионках"¹.

С особой жестокостью репрессии обрушились на аппарат Коминтерна. В 1937-1938 годах в Москве готовился коминтерновский процесс. В тюрьму, где находились работники Коминтерна, несколько раз приезжали Маленков и Покребышев, проверяя, как движется "коминтерновское дело". На шестой день после ареста погиб на допросе Ян Анвельт, ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, председатель Эстонской трудовой коммуны в 1918-1919 годах. Руководитель службы связи Коминтерна с его зарубежными центрами Мельников после осуждения к высшей мере наказания ещё восемь месяцев продолжал руководить зарубежной сетью из камеры внутренней тюрьмы НКВД, после чего был расстрелян².

Активное участие в расправах над революционными эмигрантами принимал заведующий отделом кадров Коминтерна Георгий Дамянов, работавший под псевдонимом "Белов" и до своего назначения на этот пост свирепствовавший в Испании в качестве инспектора Интернациональных бригад. Без санкции Мануильского и "Белова" НКВД не имел права арестовывать иностранных коммунистов. Дамянов подготовил для НКВД сотни справок и характеристик с замечаниями типа: "не пользуется политическим доверием", "сомнителен с точки зрения знакомств" и т. п.³ С 1946 года Дамянов находился на посту министра обороны, а после смерти Димитрова стал Председателем президиума Народного собрания Болгарии.

При повальной расправе с коминтерновскими кадрами уцелело, однако, большинство лидеров высшего ранга - членов Президиума и секретариата ИККИ. Эти люди надёжно зарекомендовали себя как покорные исполнители воли Сталина, участники борьбы со всеми оппозициями и "уклонами" в международном коммунистическом движении. Находясь долгие годы на содержании Москвы и пользуясь привилегиями наряду с высшими советскими бюрократами, эти люди постепенно утрачивали качества коммунистов. Имея в виду это "руководящее ядро", Троцкий писал в 1937 году: "Аппарат Коминтерна состоит из людей, прямо противоположных типу революционера. Действительный революционер имеет своё, завоеванное им мнение, во имя которого он готов идти на жертвы, вплоть до жертвы жизнью, Революционер подготавливает будущее и поэтому в настоящем легко мирится со всякими трудностями, лишениями и преследованиями. В противовес этому, бюрократы Коминтерна - законченные карьеристы. Они не имеют никакого мнения и подчиняются приказам того начальства, которое им платит. Так как они - агенты всемогущего Кремля, то каждый из них чувствует себя маленьким "сверхчеловеком". Им всё позволено. Они легко порочат честь других, так как у них нет собственной чести. Это совершенно выродившаяся и деморализованная до мозга костей организация держится в радикальном общественном мнении, в том числе и во

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 13, 20.

² Ваксберг А. Нераскрытые тайны. С. 141-142.

³ Ваксберг А. Коминтерн. Болгарский след. - ЛГ-Досье. 1994. № 8. С. 24.

мнении рабочих, только авторитетом Кремля, как "строителя" социалистического общества"¹.

Разумеется, эти слова Троцкого нельзя абсолютизировать. Многие руководители Коминтерна имели весомое революционное прошлое и субъективно были преданы делу коммунизма. В ряде случаев они пытались противодействовать террору, обрушившемуся на их партии и коммунистическое движение в целом, хотя по большей части ограничивались при этом лишь обращениями к Сталину и его подручным. 28 марта 1938 года Е. Варга писал Сталину: "Находящиеся на свободе в Советском Союзе кадры вследствие массовых арестов глубоко деморализованы и обескуражены. Эта деморализованность охватывает большинство работников Коминтерна и простирается вплоть до отдельных членов секретариата ИККИ. Главной причиной этой деморализованности является ощущение полной беспомощности в делах, касающихся арестов политэмигрантов... Многие иностранцы каждый вечер собирают свои вещи в ожидании возможного ареста. Многие вследствие постоянной боязни полусумасшедшие, неспособны к работе"².

Г. Димитров, которому направлялись материалы следствия над зарубежными коммунистами, в ряде случаев посылал секретарям ЦК ВКП(б), руководителям НКВД и прокуратуры положительные характеристики на арестованных, которые иногда способствовали их освобождению. Однако его влияние было весьма невелико. Л. Треппер рассказывал о встрече Димитрова с болгарскими коммунистами, которые заявили ему:

- Если ты не сделаешь всё необходимое для прекращения репрессий, то мы убьём Ежова, этого контрреволюционера.

Димитров не оставил им никаких иллюзий:

- Я не имею возможности сделать что бы то ни было, всё это находится исключительно в компетенции НКВД.

К этому рассказу Треппер добавлял, что "болгарам не удалось убрать Ежова. Он же их перестрелял, как кроликов. Югославы, поляки, литовцы, чехи - все исчезли. В 1937 году кроме Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, не осталось ни одного из главных руководителей Коммунистической партии Германии. Репрессивное безумие не знало границ"³.

Сталин оказывал непрерывное давление на руководителей Коминтерна, стремясь глубже втянуть их в проведение и идеологическое обоснование политического террора. 11 февраля 1937 года он принял Димитрова для обсуждения проекта постановления ИККИ по поводу процесса Радека-Пятакова. Как явствует из записи Димитрова, Сталин заявил ему: "Европейские рабочие думают, что всё из-за драки между мною и Троцким, из-за плохого характера Сталина". Чтобы дезавуировать подобные мнения, Сталин потребовал указать в постановлении, что Троцкий и его сторонники "боролись против Ленина,

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 5.

² История и сталинизм. М., 1991. С. 192.

³ Треппер Л. Большая игра. С. 59.

против партии ещё при жизни Ленина". В заключение беседы Сталин произнёс зловещую фразу: "Вы все там, в Коминтерне, работаете на руку противника"¹.

В ноябре 1937 года, познакомившись с очередным проектом постановления ИККИ о борьбе с троцкизмом, Сталин дал Дмитрову ещё более изуверскую установку: "Троцкистов надо гнать, расстреливать, уничтожать. Это всемирные провокаторы, злейшие агенты фашизма"².

Зарубежные коммунисты представляли особую опасность для Сталина, потому что они во время пребывания в своих странах имели доступ к троцкистским источникам. Основанием для арестов политэмигрантов часто служило их знакомство с "троцкистской литературой". В этом отношении показательна судьба Д. Гачева, члена Болгарской компартии в 1921-1926 годах и члена ВКП(б) в 1926-1938 годах (революционные эмигранты нередко после прибытия в СССР меняли членство в своих партиях на членство в ВКП(б)). В заявлении генеральному прокурору СССР Гачев, осуждённый к 8 годам лагерей за "контрреволюционную троцкистскую деятельность", писал, что единственным вменявшимся ему "преступлением" было чтение в 1934 году статьи Троцкого, обнаруженной им случайно - во французской газете, которой были обёрнуты продукты его товарища, приехавшего из Болгарии. Несмотря на то, что он в личной беседе сослался на эту статью как на "новый пример перерождения троцкизма в самый неприкрытый фашизм", следствие расценило этот разговор как свидетельство того, что Гачев, "субъективно не являясь троцкистом, объективно вёл пропаганду контрреволюционных троцкистских идей"³.

Во многих случаях сам факт ареста зарубежного коммуниста рассматривался как доказательство его принадлежности к шпионам и троцкистам. 31 августа 1937 года представитель Компартии Польши при ИККИ Белевский писал секретарю ИККИ Москвину (псевдоним бывшего чекиста Трилиссера): "Арест органами НКВД ряда членов КПП и особенно членов ЦК КПП указывает на существование в рядах КПП и её ЦК агентуры классового врага, а именно пилсудчиков и троцкистов"⁴.

В такой иррациональной атмосфере неизбежно возникала, говоря словами немецкого поэта-эмигранта И. Бехера, "атмосфера джунглей, где никто никому не доверяет, где то охотник становится добычей, то добыча охотником, а вся политическая деятельность сводится к "выдаче" своих ближних". Описывая противоречивые чувства, которые в 30-е годы обуревали его, как и других зарубежных коммунистов, Бехер вспоминал: "В той же мере, в какой я почитал и любил Сталина, я был потрясён некоторыми вещами, происходившими в Советском Союзе... Моя сущность была расколота... "Об этом не говорят" - это неписаное общее правило было просто нашим общим лицемерием"⁵.

Свирепость расправ с зарубежными коммунистами объяснялась в значительной степени страхом Сталина перед возможностью возникновения некон-

¹ Коммунист. 1991. № 7. С. 94-95.

² Правда. 1989. 7 апреля.

³ Дружба народов. 1989. № 7. С. 178-179.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 50.

⁵ Литературная газета. 1988. 27 июля.

тролируемых им социалистических революций в других странах, в результате чего центр революционного движения мог переместиться из Москвы, а само это движение попало бы под водительство IV Интернационала. Чтобы сохранить свой безграничный контроль над коммунистическим движением, Сталин беспощадно уничтожал зарубежных коммунистов, за исключением тех, кто своим соучастием в его преступных акциях доказал свою личную преданность и "надёжность".

Говоря об истреблении интернационалистов, Троцкий напоминал, что убийство Жана Жореса было совершено тёмным мелкобуржуазным шовинистом, а убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург - контрреволюционными офицерами. Теперь же "империализму не приходится более полагаться на "счастливый случай": в лице сталинской мафии он имеет готовую международную агентуру по систематическому истреблению революционеров"¹.

В наиболее тяжёлом положении оказались коммунисты из стран с фашистскими или полуфашистскими режимами, где компартии действовали в подполье (в 30-е годы диктаторские, тоталитарные и авторитарные режимы существовали более чем в половине стран Европы). Находившиеся в СССР члены компартий Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Румынии, Болгарии, Югославии, Финляндии были подвергнуты особенно жестокому истреблению.

В июле 1937 года был вызван в Москву генеральный секретарь ЦК Компартии *Югославии* Милан Горкич. Спустя несколько месяцев работникам Политсекретариата КПЮ, находившегося в Париже, было сообщено, что Горкич арестован "как английский шпион", оставшееся руководство КПЮ распускается, а денежная помощь партии со стороны Коминтерна приостанавливается до тех пор, пока "Коминтерн не примет другого решения"².

После ареста Горкича обязанности ответсекретаря ЦК КПЮ было поручено выполнять Тито. В марте 1938 года он прибыл из Парижа в Югославию для образования временного руководства КПЮ, которое должно было выполнять роль ЦК до решения "вопроса о КПЮ" руководством Коминтерна. В мае Тито создал такое временное руководство, в которое вошли А. Ранкович, М. Джилас и И. Л. Рибар³.

Ещё находясь в Париже, Тито опубликовал три статьи, выражавшие восхищение "беспощадными чистками" в СССР. В статье "Троцкизм и его пособники" он обнаружил понимание сталинистского толкования "троцкизма", заявив: "От скрытых троцкистов часто слышишь: "Я не троцкист, но и не сталинист". Кто так говорит, тот наверняка троцкист"⁴.

В августе 1938 года Тито прибыл в Москву, где к тому времени было арестовано уже 800 югославских коммунистов. Здесь ему пришлось прежде всего написать пространное объяснение в связи с арестом его жены, немецкой коммунистки Л. Бауэр. В нём Тито сообщал, что просил жену "не иметь никаких связей с эмигрантами из Германии, так как боялся, чтобы кто-нибудь её не ис-

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 71. С. 11.

² Гиренко Ю. С. Сталин-Тито. М., 1991. С. 55.

³ Там же. С. 59.

⁴ Вечерняя Москва. 1990. 15 февраля.

пользовал её для вражеских целей по отношению к СССР". Тем не менее он каялся в том, что "здесь был недостаточно бдителен" и заявлял, что связь с Бауэр является "большим пятном" в его партийной жизни¹.

Впоследствии Тито называл своё пребывание в Москве самым трудным периодом в своей жизни. Он рассказал, что в то время "почти каждый югослав подозревался в троцкизме. В такой атмосфере один за другим исчезали югославские коммунисты, покинувшие родину из-за полицейского террора... вернувшиеся из Испании добровольцы, кто выжил в боях за республику, а также кто остался в Советской России после мировой войны, чтобы строить первое в мире социалистическое государство"².

Во время пребывания Тито в Москве ему было предъявлено обвинение в "троцкистских искажениях", допущенных при переводе им на сербохорватский язык IV главы "Краткого курса истории ВКП(б)". Это обвинение было снято лишь при рассмотрении его персонального дела Контрольной комиссией Коминтерна³.

Как свидетельствуют архивные документы, в Москве Тито принимал активное участие в расправах над своими товарищами по партии. Так, он написал записку на 50 страниц по поводу деятельности бывшего секретаря Сербского краевого комитета КПЮ П. Милетича, в которой называл последнего "закоренелым фракционером". Осенью 1939 года Милетич, отбывший многолетнее тюремное заключение в Югославии, приехал в Москву, где был арестован⁴.

На заседании секретариата ИККИ, рассматривавшем "вопрос КПЮ", Тито выступил с докладом, в котором говорилось: "Перед новым руководством стоит задача чистки партии от разных фракционеров и троцкистских элементов как за границей, так и в стране... Наша партия... охотно примет любое решение, которое вынесет Коминтерн". Однако вожди Коминтерна сочли такое заявление недостаточным для того, чтобы окончательно передать в руки Тито руководство Югославской компартией. 30 декабря Димитров заявил, что Тито не заслуживает "полного доверия ИККИ" и для завоевания такого доверия должен "показать на деле, что он добросовестно проводит указания ИККИ". В ответ Тито заверил Димитрова, что позаботится о том, чтобы КПЮ смыла "перед Коминтерном грязь со своего имени"⁵.

После этого секретариат ИККИ возложил на Тито полномочия по формированию нового ЦК. Перед отъездом из Москвы Тито высказал Димитрову мнение о том, что руководство КПЮ должно находиться в Югославии. "Какое руководство? - удивился Димитров. - Остался только ты, Вальтер (партийная кличка Тито - В. Р.). Хорошо, что хоть ты есть, а то пришлось бы КПЮ распускать"⁶.

¹ Гиренко Ю. С. Сталин-Тито. С. 78.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 63-65.

⁶ Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: события и люди. М., 1991. С. 362.

В марте 1939 года Тито вернулся в Югославию, где провёл заседание "временного руководства", на котором было принято решение об исключении из партии коммунистов, арестованных в Москве, а также некоторых членов КПЮ, находившихся в Югославии и Франции, - по обвинению в троцкизме. Расследование "деяний троцкистов" он возложил на Джиласа и Карделя¹.

Расправы над югославскими "троцкистами" продолжались и во время войны. Одной из их жертв стал ближайший соратник Горкича Ж. Павлович, исключённый в 1937 году из КПЮ и выпустивший в 1940 году книгу "Баланс советского термидора", в которой описывались репрессии над югославскими троцкистами и "горкичевцами". Эта книга, на которую власти королевской Югославии наложили запрет, смогла увидеть свет лишь в конце 80-х годов. В 1941 году Павлович оказался на территории партизанской "Ужицкой республики", где был арестован. Джилас вспоминал, что Тито сказал ему: Павлович - полицейский доносчик. Тот категорически это отрицал, даже несмотря на то, что его страшно били". Незадолго до падения "партизанской республики" Павлович был расстрелян².

Таким образом, единственная правящая коммунистическая партия, сбросившая в 40-х годах ярмо сталинского гегемонизма, возглавлялась лицами, запятнавшими себя активным участием в целой серии безжалостных чисток. Хотя после разрыва Тито со Сталиным советская печать называла югославских руководителей троцкистами, они не имели к троцкизму ни малейшего отношения, будучи в прошлом, напротив, закоренелыми сталинистами, истреблявшими троцкистов.

Тотальные репрессии постигли компартию *Польша*, к которой Сталин питал особое недоверие с 1923-1924 годов, когда её руководство выступило в поддержку левой оппозиции в РКП(б). Репрессии над польскими коммунистами начались в конце 20-х годов, когда партия раскололась на "правую" и "левую" фракции. Как отмечалось в "Бюллетене оппозиции", ещё в 1929 году "Коминтерн при помощи ГПУ "рассудил" спор между правой группировкой ЦК Польской компартии (Барский, Коштыца и др.) и левой (группа Ленского), отправив в ссылку большинство правых"³. С конца 20-х годов начались репрессии против активистов компартий Западной Белоруссии и Западной Украины, входивших тогда в состав Польши. В 1933 году прошли аресты "правых", объявленных агентами польского диктатора Пилсудского. В 1933-1934 годах были расстреляны несколько членов ЦК КПП и коммунистических депутатов польского Сейма, поэт Вандурский, возглавлявший польский театр в Киеве, и др.

После этих репрессий группа Ленского заявила об "уничтожении провокаторов" и "очищении атмосферы" в КПП. По приказу Сталина ЦК КПП проводил ультралевую авантюристическую политику, а затем столь же послушно переметнулся к прямо противоположной политике "народного фронта". В 1937 году очередь дошла и до этой группы. Были арестованы почти все польские

¹ Там же. С. 363.

² Там же. С. 355-356.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 30.

коммунисты, находившиеся в СССР. Руководители КПП, в том числе её генеральный секретарь Ленский и 70-летний Барский - один из основателей социал-демократической и коммунистической партии Польши, были расстреляны.

Эта кампания была завершена постановлением ИККИ о роспуске польской компартии. Ознакомившись с проектом постановления, Сталин заявил Димитрову: "С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовывать в печати, по-моему, не следует"¹.

В "Воззвании польских большевиков-ленинцев по поводу роспуска КПП и польского комсомола" говорилось: "Разгром КПП - это следующее звено в цепи сталинских преступлений, это дальнейший шаг в победоносном движении термидорианской контрреволюции, огнём и мечом уничтожающей старое революционное поколение - не только русское"².

Аресты и расстрелы *немецких* эмигрантов в СССР начались в 1934 году. В годы великой чистки были арестованы член ЦК КПГ Реммеле, бывший секретарь Тельмана Гирш, один из руководителей Ротфронта Купферштейн, писатели Отвальд и Гюнтер, ведущие журналисты германской коммунистической печати.

В январе 1937 года первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Крицкий сообщал Сталину, что в республике немцев Поволжья "разоблачена контрреволюционная троцкистская организация, в руководящем ядре которой были бывшие члены Компартии Германии"³. Главой этой организации был объявлен В. Леов-Гофман, бывший руководитель Союза красных фронтовиков - военизированной организации КПГ, созданной в 1925 году для защиты рабочих собраний и демонстраций.

Одним из репрессированных лидеров германской компартии был Гейнц Нейман, которому в 1936 году был поручен перевод стенографического отчёта о первом московском процессе. Как вспоминала его жена М. Бубер-Нейман, после завершения этой работы он сказал: "Я тебя заверяю, что если они предадут меня публичному процессу, то я найду силы для крика: "Долой Сталина!" Никто мне тогда не помешает". После недолгого молчания он добавил: "Что только могут сделать эти собаки с людьми?!"... После этого ночного признания он впервые заговорил о самоубийстве"⁴.

В начале 1937 года Нейманы получили от своего друга, находившегося в Испании, письмо, которое поначалу показалось им странным. В нём содержался текст шлягера, который якобы в то время пела вся Европа. В тексте было бессмысленное предложение: "Поэтому возьми горячий утюг и придави им бумагу". Поняв, в чём дело, Нейман "проявил" потайной текст и прочел: "Пусть вы всё потеряете, но вам нужно попытаться покинуть Советский Союз, пока не слишком поздно. Но никогда, ни в коем случае вам не следует приез-

¹ Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 52.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 32.

³ Исторический архив. 1993. № 3. С. 214.

⁴ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М., 1995. С. 238.

жать в Испанию, ибо там тоже свирепствует НКВД¹. Через два месяца после получения этого письма Нейман был арестован.

По-иному сложилась судьба другого видного деятеля КПГ Вилли Мюнценберга, ставшего известным во всём мире после организации им в Париже и Лондоне контрпроцесса о поджоге рейхстага. В октябре 1936 года Мюнценберг по вызову руководства Коминтерна прибыл в Москву. Рассказывая о своих московских встречах с ним, Бубер-Нейман писала: "Процесс против Зиновьева вселил в Мюнценберга сомнения, в то время как начало гражданской войны в Испании стало для него источником надежды". Вскоре после приезда Мюнценберга вызвали в ИККИ на допросы. "После первых допросов Мюнценберга охватило чувство, как будто он уже попал в руки НКВД. Достаточно было лишь нескольких дней пребывания в Москве, чтобы Мюнценберг и Бабетта (сестра Бубер-Нейман и ближайшая сотрудница Мюнценберга - В. Р.) почувствовали такой же панический страх, который держал в своих когтях многие тысячи людей в этой стране... Сразу же возле него образовался вакуум. Его избегали, как прокажённого. Его немногочисленные друзья прокрадывались к нему в гостиницу лишь под покровом ночи"².

Спасло Мюнценберга лишь то, что Сталин издал секретный указ об отправке советского оружия и специалистов в Испанию. Тольятти заявил, что Мюнценберг незаменим для выполнения этого задания, поскольку у него, как ни у какого другого функционера-коммуниста, имеются необходимые связи в Европе. После возвращения в Париж Мюнценберг порвал с Коминтерном и опубликовал серию антисталинских статей.

О масштабе репрессий над немецкими политэмигрантами свидетельствует докладная записка руководителя службы учёта, регистрации и проверки кадров представительства КПГ при ИККИ Исаака Дитриха, направленная руководству представительства. В ней указывалось, что на 28 апреля 1938 г. представительством зарегистрировано 842 арестованных немца. "Действительное количество арестованных, естественно, больше... В провинции, например, в Энгельсе, на свободе не осталось ни одного немца (эмигранта). В Ленинграде в начале 1937 г. группа немецких коммунистов состояла из 103 человек, а в феврале 1938 г. из них осталось только 12 товарищей... Можно сказать, что более 70 % членов КПГ арестованы. Если аресты будут продолжаться в том же объеме, как в марте 1938 г., то в течение 3-х месяцев не останется ни одного немца - члена партии".

Описывая атмосферу, царящую среди немецких эмигрантов, Дитрих замечал: "Настроение определённой части товарищей исключительно возбуждённое. Они потрясены и подавлены многочисленными арестами. Если они встречаются друг с другом, то спрашивают: "Ты ещё жив?"

"Некоторые жёны арестованных покончили жизнь самоубийством, - сообщал Дитрих. - Часть жён и детей арестованных в буквальном смысле слова голодают... После того, как часть товарищей была командирована в Испанию,

¹ Там же. С. 242-243.

² Там же. С. 251.

некоторые их жёны приходили и сообщали, что их навещали из НКВД, чтобы арестовать мужей¹.

На IX съезде СЕПГ (январь 1989 года) было сообщено, что в Советском Союзе погибли по меньшей мере 242 видных деятеля германской компартии².

Уже в начале 1937 года было арестовано большинство *австрийских* шуцбундовцев - членов социалистической военизированной организации "Шуцбунд", после поражения антифашистского восстания в 1934 году эмигрировавших в СССР и встреченных здесь как герои.

Из более чем трёх тысяч *болгарских* эмигрантов был репрессирован каждый третий. В сталинских тюрьмах и лагерях погибло 600 болгарских коммунистов, составлявших наиболее активные кадры БКП³.

После того, как волна репрессий пошла на убыль, Г. Димитров и лидер болгарской компартии В. Коларов предприняли известные усилия для вызволения своих товарищей по партии. В феврале 1941 года Димитров направил секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву список 132 арестованных болгарских эмигрантов, дела которых, по его мнению, следовало пересмотреть, поскольку "на основании имеющихся у нас данных об этих людях никак нельзя считать их способными на совершение антисоветских и антипартийных поступков". Димитров упоминал и о том, что множество дел, необоснованность которых давно и бесспорно установлена органами Прокуратуры, остаются не ликвидированными, и осуждённые по ним продолжают находиться в лагерях. Он просил Андреева способствовать "прекращению, по крайней мере, дел тех политемигрантов, которые являются на языке прокурорских работников явно "липовыми". Такой же характер, по словам Димитрова, носили дела многих арестованных немцев, австрийцев и т. д. "Вопрос идёт, - подчёркивалось в письме, - не только о реабилитации и спасении невинно страдающих людей, но и о возвращении к полезной работе и к боевой деятельности против наших классовых врагов в капиталистических странах преданных кадров братских коммунистических партий"⁴.

После войны Димитров обратился к Сталину с просьбой об освобождении 29 болгарских коммунистов "для крайне необходимой работы в интересах партии". Данный вопрос был передан на рассмотрение министра госбезопасности Абакумова, который в записке, направленной в Совет Министров СССР, указал: "В связи с применявшимися в ходе следствия методами физического воздействия к большинству из арестованных выпускать их за границу в настоящее время нецелесообразно"⁵.

Вместе с тем Димитров и Коларов ничего не сделали для спасения болгарских оппозиционеров (группа Искова), которые критиковали политику ЦК БКП.

¹ Исторический архив. 1992. № 1. С. 118-122.

² Аргументы и факты. 1989. № 36.

³ Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. М., 1994. С. 503.

⁴ Там же. С. 501-502.

⁵ ЛГ-Досье. 1994. № 8. С. 24.

В 1937 году были арестованы сопроцессники Димитрова по Лейпцигскому судилищу - Попов и Танев. Из них по просьбе Димитрова был освобождён только Танев. В характеристике на Попова Димитров написал, что "Попов в 1927 году, солидаризировавшись с известным троцкистом Искровым, настаивал на широкой и длительной дискуссии, не соглашаясь с методами борьбы против троцкистов"¹. Попов был направлен в лагерь, откуда после войны был переведён в ссылку. Он вышел на свободу только в 1953 году.

В 20-х - 30-х годах в Советском Союзе находилось 25-30 тысяч венгров, основную часть которых составляли политэмигранты. Большинство из них стали жертвами репрессий. Были уничтожены 10 из 16 членов первого ЦК Венгерской компартии, 11 из 20 народных комиссаров Венгерской Советской республики 1919 года².

С начала 1937 года опасность ареста нависла над бывшим председателем Совета народных комиссаров Венгрии Бела Куном. Как рассказывала его жена, на протяжении нескольких месяцев перед арестом Кун, возвращаясь с работы, "ни с кем не разговаривал, больше того, даже не читал... Сидел, уставившись в одну точку. Когда обращались к нему - не отвечал". Временами Кун пытался отбросить мысль о своём неминуемом аресте. За несколько дней до ареста он сказал своим родным: "Подумайте только, что говорят люди. Я встретил на улице Енэ Варгу и спросил его: "Как живёте?" "Пока ещё на свободе" - ответил он. Даже такой умный человек, как Варга, и то чушь несёт".

В июне 1937 года Сталин позвонил Куну и весело сказал: "Иностранные газеты пишут, будто вас арестовали в Москве. Примите, пожалуйста, французского журналиста, пусть он сам убедится в обратном"³. После этой встречи во французских газетах появилось опровержение сообщений об аресте Куна. А спустя несколько дней Кун был арестован. В 1938 году арестовали его жену Ирину и зятя, известного венгерского писателя Антала Гидаша, в 1941 году - дочь Агнессу.

В арестах венгерских и других политэмигрантов активная роль принадлежала будущему премьер-министру Венгрии Имре Надю. Хотя документы о его агентурной деятельности были запрятаны в тайниках НКВД, слухи о нём как провокаторе ходили ещё в 40-х годах. В мемуарах Хрущёва упоминается о том, что, хотя после войны Ракоши обвинял Надя в "правом уклоне", "Сталин Надя не арестовывал. Говорили, потому, что в СССР Надь помогал ему громить коминтерновские кадры"⁴.

Лишь в конце 80-х годов были обнародованы документы, свидетельствующие, что Надь, эмигрировавший в 1929 году в СССР, с 1933 года был секретным осведомителем НКВД. По его доносам были арестованы десятки венгерских, немецких и польских коммунистов. Даже в 1941 году Надь, как говори-

¹ Там же.

² Комсомольская правда. 1988. 14 ноября.

³ Огонёк. 1988. № 45. С. 27.

⁴ Вопросы истории. 1994. № 5, С. 74.

лось в представленной Маленкову справке НКВД, "разрабатывал группу анти-советски настроенных венгерских политэмигрантов"¹.

Тотальной расправе были подвергнуты находившиеся в СССР коммунисты *прибалтийских стран*. О масштабах опустошения, произведённых в этих партиях сталинскими репрессиями, свидетельствует письмо Димитрова Андрееву от 3 января 1939 года: "После ареста прежних руководителей компартий Литвы, Латвии и Эстонии в Москве как врагов народа честные коммунисты в этих странах остались дезориентированы и без связи с Коминтерном. Мы не имеем сейчас в Москве ни одного товарища из этих партий, на которого можно было бы вполне положиться, для установления связи или эвентуально для посылки в страну"².

На июньском пленуме ЦК 1957 года секретарь ЦК Компартии Литвы Снечкус сообщил, что наиболее активная часть литовских коммунистов, находившихся в 30-е годы в Советском Союзе, погибла. Уцелели лишь те, которые были на подпольной работе или в литовских тюрьмах. Один из руководителей Литовской компартии Алекса-Агнаретис был расстрелян в 1940 году, буквально за три недели до освобождения Литвы. Снечкус рассказал и о том, что после смерти в 1935 году одного из старейших литовских коммунистов Мицкявичюса-Капсукаса была создана комиссия по изучению его архива. "Несколько месяцев тому назад мы получили из ЦК КПСС архивные материалы этой комиссии. Каково было моё потрясение, когда увидел, что из этой комиссии остался я один в живых! И остался в живых потому, что был на подпольной работе в фашистской Литве"³.

Всего в Советском Союзе было уничтожено коммунистов из восточноевропейских стран больше, чем их погибло у себя на родине во время гитлеровской оккупации.

Многие зарубежные коммунисты, которых не коснулись сталинские репрессии, были вынуждены смириться с расправами над членами своих семей, не осмеливаясь даже обратиться с запросами об участи последних. В тюремном застенке погиб Роботти - зять Тольятти. Жена Куусинена 17 лет отбывала ссылку в Сибири, а его сын был арестован.

Один из руководителей Латвийской компартии Калнберзин в 1936 году был направлен из Москвы в Латвию для руководства партийным подпольем. В 1939 году он был схвачен латвийской полицией и приговорён к смертной казни, заменённой долговременным тюремным заключением. За время его отсутствия в Советском Союзе была арестована его жена, а трое детей были отправлены в детские дома. После советизации Латвии в 1940 году Калнберзин был избран первым секретарём КПЛ. Единственное, что удалось ему сделать по отношению к своей семье, - это забрать детей из детского дома. Спустя несколько лет Калнберзин сказал дочери: "Я ничего не спрашивал о твоей матери. Это было бессмысленно. Они тоже ничего мне не сказали"⁴.

¹ Источник. 1993, № 1. С. 71-73; Известия. 1990. 19 июня.

² Коммунист. 1991. № 7. С. 95.

³ Исторический архив. 1993. № 6. С. 71.

⁴ Знамя. 1988. № 7. С. 91.

В *Монголии*, бывшей в 30-е годы сателлитом СССР, массовые репрессии коснулись каждого десятого жителя республики. Расправами руководил маршал Чойбалсан, для инструктажа которого был послан заместитель наркома внутренних дел Фриновский. Из 11 членов Политбюро ЦК Монгольской народно-революционной партии были уничтожены 10 человек - все, за исключением Чойбалсана¹.

Чистка охватила все компартии, в том числе малочисленные, которые лишились наиболее опытных и образованных деятелей, способных в будущем возглавить массовое революционное движение в своих странах. Была полностью ликвидирована находившаяся в СССР секция корейских коммунистов. Были расстреляны лидеры компартии Ирана Султан-Заде и компартии Мексики Гомес. В числе репрессированных индийских коммунистов оказались профессор Мукарджи, член Индийской революционной партии с 1905 года, историк с европейским образованием, автор многих книг, и Чаттопадхьяя, о котором ещё в 1920 году резидент английской разведки писал своему начальству: "Чатто надеется сделать всех индийцев большевиками и надеется приступить к этому вместе с Рабиндранатом Тагором,.. последние высказывания которого укрепляют надежды Чатто"².

В годы великой чистки выжили по преимуществу те лидеры компартий, которые приложили руку к уничтожению своих товарищей по партии. К ним относился, например, Носака, на протяжении многих лет возглавлявший японскую компартию. В 1992 году группа экспертов КПЯ была направлена в Москву, где обнаружила письма Носаки на имя Димитрова, на основании которых были арестованы и расстреляны многие японские коммунисты. Только после этого 100-летний Носака был лишён поста почётного председателя КПЯ³.

В застенках НКВД у арестованных вымогались порочащие показания почти на всех руководителей Коминтерна и "братских партий". В архивах обнаружены такие показания на Тольятти, Поллита, Дюкло, Мао Цзедуну, Чжу Дэ, Пика, Ульбрихта, Готвальда, Шмерала, Запотоцкого. Одни из них избежали расправы потому, что находились вне зоны досягаемости НКВД (например, китайские руководители), другие - потому, что им благоволил лично Сталин. Выжили и сохранили свои посты также те, кто проявил особое усердие в уничтожении революционеров в Испании. К ним относились В. Ульбрихт, который руководил расправами над немецкими, швейцарскими и австрийскими троцкистами, и А. Марти, получивший прозвище "палач Альбасете" (испанский город, где находилась штаб-квартира эмиссаров Коминтерна).

Руководители компартий буржуазно-демократических стран, которым не пришлось принимать участия в расправах над членами своих партий (последние были ограждены от репрессий общественным мнением своих стран), выполняли постыдную миссию по обоснованию правомерности великой чистки. Л. Треппер рассказывал о массовом митинге в Париже, где Марсель Кашен и

¹ Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 409.

² Архивы раскрывают тайны... С. 369.

³ Правда. 1992 17 октября.

Поль Вайян-Кутюрье, присутствовавшие на первом московском процессе, говорили о прозорливости Сталина, "разоблачившего и обезвредившего террористическую группу".

- Мы собственными ушами слышали, как Зиновьев и Каменев признавались в совершении тягчайших преступлений, - восклицал Вайян-Кутюрье. - Как вы думаете, стали бы эти люди признаваться, будь они невиновными?

Треппер резонно замечал, что даже если руководители зарубежных компартий искренне верили в справедливость процессов над советскими коммунистами, то они не могли не понимать лживости обвинений, обрушившихся на деятелей Коминтерна, с которыми они работали рука об руку на протяжении многих лет. "После XX съезда КПСС они разыграли полнейшее недоумение. Их послушать, так выходит, будто доклад Хрущёва был для них форменным откровением. А в действительности они были сознательными соучастниками ликвидации верных коммунистов, даже когда речь шла об их же товарищах по партии"¹.

В 1961 году лидеры "братских компартий", долгие годы убеждавшие свои партии в достоверности московских процессов, вмешались во внутренние дела КПСС, отговорив Хрущёва от оглашения на XXII съезде материалов об этих процессах. Обеспокоенные последствиями, которые могло бы вызвать разоблачение судебных подлогов для их авторитета в своих партиях, они всячески препятствовали разоблачению сталинских преступлений.

Лишь немногие зарубежные коммунисты решились в 1937-1938 годах повзвать с Коминтерном и присоединиться к IV Интернационалу. К ним относилась, например, группа членов Палестинской компартии, направившая в ноябре 1938 года письмо в редакцию "Бюллетеня оппозиции", в котором говорилось: "Мы не писатели, не привычные журналисты, а простые рабочие, благодаря сравнительно многолетней политической активности вооружённые некоторым опытом и использовавшие годы тюрьмы и безработицы для усиленного изучения марксизма"². В "Бюллетене оппозиции" было опубликовано заявление этой группы, в котором подчёркивалось: "Можно ли себе представить сознательного человека, верящего в силу и значение социализма, способного в то же время поверить во всю ту выставку... фантастической, безумной измены, которая преподносится нам сталинскими процессами? Неужели именно в стране величайшей революции столь велика моральная сила фашизма и столь ничтожно влияние социализма, что все признанные вожди и подлинники революционеры, и вместе с ними и широкие массы, сотни тысяч коммунистов, оказались предателями коммунизма и продают себя фашизму... Если бы всё это было правдой, если бы поверили в это - социализм был бы навеки опозорен, и ему был бы нанесён смертельный удар как идее и движению".

Авторы письма заявляли: "В наши лучшие сознательные годы мы шли за Сталиным. Не потому, что действительно считали его нашим "отцом". В нашем самообмане мы верили, что преданность Сталину - это то же, что преданность делу Советского Союза и мировой революции. Мы надеялись, что

¹ Треппер Л. Большая игра. С. 56, 58.

² Архив Троцкого. № 14714.

эти (сталинские) методы случайны и преходящи. Но Сталин эксплуатирует нашу преданность для продолжения своих тёмных дел без конца и предела... Непрерывная война, которую Сталин ведёт против партийных, хозяйственных и военных кадров, ликвидирует завоевания революции и разрушает основы советского государства... Если бы буржуазной реакции удалось поставить провокатора во главе рабочего движения и социалистического строительства, она не смогла бы причинить больше вреда, чем Сталин своими злодеяниями"¹

Уничтожение тысяч зарубежных коммунистов, равно как политическое и нравственное перерождение многих из тех, кто остался на свободе, явилось главной причиной того, что в большинстве стран, ставших после второй мировой войны "социалистическими", не оказалось сил, способных противостоять насаждению режимов, скроенных по образу и подобию того режима, который существовал в СССР. В конце 40-х - начале 50-х годов многие из бывших лидеров Коминтерна (Готвальд, Ракоши и др.) инспирировали в своих странах чистки и процессы по типу тех, которые ранее происходили в Советском Союзе. Даже те политические деятели "стран народной демократии", которые отваживались на сопротивление советскому гегемонизму, были глубоко поражены вирусом сталинизма и запятнаны активным участием в чистках 30-х годов.

Характерно, что в большинстве восточноевропейских стран реабилитация жертв политических репрессий шла более половинчато и непоследовательно, чем даже в СССР. Только на самом исходе своего пребывания у власти руководство компартий этих стран решилось обнародовать данные о численности членов своих партий, репрессированных в Советском Союзе.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 31-32.

1. Игнатий Райсс

Несмотря на массовые репрессии, уносившие из жизни всё новые когорты советских и зарубежных коммунистов, за пределами Советского Союза продолжало действовать широкое антисталинистское движение. На гребне великой чистки в него влилось несколько "невозвращенцев", т. е. советских граждан, находившихся за рубежом и отказавшихся вернуться в СССР по политическим мотивам.

Первым невозвращенцем-большевиком стал Игнатий Райсс, один из наиболее крупных советских разведчиков. Будучи последовательным революционером-интернационалистом, Райсс принимал с начала 20-х годов активное участие в коммунистическом движении ряда европейских стран, где не раз подвергался арестам и тюремному заключению. Во время революционного кризиса 1923 года в Германии он находился там вместе с Радеком, Пятаковым и Ларисой Рейснер.

В дальнейшем Райсс работал в четвертом управлении генштаба РККА - главном органе советской военной разведки - рука об руку с такими людьми, как Зорге, Маневич, Радо, чьи имена после второй мировой войны стали легендарными.

Наблюдая перерождение ВКП(б) и Коминтерна, Райсс по-прежнему видел моральное оправдание своей работы в защите СССР. "За эту цель он цепляется, - писала в воспоминаниях о Райссе его жена Э. Порецкая. - Но он всё больше уходит в себя и бесконечно страдает от того, что происходит в Советском Союзе. Исключение Троцкого из партии для него тяжёлый удар. Когда же Троцкого выслали из пределов Советского Союза, Людвиг (конспиративная кличка Райсса - В. Р.) сказал: "Теперь за Сталиным, по крайней мере, останется та заслуга, что он спас голову революции"¹.

После пребывания в Москве в 1930-1932 годах Райсс возвратился на разведывательную работу за рубежом. "Его умение обращаться с людьми, его культурность, его прямота и в годы разочарования помогают вербовать для Советского Союза интеллигентов, профессоров и журналистов"².

С 1935 года Райсс вместе со своим давним товарищем по работе в разведке Кривицким пришёл к выводу об утрате Коминтерном революционной ориентации, в которой они видели смысл своей деятельности. Между собой они всё чаще говорили: "Сталинисты нуждаются в нас, но они нам не доверяют. Мы - интернациональные коммунисты. Наше время кончилось. Нас заменят такими людьми... для которых революционное движение ничего не значит"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 23.

² Там же.

³ Poretsky E. K. Our own people. Ann Arbor, 1970. P. 219.

После второго процесса Зиновьева-Каменева Райсс и Кривицкий стали обсуждать вопрос о необходимости своего разрыва со Сталиным. Главным, что удерживало их от этого поступка, была мысль, что, оставаясь на своих постах, они смогут помочь испанской революции, победа которой будет способствовать разрушению господства Сталина над СССР и Коминтерном.

В случае разрыва со Сталиным Райсс и Кривицкий считали единственно возможным для себя шагом присоединение к движению IV Интернационала. Но они опасались того, что Троцкий отнесётся с недоверием к ним, неизвестным ему людям.

Тем временем Райсс всё чаще получал из Москвы такие директивы, которые разительно противоречили его убеждениям. В письме начальника иностранного отдела НКВД Слуцкого, присланном в конце 1936 года, указывалось: "Всё наше внимание должно быть сконцентрировано на Каталонии (испанская провинция, в которой преобладающим влиянием пользовалась независимая марксистская партия ПОУМ - В. Р.) и на беспощадной борьбе против троцкистских бандитов". В этой связи Райссу предписывалось выехать в Москву для "личных консультаций"¹.

Райсс принял решение саботировать это задание и не возвращаться в СССР. Вместо него в Москву отправилась Порецкая, которая за два месяца своего пребывания там убедилась, что в среде её товарищей - разведчиков и политэмигрантов - царят растерянность, ужас и ожидание неминуемого ареста. Один из близких друзей Райсса сказал ей: "Если вам удастся выбраться отсюда, передайте Людвигу, чтобы он никогда не возвращался сюда... Никогда, ни при каких обстоятельствах, никогда, никогда, никогда. Я знаю, что они (сталинисты - В. Р.) могут убить его за границей, и Людвиг тоже это знает, но и он и я знаем, что для нас это лучше, чем советская тюрьма"².

Коренным образом изменилась атмосфера и в среде, окружавшей Райсса за рубежом. Как он рассказывал в своих записках, после первых московских процессов "ответственным работникам ГПУ за границей целыми ночами напролет приходилось "агитировать" своих подчинённых иностранцев - такую деморализацию внесли процессы даже и в эту среду"³. В кругах советской агентуры оставалось всё меньше тех, с кем можно было говорить откровенно. "Их не узнать, наших вчерашних друзей, - вспоминала Порецкая. - Те, которые ещё недавно были в отчаянии и соглашались с нами, теперь всё оправдывают... Они в восторге от того, что удастся натравить какое-нибудь правительство на Троцкого или же перерезать провода, чтобы лишить его возможности произвести речь (такой случай произошёл во время попытки организовать прямую трансляцию обращения Троцкого к массовому митингу в Нью-Йорке - В. Р.)"⁴.

Приняв окончательное решение о разрыве со Сталиным, Райсс стремился установить связь с Седовым. Не будучи с ним лично знакомым, он обратился к депутату голландского парламента Сневлигу, возглавлявшему группу, близ-

¹ Ibid. P. 211.

² Ibid. P. 174.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 21.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 23.

кую по своим политическим взглядам к Троцкому. Сневлит сообщил Седову о поступке Райсса, но не соглашался устроить их встречу в Париже, поскольку считал, что в окружении Седова находится провокатор. Райсс и его семья поселились в маленькой швейцарской деревне. Вспоминая о немногих днях пребывания там, Порецкая писала: "Мы свободны, но это разрыв со всем, что дорого: с молодостью, с прошлым, с товарищами. За короткое время Людвиг очень постарел, волосы его побелели... Душа его находится в подвалах Лубянки. Если ему и удаётся уснуть, он видит во сне казни или самоубийства"¹.

Из Швейцарии Райсс послал письма некоторым своим товарищам, призывая их последовать его примеру. На этот призыв откликнулась давняя сотрудница Райсса Гертруда Шильдбах, только что вернувшаяся из Москвы и рассказавшая о потрясении, испытанном ею во время процесса Зиновьева-Каменева.

Однако сталинская агентура сумела превратить Шильдбах в наводчицу, указавшую путь убийцам. В этих целях Шпигельглас свёл её с будущим убийцей Райсса Аббиатом, который инсценировал влюблённость в немолодую и некрасивую женщину, болезненно ощущавшую неустроенность своей личной жизни.

Активное участие в организации убийства Райсса принимала группа белоэмигрантов во главе с С. Я. Эфроном, одним из руководителей "Союза возвращения на родину" - просоветской организации, находившейся на содержании НКВД. Когда причастность этой группы к убийству Райсса была доказана, Седов сообщил Троцкому сведения об Эфроне, почерпнутые из бесед с близкими к последнему эмигрантами: "Эфрон официально везде заявлял, что он сталинец, марксист сталинской школы... О себе он в минуту откровенности сказал В. А. (информатору Седова - В. Р.): "Есть два Эфрона. Один - тот кристально чистый, честный человек, которого все знают, а другой - иезуит, чёрствый человек и т. д.". Женат он на Марине Цветаевой. У них двое детей: дочь 20 лет, которая живёт в России, уехала туда два года тому назад и пишет восторженные письма... Марина Цветаева правых убеждений, но взбалмошная и меняет свои убеждения очень часто. Она даже будто бы написала недавно какую-то поэму, где восторженно отзывалась о Николае, и Эфрон упрямил её не печатать, так как это очень может ему повредить. Жили они в очень большой нищете, и только два года назад положение их несколько улучшилось, с тех пор, как Эфрон стал получать жалованье в Союзе возвращенцев. Знающие его люди говорят, что он работал на ГПУ по идейным соображениям, а не за деньги"².

Впоследствии, на допросах в НКВД, Эфрон назвал 24 имени завербованных им лиц, включая такую опытную и коварную разведчицу, как Вера Сувчинская (Трайл), дочь известного белоэмигранта Гучкова³. В 1936-1937 годах она, выйдя замуж за английского коммуниста Р. Трайла, провела более года в Москве, где встречалась несколько раз с Ежовым.

¹ Там же.

² Архив Троцкого. № 17228.

³ Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. М., 1995. С. 147.

Наиболее близкими к Эфрону людьми были супруги Клепилины. По заданию советских спецслужб Н. Клепилина в феврале 1936 года отправилась в Норвегию, чтобы подтвердить сведения о нахождении там Троцкого. Ей удалось даже побеседовать с Троцким в течение короткого времени¹.

Переброшенный после убийства Райсса в СССР, Эфрон был в 1939 году арестован. На допросах он назвал нескольких участников убийства Райсса, в том числе эмигрантку Ренату Штейнер, стремившуюся вернуться в СССР. Люди из команды Эфрона дали обещание раздобыть для неё репатриационную визу в случае, если она "окажет услуги Советскому Союзу"². Не подозревая, что дело идёт об убийстве, Штейнер вела слежку за Райссом в Швейцарии, а затем взяла напрокат машину, которой воспользовались убийцы.

Решение об убийстве было принято после того, как не достигла цели провокация, организованная сталинской агентурой: рассылка полициям различных стран анонимных писем, в которых чехословацкий бизнесмен Ганс Эберхард (под таким именем Райсс работал за рубежом) объявлялся международным авантюристом и вооружённым бандитом³.

В группу, охотившуюся за Райссом, входили также Шарль Мартиньи, Дюкоме, Кондрагев, Смиренский, Штранге и др. Французская и швейцарская полиция сумела арестовать только трёх соучастников убийства. Непосредственные убийцы успели ускользнуть. Следственными материалами по делу об убийстве Райсса было установлено, что одним из них был Роланд Аббиат (он же Франсуа Росси и Виктор Правдин) - француз русского происхождения, до 1923 года живший в Петрограде. Сестра Аббиата сразу же после убийства Райсса уехала из Парижа в Москву⁴. Сам Аббиат получил солидный пост в управлении советской разведкой, работал во время войны корреспондентом ТАСС в Нью-Йорке и умер в СССР в 1970 году.

В конце сентября мать Аббиата получила по почте перевод на 10 тысяч франков, посланный якобы по поручению её сына известной французской модисткой. Мадам Аббиат, не имевшая никаких известий от сына, отправилась к модистке с намерением вернуть деньги, но с изумлением узнала, что та их не посылала. Тогда она обратилась в полицию, которая вскоре арестовала одну из клиенток модистки Веру Трайл, чей почерк на бланке перевода был идентифицирован. Трайл призналась, что воспользовалась именем модистки для отправки денег матери Аббиата, якобы по поручению знакомого "возвращенца", к тому времени находившегося в Испании⁵.

Штранге, считавшийся "координатором" убийства Райсса, вернулся в СССР и благополучно прожил здесь до своей кончины в 1967 году⁶.

¹ Там же. С. 54.

² Poretsky E. K. Our own people. P. 237-238.

³ Ibid. P. 236.

⁴ Архив Троцкого. № 868.

⁵ Последние новости. 1938. 19 ноября.

⁶ Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. С. 143.

Эфрон вместе с группой своих сотрудников был тайно привезён в Москву в 1937 году. До своего приезда в СССР в 1939 году Цветаева поддерживала с ним связь через резидентуру НКВД, которая выплачивала ей зарплату мужа.

Убийство Райсса произошло накануне того дня, когда он должен был встретиться во французском городе Реймсе со Сневлитом и Седовым. Перед этой поездкой он назначил встречу с Шильдбах - в ресторане, расположенном близ швейцарского города Лозанна. При выходе из ресторана к ним подъехала машина, из которой выскочило несколько головорезов, изрешетивших тело Райсса пулями.

Выполнив порученное ей задание, Шильдбах не исполнила, однако, другого приказа заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельглаза, курировавшего "операцию": передать Эльзе Райсс коробку с отравленными шоколадными конфетами. Благодаря этому жена и ребёнок Райсса оказались спасены.

Сразу после убийства была предпринята ещё одна провокация - для того, чтобы направить полицию по ложному следу. В посланном швейцарским властям подмётном письме Райсс был объявлен агентом гестапо, порвавшим с нацистами, которые в отместку за это убили его. Однако обнаруженная полицией брошенная машина со следами крови вывела следствие на Ренату Штейнер, которая назвала имена подлинных убийц. После пятимесячного расследования швейцарские власти опубликовали официальное заявление о том, что убийство было совершено агентами НКВД.

Вскоре советский разведчик Брусс, подчинявшийся Кривицкому, получил задание проникнуть в дом Сневлита и похитить хранившиеся там записки Райсса, не останавливаясь даже перед убийством¹. Кривицкий, которому Брусс в отчаянии сообщил об этом задании, указал, каким способом следует его саботировать. В скором времени записки Райсса, разоблачавшие сталинские преступления, появились на страницах "Бюллетеня оппозиции".

Убийство Райсса показало всему миру: сталинисты, обвинявшие в СССР неповинных людей в террористических убийствах и отравлениях, прибегают за пределами Советского Союза к самым зверским формам этих преступлений.

В статье, опубликованной к годовщине гибели Райсса, Троцкий подчёркивал, что разрыв со сталинской кликой не означал для "Людвига" ухода в частную жизнь, как это произошло с некоторыми другими невозвращенцами. Собиравшийся продолжить революционную деятельность в рядах IV Интернационала, Райсс "погиб в самом начале новой главы своей жизни. Его гибель все мы ощущаем, как один из самых тяжёлых ударов, - а их было не мало. Было бы, однако, недопустимой ошибкой считать, что принесённая им жертва оказалась бесплодной. Мужественным характером своего поворота - от Термидора к революции - Райсс внёс в сокровищницу пролетарской борьбы гораздо больший вклад, чем все "разочарованные" (в коммунизме - В. Р.) разоблачители Сталина, вместе взятые"².

¹ Poretzky E. K. Our own people. P. 253; Коллекция Николаевского. Ящик 628, Папка 10.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 24.

2. Вальтер Кривицкий

Вслед за Райссом о своём разрыве со Сталиным объявил В. Кривицкий, один из руководителей советской резидентуры в Европе. В 1931 году он был награждён орденом Красного Знамени в числе пяти работников советской военной разведки.

Последний приезд Кривицкого в Москву произошёл весной 1937 года. Вернувшись в Европу, он рассказал Райссу и его жене о своих встречах с Ежовым. Как вспоминала Поретская, Кривицкий "был убеждён в ненормальности Ежова. В середине важного и конфиденциального разговора Ежов мог внезапно разразиться нелепым смехом и рассказывать самым непристойным языком истории из своей жизни"¹.

После гибели Райсса Кривицкий перешёл на нелегальное положение и больше месяца находился на юге Франции. 9 ноября 1937 года он приехал в Париж и вступил в контакт с Седовым, обратившимся в свою очередь за помощью к меньшевику Дану, на квартире которого Кривицкий скрывался от агентов НКВД.

Передавая Троцкому содержание своих бесед с Кривицким, Седов писал, что, напутствуя Кривицкого перед отправкой за границу, Ежов сказал Слуцкому: "Ты его научи ненавидеть нашего врага Троцкого". Кривицкий сообщил Седову факты, свидетельствующие о закулисных переговорах сталинских эмиссаров с высшими чинами третьего рейха и стремлении Сталина "всё сделать, чтобы добиться соглашения с Гитлером"².

В заявлении, направленном в европейскую левую печать, Кривицкий писал, что на протяжении ряда лет он с возрастающей тревогой следил за действиями советского правительства, но подчинял свои сомнения мысли о необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма. Однако под влиянием последних событий он убедился в том, что политика сталинского руководства всё более расходится с интересами СССР и мирового рабочего движения. В Советском Союзе кровавой расправе подвергнуты не только наиболее выдающиеся деятели старой партийной гвардии, но и "всё лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений - те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строили советскую власть"³.

В интервью, данном Седову, Кривицкий подтвердил, что целиком сохранил преданность "Октябрьской революции, которая была и остаётся исходным пунктом моего политического развития". Своё стремление вступить в контакт с троцкистами он объяснил тем, что "Троцкий в моём сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией"⁴.

Кривицкий подчёркивал: он сделал свой рискованный шаг, обладая многочисленными доказательствами того, что "голова моя оценена... что Ежов и его

¹ Poretsky E. K. Our own people. P. 219.

² Архив Троцкого. № 17106.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

помощники не остановятся ни перед чем, чтобы убить меня и тем заставить замолчать; что десятки на всё готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам"¹. Подтверждением этого явились полученные французской полицией сведения о том, что на Кривицкого готовится покушение в Марселе, откуда он собирался выехать в США. Эта акция сорвалась, поскольку до гавани Кривицкого сопровождал полицейский инспектор².

В Соединенных Штатах Кривицкий опубликовал серию статей, составивших затем книгу "Я был агентом Сталина". Американская журналистка Ф. Льюис, занимавшаяся изучением деятельности Кривицкого, писала, что во время работы над этими статьями Кривицкий разрывался "между желанием разоблачить сталинские интриги и заговоры и стремлением защитить старых товарищей, старые идеалы, старые привязанности... Ведь он хотел вынести приговор не социализму, а сталинизму"³.

В предисловии к своей книге Кривицкий писал: "Не задумываясь над тем, существует ли какое-либо иное решение мировых проблем (кроме коммунистического - В. Р.), я пришёл к сознанию того, что продолжаю работать на деспота тоталитарного режима, который отличается от Гитлера только социалистической фразеологией, доставшейся ему от его марксистского прошлого, о приверженности которому он так лицемерно заявлял... Из опыта последних трагических лет следует извлечь урок, что наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путём стратегического отступления на позиции полуправды и фальши"⁴.

В США Кривицкий выступил перед комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Очередное слушание было назначено на 10 февраля 1941 года. Утром этого дня Кривицкий был найден в отеле мёртвым, с простреленной головой. Американская полиция склонялась к версии о самоубийстве. Н. И. Седова считала, что Кривицкий стал жертвой политического убийства. Подтверждением этой версии служит свидетельство адвоката Кривицкого, которому последний много раз говорил: "Если когданибудь меня найдут мёртвым, и это будет выглядеть, как несчастный случай или самоубийство, не верьте! За мной охотятся..."⁵.

¹ Там же. С. 8-9.

² Коллекция Николаевского. Ящик 628, Папка 10.

³ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 322.

⁴ Там же. С. 69, 71.

⁵ Там же. С. 316.

3. Александр Бармин

Почти одновременно с Кривицким объявил о своём разрыве со Сталиным поверенный в делах СССР в Греции А. Бармин.

Бармин провёл в начале 1937 года несколько месяцев в Москве, где многое узнал о механизме фабрикации открытых процессов. Особенно сильное впечатление произвела на него встреча с другом, работавшим в "Правде", который рассказал ему об осечке, допущенной сталинской юстицией и пропагандой. На процессе Зиновьева-Каменева подсудимые отрицали, что имели политическую программу, отличавшуюся от сталинской. Вслед за ними и прокурор, и суд, и пресса утверждали, что у подсудимых не было политических разногласий со Сталиным. "Но если они... боролись только за власть, - говорил журналист, - то это означает, что и сам Сталин не имел с ними политических разногласий и... был готов послать друзей Ленина на смерть просто ради того, чтобы укрепить свой личный статус... Узнав из телеграмм и газет об этом маневре подсудимых, Сталин пришёл в ярость. Он обрушил свой гнев на суд, на ГПУ, на Ягоду, на нас - журналистов, потому что мы попали в эту ловушку"¹.

После возвращения в Грецию Бармин узнал о расправе с Тухачевским и другими военачальниками, с которыми он был лично близок. Потрясённый этим, он поделился с некоторыми своими товарищами из посольства своей тревогой за судьбу СССР после обезглавления Красной Армии. В этих разговорах он осуждал обливание казнённых потоками грязи и клеветы, заполнившей всю советскую печать. Вскоре по некоторым признакам он почувствовал, что в Москве стало известно содержание его бесед, и из этого сделаны соответствующие выводы. Он перестал получать вести от своих друзей из Наркоминдела, ранее приславших ему дружеские письма с каждой диппочтой.

Работники посольства всё более остерегались вступать с Барминым в откровенное общение. Ему не раз приходилось наблюдать, как некоторые его подчинённые вскрывают его письменный стол или заглядывают в его портфель. Некоторые факты свидетельствовали о подготовке его похищения и насильственной отправки в Советский Союз. Бармин телеграфировал в Наркоминдел, что берёт отпуск, и немедленно выехал во Францию. И телеграмма и отъезд явились полной неожиданностью для Москвы.

Рассказывая о своих настроениях и переживаниях того времени, Бармин писал: "Противоречивые чувства охватывали меня... Казалось, что, несмотря на эти преступления предавших революцию ренегатов, за ними всё же стоит ещё не разрушенное, хотя и сильно изуродованное и обезображенное здание социализма... Наряду с апатией была готовность разрушить это напряжённое положение и моральное одиночество - поехать на родину, выслушать обвинения... и принять причитающееся за свою "вину" (т. е. возмущение сталинскими чистками - В. Р.) наказание... Это казалось всё же яснее и проще, чем мучительный разрыв, катастрофа и крушение смысла всей твоей сознательной жизни. Но события развивались и нарастали с чудовищной быстротой, беспощадно вытесняя эти размышления".

¹ Barmine A. One who survived. N-Y, 1945. P. 295.

По мере нарастания масштабов кровавой бойни, то, что вначале казалось непонятной жестокостью и безумием, обрело свой социальный и политический смысл. Становилось всё более ясным, что происходит сознательное истребление тысяч людей, принадлежавших к революционному поколению. "Реакционная диктатура, совершая контрреволюционный переворот в политике страны, уничтожила весь тот слой, который не мог служить новым целям. Обманываться больше было нельзя... Отпали сами собой мысли о покорной сдаче себя на бойню, ибо терялся всякий внутренний смысл этого шага, который стал бы лишь моральным оправданием ренегатов и палачей... Убийцы Райсса просчитались. Смерть его не остановит и не запугает. Она лишь подтолкнула"¹.

После приезда в Париж Бармин сразу же связался с редакцией "Бюллетеня оппозиции". В одном из писем Троцкому Л. Эстрин писала: "Бармин знает очень много о целом ряде лиц, упомянутых в процессах. Он был лично близко связан с Гольцманом, Роммом, Пушиным, был вместе с Рыжим (Пятаковым - В. Р.) в Берлине и т. д."².

Бармин направил заявление в парижскую комиссию по расследованию московских процессов, в котором сообщал о своём разрыве со сталинским режимом. Отмечая, что больше, чем когда-либо, он остаётся верным идеалам, служению которым посвятил свою жизнь, Бармин подчёркивал, что "дальнейшее пребывание на службе у сталинского правительства означало бы для меня худшую деморализацию, сделало бы меня соучастником тех преступлений, которые каждый день совершаются над моим народом... Да поможет мой голос общественному мнению понять, что этот режим отрёкся от социализма и всякой гуманности"³.

Приступая к работе над воспоминаниями, в которой ему оказывал помощь Седов, Бармин просил передать Троцкому, что хочет узнать его мнение о своих статьях, прежде чем приступит к работе над задуманной им книгой⁴. В гарвардском архиве хранятся несколько десятков страниц воспоминаний Бармина, посланных им Троцкому.

"Когда я перехожу к воспоминаниям, - писал Бармин, - я не могу без чувства тяжёлой боли оглянуться ни на один период прошлого, не могу без содрогания вызвать в моей памяти какой-либо месяц или день моей жизни... Люди, которых я уважал и любил, с которыми я работал многие годы, вызывают в мозгу образы их, убитыми и расстрелянными, лежащими на бетонном полу безжизненными и окровавленными телами"⁵.

В воспоминаниях Бармина содержится ряд глубоких обобщений, касающихся объяснения политического смысла сталинской чистки. Он подчёркивал, что при смене правительств и режимов, когда не меняется социальный строй страны, основные кадры армии и дипломатии обычно остаются на своих по-

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 11.

² Архив Троцкого. № 860.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 8.

⁴ Архив Троцкого. № 860.

⁵ Архив Троцкого. № 15865. С. 25.

стах. Так произошло, например, после прихода к власти фашистов в Германии и Италии. Когда же меняется социальная база режима, как это произошло в русской революции 1917 года и в начальный период испанской революции 1936 года, это сопровождается полной сменой военного и дипломатического корпуса. Истребление цвета советских военных и дипломатических кадров выступает выражением коренных сдвигов в социальной структуре общества и власти. "Сохранение людей, связанных своей идеологией и традициями с революционным прошлым, с рабочим движением и большевистской партией, выражавших - хотя бы в слабой степени - интересы рабочего класса, невозможно для режима контрреволюции, меняющего свою социальную базу... Новому режиму нужны новые слуги без "подозрительного" прошлого, без интернациональных традиций, без всяких принципов, всякого представления о революционном марксизме, люди, всем обязанные только "гениальному вождю"¹.

Бармин называл плодом невежества и литературных фантазий "все европейские разговоры об особой психологии русского народа, о его каком-то специфическом тяготении к режиму диктатуры. Фашизация отдельных стран Европы показывает, что в этом нет ничего специфически русского"².

Узнав, что Бармин работает рабочим на парижском заводе, а по вечерам пишет книгу, Троцкий писал 15 мая 1938 года Л. Эстрин: "Передайте, пожалуйста, товарищу Бармину, что я был бы очень рад вступить с ним в прямую переписку"³. Однако к тому времени Зборовским (См. гл. XLVI) было сделано уже немало для того, чтобы оттолкнуть Бармина от редакции "Бюллетеня" и от Троцкого. В письме Эстрин Троцкому от 28 июня 1938 года говорилось, что Бармин "политически всё дальше отходит от нас". Далее передавались следующие свидетельства о взглядах Бармина: "Б. говорит, что очень разочарован, что надо всё пересмотреть (т. е. большевизм и ленинские методы). Цитируем его слова: "Если бы надо было начинать сначала (т. е. Октябрь), то я бы задумался, принимая во внимание то, к чему он привёл"⁴.

По-видимому, эти слова не были выдумкой Зборовского. Получая всё новые страшные известия из СССР и лишённый непосредственного общения с Троцким, Бармин всё более эволюционировал вправо. Вскоре он переехал в Америку, где в 1945 году опубликовал книгу "Один, который выжил". В ней, наряду с объективным изложением событий советской истории, встречаются пассажи, свидетельствующие о переходе Бармина на позиции буржуазной демократии, рассуждения о превосходстве частного предпринимательства над плановой экономикой и т. п. В дальнейшем Бармин перешёл на работу в американских спецслужбах.

¹ Там же. С. 41-42.

² Там же. С. 54.

³ Там же. № 873.

⁴ Коллекция Николаевского. Ящик 92, Папка 3.

Невозвращенцы 1938 года

1. Александр Орлов

В июле 1938 года невозвращенцем стал один из руководителей советской разведывательной службы за рубежом Александр Орлов, направленный в Испанию для руководства там операциями НКВД.

Следя за ходом великой чистки, Орлов не сомневался, что очередь должна прийти и до него. Как первый сигнал нависшей над ним опасности он воспринял телеграмму "Центра" о намерении выслать 12 человек для его охраны, под предлогом того, что, согласно перехваченным документам, генеральный штаб франкистов готовит его похищение. Как сообщил Орлов в 1955 году сенатской подкомиссии США по национальной безопасности, он решил, что этим людям будет поручена его ликвидация. Поэтому он поручил своему помощнику Эйтингону, действовавшему в Испании под фамилией "Котов", отобрать для своей охраны десять немецких членов Интернациональной бригады. По словам Орлова, любого, кто приказал бы его ликвидировать, эти люди приняли бы за предателя, потому что они "не верили никому, кроме Сталина"¹.

10 июля 1938 года Орлов получил телеграмму "Центра" с предписанием прибыть в Антверпен и подняться там на советский пароход, якобы для встречи с эмиссаром НКВД, прибывшим из Москвы. Поняв, что ему готовится ловушка, он немедленно забрал с собой жену и дочь, которые находились во Франции, и вместе с ними вылетел в Канаду, где получил по своему дипломатическому паспорту в американском посольстве въездную визу в США. Там он обратился за помощью к адвокату Джону Финнерти, который выступал в 1937 году юридическим советником комиссии Дьюи. Узнав, что Орлов из-за боязни преследований хочет держать своё пребывание в Соединенных Штатах в тайне, Финнерти добился того, чтобы выданное Орлову разрешение на постоянное пребывание в этой стране не было официально зарегистрировано².

Вслед за этим Орлов попросил своего двоюродного брата Курника, проживавшего в США, отправиться в Париж, чтобы опустить там в почтовый ящик советского посольства два письма, адресованные Ежову. В них он указывал, что бежал из Испании, опасаясь подвергнуться участи уже уничтоженных зарубежных резидентов НКВД. В подтверждение того, что эти люди не были шпионами, он писал: "Если П., например, был шпион, то как же продолжают работать с таким человеком, как "Тюльпан", которого он создал... Или, если М. был шпион, то как же он не предал "Вейзе", "Зенхена" и других, с которыми продолжают работать до сих пор"³.

¹ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act... 1955. September. 28. Washington, 1955. P. 11.

² Ibid. P. 10, 12.

³ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: Дело Орлова, сталинского мастера

П. означало "Пётр" - кодовое имя парижского резидента С. М. Глинского, действовавшего в Париже под фамилией Смирнов, а "М." - кличку "Манн", под которой действовал советский разведчик Теодор Малли. Кличкой "Тюльпан" именовался Зборовский, а кличками "Вейзе" и "Зенхен" - члены т. н. кембриджской группы Маклейн и Филби, в вербовке которых Орлов принимал активное участие.

К письму был приложен перечень важнейших зарубежных операций НКВД, обозначенных кодовыми названиями, и шестидесяти двух кличек советских агентов, сведения о которых, как предупреждал Орлов, в случае его убийства будут преданы гласности его адвокатом. Если же его оставят в покое и не будут трогать его старуху-мать, недвусмысленно прибавлял Орлов, то он никогда не встанет "на путь, вредный партии и Советскому Союзу"¹.

Предупреждения о возможности рассекречивания тайных агентурных сетей в случае, если бы Орлова постигла судьба Райсса, достигли своей цели. После получения письма Орлова Ежов распорядился отменить уже подготовленный приказ о его розыске и ликвидации. Об этом сообщил на допросе в НКВД Шпигельглаз. Это же стало известно из сообщений Петрова, сотрудника советского посольства в Австралии, который, перебежав после войны на Запад, рассказал: в 1938 году, когда он работал шифровальщиком в Центре, туда пришла телеграмма из Парижа, в которой говорилось: Орлов предупредил, что в случае его убийства его адвокат предаст гласности сведения "о всех его агентах и контактах в Испании, а также описание его важной и в высшей степени секретной работы, выполнявшейся по поручению Советского правительства"².

Несмотря на то, что Орлов понимал всё значение своих предостережений, он опасался преследований со стороны сталинской агентуры. Поэтому он и его семья часто меняли города и отели. В сейф бостонского банка он поместил фотоплёнки, которые, по-видимому, включали не перечень сталинских преступлений (как он рассказал американским сенаторам), а негативы письма Ежову и приложенного к нему перечня секретных операций и агентов.

Только в начале 1953 года, буквально за месяц до смерти Сталина, Орлов решил предпринять шаги, связанные с легализацией своего пребывания в США. Он передал американскому журналу "Лайф" серию статей, составивших затем книгу "Тайная история сталинских преступлений". Эта книга, являющаяся одним из немногих достоверных мемуарных источников о подоплеке трагических событий, происходивших в 30-е годы в СССР, была в скором времени переведена на многие иностранные языки. Русский её текст появился впервые в 1983 году: на протяжении тридцати лет ни одно эмигрантское издательство не бралось за публикацию книги, написанной с позиций большевизма и не содержащей традиционных антикоммунистических пассажей.

Появление статей Орлова повергло в шок директора ФБР Гувера, только из них узнавшего, что в его стране на протяжении пятнадцати лет проживал генерал НКВД. Гувер приказал провести доскональное расследование деятель-

шпионажа. М., 1965. С. 352.

¹ Там же. С. 356, 425.

² Там же. С. 359, 433.

ности Орлова. В результате многолетних допросов в ФБР и на специальных слушаниях сенатской подкомиссии по национальной безопасности американские власти остались в уверенности, что Орлов рассказал всё, что ему было известно о деятельности советской разведки. Выпущенная сенатской подкомиссией в 1973 году книга "Наследие Александра Орлова" открывалась его биографией, написанной сенатором Истлендом, председательствовавшим на слушаниях 1955 года. Эта биография, проникнутая глубоким уважением к Орлову, написана в тёплых, местами даже патетических тонах.

В 50-60-х годах расследования "дела Орлова" были проведены и в КГБ. Их результатом был вывод о том, что Орлов не выдал никого из закордонной агентуры и не сообщил об операциях, проводившихся с его участием. Завербованные им "кембриджцы", а также Абель, работавший одно время радистом в организованной Орловым группе, продолжали доставлять крайне ценную разведывательную информацию.

Как справедливо отмечают авторы обстоятельного исследования о деятельности Орлова, "если бы Орлов нарушил верность долгу перед ленинской революцией и выдал ФБР секретный список тайных советских агентов.., он, возможно, в одиночку изменил бы ход истории,.. лишил бы Сталина жизненно важной информации, получаемой от таких агентов, как Филби, и от членов "Красной капеллы"... Если бы он выдал эти секретные советские сети, агенты КГБ, возможно, никогда не добыли бы секреты атомной .бомбы"¹.

В 1969 и 1971 годах Орлова посетил резидент КГБ Феоктистов, который сообщил, что в СССР не считают Орлова предателем, а, напротив, высоко оценивают его деятельность 30-х годов по вербовке за рубежом лиц с коммунистическими убеждениями. Американцам Орлов сообщил, что он не вступал ни в какие разговоры с Феоктистовым. Однако, как явствует из отчётов Феоктистова, Орлов рассказал ему о том, какие факты он утаил от ФБР и в каких вопросах дезинформировал американскую разведку. На переданное Феоктистовым приглашение вернуться в СССР Орлов ответил: он сохранил верность своим коммунистическим убеждениям, но возвращаться в СССР не хочет, поскольку советское государство управляется бывшими клеветами Сталина и более молодым поколением партаппаратчиков, игравших вспомогательную роль в преступлениях, благодаря которым была предана революция².

О том, что Орлов оставался в душе коммунистом и "убеждённым ленинистом", сообщил Федеральному бюро расследований один из профессоров Мичиганского университета, в котором Орлов работал в последние годы своей жизни. Профессор упоминал, что Орлов "яростно возражал" на его замечание, ставившее на одну доску Ленина и Сталина, а выслушав рассуждения о финансовой поддержке, якобы оказанной большевикам в 1917 году Германией, заявил, что это - клевета, которая "оскорбляет революцию и неподкупность Ленина"³.

Орлов умер 7 апреля 1973 года, намного пережив других невозвращенцев.

¹ Там же. С. 453.

² Там же. С. 450.

³ Там же. С. 437.

2. Фёдор Раскольников

Имя Раскольникова было более известным, чем имена других невозвращенцев, которые относились ко второму поколению большевиков, вступившему в партию в годы гражданской войны. Раскольников был одним из наиболее активных деятелей старой партийной гвардии, организаторов Октябрьской революции, был хорошо знаком с Лениным и Троцким.

В 1923 году в журнале "Пролетарская революция" Раскольников опубликовал воспоминания о событиях, предшествовавших Октябрьской революции. Он писал, что после возвращения Троцкого в Россию в 1917 году "мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он - наш"¹. Думается, что ради дезавуирования этого свидетельства старого большевика сталинские редакторы в 1931 году вписали в воспоминания Горького о Ленине ранее отсутствовавшую там фразу прямо противоположного содержания, якобы принадлежавшую Ленину: "А всё-таки (Троцкий) не наш! С нами, а - не наш!"².

Приводя эти и некоторые другие аналогичные свидетельства Раскольникова, выброшенные из последующих изданий его работ, Троцкий писал: "Раскольников по работе встречался со мной в летние месяцы 1917 г. очень часто, возил меня в Кронштадт, обращался не раз за советами, много разговаривал со мной в тюрьме (где они оказались после июльских дней - В. Р.) и пр. Его воспоминания представляют собою в этом смысле ценное свидетельское показание, тогда как его позднейшие "поправки" - не что иное, как продукт фальсификаторской работы, выполненной по наряду"³.

После окончания гражданской войны Раскольников находился в основном на дипломатической работе - в Афганистане, Эстонии, Дании и Бельгии. В 1936 году он был назначен послом в Болгарию, где провёл почти весь период великой чистки. За это время он неоднократно получал вызовы в Москву - якобы для переговоров о назначении на более ответственную работу. Зная о судьбе, постигшей большинство советских дипломатов, Раскольников всячески оттягивал свой отъезд из Болгарии. Он, разумеется, не знал, что в НКВД уже сфабрикованы показания о его принадлежности к "антисоветской троцкистской организации". Однако по многим признакам он чувствовал, что недоверие к нему растёт и даже в самом посольстве за ним ведётся агентурное наблюдение.

Получив очередное категорическое предписание немедленно прибыть в Москву, Раскольников в апреле 1938 года выехал из Софии. Ещё до пересечения советской границы он узнал из иностранных газет, что сталинская клика поторопилась, объявив о снятии его с должности посла. Из этого ему стало окончательно ясно: все предложения о возвращении в Москву были попыткой заманить его в Советский Союз для ликвидации. Раскольников прервал свой маршрут и отправился во Францию. Объясняя позднее этот поступок, он пи-

¹ Пролетарская революция. 1923. № 10. С. 151.

² Воспоминания о В.И.Ленине. Изд. 3. Т. 2. М., 1984. С. 266.

³ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигон. Берлин, 1932. С. 20-21.

сал: "Над порталом Собора Парижской Богоматери среди других скульптурных изображений возвышается статуя святого Дениса, который смиренно несёт в руках собственную голову. Но я предпочитаю жить на хлебе и воде на свободе, чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться в возводимых чудовищных обвинениях"¹.

На протяжении нескольких месяцев Раскольников проживал в Париже, не занимаясь никакой политической деятельностью и не выступая в печати. 12 декабря он был приглашен на приём послом СССР во Франции Сурицем, который заверил его: советское правительство не имеет к нему никаких претензий, помимо "самовольного пребывания за границей", и поэтому он без всяких опасений может отправляться в СССР. Однако Раскольникову было хорошо известно, что даже согласно официальному указу "Об объявлении вне закона граждан СССР за границей... отказавшихся вернуться в СССР", "самовольное пребывание за границей" приравнивается к измене Родине.

Тем не менее Раскольников продолжал испытывать колебания в вопросе о возвращении в Советский Союз и даже направил 18 декабря 1938 года Сталину униженное и льстивое письмо, в котором, в частности, говорилось: "Дорогой Иосиф Виссарионович! После смерти товарища Ленина мне стало ясно, что единственным человеком, способным продолжить его дело, являетесь Вы. Я сразу и безошибочно пошёл за Вами, искренне веря в Ваши качества политического вождя и не на страх, а на совесть разделяя и поддерживая Вашу партийную линию"².

В июле 1939 года Раскольников узнал, что Верховный Суд СССР объявил его вне закона за "переход в лагерь врагов народа". 26 июля он передал в зарубежную печать статью "Как меня сделали врагом народа", в которой писал: "Объявление меня вне закона продиктовано слепой яростью на человека, который отказался безропотно сложить свою голову на плахе и осмелился защищать свою жизнь, свободу и честь"³.

В августе 1939 года было опубликовано открытое письмо Раскольникова Сталину. В конце августа Раскольников, находясь в Ницце, заболел воспалением лёгких и 12 сентября скончался.

В отличие от других невозвращенцев, Раскольников был посмертно реабилитирован - во время второй волны разоблачений сталинских преступлений, поднявшейся после XXII съезда КПСС. 10 июля 1963 года пленум Верховного суда СССР отменил постановление по его делу "за отсутствием в его действиях состава преступления". Вскоре Раскольников был восстановлен в партии.

В декабре 1963 года журнал "Вопросы истории" опубликовал статью В. С. Зайцева "Герой Октября и гражданской войны", где говорилось, что Раскольников до последних дней своей жизни "оставался большевиком, ленинцем, гражданином Советского Союза"⁴. Вслед за этим был выпущен сборник воспоминаний и рассказов Раскольникова "На боевых постах". Вдова и дочь

¹ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 540.

² Власть и оппозиция. С. 165.

³ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 541.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1963. № 12. С. 94.

Раскольниковы были радушно приняты в Советском Союзе. Обсуждался вопрос о возвращении праха Раскольниковы на родину и перезахоронении его в Кронштадте.

Однако начавшаяся в 1965 году кампания ресталинизации не могла обойти Раскольниковы. Для сталинистов был неприемлем сам прецедент возвращения доброго имени "невозвращенцу". Инициативу вторичного опорочивания Раскольниковы взял на себя заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК Трапезников, который в сентябре 1965 года на представительном совещании, используя оголтелую сталинистскую лексику, заявил: "В идейном отношении Раскольниковы был всегда активным троцкистом"¹. Сбравшись с белогвардейцами, фашистской мразью, этот отщепенец стал оплевывать всё, что было добыто и утверждено потом и кровью советских людей, очернять великое знамя ленинизма и восхвалять троцкизм. Только безответственные люди могли дезертирство Раскольниковы, его бегство из Советского Союза расценивать как подвиг"².

Аналогичные суждения содержались в статье пяти официозных историков "За ленинскую партийность в освещении истории КПСС", знаменовавшей отход даже от тех скромных разоблачений сталинских преступлений, которые появились в первое послесталинское десятилетие. В этой статье Раскольникову был уделён следующий директивный абзац: "Никак нельзя, как это делают некоторые историки, относить к числу истинных ленинцев тех, кто на деле выступал против ленинизма, участвовал во фракционной борьбе..., например, таких, как Ф. Ф. Раскольников, который перебежал в стан врагов и клеветал на партию и Советское государство"³.

* * *

"Невозвращенство" и эмиграция представляли для большевиков 30-х годов намного более трудную проблему, чем для советских диссидентов 70-80-х годов, - не только потому, что в 30-е годы каждый невозвращенец ясно понимал, что ему угрожает гибель от заграничных ищек НКВД, и не только из-за системы заложничества, получившей в то время в Советском Союзе статус закона. Если диссиденты недавнего прошлого отвергали всю советскую систему и открыто ориентировались на Запад, то большевики в своей подавляющей части сохраняли свою враждебность к капиталистическому строю и верность коммунистическим идеалам. Поэтому ожидать радушного приёма на Западе им не приходилось.

Характеризуя отличие невозвращенцев 1937 года от невозвращенцев прежних лет, журнал "Социалистический вестник" писал: "Тогда "не возвращались" главным образом беспартийные "спецы", готовые на небезвыгодных для них условиях служить до поры до времени большевистскому правительству, но внутренне не только этому правительству, но революции вообще совершенно

¹ В действительности Раскольниковы никогда не имел отношения к левой оппозиции. Но для сталинистов типа Трапезникова "троцкистом" являлся каждый человек, выступавший против Сталина.

² Реабилитирован посмертно. С. 223.

³ Коммунист. 1969. № 3. С. 75.

чуждые, либо "политические" деятели такого типа, как Беседовский, Дмитриевский, Агабеков, дальнейшая авантюристическая "карьер" которых слишком явно доказывает отсутствие у них какой бы то ни было интимной связи не только с большевизмом, но с рабочим движением и социализмом вообще... Теперь, наоборот, от Сталина начинают бежать... люди, в которых сомнения долгие годы боролись со старой верой, которые с насилием над собой продолжали.., подчас стиснув зубы, делать дело, порученное им сталинской диктатурой "от имени революции", - пока не наступил момент, когда уже не осталось места никаким сомнениям и иллюзиям и пришлось волей-неволей сказать: не могу, дальше ни шагу!.. Их "бегство" является поэтому одним из ярчайших симптомов всё возрастающего и обостряющегося разрыва между "сталинизмом" и миром революции, пролетариата, социализма".

Отмечая, что эти люди имели возможность сбросить сталинское ярмо, поскольку они находились по служебным обязанностям за границей, журнал подчёркивал: "Можно ли сомневаться, что их настроения отражают настроения сотен их сотоварищей.., которые прошли ту же школу революции, что и они, но которые под угрозой револьвера, приставленного к их затылку сталинской диктатурой, вынуждены и сейчас не только петь ей осанну, но по её приказу истреблять своих же друзей и единомышленников"¹.

Из пятерых невозвращенцев четверо (все, кроме Раскольников) обратили свои взгляды к Троцкому, хотя в обстановке тех лет это был далеко не самый "удобный" выход для эмигранта из СССР.

Все эти люди дали глубокий и яркий анализ событий в СССР. Судя по их книгам и статьям, можно представить, какой гигантский интеллектуальный потенциал советского народа был загублен в годы великой чистки.

Из выступлений невозвращенцев Сталин получал всё новые подтверждения того, что старые большевики глубоко враждебны ему и его "социализму". Это укрепляло его в мысли о том, что, пока живы первые поколения большевиков, сохраняется угроза утраты им своей абсолютной власти. Ещё больший страх у Сталина вызывала активная деятельность Троцкого, дававшего действенный отпор московским фальсификациям и подлогам.

¹ Социалистический вестник. 7937. № 23-24. С. 23-24.

XLI

Вердикт комиссии Дьюи

Прибыв в Мексику, Троцкий активно включился в работу по подготовке расследования московских процессов. О его настроениях того времени говорит письмо, направленное 3 февраля 1937 года Анжелике Балабановой: "Что значит пессимизм? Пассивная и плаксивая обида на историю. Разве можно на историю обижаться? Надо её брать как она есть, и когда она разрешается необыкновенными свинствами, надо месить её кулаками! Только так и можно прожить на свете"¹.

Спустя месяц Троцкий писал автору книги "Два первых московских процесса" Френсису Айслеру: "Сердечно поздравляю вас с этой работой! Тщательностью и достоверностью анализа, в котором юриспруденция счастливо сочетается с политикой, книга должна произвести большое впечатление на каждого серьёзного и мыслящего читателя... От всей души желаю Вашей книге самого широкого распространения. Я хотел бы ещё пожелать Вам серьёзного разбора со стороны противников. Но такое пожелание, к несчастью, утопично. На доводы мысли сталинцы способны отвечать только ругательствами. Это не помешает, однако, правде проложить себе дорогу"².

Троцкий направил все свои усилия на подготовку материалов для комиссии по расследованию московских процессов, работавшей под председательством известного американского философа Д. Дьюи. Эта комиссия в течение девяти месяцев работала в Нью-Йорке, Мехико, Париже и других городах. Она тщательно изучила тысячи документов, писем, книг и статей, а также устные и письменные показания сотен свидетелей. Только к началу апреля Троцкому было послано 80 свидетельских показаний, собранных для комиссии во Франции, Англии, Бельгии, Дании, Голландии и других странах³.

Во время предварительных слушаний комиссии, проходивших в доме Троцкого, им был изложен целый ряд идей, которые можно рассматривать как эскизы неосуществлённых философских и социологических работ. Когда юридический советник комиссии Финнерти задал вопрос, имеет ли революционное правительство право на осуществление жестоких мер против своих врагов, Троцкий ответил: "Это не абстрактное право. Я надеюсь, что после одной или двух побед в других странах, революции станут совершенно мягкими (friendly) революциями". "Бескровными революциями?" спросил Финнерти. "Да, бескровными революциями, - ответил Троцкий. - Но пионеры везде были суровыми людьми. Я думаю, что американцы знают об этом лучше меня"⁴.

На вопрос, смогут ли после мировой социалистической революции все страны жить в мире, Троцкий ответил, что считает это "абсолютно возмож-

¹ Цит. по: Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. М., 1992. С. 279.

² Архив Троцкого. № 8472.

³ Там же. № 858.

⁴ The Case of Leon Trotsky. N-Y., 1938. P. 370.

ным". Конкретизируя эту мысль, он сказал: "Учёные, инженеры и лидеры профсоюзов соберутся на мировую конференцию и установят там, что мы имеем и в чём нуждаемся, каковы производительные силы, природные ресурсы и творческие способности человечества... Они начнут решать эти вопросы осмотрительно, с помощью плана, а не войны"¹.

Говоря о том, что человечество пока ещё не достигло значительных успехов в рационализации своей истории, Троцкий сказал, что, по его мнению, главный вопрос состоит в том, смогут ли люди далеко продвинуться в совершенствовании собственной природы, потому что "после каждого большого шага вперед человечество делает маленький крюк, даже большой шаг назад. Я об этом очень сожалею, но я не ответственен за это (*Смех*)"².

На вопрос Дьюи о допустимости вывода, согласно которому привилегии в СССР достигли такого уровня, что можно говорить о классовом членении общества, т. е. делении его на эксплуатируемых и эксплуататоров, Троцкий ответил: для характеристики нынешней стадии развития СССР трудно найти строгую социологическую формулу, потому что "с такой социальной структурой мы встречаемся впервые в истории. Мы должны разработать нашу собственную терминологию, новые социальные категории. Но я не склонен думать, что это подлинное (традиционное) классовое деление"³.

Разъясняя свою позицию по вопросу о государстве, Троцкий заявил, что социалистическое государство - это переходная форма, необходимая для построения бесклассового и безгосударственного общества. Это государство будет существовать до тех пор, пока у людей не возникнет возможность свободно удовлетворять свои потребности, как при "шведском столе". "Нет необходимости в диктатуре, когда у вас есть "шведский стол". Наоборот, каждый может взять со стола, что ему нужно, леди в первую очередь. Но когда стол очень беден, люди уже забывают, где леди, а где мужчины. Каждый хватает, что может. Тогда нужна диктатура. Причина существования жандармов - нищета народа"⁴.

Подчёркивая ограниченность представлений, согласно которым наличие демократической конституции выступает гарантией против возникновения тоталитарных режимов, Троцкий обращал внимание на то, что "Гитлер не тронул Веймарскую конституцию, демократическую конституцию. Это было неожиданным для всех. Все думали, что Гитлер изменит конституцию, но конституция сохранилась. Но он сломал хребет конституции. Вот всё, что он сделал, и даже тайное голосование дало ему большинство"⁵.

21 сентября 1937 года все члены комиссии Дьюи подписали вердикт, полный текст которого, занявший 422 страницы убогистого текста, был издан в Нью-Йорке под заглавием "Не виновны". Эта книга, писал Троцкий, "навсегда останется памятником идейной честности, юридической и политической про-

¹ Ibid. P. 435.

² Ibid. P. 436.

³ Glotzer A. Trotsky. Memoir & Critique. N-Y., 1989. P. 262.

⁴ Ibid. P. 263.

⁵ Ibid. P. 265.

нищательности и неутомимого трудолюбия... Всё сомнительное отсеяно, установлены лишь незыблемые факты, из которых сделаны незыблемые выводы"¹.

На основе тщательного сопоставления официальных отчётов московских процессов с многочисленными документными и свидетельскими показаниями комиссия сочла полностью доказанным, что основные фактические аспекты обвинений и признаний подсудимых являются чистейшим вымыслом: Троцкий никогда не давал террористических инструкций никому из подсудимых и не встречался ни с кем из них в 30-е годы; он не поручал кому-либо организовывать саботаж, вредительство и диверсии и вступать в изменнические соглашения с иностранными державами. Комиссия указала также, что прокурор чудовищно фальсифицировал роль Троцкого до, во время и после революции.

В вердикте констатировалось, что признания подсудимых - независимо от того, каким способом они были получены, - содержат столько невероятных вещей, что это убеждает всякое непредвзятое лицо в их несоответствии действительности. В заключительных параграфах вердикта говорилось: на основе проведённого расследования комиссия пришла к выводу, что "московские процессы являются подлогами,.. Троцкий и Седов не виновны"².

Краткий текст вердикта был оглашен Дьюи 12 декабря на митинге в Нью-Йорке, собравшем 2500 человек. На следующий день после этого Троцкий выступил перед журналистами с заявлением, в котором подчёркивал: "Все члены комиссии насчитывают десятки лет активной политической, партийной или литературной работы. Все они носят безупречные имена. Если бы среди них был хоть один, которого можно купить, он был бы уже куплен давно. Мои враги располагают для таких целей миллионами, и они не скупятся на расходы. Что касается меня и моего сына, мы не располагали даже необходимыми средствами на покрытие технических расходов расследования. Скромная касса комиссии пополнялась сборами среди рабочих и индивидуальными приношениями".

Троцкий напоминал, что "Комиссия искала такого авторитетного сталиниста или сочувствующего сталинизму, который не ограничивался бы... клеветой и инсинуациями в изданиях без ответственности и достоинства, но имел бы мужество открыто предъявить московские обвинения под контролем критики". Указывая, что ни один сталинист не откликнулся на предложения принять участие в работе комиссии, Троцкий предупреждал, что и в будущем тщетно ждать какой-либо "членораздельной реплики со стороны фальсификаторов. Единственный ответ, который им остаётся и которым они так часто пользуются, это револьверный выстрел или удар кинжала. Таким аргументом можно уничтожить противника, но нельзя убить голос мировой совести".

Троцкий отмечал, что, по существу, в вердикте речь идёт не только о нём и его сыне и не только о чести и добром имени расстрелянных по приговорам московских судов. "Дело идёт о чём-то ещё несравненно большем, именно об основных принципах рабочего движения и освободительной борьбы челове-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 1-2.

ства. В первую голову, дело идёт об искоренении той деморализации и заразы, которую всюду вносит аппарат Коминтерна в сочетании с аппаратом ГПУ¹.

Отвечая на вопросы журналистов о том, как могли Сталин и его помощники допустить столько противоречий и несообразностей при проведении московских процессов, Троцкий говорил: "Все эти люди, начиная со Сталина, развращены бесконтрольностью и безнаказанностью. В статьях и речах самого Сталина встречаются на каждом шагу не только политические противоречия, но и грубейшие фактические искажения, не говоря об ошибках против грамматики. Так как никто не смеет крикливовать его, то Сталин постепенно отвык контролировать себя. То же самое относится и к остальным бюрократам. Они не учатся, не думают, а только приказывают. Тоталитарный режим обеспечивает внешний успех признаний. Председатель суда, прокурор, обвиняемые, защитники, свидетели - все выполняют заданный урок. Газеты подчиняются телефонному звонку. Обсуждения нет, критики нет. Народ имеет право только благодарить. При таких условиях пропадает стимул к хорошей работе даже в области подлога".

Если бы сталинская бюрократия и попыталась лучше построить свою работу, продолжал Троцкий, то её всё равно постигла бы неудача. Задача создать в политической канцелярии схему мнимого заговора, лишённую грубых противоречий, в принципе неразрешима - тем более, когда речь идёт о "заговоре" людей, известных всему миру, со сложными политическими и личными связями и отношениями. "Разумеется, если бы за эту задачу посадить десяток людей типа Шекспира, Сервантеса, Гете, Фрейда, то они справились бы с ней лучше, чем Сталин, Вышинский и Ежов. Но гениальные люди, по общему правилу, не занимают подлогами".

При ответе на вопрос, как сложится после оглашения вердикта судьба советского посла в США Трояновского, которому было поручено помешать работе комиссии Дьюи, Троцкий сослался на слова Диего Риверы: "Карьера Трояновского погибла, а вместе с карьерой, пожалуй, и голова". Однако, замечал Троцкий, если журналисты опубликуют этот его ответ, они окажут большую услугу Трояновскому, поскольку в таком случае "Сталину нелегко будет действовать в строгом соответствии с предсказанием Диего Риверы". Думается, что эти слова, обошедшие весь мир, способствовали тому, что Трояновского не постигла судьба большинства советских дипломатов.

По поводу политических последствий, которые может вызвать оглашение вердикта, Троцкий говорил: "Я не жду, разумеется, что звук трубы, хотя бы это была труба правды, повалит немедленно стены Иерихона". Вместе с тем он выражал уверенность в том, что "оклеветанные и убитые Сталиным противники будут реабилитированы мировым общественным мнением. Для Сталина же реабилитации нет... Сталин сойдет со сцены, покрытый бесславием".

На вопрос о том, не вытекают ли из московских процессов пессимистические выводы в отношении перспектив социализма, Троцкий отвечал: "Нет, я не вижу никаких оснований для пессимизма. Нужно брать историю, как она есть. Человечество движется как некоторые пилигримы: два шага вперед, шаг назад.

¹ Там же. С. 3-4.

Во время движения назад скептикам и пессимистам кажется, что всё потеряно. Но это ошибка исторического зрения. Ничто не потеряно. Человечество поднялось от обезьяны до Коминтерна. Оно поднимется от Коминтерна до действительного социализма. Приговор комиссии ещё раз показывает, что правильная идея сильнее самой могущественной полиции. В этом убеждении несокрушимая основа революционного оптимизма¹.

Идеи, выдвинутые Троцким во время работы комиссии Дьюи, получили развитие в ряде его теоретических и исторических работ, написанных в 1937-1938 годах. Эти работы приобретают особую актуальность в свете современных дискуссий о соотношении большевизма и сталинизма.

¹ Там же. С. 5-6.

XLII

Большевизм, сталинизм, троцкизм

Читая сегодняшние филиппики против большевизма, невольно поражаешься лениности и несамостоятельности мысли их авторов. В самом деле: за последние 50 лет не придумано ни одного нового аргумента, ни выдвинуто ни одного нового доказательства! Одни и те же мифы переходят из одной работы в другую. Разыгрываются одни и те же "козырные карты". Конечно, тысячекратное повторение лжи не делает её истиной. Однако транслируемая современными средствами массовой информации ложь обладает свойством активно воздействовать на массовое сознание. Это воздействие усиливается, когда односторонний поток информации возникает после долгих лет запрета на обсуждение определённых исторических тем. Так и случилось в годы "перестройки" и "реформы", когда затасканные на Западе аргументы, выражающие закоснелость и эпигонство реакционной мысли, были перенесены на советскую почву.

Сложность опровержения антикоммунистических фальсификаций связана с тем, что, несмотря на обилие трудов, напичканных марксистской фразеологией, развитие марксистской традиции было прервано в СССР с начала 30-х годов. Прервалась и подлинно марксистская критика антикоммунизма. В условиях существования "железного занавеса" аргументация Троцкого оказалась попросту неизвестной нескольким поколениям советских людей.

И после смерти Сталина атаки на "троцкизм" продолжали идти с двух флангов. С одной стороны, от официальной советской исторической литературы, трактовавшей "троцкизм" как антиленинское и антипартийное учение. С другой, - от всё шире проникавшего в СССР "тамиздата" - продуктов реакционного крыла западной советологии (т. н. "готалитарной школы"), исходившего из идеи "непрерывности" исторического развития СССР, из того, что Троцкий вместе с Лениным проложили дорогу сталинизму. Мысль советских интеллектуалов безнадежно запугалась в этих ложных постулатах, тем более, что в Советском Союзе по-прежнему действовали жесточайшие запреты на знакомство с трудами Троцкого и "троцкистов".

Правящая клика в СССР, движимая лишь консервативно-охранительными побуждениями и невежественная в области марксизма (что не исключало подыскивания "подходящих" цитат "классиков" для "обоснования" каждого нового зигзага своей политики), сохраняла, хотя и в несколько более пристойном виде, сталинистские версии внутрипартийной борьбы, проявляя трусость в отношении обнародования даже чисто фактологической стороны этих страниц истории.

Предвидя, какими сложными путями пойдёт процесс очищения марксистской мысли от напластований сталинской школы фальсификаций, Троцкий писал в 1937 году: "Реакционные эпохи снижают общий идеологический уровень движения, отбрасывая политическую мысль назад, к давно уже пройденным этапам. Задача авангарда в этих условиях состоит прежде всего в том, чтобы не дать увлечь себя общим попятным потоком - надо плыть против те-

чения. Если неблагоприятное соотношение сил не позволяет удержать захваченные ранее политические позиции, надо удержаться, по крайней мере, на идеологических позициях, ибо в них выражен дорогой оплаченный опыт прошлого"¹.

В полемике против многочисленных критиков большевизма Троцкий указывал, что их излюбленным приёмом является метод исторических аналогий и сопоставлений. Подобно тому, как сталинисты называли близнецами фашизм и социал-демократию, либералы объявляли близнецами фашизм и большевизм. На противоположном политическом фланге аналогичными приёмами пользовались Гитлер и Муссолини, утверждавшие, что либерализм, социал-демократия и большевизм представляют лишь разные проявления одного и того же зла.

Свою опору "метод близнецов" находил в отождествлении образа действий реакции и революции, что всегда было характерно для морализирующих филистёров. Этот приём паразитировал на некоторых действительных исторических фактах. "Известные общие черты у сгруппированных выше течений несомненны, - писал Троцкий, - ...Борющиеся армии всегда более или менее симметричны, и если б в их методах борьбы не было ничего общего, они не могли бы наносить друг другу ударов"².

Более сложной задачей является объяснение того, почему столь широкое распространение получил тезис о сталинизме как законном продукте большевизма. В защите этого тезиса проявлялось единодушие между сталинистами, фашистами, либералами, меньшевиками, анархистами и некоторыми левыми доктринёрами, называющими себя марксистами.

Если отбросить сталинистов, то нетрудно убедиться, что для всех остальных приверженцев "метода близнецов" было характерно сближение или даже отождествление сталинизма и троцкизма. В этом сходились такие далеко расходящиеся в других вопросах политические течения, как консерваторы, либералы, социал-демократы и фашисты. "Если сталинцы не имеют возможности примкнуть к этому "Народному фронту", - саркастически замечал Троцкий, - то только потому, что случайно заняты истреблением троцкистов"³.

Развивая эту мысль, Троцкий обращался к сторонникам "теории близнецов" со следующими вопросами: "Вы говорите, что марксизм порочен сам по себе и что сталинизм - его законное детище? Но почему же мы, революционные марксисты, находимся в смертельной борьбе со сталинизмом во всём мире? Почему сталинская шайка видит в троцкизме главного врага? Почему всякое приближение к нашим взглядам или нашей системе действий (Дуррути, Андрей Нин, Ландау и другие) заставляет гангстеров сталинизма прибегать к кровавой расправе?"⁴.

Троцкий подчёркивал, что ещё совсем недавно значительная часть капиталистической прессы не отождествляла, а противопоставляла троцкизм и ста-

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 4.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 6.

³ Там же.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 62-63. С. 11.

линизм, расценивая первый как "революционную романтику", а второй - как "реальную политику". Этим противопоставлением буржуазные филистёры оправдывали союз своих правительств со сталинским режимом, порвавшим с доктриной мировой революции. "Французская Лига прав человека, громившая аморализм Ленина и Троцкого в 1917 г., когда они порвали военный союз с Францией, поспешила прикрыть преступления Сталина в 1936 г., в интересах франко-советского договора... Всего лишь год тому назад эти господа... вовсе не говорили, что сталинизм и троцкизм одно и то же. Они открыто стояли за Сталина, за его реализм, за его юстицию и за его Ягоду... До момента казни Тухачевского, Якира и др. крупная буржуазия демократических стран не без удовольствия, хоть и прикрытого брезгливостью, наблюдала истребление революционеров в СССР"¹. Лишь казнь генералов встревожила эти политические круги, заставив их понять, что далеко зашедшее перерождение политического режима в Советском Союзе объективно укрепляет позиции Германии и Японии на международной арене.

После этого буржуазные филистёры вернулись к рассуждениям о том, что борьба между сталинизмом и троцкизмом представляет собой лишь столкновение личных амбиций или в лучшем случае борьбу двух "оттенков" в большевизме. Такая трактовка была связана с реакцией на сталинские преступления со стороны либералов и социал-демократов, которых Октябрьская революция заставила было усомниться в своих идеях. "Нравственная гангрена советской бюрократии кажется им реабилитацией либерализма. На свет извлекаются затасканные проповеди: "всякая диктатура заключает в себе залог собственного разложения"; "только демократия обеспечивает развитие личности и пр.". Такое противопоставление демократии и диктатуры служило осуждению социализма во имя буржуазного режима. Теоретическая несостоятельность подобных рассуждений обнаруживалась в том, что "мерзость сталинизма как историческая реальность противопоставляется демократии как надисторической абстракции. Но демократия тоже имела свою историю, в которой не было недостатка в мерзости. Для характеристики советской бюрократии мы используем имена "термидора" и "бонапартизма" из истории буржуазной демократии, ибо - да будет известно запоздалым либеральным доктринёрам, - *демократия появилась на свет вовсе не демократическим путём*"².

Более конкретный характер носили рассуждения тех доктринёров, которые считали себя марксистами, но враждебно противопоставляли свои позиции большевизму. "Мы всегда это предсказывали, - говорят они: начав с запрещения других социалистических партий, с подавления анархистов, с установления диктатуры большевиков в Советах, Октябрьская революция не могла не прийти к диктатуре бюрократии. Сталинизм есть продолжение и вместе банкротство ленинизма"³.

В таких утверждениях, подчёркивал Троцкий, фактически отождествлялись три тесно связанных между собой, но самостоятельных исторических яв-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 7.

ния - большевизм, Октябрьская революция и Советский Союз. В результате такого отождествления сложная и противоречивая социальная реальность подменялась одним логически выделенным её элементом - "чистым" большевизмом.

Между тем сам "большевизм рассматривал себя как один из факторов истории, её "сознательный" фактор - очень важный, но не решающий"¹. Завоевание власти не превратило большевистскую партию в полновластного хозяина и демиурга исторического процесса. Получив возможность с недоступной ей ранее силой воздействовать на развитие общества, партия в то же время сама подверглась усиленному воздействию со стороны всех других его элементов. Под прямыми ударами враждебных сил она могла лишиться власти. Удержав власть, она могла внутренне переродиться. Неоднократно указывая на обе эти опасности, Ленин подчёркивал, что бюрократизация советского режима способна привести к перерождению рабочего государства, вышедшего из Октябрьской революции. Этой диалектики исторического процесса не понимали те, кто в гниении сталинской бюрократии пытались найти уничтожающий довод против большевизма. Из того факта, что Октябрьская революция на определённой стадии её развития привела к торжеству бюрократии с её системой гнёта, хищничества и фальсификаций, они делали ложный вывод: нельзя бороться против сталинизма, не отвергая большевизм.

Конечно, отвечал на такие рассуждения Троцкий, сталинизм в формальном смысле вырос из большевизма. На этом обстоятельстве паразитировала московская бюрократия, которая ради обмана масс продолжала называть себя большевистской партией и пользовалась старой большевистской символикой. Эти маскировочные приёмы воспринимались всерьёз теми отступниками от большевизма, которые подменяли видимостью сущность и тем оказывали лучшую услугу сталинскому режиму.

В действительности, как подчёркивал Троцкий, сталинизм "вырос" из большевизма "не логически, а диалектически: не в порядке революционного утверждения, а в порядке термидорианского отрицания... Нынешняя "чистка" проводит между большевизмом и сталинизмом не просто кровавую черту, а целую реку крови. Истребление всего старого поколения большевиков, значительной части среднего поколения, участвовавшего в гражданской войне, и той части молодёжи, которая серьёзнее восприняла большевистские традиции, показывает не только политическую, но прямо-таки физическую несовместимость сталинизма и большевизма. Как же можно не видеть этого?"².

Выведение сталинизма из большевизма или из марксизма Троцкий считал частным случаем выведения контрреволюции из революции, характерного для либерально-консервативной и реформистской мысли. Этот приём спекулировал на том, что революции, при которых сохранялось классовое членение общества, всегда порождали контрреволюцию. "Не показывает ли это, спрашивает резонёр, что в революционном методе есть какой-то внутренний порок? Ни либералы, ни реформисты не сумели, однако, до сих пор изобрести более

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 8, 11.

"экономные" методы. Но если не легко рационализировать *на деле живой исторический процесс*, то зато совсем не трудно рационалистически *истолковать* смену его волн, выводя логически сталинизм из "государственного социализма", фашизм из марксизма, реакцию из революции, словом, антитезис из тезиса"¹.

Часть рационалистов, как подчёркивал Троцкий, пользовалась более конкретной аргументацией, выводя сталинизм не из большевизма в целом, а из политических методов, применённых последним в экстремальных исторических условиях: запрещения других политических партий, дополненного запрещением фракций внутри самой правящей партии. Применение этих вынужденных мер, не вытекавших из теории большевизма, сигнализировало, как это с самого начала было ясно большевикам, о величайшей опасности. Отдавая себе отчёт во временном характере этих мер, большевики применили их в исторической ситуации, которая характеризовалась слабостью Советского государства, утвердившегося в отсталой и истощённой стране и окружённого со всех сторон врагами. "Если б революция победила хотя бы только в Германии, надобность запрещения других советских партий (т. е. входивших до 1921 года в Советы - В. Р.) сразу отпала бы"².

Как только внутреннее и международное положение СССР стабилизировалось и упрочилось, левая оппозиция выступила с требованием расширения партийной и советской демократии. Именно ради этого она вступила в непримиримую борьбу с правящей фракцией, возглавляемой Сталиным. Одержав победу в этой борьбе, бонапартистская клика подавила все демократические начала и установления, подменила диктатуру пролетариата диктатурой бюрократии и фактически задушила саму большевистскую партию.

С вопросом о судьбах демократии был тесно связан вопрос о судьбах государства, вокруг которого строили свою аргументацию анархисты. Усматривая в сталинизме органический продукт не только большевизма и марксизма, но прежде всего "государственного социализма", они указывали на неоспоримые исторические факты: одна ветвь "государственного социализма" - социал-демократия, придя в ряде стран к власти, сохранила капиталистическое устройство общества; другая ветвь, находившаяся у власти в СССР, не только сохранила жёстко централизованное государство, но и породила новую касту привилегированных.

Троцкий считал, что в рассуждениях анархистов, рассматриваемых под широким историческим углом зрения, можно обнаружить зерно истины. Марксисты полностью согласны с анархистами в том, что упразднение государства как аппарата принуждения представляет конечную цель коммунистического преобразования общества. Именно марксизм указывает на те пути и методы, которые позволят человечеству вырваться из смирительной рубашки государства. Для достижения этой цели человечество должно подняться на неизмеримо более высокий, чем ныне, культурный уровень.

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 15.

В героическую эпоху русской революции большевики боролись рука об руку с революционными анархистами. Многих из них большевистская партия включила в свои ряды. Троцкий вспоминал, что он не раз обсуждал с Лениным вопрос о предоставлении анархистам возможностей для проведения их безгосударственных опытов - в отдельных регионах страны и при согласии на это местного населения. Но обстановка гражданской войны, экономической и военной блокады и хозяйственной разрухи оставляла мало простора для такого рода социальных экспериментов. Эта же обстановка вызвала применение большевиками принуждения нередко в самых суровых формах. Однако при всём этом нельзя не видеть коренного различия между большевистским режимом и сменившим его режимом сталинизма. Большевистский режим выступал орудием переворота в социальных отношениях, служившего интересам широчайших народных масс. Термидорианский переворот, учинённый сталинизмом, привёл к перестройке этих новых, ещё не упрочившихся социальных отношений в интересах привилегированного меньшинства. Именно этим объяснялась монополизация системы принуждения сталинской бюрократией, применявшей его в таких формах и масштабах, которые далеко превосходили эксцессы гражданской войны 1918-1920 годов. Если большевизм стремился к утверждению государства без бюрократии или государства "типа Коммуны", то Сталин "создал государство пожирающей себя бюрократии, "типа ГПУ"¹.

В соответствии с этим коренным образом различались социальные типы объектов репрессий на разных этапах развития Советского государства. Если в первые послереволюционные годы ими были открытые враги Октябрьской революции, у которых она отняла их сословные и имущественные привилегии, то в годину большого террора острее репрессий было направлено на коммунистических противников сталинского режима.

Отождествление сталинизма с большевизмом и марксизмом Троцкий считал несостоятельным ещё и потому, что сталинская бюрократия не обладала оформленной политической доктриной и стройной идеологической системой. "Её "идеология" проникнута насквозь полицейским субъективизмом, её практика - эмпиризмом голого насилия... Сталин ревизует Маркса и Ленина не пером теоретиков, а сапогами ГПУ"². Враждебность сталинизма всякой серьёзной теории вытекала из существа социальных интересов касты узурпаторов, которая ни себе, ни другим не могла дать отчёт в своей действительной социальной роли.

Противоречивость социального положения правящего слоя в СССР состояла в том, что, порвав с марксистской доктриной, он в то же время оказался вынужден приспособляться к не ликвидированному полностью социальному наследию Октябрьской революции. Вместе с тем сопротивление бонапартистской бюрократии и приверженцев большевизма всё более принимало характер классовой борьбы. Эти враждебные политические силы выступали носителями противоположных социальных интересов. Победа защитников большевистских принципов над кастой насильников политически и морально

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 17.

возродила бы советский режим. Чтобы этого не произошло, правящая клика осуществляла массовое истребление недовольных в масштабах, фактически означавших новую гражданскую войну.

Этой диалектики социальной борьбы не желали видеть западные либералы, повторявшие утверждения о том, что большевистская диктатура представляет собой новое издание царизма. При этом они закрывали глаза на такие "мелочи", как упразднение монархии и сословий, экспроприация капитала и т. д. "Если б сталинской бюрократии удалось даже разрушить экономические основы нового общества, - провидчески писал Троцкий, - опыт планового хозяйства, проделанный под руководством большевистской партии, навсегда войдет в историю, как величайшая школа для всего человечества"¹.

Правота взглядов Троцкого на соотношение большевизма и сталинизма наглядно выступает при сопоставлении его работ с произведением, на котором учились на протяжении десятков лет антикоммунисты всех мастей, - книгой А. Кестлера "Слепящая тьма". Её автор, отрекшийся в конце 30-х годов от коммунизма, как бы в подтверждение обоснованности своего ренегатства убеждал читателя (устами своего главного персонажа Рубашова), что "вся так называемая оппозиция давно выродилась в немощую трепотню из-за старческой дряхлости всей старой гвардии,.. что организованной оппозиции Первому (Сталину) никогда не существовало, что дело не шло дальше пустой болтовни и слабоумной игры с коварным, беспощадным огнём"².

Весьма приблизительно представлявший (как можно судить уже по данной цитате) историю внутрипартийной борьбы в ВКП(б), Кестлер, сам в прошлом заядлый сталинист, тем не менее имел известное представление об идейных позициях оппозиционеров. Его Рубашов отдавал себе полный отчёт в коренном отличии сталинского режима от большевистского, при котором "дискуссии в ЦК и на съездах партии достигали такой научной глубины, какая и не снилась ни одному правительству за всю историю государственной власти"³. Он осуждал многие аспекты сталинской политики - всевластие диктатора, массовый террор, насильственную коллективизацию, при которой "заслали в глухоманные восточные леса и на страшные рудники арктического севера около десяти миллионов человек (число раскулаченных было преувеличено Кестлером по меньшей мере в два раза, но в данном случае это не имеет принципиального значения - В. Р.)"⁴.

На следствии Рубашову была устроена очная ставка с сыном его старого друга Кифера, во время которой тот, по словам самого Рубашова, необычайно точно передавал его мысли. "Мой отец полагал, - рассказывал юноша о беседе между Рубашовым и Кифером, - что терпение партийцев истощится и они переизберут руководителя или заставят его уйти в отставку; он говорил, что эту идею надо нести в партийные массы... А Рубашов опять засмеялся и назвал его наивным Дон-Кихотом... Ничего, мол, с ним не смогут поделаться и партийные

¹ Там же. С. 19.

² Кестлер А. Слепящая тьма. С. 164.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 123.

массы, потому что все ключевые посты в Партии занимает верная ему партийная бюрократия, которая знает, что, если его сместят, она немедленно лишится всех своих привилегий, а поэтому будет верна ему до конца"¹.

В этом диалоге причудливо перемешаны взгляды истинных троцкистов и отступническая аргументация капитулянтов (к которым принадлежал Рубашов, до своего ареста многократно отрекавшийся от своих оппозиционных взглядов).

Несомненно "троцкистский" характер носил ответ Рубашова на вопрос следователя Глеткина:

- Вот вы считаете вредительство выдумкой, а тогда в чём же, по-вашему, причина неудовлетворительного состояния промышленности?

- Непосильные нормы, нищенская оплата труда и драконовские дисциплинарные меры.

Фактически соглашаясь с этим выводом, Глеткин развёртывал перед Рубашовым цепь софистических рассуждений, призванных доказать, что выход из этого заколдованного круга может быть найден на пути нахождения козлов отпущения. "Опыт учит нас, - заявлял Глеткин, - что сложные исторические процессы надо разъяснять массам на простом и понятном языке... Если моим землякам сказать, что они всё ещё отсталые и неграмотные, несмотря на завоевания Революции и успешную индустриализацию страны, это не принесёт им никакой пользы. А если их убедить, что они герои труда и работают эффективнее американцев, но страну лихорадит от дьявольского вредительства врагов, - это хоть как-то им поможет"².

Как ни удивительно, но Рубашову, про себя называвшему Глеткина "неандертальцем", эти рассуждения представлялись убедительными. "Рубашов беспрестанно напоминал себе, что глеткины продолжают дело, начатое старой интеллигенцией. Что их прежние идеи не переродились, хотя и звучат у неандертальцев совершенно бесчеловечно"³. Он фактически присоединялся и к утверждениям Глеткина о том, что "не сегодня-завтра международный капитализм может начать войну против нашей страны, и малейшие шатания в среде трудящихся масс приведут к неисчислимым бедствиям. Партия... должна стать единым монолитом, который спаян железной дисциплиной и беззаветной преданностью Руководству"⁴. Подобная аргументация была характерна для Молотова, черпавшего в ней оправдание своих преступных деяний в годы великой чистки (см. гл. XX). Но она была глубоко чужда подлинным большевикам, как можно судить по высказываниям не только троцкистов, но и не принадлежавших к последним невозвращенцев, отражавших идейные позиции своей социальной и политической среды.

Находясь в заключении, Рубашов сочинил "закон об относительной зрелости масс". Исходя из этого "закона", он убеждал себя в том, что "упрощённая и бесконечно повторяемая мысль легче укладывается в народном сознании - то,

¹ Там же. С. 153-154.

² Там же. С. 168-170.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 177.

что объявлено на сегодня правильным, должно сиять ослепительной белизной; то, что признано сегодня неправильным, должно быть тускло-чёрным, как сажа; сейчас народу нужен лубок¹. Это уничижительное представление о массах вело к признанию Рубашовым правильности пропагандистской методики Сталина, чьи речи "состояли из вопросов и ответов, в которых события препарировались с простейшей, но совершенно неопровержимой для масс логичностью"².

В этих софистических рассуждениях Кестлер полностью игнорировал разницу между руководством массами и их порабощением, подавлением. Теория, которую он приписывал большевикам, основывалась на пренебрежительном отношении к массам, тогда как подлинная большевистская теория - на доверии к массам и опоре на них. Большевистский взгляд на взаимоотношения партии и масс со всей полнотой был изложен в работе Троцкого "Их мораль и наша". "Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих, - утверждал здесь Троцкий. - Нет поэтому большего преступления, как обманывать массы, выдавать поражения за победы, друзей за врагов, подкупать вождей, фабриковать легенды, ставить фальшивые процессы, - словом, делать то, что делают сталинцы. Эти средства могут служить только одной цели: продлить господство клики, уже осуждённой историей"³.

Указывая, что активной силой в революции выступает меньшинство народа, Троцкий добавлял, что успех революции становится возможным лишь тогда, когда это меньшинство "находит большую или меньшую поддержку или хотя бы дружественный нейтралитет со стороны большинства. Смена различных стадий революции, как и переход от революции к контрреволюции непосредственно определяется изменяющимся политическим взаимоотношением между меньшинством и большинством, между авангардом и классом"⁴.

Замечая, что большевикам всегда была чужда идеализация масс, Троцкий писал: "Массы, разумеется, вовсе не безгрешны... Мы видели их в разных условиях, на разных этапах, притом в величайших исторических потрясениях. Мы наблюдали их сильные и слабые стороны. Сильные стороны: решимость, самоотверженность, героизм находили всегда наиболее яркое выражение во время подъёма революции. В этот период большевики стояли во главе масс. Затем надвинулась другая историческая глава, когда вскрылись слабые стороны угнетённых: неоднородность, недостаток культуры, узость кругозора. Массы устали от напряжения, разочаровались, потеряли веру в себя и - очистили место новой аристократии. В этот период большевики ("троцкисты") оказались изолированы от масс".

"На этих больших событиях, - продолжал Троцкий, - "троцкисты" учились ритму истории, т. е. диалектике борьбы классов. Они учились и, кажется, до некоторой степени научились подчинять этому объективному ритму свои субъективные планы и программы. Они научились не приходить в отчаяние от

¹ Там же. С. 136.

² Там же. С. 134.

³ Бюллетень оппозиции. № 68-69. С. 19.

⁴ Бюллетень оппозиции. № 66-67. С. 22-23.

того, что законы истории не зависят от наших индивидуальных вкусов или не подчиняются нашим моральным критериям... Они научились не страшиться самых могущественных врагов, если их могущество находится в противоречии с потребностями исторического развития. Они умеют плыть против течения в глубокой уверенности, что новый исторический поток могущественной силы вынесет их на тот берег. Не все доплывут, многие утонут. Но участвовать в этом движении с открытыми глазами и с напряжённой волей - только это и может дать высшее моральное удовлетворение мыслящему существу!"¹

Эти теоретические идеи Троцкий конкретизировал при критическом анализе исторических легенд, созданных вокруг отдельных эпизодов революции. Среди этих легенд, пущенных в широкое обращение в 30-е годы, ведущее место занимала легенда о Кронштадтском восстании 1921 года.

¹ Бюллетень оппозиции. № 68-69. С. 19.

XLIII

"Шумиха вокруг Кронштадта"

Кампания, поднятая по поводу событий шестнадцатилетней давности, была открыта в 1938 году одновременно в милюковских "Последних новостях", меньшевистском "Социалистическом вестнике" и в изданиях анархистов. Особенно болезненно Троцкий воспринял участие в этой кампании его бывших сторонников: Сержа, Истмена, Суварина и Цилиги. Потрясённые масштабами сталинских зверств, эти люди стремились отыскать их истоки в некоем "первородном грехе большевизма", каковым они объявили подавление кронштадтского мятежа. Их выступления на эту тему И. Дойчер справедливо назвал примером "повторяющихся процессов политической конверсии, в результате которой радикалы и революционеры одной эры превращаются в сторонников среднего курса, консерваторов или реакционеров следующей эры"¹.

Вопрос о Кронштадтском восстании был поднят в письме Троцкому члена комиссии по расследованию московских процессов Веделина Томаса. Отвечая на это письмо, Троцкий писал: "Ваша оценка кронштадтского восстания 1921 года в корне неправильна... Лучшие, наиболее самоотверженные моряки были полностью извлечены из Кронштадта и играли важную роль на фронтах и в местных Советах по всей стране. Осталась серая масса с большими претензиями ("мы, кронштадтцы!"), но без политического воспитания и без готовности к революционным жертвам. Страна голодала. Кронштадтцы требовали привилегий. Восстание диктовалось стремлением получить привилегированный паёк. У матросов были пушки и корабли. За восстание сейчас же ухватились реакционные элементы, как в России, так и за границей. Белая эмиграция требовала посылки помощи восставшим. Победа восстания ничего не могла бы принести, кроме победы контрреволюции, совершенно независимо от того, какие идеи были в головах у матросов. Но и сами эти идеи были глубоко реакционными. Они отражали вражду отсталого крестьянина к рабочему, высокомерие солдата или моряка по отношению к "штатскому" Петрограду, ненависть мелкого буржуа к революционной дисциплине. Движение имело, таким образом, контрреволюционный характер, и так как восставшие овладели оружием крепости, их можно было подавить лишь при помощи оружия"².

Более подробно эти вопросы были освещены в статье Троцкого "Шумиха вокруг Кронштадта", где ставилась задача объяснить, почему весьма разнообразные политические силы - от открытых контрреволюционеров и либералов до анархистов и некоторых вчерашних троцкистов - ухватились именно за Кронштадт. Троцкий замечал, что за годы революции большевики не раз вступали в столкновения с казаками, крестьянами, даже с некоторыми группами рабочих. Основу этих столкновений составлял главным образом антагонизм между рабочими, как потребителями, и крестьянами, как производителями и

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 467.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 56-57. С. 13-14.

торговцами хлебом. Чтобы обеспечить армию и голодающие города хотя бы минимумом продуктов, большевики вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам продразвёрстки (к которым, кстати сказать, прибегало до них царское и Временное правительство). Вначале большинство крестьян мирилось с реквизицией хлеба как со временным злом. Но гражданская война затянулась на три года, на протяжении которых город почти ничего не давал деревне и почти всё забирал у неё, главным образом для нужд войны. Результатом этого стала перемена в настроениях крестьян, благодаря которой белым зачастую удавалось привлекать их на свою сторону. Проявлениями брожения в крестьянстве были маховское движение, действия "зелёных" и тамбовское восстание, проходившее под эсеровскими лозунгами. От всех этих мелкобуржуазных движений, отмечал Троцкий, "Кронштадт отличался только большей внешней эффектностью"¹.

Идеализация кронштадтского мятежа, представленного в качестве выступления рабочих и крестьянских масс против "большевистской диктатуры", объяснялась прежде всего тем, что Кронштадт был окружён революционным ореолом. Авторы легенды о Кронштадте изображали дело таким образом, будто большевики в марте 1921 года направили оружие против тех же самых матросов, которые в 1917 году шли в авангарде Октябрьской революции.

В действительности отряды кронштадтских моряков с первых месяцев гражданской войны составили костяк первых частей Красной Армии. Эти отряды принимали активное участие в боевых действиях, продразвёрстке и организации Советской власти во многих губерниях. "Первое время казалось, что Кронштадт неисчерпаем, писал Троцкий. - Мне приходилось с разных фронтов посылать десятки телеграмм о мобилизации новых и новых "надёжных" отрядов из питерских рабочих и балтийских моряков". В результате этих мобилизаций социальный состав кронштадтского гарнизона изменился коренным образом. "Те моряки, которые оставались в "мирном" Кронштадте до начала 1921 года, не найдя себе применения ни на одном из фронтов гражданской войны, были, по общему правилу, значительно ниже среднего уровня Красной Армии и заключали в себе большой процент совершенно деморализованных элементов, носивших пышные панталоны "клёш" и причёску сутенёров"².

Это свидетельство Троцкого подтверждается направленным ему 7 марта 1921 года рапортом уполномоченного особого отдела ВЧК. В этом документе указывалось: одна из главных причин кронштадтских событий состояла в том, что большое количество моряков, не принимавших в течение трёх с лишним лет участия в военных действиях, превратились в обособленную, кастовую группу, под влиянием бездействия выродившуюся в "паразитический элемент", бессознательно подменивший революционную идеологию "непоколебимой уверенностью в том, что они - "краса, гордость и авангард революции"³.

К началу 1921 года коммунисты составляли в Кронштадте относительно скромное меньшинство. Из 26687 человек состава Кронштадтской базы только

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 9-10.

1650 человек были членами и кандидатами в члены партии. Всего же большевистские ячейки военных и гражданских учреждений Кронштадта насчитывали в то время 2680 человек¹. Из этих людей лишь единицы имели партийный стаж до 1917 года, а больше половины состояло из крестьян, вступивших в партию во время партийной недели, проходившей в сентябре 1920 года.

За время кронштадтских событий из РКП(б) вышло около 900 человек². Остальные были подвергнуты жестоким преследованиям. 10 марта был опубликован приказ коменданта Кронштадта, обязывавший всех коммунистов в 2-х-дневный срок сдать всё имеющееся у них оружие. Несмотря на многочисленные ходатайства об освобождении коммунистов, находившихся к моменту восстания в госпитале, было принято решение "пока никого не освобождать". Коммунистам, остававшимся на свободе, угрожали арестом, если "будут поступать заявления с указаниями на их вредную деятельность"³.

Учреждённым в первые дни восстания ревкомом были созданы тройки, на рассмотрение которых были всецело переданы вопросы об отстранении от занимаемых должностей бывших комиссаров и ответственных работников-коммунистов. Спешно образованные тройки обратились в свою очередь к ревкому с просьбой о срочном распоряжении "произвести поголовный обыск всех комиссаров, коммунистов и парт, работников, не считаясь с предыдущими обысками, и отобрать всё имеющееся у них оружие"⁴.

500 коммунистов после начала мятежа были арестованы и посажены в кронштадтскую следственную тюрьму, где они организовали выпуск газеты, разъяснявшей смысл происходящих событий. Комиссар Балтфлота Кузьмин, приговорённый к расстрелу, был освобождён подоспевшими вовремя красными частями за несколько минут до приведения приговора в исполнение⁵. Кроме того, 165 коммунистов с оружием в руках покинули крепость, а 135 - перешли на нелегальное положение и, рискуя жизнью, вели пропаганду среди обманутых моряков⁶.

Общее собрание заключённых коммунистов обратилось к временному ревкому с просьбой разрешить бывшему комиссару бригады линейных кораблей Зосимову отправиться в Москву на заседание очередной сессии ВЦИК с тем, чтобы осветить там истинное положение дел в Кронштадте. В ответ на это обращение ревком постановил: "Разрешения на поездку в Москву т. Зосимову не давать,.. так как... выпуск Зосимова может быть истолкован правительством РСФСР как слабость Вр. Рев. Комитета и желание его идти на компромиссы с Советским правительством, о чём речи быть не может, ввиду твёрдо выраженного желания народных масс Кронштадта навсегда освободить Россию от власти коммунистов"⁷.

¹ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 6; Новый мир. 1987. № 9. С. 42-43.

² Вопросы истории. 1994. № 4. С. 6.

³ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 19.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Драбкина Е. Великий перевал. - Юность. 1987. № 10. С. 17.

⁶ Кураев М. Капитан Дикштейн. - Новый мир. 1987. № 9. С. 43.

⁷ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 20.

Мятежники обратились по радио с воззванием "к пролетариату всех стран", в котором говорилось, что белогвардейские генералы не руководят восстанием и никаких связей с границей восставшие не поддерживают. Между тем в гарнизоне всё большую власть захватывал начальник артиллерии, бывший царский генерал Козловский, а отсутствие в крепости продовольствия вынудило ревком завязать переговоры о поставке продовольствия с американских складов Красного Креста в Финляндии (ко времени подавления мятежа в Кронштадт поступило 400 пудов продуктов). В воззвании содержался призыв к "помощи довольствием, медикаментами, а главным образом военной помощью". "Главным образом, - говорилось в воззвании, - мы обращаемся к русским людям, которые очутились на чужой земле (т. е. к белоэмигрантам - В. Р.). Мы знаем, что они придут к нам на помощь"¹.

Учитывая изменения в социальном составе кронштадтских моряков и практические действия ревкома, Троцкий замечал, что не следует брать на веру воззвания мятежников, носившие внешне революционный характер. Напоминающая известную мысль Маркса: о партиях, как и о людях, нельзя судить по тому, что они сами говорят о себе, Троцкий писал: "Характеристика партии определяется гораздо больше её социальным составом, её прошлым, её отношением к разным классам и слоям, чем её устными и печатными декларациями, особенно в критический момент гражданской войны"².

Выступившие кронштадтцев, протестовавших против сохранения методов военного коммунизма, совпало во времени с провозглашением X съездом РКП(б) перехода к нэпу. Впоследствии Ленин не раз признавал, что затяжка партии с этим переходом представляла грубую политическую ошибку. Из этого не вытекает, как подчёркивал Троцкий, что для умиротворения кронштадтцев было бы достаточно сообщить им декреты о введении нэпа. "Режим нэпа мог лишь постепенно умиротворить крестьянство, а вслед за ним - недовольные части армии и флота. Но для этого нужны были опыт и время"³.

Авторы легенды о Кронштадте выдвигали ещё один аргумент: матросы никому не угрожали, они "только" захватили крепость и военные корабли; поэтому большевикам следовало придерживаться затяжной тактики по отношению к мятежникам, предоставить их самим себе, а не спешить с подавлением восстания. Из такой оценки кронштадтских событий, указывал Троцкий, вытекало, что "большевики наступали по льду, с открытой грудью, против крепости, лишь в силу своего плохого характера, стремления искусственно вызывать конфликты, своей ненависти к кронштадским морякам или к доктрине анархизма"⁴. В действительности одна только нужда в продовольствии поставила бы крепость в прямую зависимость от иностранной буржуазии и белых эмигрантов. Все необходимые приготовления к такой "помощи" уже велись.

И эти ретроспективные сообщения Троцкого подтверждаются недавно опубликованными документами о кронштадтских событиях. 10 марта 1921 го-

¹ Вопросы истории. 1994. № 7. С. 32.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же.

да Троцкий направил членам Политбюро письмо, в котором говорилось: "Кронштадтом можно овладеть только до оттепели. Как только залив станет свободным для плавания, установится связь Кронштадта с границей. В то же время остров станет недоступным для нас. Надежды на сдачу из-за отсутствия продовольствия совершенно необоснованны, так как до открытия навигации продовольствия у восставших хватит"¹.

О "миролюбии" главарей мятежа свидетельствовали их показания на допросах. Так, Козловский заявил, что, "горя пламенным желанием спасти Россию, восстановить её могущество, сохранив старые традиции единой и неделимой", он считал необходимым вооружённой силой свергнуть Советскую власть. В этих целях он использовал партии эсеров и меньшевиков и лозунг "справедливой Советской власти, принимая во внимание, что по получении помощи извне этот лишний балласт будет им отброшен"².

Председатель ревкома Петриченко на допросе сообщил, что махновская организация, потерпев поражение в открытых боях с Советской властью, сочла нужным направить своих работников в подпольные организации на севере страны, где можно было использовать в антисоветских целях продовольственные и топливные затруднения.

Через Финляндию в Кронштадт пробрался агент Антанты, служивший в войсках Деникина и после их разгрома оказавшийся в эмиграции, где ему было предложено отправиться в Россию для ведения подпольной работы. Французское консульство в Швеции выдало ему на пути в Кронштадт золото, документы и инструкции.

Ещё до начала мятежа его организаторы связались с эмигрантскими кругами Западной Европы, прежде всего с лидером партии эсеров Черновым, пославшим своего представителя в Кронштадт и намеревавшимся вскоре самому прибыть туда. В преддверии своего приезда Чернов заявил: "Советская власть так сильна, что сразу свергнуть её нельзя... Действовать нужно осторожно. Открыто нужно действовать только против коммунистов, но не против Советской власти". Инструкцию о том, как следует действовать, чтобы свергнуть Советскую власть, написал и другой известный эсеровский главарь Савинков³.

Уже за несколько недель до мятежа в зарубежных газетах появились сообщения о том, что в Кронштадте происходит восстание. С первых дней мятежа восставшие отнюдь не придерживались выжидательной тактики, а обстреливали огнём судовой артиллерии верные Советской власти войска, расположенные на прилегавшей к крепости местности, а также военные объекты в городе Ораниенбауме. Красными войсками был захвачен приказ о наступлении на Петроград. Этот приказ не был осуществлён только потому, что у мятежников не имелось больших сил для наступления.

Об ожесточённости сопротивления мятежников свидетельствует тот факт, что X съезду РКП (б) пришлось мобилизовать четверть своего состава для

¹ Вопросы истории. 1994. № 6. С. 26.

² Вопросы истории. 1994. № 7. С. 3-4.

³ Там же. С. 32-33.

наиболее быстрого подавления мятежа. Во время боев за Кронштадт красноармейские части потеряли до 1200 человек убитыми.

Напоминая о некоторых из этих фактов, Троцкий писал, что "большевики сочли своим долгом потушить пожар в самом начале и, следовательно, с наименьшими жертвами"¹. Благодаря этому кронштадтский мятеж не открыл новой главы гражданской войны, а стал её заключительным эпизодом.

"Шумиха вокруг Кронштадта" включала ещё один важный аспект - указание на личную ответственность Троцкого, якобы возглавлявшего подавление мятежа. Некоторые бывшие троцкисты признавали контрреволюционный характер восстания, но заявляли, что Троцкий не должен был после подавления мятежа осуществлять беспощадные репрессии над его участниками. Утверждая, что Троцкий в автобиографии сознательно умолчал о своей роли в усмирении Кронштадта, Суварин иронически замечал: "Есть подвиги, которыми не гордятся".

Приведя наиболее одиозные высказывания такого рода, Троцкий писал, что в предыдущих статьях о Кронштадте он не касался своей роли в этих событиях "не потому, что мне нужно было что-то скрывать, а как раз наоборот, потому что мне нечего было сказать". Он подчёркивал, что не снимает с себя ответственность за усмирение Кронштадта, поскольку он вместе с другими членами Центрального Комитета партии голосовал за подавление восстания силой в том случае, если не удастся побудить крепость к сдаче путём мирных переговоров. Но когда критики начинают обвинять его лично в чрезмерной жестокости, не вызванной обстоятельствами, продолжал Троцкий, он считает себя вправе сказать: "Господа моралисты, вы немножко привираете"².

14 ноября 1938 года в письме своим парижским корреспондентам Троцкий замечал, что 5 марта он как председатель Реввоенсовета подписал приказ о подавлении мятежа³. В этом приказе, намечавшем ряд оперативных мероприятий, содержалось предупреждение мятежникам: если в течение 24 часов мятеж не будет прекращён, против крепости будут открыты военные действия регулярными частями Красной Армии. В тот же день Троцкий выпустил обращение "К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов", в котором предлагалось "всем поднявшим руку против Социалистического Отечества немедленно сложить оружие". Здесь же Троцкий сообщал: "одновременно мною отдается распоряжение подготовить всё для разгрома мятежа и мятежников вооружённой рукой"⁴.

Вспоминая об этом, Троцкий высказывал предположение, что после публикации этих документов в Петрограде сознательно были пущены слухи о его руководстве действиями Красной Армии - с тем, чтобы запугать мятежников. Однако и первое, неудачное наступление на Кронштадт, начавшееся 8 марта, и новый штурм, начавшийся в ночь на 17 марта, в результате которого крепость

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 26.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 10.

³ Коллекция Николаевского. Ящик 92. Папка 3.

⁴ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 5-6.

на следующий день оказалась в руках Красной Армии, происходили без его малейшего участия¹.

Говоря о своём полном и демонстративном отстранении от прямого и косвенного участия в военных операциях и последующих репрессиях, Троцкий указывал, что причины такого его поведения носили политический характер. За несколько недель до восстания он посетил Петроград и Кронштадт, где выступал на партийных собраниях с изложением своей позиции в дискуссии о профсоюзах. Подавляющее большинство коммунистов Кронштадта проголосовало тогда за платформу, защищавшуюся Зиновьевым, которая была противоположна платформе Троцкого. После получения известий о мятеже Троцкий заявил на заседании Политбюро, что его участие в военных действиях может быть истолковано кронштадтцами как намерение мстить им за то, что они голосовали против него в только что завершившейся дискуссии. Поэтому он предложил, чтобы переговоры с восставшими, а в случае необходимости - и их усмирение осуществлялись теми партийными деятелями, которые недавно пользовались доверием моряков. Никто из членов Политбюро не возражал против этих соображений. Что же касается репрессий по отношению к восставшим, то руководство ими было поручено Дзержинскому².

Уже 17 марта "вожди" восстания, бросив моряков, сбежали в Финляндию. Туда же направилась и значительная часть рядовых мятежников, но уже спустя несколько дней началось обратное движение моряков из Финляндии в Советскую Россию. К середине мая на родину вернулось несколько сот человек. Спустя полгода после разгрома мятежа Президиум ВЦИК в ознаменование четвёртой годовщины Октябрьской революции объявил полную амнистию всем рядовым участникам восстания и предоставил им возможность вернуться в Советскую Россию.

Конечно, после подавления мятежа имели место репрессии по отношению к его активным участникам. С 20 марта по 15 апреля 1921 года было арестовано 3 тысячи человек, из которых 40 % были приговорены к высшей мере наказания, 25 % - к пяти годам принудительных работ и 35 % освобождены³.

"Были ли излишние жертвы, не знаю, - писал Троцкий. - Дзержинскому верю в этой сфере больше, чем его запоздалым критикам. Решать теперь, а posteriori, кого и как нужно было покарать, я не берусь за полным отсутствием данных... Но я готов признать, что гражданская война не есть школа гуманности. Идеалисты и пацифисты всегда обвиняли революцию в "эксцессах". Но суть такова, что эти "эксцессы" вытекают из самой природы революции, которая сама является "эксцессом" истории. Кому угодно, пусть отвергает на этом основании (в статейках) революцию вообще. Я её не отвергаю. В этом смысле я несу за усмирение кронштадтского восстания ответственность полностью и целиком"⁴.

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 92, Папка 3.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 10.

³ Вопросы истории. 1994. № 7. С. 25.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 10.

XLIV

"Их мораль и наша"

В работах 30-х годов, посвящённых кронштадтскому мятежу и другим событиям первых послереволюционных лет, немалое место занимали "обличения" большевиков за якобы присущий им аморализм. Эта линия нападок на большевизм также составляла часть идеологической кампании, направленной на отождествление сталинских зверств с политикой и идеологией большевизма. Это побудило Троцкого к написанию ряда работ о принципах революционной, большевистской морали, важнейшей из которых была статья "Их мораль и наша". Под "нашей" моралью имелась в виду мораль большевиков, под "их" моралью - буржуазная мораль и мораль сталинистов.

Известно, что сам Сталин никогда не выступал публично по вопросам морали. В его работах, разумеется, отсутствует и прямая проповедь морального нигилизма. Однако существует исторический источник, высвечивающий его подлинное отношение к морально-этическим принципам. Речь идёт о развёрнутой записи, оставленной им на обложке принадлежащего ему экземпляра ленинской книги "Материализм и эмпириокритицизм". Эта запись, сделанная Сталиным для себя, содержала утверждение культа силы как единственно эффективного политического принципа, перед которым все моральные пороки и изъяны оказываются незначительными величинами (именно такую "нравственную философию" Кестлер безосновательно приписывал всем большевикам). Поскольку данная запись может рассматриваться как единственное искреннее обоснование Сталиным своего поведенческого кредо, уместно привести её целиком:

"1) слабость

2) лень

3) глупость -

единственное, что может быть названо пороками.

Всё остальное - при отсутствии вышеуказанного составляет несомненно добродетель!

NB! Если человек

1) силён (духовно)

2) деятелен

3) умен (или способен), то он хороший, независимо от любых иных "пороков"!

(1) и (3) дают (2)"¹.

В 20-е годы появилось немало работ большевистских идеологов, посвящённых вопросам этики и морали. Во многих из них содержалось нигилистическое и релятивистское истолкование нравственных принципов, что было связано с вульгаризацией марксистского учения, идущей от работ Преображенского и Бухарина. В брошюре "О морали и классовых нормах" Преобра-

¹ Правда. 1994. 21 декабря.

женский, категорически отвергая "вечные нормы" морали, настаивал на относительности всех моральных принципов и защищал прагматическое положение, согласно которому в любом (в том числе и в социалистическом) обществе нравственным считается только то, что выгодно руководящей группе или классу. Аналогичное понимание морали выдвигалось в работах соавтора Преображенского по "Азбуке коммунизма" Бухарина. В книге "Теория исторического материализма" он склонялся к толкованию морали (отождествляемой им с этикой) как фетишистской формы общественного сознания, которая должна исчезнуть при коммунизме. "Самое существо этики, - писал он, - в том и состоит, что это есть нормы, которые обхвачены фетишистской оболочкой. Фетишизм есть *существо* этики... Этика... предполагает фетишистский туман, в котором многие теряют дорогу". Пролетариату же, по мнению Бухарина, нужны простые и понятные нормы поведения, носящие характер "таких же технических правил, как для столяра, который делает табуретку... Если он хочет добиться коммунизма, то ему нужно делать то-то и то-то, как столяру, делающему табуретку. И всё, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать"¹.

Нетрудно обнаружить в этом пункте влияние на Бухарина богдановской "организационной науки", в которой мораль рассматривалась как одно из средств организации коллективных усилий класса.

Конечно, в литературе 20-х-30-х годов встречались и более верные взгляды на мораль и её соотношение с политикой^{2*}. Однако ни в одной из работ этого времени (как, впрочем, и предыдущих, и последующих лет) не содержалось столь глубокого и последовательного освещения марксистской этической концепции, как в работе Троцкого "Их мораль и наша".

Многочисленные антикоммунистические авторы, доказывающие "аморализм" большевиков, обычно обходят эту классическую марксистскую работу, сводя всё содержание революционной, большевистской морали и этики к ленинскому тезису "Наша нравственность подчинена вполне интересам классово-вой борьбы пролетариата"³. При этом игнорируется то обстоятельство, что эти слова были сказаны Лениным в речи на III съезде комсомола, т. е. в беседе с 15-20-летними юношами и девушками, а не выдвинуты в теоретическом трактате, и поэтому были обоснованы публицистическими, доходчивыми для массового сознания аргументами, а не системой научных доказательств. Не обращается внимание и на дальнейшую расшифровку в речи Ленина этой формулы, раскрывающую её гуманистическое, в конечном счёте общечеловеческое содержание: "нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше..."; коммунистическая мораль противоположна "той психологии и тем привычкам, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела"⁴.

¹ Бухарин Н. Теория исторического материализма. М., 1923. С. 239.

² Подробнее об этом см. в статье: Роговин В. З. "Дискуссии по проблемам быта и культуры в Советской России 20-х годов". - Сб. "Социальные исследования". Вып. 7. М., 1971.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

⁴ Там же. С. 312, 313.

В работе Троцкого нет прямых ссылок на речь Ленина. Но её сближает с этой речью отрицание "нравственности, взятой вне человеческого общества", выведения морали и нравственности из "велений бога", "из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога"¹. Как мы увидим несколько ниже, у Троцкого, по существу, повторяются те же мысли, хотя они - в соответствии с отличием теоретической работы от публицистического выступления - облечены в более строгие, выверенные, завершённые формулировки.

В работе "Их мораль и наша" Троцкий как бы подвергал ленинские идеи дальнейшей конкретизации, показывая, *что* действительно служит делу революционного пролетариата, а *что* уводит от его великих классовых и в то же время общечеловеческих, всемирно-исторических задач.

В своём научном анализе Троцкий опирался на неизвестный Ленину позитивный и негативный социальный опыт, накопленный за годы социалистического строительства в СССР. Он критиковал моральные и идеологические иллюзии, характерные для первоначальных этапов этого строительства, беспощадно вскрывал ошибки и гневно клеймил преступления, проявившиеся в ходе первой великой битвы за социальное равенство, т. е. за освобождение человечества от всех видов классового и национального угнетения.

Менее всего Троцкий (как и Ленин) был склонен утверждать, что революционная политика делает ненужной мораль или "освобождает" себя от моральных обязательств. Точно так же он отнюдь не давал индульгенции всем ошибкам и эксцессам, которые могут обнаружиться в ходе революционной практики.

Описывая реальное состояние нравственных отношений в классово-антагонистических обществах, Троцкий исследовал вопрос о том, при каких исторических условиях возникает потребность в использовании таких политических средств, как убийство или ложь. В этом исследовании он столь же строго объективен, как марксистский экономист или социолог, доказывающий неизбежность безработицы или социальной дифференциации в обществе, основанном на рыночных отношениях.

Эта объективность не мешала использованию Троцким понятия "суд морали"- для раскрытия различий перед лицом этого суда социального смысла внешне сходных политических поступков, для разграничения различных видов социального насилия.

Троцкий исходил из того, что мораль больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер. Этому не противоречит существование элементарных норм морали, выработанных развитием человечества, как целого, и необходимых для существования всякого человеческого коллектива. Эти нормы выражают тот факт, что человек в своём индивидуальном поведении должен подчиняться определённым правилам, вытекающим из его принадлежности к обществу. Но эти общепризнанные правила морали (принимающие в религии форму заповедей) носят абстрактный характер. Ограниченность и неустойчивость силы их действия прослеживаются на судьбе самого "категори-

¹ Там же. С. 309, 310.

ческого" морального правила или морального запрета. "В "нормальных" условиях "нормальный" человек соблюдает заповедь "не убий!", - писал Троцкий. - Но если он убьёт в исключительных условиях самообороны, то его оправдают присяжные. Если, наоборот, он падёт жертвой убийцы, то убийцу убьёт суд... Что касается государства, то в мирное время оно ограничивается легализованными убийствами единиц, чтобы во время войны превратить "общеобязательную" заповедь "не убий!" в свою противоположность. Самые гуманные правительства, которые в мирное время "ненавидят войну", провозглашают во время войны высшим долгом своей армии истребить как можно большую часть человечества"¹.

С чисто моральной точки зрения невозможен и ответ на вопрос о допустимости или недопустимости индивидуального террора. Непригодность моральных абсолютов в этом остром вопросе обнаруживается в том факте, что даже "консервативные швейцарские буржуа и сейчас воздают официальную хвалу террористу Вильгельму Теллю". Прогрессивное общественное мнение было на стороне ирландских, русских, польских или индусских террористов, боровшихся против политического или национального гнёта. В условиях гражданской или национально-освободительной войны убийства отдельных насильников перестают быть актами индивидуального терроризма. "Если бы, скажем, революционер взорвал на воздух генерала Франко и его штаб, вряд ли это вызвало бы нравственное возмущение даже у демократических евнухов"². Сегодня к этому мы можем прибавить, что в Германии чтут память участников заговора, осуществивших в июле 1944 года неудавшееся покушение на Гитлера.

Троцкий указывал, что элементарные правила морали, наряду с принципами демократии и привычками социального мира, действуют в эпохи относительно бескризисного развития общества. В этих условиях, "чтоб обеспечить торжество своих интересов в больших вопросах, господствующие классы вынуждены идти во второстепенных вопросах на уступки, разумеется, лишь до тех пор, пока эти уступки мирятся с бухгалтерией. В эпоху капиталистического подъёма, особенно в последние десятилетия перед войной, эти уступки... имели вполне реальный характер... Отношения между классами, по крайней мере, внешним образом, смягчились... Создавалось впечатление всё более свободного, справедливого и гуманного общества. Восходящая линия прогресса казалась "здравому смыслу" бесконечной".

Однако вместо дальнейшего движения по этому пути разразилась первая мировая война, принесящая человечеству массу потрясений, кризисов и катастроф. "Предохранительные механизмы демократии стали взрываться один за другим. Элементарные правила морали оказались ещё более хрупкими, чем учреждения демократии и иллюзии реформизма. Ложь, клевета, взяточничество, подкуп, насилия, убийства получили небывалые размеры"³.

Оценка нравственного состояния человечества, которую дал марксист Троцкий, совпадает с оценками некоторых авторитетных либеральных иссле-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 9.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 9.

дователей середины и второй половины XX века. К ним принадлежит, например, лауреат Нобелевской премии Альберт Швейцер, гуманизм которого подтверждён его собственной подвижнической жизнью. "Солнце этики нашего поколения заволокло тяжёлыми тучами, - писал он в 50-х годах нашего века. - ...Совершенно непонятым образом общество начинает благосклонно относиться... к идеям антигуманности". Причины этого Швейцер усматривал, в частности, в том, что "мы привыкли к тому, что высокие надежды предыдущих поколений предаются осмеянию... Мы боимся признаться себе в том, что уже многие десятилетия наши души разъедает ржавчина пессимизма". Современные философы, по Швейцеру, находят себе "прибежище в этических руинах", поскольку не контролируют свою ангажированность, не замечают, что своё мировоззрение строят по образцу заинтересованного, эгоистичного, неморального отношения к жизни¹.

Такое совпадение оценок свидетельствует: "классовый подход" не только не мешает адекватно видеть этическую реальность, но и помогает предвосхищать её будущие состояния.

С элементарными правилами морали тесно связан "общечеловеческий" здравый смысл, который Троцкий называл низшей формой интеллекта. "Основной капитал здравого смысла состоит из элементарных выводов общечеловеческого опыта: не класть пальцев в огонь, идти по возможности по прямой линии, не дразнить злых собак... и пр., и пр. При устойчивости социальной среды здравый смысл оказывается достаточен, чтобы торговать, лечить, писать стихи, руководить профессиональным союзом, голосовать в парламенте, заводить семью и плодить детей. Но когда тот же здравый смысл пытается выйти за свои законные пределы на арену более сложных обобщений, он обнаруживает себя лишь как сгусток предрассудков определённого класса и определённой эпохи". Такая ограниченность здравого смысла вызвана тем, что он "оперирует неизменными величинами в мире, где неизменна только изменчивость"², Поэтому здравый смысл оказывается пригодным лишь в эпохи эволюционного развития, для которых характерны относительно медленные темпы социальных изменений. Для познания же катастрофических нарушений "нормального" хода вещей, таких, как экономические кризисы, революции, контрреволюции и войны, необходимы более высокие качества интеллекта, философское выражение которых даёт диалектический материализм.

С позиций диалектического материализма Троцкий рассматривал проблему цели и средств, решение которой антикоммунисты всегда считали главным моральным изъяном большевизма. Наиболее ярко эта точка зрения выражена в повести А. Кестлера "Слепящая тьма", где следование принципу "цель оправдывает средства" объявляется тем пунктом, в котором в годы большого террора "стиралось различие между следователем и подследственным, палачом и жертвой"³. Следователь, вымогая у Рубашова лживые признания, заявляет: "Закон "цель оправдывает средства" есть и останется во веки веков единствен-

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 271, 275.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 9.

³ Кестлер А. Слепящая тьма. С. 201.

ным законом политической этики; всё остальное - дилетантская болтовня"¹. В этот тезис перед смертью сам Рубашов вносит следующий корректив: "Возможно, ошибка (большевиков - В. Р.) коренилась... в аксиоме, что цель оправдывает средства. Она убила революционное братство и превратила бойцов Революции в одержимых"². Наконец, сам Кестлер в послесловии к книге закрепляет этот тезис в таких выражениях: "Их (большевиков) подлинная виновность в том, что интересы человечества они поставили выше интересов человека, мораль принесли в жертву целесообразности, а средства - цели. И вот они должны умереть, ибо с точки зрения Истории их смерть целесообразна, умереть от руки людей, думающих одинаково с ними"³.

О том, какое отношение вся эта софистика имеет к истине, говорит разбор Троцким данного "наиболее популярного и наиболее импонирующего обвинения, направленного против большевистского "аморализма", которое выдвигалось задолго до Кестлера. Отвечая на вопросы Веделина Томаса, Троцкий писал: "Как и многие другие, вы видите источник зла в принципе "цель оправдывает средства". Сам по себе этот принцип очень абстрактен и рационалистичен. Он допускает самые различные толкования. Но я готов взять на себя защиту этой формулы - под материалистическим и диалектическим углом зрения. Да, я считаю, что нет средств, которые были бы хороши или дурны сами по себе или в зависимости от какого-либо абсолютного, сверхисторического принципа".

Это не означает, подчёркивал Троцкий, что вероломство и предательство допустимы и оправданы, если они ведут к "цели". Сам выбор средств зависит от характера цели. "Если целью является освобождение человечества, то ложь, подлог и измена никак не могут быть целесообразными средствами. Эпикурейцев противники их обвиняли в том, что, "проповедуя счастье", они спускаются к идеалу свиньи, на что эпикурейцы не без основания отвечали, что их противники понимают счастье... по-свински"⁴.

Нельзя не отметить, что через несколько десятилетий именно эта проблема - неразрывная связь цели и средств, предполагающая нравственную обоснованность прежде всего *цели*, - рассматривалась как центральная в наиболее фундаментальных советских работах по этике. Один из ведущих специалистов в этой области О. Г. Дробницкий подчёркивал, что даже категорический императив Канта не универсален, поскольку "из чисто формального принципа невозможно вывести никакого конкретного нравственного содержания... С его помощью ещё нельзя совершить выбор... Способность человека представить свою максиму (т. е. свою цель и выбранные средства - В. Р.) в качестве всеобщей не исключает морального произвола"⁵. Поэтому не "общечеловеческие ценности" и не "моральное чувство", а рациональное моральное *обоснование* своих *целей* является ядром нравственности человека и общества. Как спра-

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 200.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 56-57. С. 12-13.

⁵ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 201-202.

ведливо отмечал Жан-Поль Сартр, когда человек выбирает поступок или принцип действия, то он выбирает вместе с собой всё человечество, каким оно должно быть¹. Если согласиться с этим, то нужно признать, что политический (т. е. классовый) выбор - это фундаментальный элемент нравственной позиции не только общества, но и каждого человека.

Вопросы соотношения цели и средств в революционной практике широко освещались в партийной публицистике 20-х годов. Эта проблема стояла, например, в центре статьи старого большевика Лепешинского, в которой автор отвечал на вопрос, часто поднимавшийся в те годы на партийных и комсомольских собраниях: "Как вы смотрите на иезуитскую мораль: цель оправдывает средства?" "С точки зрения класса иначе и быть не может, как только приспособление всяческих средств к достижению целей, которые ставит себе класс, - писал Лепешинский. - Весь секрет только в том, чтобы правильно распознать это средство. Если средство только по-видимому ведёт к цели, а на самом деле отдаляет от неё, то средство плохое, и если оно при этом может стать предметом моральной оценки, то смело можете назвать его безнравственным". К таким средствам Лепешинский относил в первую очередь массовые расправы, продиктованные слепым чувством мести и не различающие виноватых и невиновных.

Неразрывность критериев политической целесообразности и нравственной допустимости лежала и в основе ответа Лепешинского на более конкретный вопрос: "Как вы смотрите на пытки? Оправдывает ли их коммунистическая совесть, если к ним станет прибегать какая-нибудь чека?" "Отвечаю не обинуясь, - писал Лепешинский. - Пытки принадлежат к числу самых нецелесообразных способов раскрытия заговоров, преступлений или военных секретов. Даже царские генералы или штабы не прибегали к пыткам шпионов и уж во всяком случае не по человеколюбию. Поэтому никакими соображениями такого рода методы не могут быть оправданы - ни с точки зрения интересов классовой борьбы, хотя бы и очень острой, ни с точки зрения обычной житейской морали". Тот же подход к проблеме цели и средств в революции определял характер ответа Лепешинского на вопрос: "Имеет ли коммунист нравственное право хлопотать за человека, сидящего в Москве на Лубянке?" "Ну, конечно, имеет право и даже должен, - писал Лепешинский, - если уверен, что его вмешательство в область компетенции "Лубянки" не только не воспрепятствует борьбе коммунистов с их классовыми врагами, а даже поспособствует исправить допущенную ошибку или устранить ненужную, бесцельную жестокость".

Лепешинский подчёркивал, что к нормам большевистской этики относятся великодушие и гуманность. "Где соображения простой человечности... не вступают в противоречие с интересами классовой борьбы пролетариата, там эта "человечность" не просто "допускается" этикой пролетариата, но и входит в неё в качестве составной её части, - писал он. - Пролетариат, например, не отказывается, в случае надобности, убить классового врага, но он великоду-

¹ См.: Философия Канта и современность. М., 1974. С. 120.

шен (и возводит это великодушие в этический принцип) к врагу побеждённого и обезвреженному¹.

Разделяя такого рода взгляды, Троцкий рассматривал проблему цели и средств в широком философском контексте. "Если мы захотим взять господ обличителей всерьёз, - писал он, - то должны будем прежде всего спросить их, каковы же их собственные принципы морали... Допустим, в самом деле, что ни личная, ни социальная цели не могут оправдать средства. Тогда нужно, очевидно, искать других критериев, вне исторического общества и тех целей, которые выдвигаются его развитием. Где же? Если не на земле, то на небесах... Без бога теория вечной морали никак обойтись не может".

Рассматривая взгляды тех философов, которые пытались обосновать вечные принципы морали без апелляции к религии, Троцкий подчёркивал, что их рассуждения неизбежно вели "к признанию особой субстанции, "морального чувства", "совести" как некоего абсолюта, который является ни чем иным, как философско-трусливым псевдонимом бога"².

Социальная необходимость в выработке "надклассовой морали" возникает потому, что режим, устанавливающий и охраняющий привилегии для меньшинства населения, "не мог бы держаться и недели на одном насилии. Он нуждается в цементе морали. Выработка этого цемента составляет профессию мелкобуржуазных теоретиков и моралистов"³.

В этой связи Троцкий напоминал, что в конце XIX века возникла целая школа философов, которая стремилась дополнить "ограниченный" классовый подход Маркса самодовлеющим, т. е. надклассовым нравственным принципом. Начав с Канта и его категорического императива, все эти теоретики и общественные деятели кончили тем, что превратились в ярых антикоммунистов и защитников религии. "Струве ныне - отставной министр крымского барона Врангеля и верный сын церкви; Булгаков - православный священник; Бердяев истолковывает на разных языках апокалипсис. Столь неожиданная, на первый взгляд, метаморфоза объясняется отнюдь не "славянской душой" - у Струве немецкая душа - а размахом социальной борьбы в России. Основная тенденция этой метаморфозы, по существу, интернациональна".

Авторы, укорявшие большевиков в следовании принципу "цель оправдывает средства", обычно называли этот принцип иезуитским, поскольку он был впервые выдвинут в эпоху реформации, когда социальная борьба выступала в теологической форме - в виде борьбы между иезуитами и приверженцами других религиозных учений. "Такая внутренне противоречивая и психологически немыслимая доктрина, - писал Троцкий, - была злонамеренно приписана иезуитам их протестантскими, а отчасти католическими противниками, которые не стеснялись в средствах для достижения *своей* цели". В действительности же иезуитские теологи, ставившие, подобно теологам других школ, вопрос о личной ответственности, учили, что само по себе средство индифферентно в моральном смысле и что его моральное оправдание или осуждение вытекает из

¹ Молодая гвардия. 1922. № 3. С. 128.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 68-69. С. 7.

³ Там же. С. 9.

той цели, которой оно служит. "Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребёнку, - благо; выстрел с целью насилия и убийства - преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели сказать".

В соответствии с характером и интересами тех классов, на которые они опирались, иезуиты представляли реакцию, а протестанты - прогресс. Однако ограниченность этого прогресса находила отражение и в протестантской морали. "Так, "очищенное" ими учение Христа вовсе не мешало городскому буржуа Лютеру призывать к истреблению восставших крестьян, как бешеных собак"¹.

Переходя к анализу диалектической взаимосвязи целей и средств, Троцкий подчёркивал, что марксизму чуждо их дуалистическое толкование. В практической жизни и в историческом движении цель и средства непрерывно меняются местами. Ближайшая цель становится средством для достижения более отдалённой цели.

Признание того, что средства должны быть органически подчинены цели, приводит к выводу о том, что и цель в свою очередь должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, "цель оправдана, если она ведёт к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком". Эти общие и поистине общечеловеческие критерии, однако, не дают готового ответа на вопрос о том, что позволено и что недопустимо в каждом конкретном случае. Правильный ответ на такие вопросы может дать только живой опыт политического движения, освещенный теорией. В этом смысле революционная мораль сливается с революционной стратегией и тактикой. В наиболее общем, суммарном виде ответ будет гласить: для революционера позволено всё то, что *действительно* ведёт к освобождению человечества. "Именно из этого вытекает, что *не* все средства позволены. Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает в качестве средств все те низменные приёмы и методы, которые... пытаются осчастливить массу без её участия; или понижают доверие массы к самой себе и к своей организации, подменяя его преклонением перед "вождями"².

Необходимые для победы в политической борьбе волевые качества сами по себе нейтральны в моральном смысле. Их моральное или аморальное содержание зависит от того, каким историческим целям они служат. "Мораль каждой партии, - писал Троцкий, - вытекает в последнем счёте из исторических интересов, которые она представляет. Мораль большевизма, включающая в себя самоотверженность, бескорыстие, мужество, презрение ко всему мишурному и фальшивому - лучшие качества человеческой природы! - вытекала из революционной непримиримости на службе угнетённых. Сталинская бюрократия и в этой области имитирует слова и жесты большевизма. Но когда "непримиримость" и "непреклонность" осуществляются через полицейский

¹ Там же. С. 7-8.

² Там же. С. 18.

аппарат, состоящий на службе привилегированного меньшинства, они становятся источником деморализации и гангстерства"¹.

Этими же критериями Троцкий руководствовался и при оценке внешне сходных конкретных политических мер, применявшихся большевиками и сталинистами, в частности, введения института заложников. "Сталин арестовывает и расстреливает детей своих политических противников после того, как эти противники уже сами расстреляны по ложным обвинениям. При помощи института семейных заложников Сталин заставляет возвращаться из-за границы тех советских дипломатов, которые позволили себе выразить сомнение в безупречности Ягоды или Ежова". В этой связи некоторые "моралисты" указывали, что Троцкий в 1919 году "тоже" ввёл закон о заложниках, т. е. о задержании родственников офицеров Красной Армии, перешедших на сторону противника. "Не будем настаивать здесь на том, - писал по этому поводу Троцкий, - что декрет 1919 г. вряд ли хоть раз привёл к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимые человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции"². Дело в конце концов не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей".

Различие морального содержания одинаковых мер, применявших полярными политическими силами во имя противоположных исторических целей, по словам Троцкого, наблюдалось во всех гражданских войнах. "Предоставим какому-нибудь Эмилю Людвигу и ему подобным, - замечал он, - писать портрет Авраама Линкольна с розовыми крыльшками за плечами. Значение Линкольна в том, что для достижения великой исторической цели, поставленной развитием молодого народа, он не останавливался перед самыми суровыми средствами, раз они оказывались необходимы. Вопрос даже не в том, какой из воюющих лагерей причинил или понёс самое большое число жертв. У истории разные мерилы для жестокостей северян и жестокостей южан в гражданской войне. Рабовладелец, который при помощи хитрости и насилия заковывает раба в цепи, и раб, который при помощи хитрости и насилия разбивает цепи, - пусть презренные евнухи не говорят нам, что они равны перед судом морали!"³.

Каждой войне сопутствует не только "необходимая", но и, так сказать, "избыточная" жестокость: мародёрство, насилия над мирным населением и т. п. В условиях войны враждующие стороны начисто забывают о кантовском императиве, ибо "враги", "враждебная нация" рассматриваются как люди иного сорта, в отношении которых моральные запреты перестают действовать. В этой связи уместно подчеркнуть: критики большевизма игнорировали тот факт, что именно большевики, и прежде всего Троцкий как руководитель

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 17.

² Современные "демократы", получившие доступ ко всем российским архивам, не смогли найти в них ни одного документа, свидетельствующего о расстреле в годы гражданской войны родственников офицеров-изменников.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 14-15.

Красной Армии, беспощадной рукой пресекали эксцессы гражданской войны. Так, в тезисах "Руководящие начала ближайшей политики на Дону", выпущенных вскоре после казачьего восстания, Троцкий писал: "Мы разъяряем казачеству словом и показываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое... Мы строжайше следим за тем, чтобы продвигающаяся вперед Красная Армия не производила грабежей, насилий и проч."¹.

В работе "Их мораль и наша" Троцкий высказывал твердую убежденность в том, что потомки принципиально по-разному отнесутся к жестокости большевиков и к преступлениям сталинистов. "Память человечества великодушна, когда суровые меры применяются на службе великим историческим целям. Но история не простит ни одной капли крови, принесенной в жертву новому молоху произвола и привилегий. Нравственное чувство находит своё высшее удовлетворение в несокрушимой уверенности, что историческое возмездие будет отвечать размерам преступлений"².

Историческое содержание социальной и политической борьбы формирует и определяет моральный облик её носителей. Исходя из того, Троцкий писал по поводу обвинений Ленина в "аморализме", широко распространявшихся врагами большевизма: "Аморализм" Ленина, т. е. отвержение им надклассовой морали, не помешало ему всю жизнь сохранять верность одному и тому же идеалу; отдавать всю свою личность делу угнетённых; проявлять высшую добросовестность в сфере идей и высшую неустранимость в сфере действия; относиться без тени превосходства к "простому" рабочему, к незащищённой женщине, к ребёнку. Не похоже ли, что "аморализм" есть в данном случае только синоним для более высокой человеческой морали?"³.

Все названные Троцким нравственные качества, присущие Ленину, начисто отсутствовали в лагере сталинистов. Кульминация их действительного аморализма - судебные подлоги - отнюдь не вытекала из отвержения большевиками внеклассовой морали. Как и другие важные события истории, эти подлоги выступали продуктом конкретной социальной борьбы, в данном случае принявшей самый вероломный и зверский характер борьбы новой аристократии против масс, поднявших её к власти. "Чтоб приспособить правящую партию для задач реакции, бюрократия "обновила" её состав путём истребления революционеров и рекрутирования карьеристов".

При этом сталинизм, как всякая социальная реакция, оказался вынужденным маскировать свои подлинные цели. "Чем резче переход от революции к реакции, т. е. чем больше реакция зависит от традиций революции, - указывал Троцкий, - т. е. чем больше она боится масс, тем больше она вынуждена прибегать к лжи и подлогу в борьбе против представителей революции". Всякая реакция возрождает и усиливает те элементы дореволюционного прошлого, которым революция нанесла удар, но с которыми она не смогла или не успела до конца справиться. Это в особой мере относится к сталинизму, чьи методы "доводят до конца, до высшего напряжения и вместе до абсурда все те приёмы

¹ Цит. по: Волкогонов Д. А. Троцкий. Т. I. С. 284.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 4.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 17.

лжи, жестокости и подлости, которые составляют механику управления во всяком классовом обществе, включая и демократию. Сталинизм - сгусток всех уродств исторического государства, его злоецающая карикатура и отвратительная гримаса"¹.

В этой связи уместно подчеркнуть ещё один аспект проблемы соотношения цели и средств. Неоднократно в истории тайные замыслы реакционных политических деятелей коренным образом отличались от публично провозглашаемых ими целей, а средства, избранные ими, - от тех, которые декларировались. Так, Сталин никогда не заявлял, что планирует физически уничтожить большинство партии и её Центрального Комитета. Подчёркивая, что истинные цели и средства Сталина были глубоко скрытыми и маскировались его заявлениями прямо противоположного характера, М. Байтальский в своих воспоминаниях писал: "В действиях, которые в конечном счёте всё же раскрываются, обнаруживается и суть скрытого замысла. Средства разоблачают цель"².

Глубоко аморальным было поведение не только Сталина, но и зарубежных "друзей СССР", которые игнорировали предупреждения о будущих судебных подлогах, готовившихся на глазах всего мира. Московские процессы явились закономерным развитием официального культа лжи, раболепства, лицемерия, подкупа и других видов коррупции, которые начали расцветать в Москве с середины 20-х годов. Когда же московские процессы заставили изумляться весь мир, среди "друзей СССР" им "верили лишь наиболее тупые. Остальные не хотели тревожить себя проверкой... К тому же, о, они не забывали и об этом! - неосторожная правда может причинить ущерб престижу СССР. Эти люди прикрывали преступления утилитарными соображениями, т. е. открыто применяли принцип "цель оправдывает средства". Лишь после того, как комиссия Джона Дьюи вынесла свой вердикт, "для всякого мало-мальски мыслящего человека стало ясно, что дальнейшая открытая защита ГПУ означает риск политической и моральной смерти. Только с этого момента "друзья" решили извлечь на свет божий вечные истины морали, т. е. занять вторую линию траншей".

Среди мелкобуржуазных моралистов и сикофантов Троцкий особо выделял бывших "сталинцев и полусталинцев", перепуганных великой чисткой. "Выбросив за борт свой сталинизм, люди такого типа - их много - не могут не искать в доводах абстрактной морали компенсацию за пережитое ими разочарование или идейное унижение"³. Эти слова в полной мере относятся к таким людям, как А. Кестлер или в более поздние времена -- М. Джилас и Г. Фаст.

Раскрывая идейную ущербность, которая проявлялась в доводах и рецептах "моралистов", Троцкий подчёркивал: они правы в том, что история зачастую выбирает жестокие пути. "Но какой отсюда вывод для практической деятельности? - саркастически замечал он. - Лев Толстой рекомендовал опроститься и усовершенствоваться... Толстой рекомендовал заодно освободиться и от грехов плоти. Однако статистика не подтверждает успеха его проповеди. Наши

¹ Там же. С. 13.

² Байтальский М. Тетради для внуков. Рукопись. С. 72.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 11.

центристские гомункулюсы успели подняться до сверхклассовой морали в классовом обществе. Но уже почти 2000 лет, как сказано: "любите врагов ваших", "подставляйте вторую щеку"... Однако, даже святой римский отец не "освободился" до сих пор от ненависти к врагам. Поистине силён дьявол, враг рода человеческого!"¹.

Работу "Их мораль и наша" Троцкий завершил следующими словами: "Я писал эти страницы в те дни, когда мой сын, неведомо для меня, боролся со смертью. Я посвящаю его памяти эту небольшую работу, которая, я надеюсь, встретила бы его одобрение: Лев Седов был подлинным революционером и презирал фарисеев"².

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 19.

"Старику было бы трудно без сынка"

Проживший всего 32 года, Лев Седов обладал яркой и героической биографией. Ещё будучи подростком, он несколько раз сопровождал отца в поездках на фронты гражданской войны. В начале 20-х годов он перешёл по собственной воле из кремлёвской квартиры в студенческое общежитие, чтобы не отличаться по условиям жизни от других комсомольцев. "Он отказывался садиться с нами в автомобиль, чтоб не пользоваться этой привилегией бюрократов, - вспоминал Троцкий. - Зато он принимал ревностное участие во всех субботниках и других "трудовых мобилизациях", счищал с московских улиц снег, "ликвидировал" неграмотность, разгружал из вагонов хлеб и дрова, а позже, в качестве студента-политехника, ремонтировал паровозы". Напоминая сообщения французских газет о крайне скромных условиях, в которых Седов жил в эмиграции, Троцкий добавлял: "В те годы, когда его отец и мать занимали высокие посты, он жил не лучше, чем в последнее время в Париже, а хуже. Было ли это правилом среди бюрократической молодёжи? Нет, это и тогда уже было исключением... Его политическое направление определил тот самый инстинкт, который заставлял его предпочитать переполненные трамваи московским лимузинам"¹.

По словам Троцкого, между ним и сыном "жила и горела взаимная привязанность, основанная на чём-то неизмеримо большем, чем общность крови: на солидарности взглядов и оценок, симпатий и ненависти, на совместно пережитых радостях и страданиях, на общих больших надеждах"². Эта привязанность особенно усилилась во время ссылки в Алма-Ату, где Седов вёл переписку с сотнями оппозиционеров, рассеянных по всей стране, и помогал отцу в подборе материалов для литературной работы.

В эмиграции Седов стал фактическим издателем "Бюллетеня оппозиции". Он продолжал вести обширную переписку с советскими оппозиционерами и встречался с приверженцами левой оппозиции из разных стран. После 1932 года, когда ГПУ разрушило основные связи Троцкого с его единомышленниками в СССР, Седову "приходилось искать свежей информации обходными путями. Лев всегда был настороже, жадно ища нитей из России, перехватывая возвращающихся туристов, советских студентов в командировке или сочувствующих чиновников заграничных представительств. Он часами бегал по Берлину, потом по Парижу, чтобы оторваться от преследовавших его шпииков ГПУ и не скомпрометировать своего осведомителя. За все эти годы не было ни одного случая, когда кто-либо пострадал бы вследствие его неосторожности, невнимания или опрометчивости"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 5.

Сталинская разведка была хорошо осведомлена о роли, которую Седов играл в движении IV Интернационала. Описывая отцу свою беседу с Кривицким, Седов передавал слова последнего: "Л. Л. (Лев Львович) в ГПУ имеет кличку "сынок". Они его, говорит, высоко ставят. Хорошо работает, без него Троцкому было бы плохо... За что купил, за то и продаю; простите за невольную нескромность"¹.

Встречи с Седовым искали, его мнением и советами дорожили революционеры многих стран, большевики-невозвращенцы, приезжие из СССР, которые никому, кроме него, не решались довериться. Эти контакты помогали Седову в издании "Бюллетеня оппозиции", который был для него живой связью с родной, трибуной, призванной отражать мысли, чувства и надежды тысяч советских оппозиционеров, действовавших в подполье или томившихся в сталинских казематах. Многие советские и зарубежные коммунисты, сумевшие вырваться из СССР, были привлечены к сотрудничеству в "Бюллетене" благодаря усилиям Седова.

Несмотря на молодость, Седов был вполне сложившимся, зрелым революционером, опытным политиком и талантливым публицистом. "Сколько раз мы радовались, - вспоминал Троцкий, - находя в его свежераспечатанном письме те самые соображения и заключения, которые я только накануне рекомендовал его вниманию"².

После второго процесса Каменева-Зиновьева, когда Троцкий, интернированный норвежским правительством, не имел возможности ответить на оголтелую клевету, Седов выступил с сокрушительной отповедью фальсификаторам, опубликовав "Красную книгу о московском процессе". Высоко оценивая достоинства этой работы, многие зарубежные журналисты считали, что Троцкий, несмотря на строгие условия интернирования, каким-то образом сумел принять участие в её написании. Они заявляли, что в "Красной книге" "чувствуется перо Троцкого". По этому поводу Троцкий замечал: "В книге нет ни одной моей строки. Многие товарищи, которые склонны были относиться к Седову только как к "сыну Троцкого" - так в Карле Либкнехте долго видели только сына Вильгельма Либкнехта! - имели случай убедиться хотя бы из этой книжки, что он представляет не только самостоятельную, но и крупную фигуру"³.

В статье "Бюллетеня оппозиции", посвящённой первой годовщине со дня смерти Седова, говорилось: "Это был подлинный большевик, в лучшем смысле этого слова, и радостно блестели его глаза, когда ему говорили, что он настоящий большевик. Для него не было высшей похвалы. Не опоганенный Сталиным и московскими процессами большевизм, а большевизм героический, всё, что в нём было хорошего, - честность, стойкость, преданность идеям, энергия, напористость и скромность - вот что было характерно для Седова"⁴.

¹ Архив Троцкого. № 17106.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1939. № 74. С. 2.

Мужественно нанося ответные идейные удары, раскрывая многие вероломные замыслы Сталина, Седов, однако, оказался беззащитным перед коварной акцией сталинистов, направленной прежде всего против него самого. Будучи опытным и умелым конспиратором, он тем не менее проглядел провокатора, внедрённого сталинской агентурой в его ближайшее окружение.

XLVI

Агент по кличке "Тюльпан"

Таким провокаторм оказался ровесник Седова Марк Зборовский. Он родился в Умани, в состоятельной семье, эмигрировавшей в 1920 году в Польшу. В начале 30-х годов он переехал во Францию, где приступил к учёбе в Гренобле. В 1933 году Зборовский встретил человека, который предложил ему эмигрировать в СССР, обещая, что там у него будут более благоприятные материальные условия, чем во Франции. Спустя некоторое время тот же человек свёл его с работником советского посольства, через которого была передана просьба о получении визы на въезд в СССР. Резидент, которому был "передан" Зборовский, заявил ему, что эта просьба будет удовлетворена, если он делом докажет свою преданность Советскому Союзу.

Так началась вербовка Зборовского. Им была заполнена подробная анкета и автобиография, где, в частности, указывались сведения о его родственниках - сестре и двух братьях, находившихся в СССР. После глубокой проверки сообщённых им данных он был зачислен секретным агентом НКВД, получив клички "Мак" и "Тюльпан".

В 1935 году Зборовскому было поручено первое задание - связаться с группой французских троцкистов и передавать информацию об их работе. Вскоре произошло знакомство Зборовского с Седовым - через жену последнего Жанну Молинье. Спустя несколько месяцев после этого парижский шеф Зборовского сообщал в Москву: "Источник "Мак" стал работать в "Международном секретариате" троцкистов... В настоящее время источник встречается с сыном чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого"¹.

Первоначально у Седова были определённые подозрения относительно Зборовского. По сообщению главы парижской резидентуры Глинского, в 1936 году Седов "извинялся перед "Маком" и почти со слезами просил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он - агент ГПУ"². Зборовский, именовавшийся в троцкистских кругах "Этьеном", получил доступ к документам Седова и возможность регулярно сообщать связанному с ним резиденту обо всех действиях и намерениях Троцкого и Седова.

В одном из донесений Слуцкого Ежову указывалось, что в дни первого московского процесса Седов предложил "Маку" поехать на нелегальную работу в СССР, сказав при этом: "Мы Вам дадим поручения, деньги и паспорт. Вы поедете на два-три месяца, объедете несколько местностей по адресам, которые я Вам дам. Работа не лёгкая. Там, к сожалению, нет центра, куда Вы могли бы захватить. Люди изолированы и их нужно искать"³.

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 134-135.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 198.

Ещё большую тревогу должно было вызвать у Сталина донесение Зборовского о том, что Седов после разговора о втором московском процессе сказал ему: "Теперь колебаться больше нечего. Сталина нужно убить". Аналогичное сообщение Зборовский передал в феврале 1938 года, за несколько дней до гибели Седова, когда он информировал Центр о словах последнего: "Весь режим в СССР держится на Сталине, и достаточно его убить, чтобы всё развалилось"¹.

Хотя "Бюллетень оппозиции" выпускался тиражом, в тысячи раз меньшим, чем тиражи сталинских изданий, это единственное троцкистское издание на русском языке вызывало жгучее беспокойство Сталина. Чтобы ослабить силу и влияние разоблачений, публиковавшихся в этом органе, парижскому резиденту НКВД была послана из Москвы шифровка, нацеливавшая на внесение провокационных изменений в статьи, которые готовились для публикации в "Бюллетене". Предлагалось использовать два варианта: первый - "поместить наши статьи от имени Л. Д." и второй - статьи "Бюллетеня" "разбавить нашими абзацами, нашими вставками". В этих целях ставилась задача "обязательно завербовать наборщика" "Бюллетеня"². Однако это задание ни Зборовскому, ни другим агентам НКВД выполнить не удалось.

Одна из первых провокаторских акций Зборовского была связана с похищением архива Троцкого. В конце 1936 года Троцкий поручил Седову разделить находившийся у него архив на три части и одну из них передать в парижский филиал голландского Института социальной истории, которым руководил меньшевик Николаевский. Зборовский, принимавший участие в переправке туда архива, немедленно сообщил об этом советскому резиденту. Спустя несколько дней после этого на институт был совершён ночной налет, в ходе которого были похищены все переданные туда материалы, вскоре переправленные в Москву.

Полицейское расследование дела о похищении архива не дало результатов. По сообщению парижской резидентуры НКВД, даже после кражи архива, о передаче которого, кроме Зборовского, знали только Седов, Николаевский и Лола Эстрин (ближайшая помощница Седова), Седов сказал, что "питает к Маку абсолютное доверие".

В 1937 году Седов писал отцу, что подозревает о существовании "чужого" в своём окружении. Однако при всём этом он упорно отвергал подозрения близких к нему людей, касающиеся "Этьена". Выезжая на кратковременный отдых в августе 1937 года, он сообщил Троцкому, что его "будет заменять Этьен, который находится со мной в самой тесной связи... Этьен заслуживает абсолютного доверия во всех отношениях"³. На время своего отсутствия в Париже Седов поручил Зборовскому вести всю текущую корреспонденцию, включая пересылку почты и документов Троцкому. В этих целях он передал Зборовскому свой блокнот со всеми адресами. "Как известно, - сообщалось по этому поводу в "Центр", - об этом блокноте и его обладании мы мечтали в те-

¹ Там же.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 135.

чение всего года, но нам никак не удавалось его заполучить ввиду того, что "Сынок" никому его на руки не давал и всегда хранил при себе. Мы Вам посылаем этой почтой фото этих адресов. В ближайшее время мы их подробно разработаем и пришлём. Имеется целый ряд интересных адресов"¹.

На первый взгляд, представляется необъяснимым поведение Седова - опытного конспиратора, сумевшего скрыть от ГПУ все следы своих связей с оппозиционерами из СССР, но проглядевшего провокатора, втёршегося в его доверие и ставшего его ближайшим помощником. По-видимому, Зборовский обладал незаурядными способностями к мимикрии и хамелеонству и к тому же был достаточно натаскан опытными резидентами на то, как вести себя, чтобы не возбуждать подозрений. Для Седова же, не имевшего близких идейных связей в эмигрантской среде, присутствие Зборовского как бы заполняло вакуум "русскоязычных" людей. Изображавший из себя прозревшего сталиниста, ставшего беспредельно преданным делу IV Интернационала, Зборовский умело устранял все подозрения, которые могли возникнуть у Седова и Эстрин.

Французские троцкисты с самого начала подозревали, что Зборовский является агентом НКВД. Такого же мнения держался и Сневлит. Его серьёзная размолвка с Седовым была вызвана тем, что он, опасаясь присутствия шпика в окружении Седова, не сразу согласился устроить последнему встречу с Райссом.

Несмотря на выраженную Кривицким уверенность в наличии провокатора в окружении Седова, последний поручил Зборовскому сопровождать Кривицкого в его передвижениях по Парижу. На слушаниях в сенатской подкомиссии Зборовский сообщил, что он докладывал о Кривицком резиденту НКВД, но не сообщил ему о месте, где Кривицкий скрывался².

Подозрения о существовании в окружении Седова провокатора укрепились, когда стало известно, что сталинская агентура узнала о контактах Сневлита с Райссом. Однако и после этого Седов продолжал сохранять безусловное доверие к Зборовскому, который тем временем оказывал НКВД всё возрастающие услуги. Он подробно описывал в своих донесениях дискуссии, проходившие в международном секретариате IV Интернационала, сфотографировал многие документы из архива Троцкого для передачи в Москву. При посредстве Зборовского рукопись "Преданной революции" или её отдельные фрагменты оказались у Сталина ещё до выхода этой книги в Париже летом 1937 года. Сталину было также доложено, в каких ещё странах готовится издание "Преданной революции" и кто занимается её переводом на иностранные языки.

Зная, что Сталин интересуется буквально всем, что связано с Троцким, Ежов регулярно направлял ему полученные агентурным путём документы, в том числе письма Седова Троцкому, а также 103 письма, изъятые из архива Троцкого и включавшие переписку с Истменом и его женой. Е. В. Крыленко (сестрой наркома юстиции Н. В. Крыленко).. Помимо этого, Ежов системати-

¹ Там же. С. 313-314.

² Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act... February. 29. 1956. Washington. 1956. P. 93-94.

чески посылал Сталину подробные перечни всех троцкистских газет, журналов и других изданий, выпускавшихся в различных странах мира, и рефераты, излагающие их содержание¹.

Об агентурной деятельности Зборовского стало известно, на слушаниях сенатской подкомиссии США по национальной безопасности, проходивших в 1955 году. Перед дачей, показаний Зборовскому сообщили, что подкомиссией получены свидетельства о его деятельности в качестве агента ГПУ от "высоко надёжного и высокопоставленного агента, сети советского шпионажа (Орлова - В. Р.)"².

Зборовский признал, что в юности он был членом польской студенческой организации, возглавляемой коммунистами, но никогда не был членом коммунистической партии. На вопрос: почему же в таком случае он сказал Эстрин, что состоял в польской компартии и был арестован как коммунист, Зборовский ответил, что "это было в интересах его работы"³.

Отвечая на вопросы сенаторов, Зборовский всячески изворачивался и заявлял, что многие события двадцатилетней давности он не может вспомнить. Вместе с тем он сообщил, что знал от советских резидентов: Сталин лично информирован о его инфильтрации в окружение Седова и рассматривает его работу как крайне важную. Зборовский признал и то, что регулярно поставлял информацию о деятельности троцкистов и получал за это плату, хотя якобы "пытался избегать получения денег от этих людей"⁴.

На слушаниях Зборовский заявил, что после московских процессов он изменил своё отношение к НКВД и сталинистам, поскольку ему было хорошо известно, что процессы представляют собой подлог, а Троцкий и Седов не сотрудничают с нацистами и не готовят заговора против СССР. Поэтому, по его словам, он нередко сообщал резидентам искажённую информацию, намеренно задерживал донесения и саботировал отдельные приказы. Так, он не выполнил задания завлечь Седова в такое место, где его собирались похитить для насильственной и тайной отправки в СССР⁵.

Вместе с тем расследования, проведённые в 50-х годах в США, не позволили дать исчерпывающий ответ на вопрос о главном преступлении, в котором подозревался Зборовский, - его участия в отравлении Льва Седова.

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 141, 223, 274.

² Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... February. 29. 1956. P. 77.

³ Ibid. P. 80.

⁴ Ibid. P. 88, 98-99.

⁵ Ibid. P. 89-90.

XLVII

Смерть Льва Седова

В 1937 году Седов жил особенно напряжённой жизнью. Он проводил огромную работу по сбору материалов для комиссии Дьюи, отвечал на сотни писем и встречался с множеством оппозиционеров из разных стран. Ему удалось многое сделать для разоблачения убийц Райсса и для спасения Кривицкого от преследований сталинской агентуры. В последние месяцы своей жизни Седов собирал материалы для составления картотеки зарубежных агентов ГПУ.

В письмах к отцу Седов не раз сообщал, что чувствует за собой неослабную слежку. Эта слежка приобрела особую интенсивность с 1935 года. Она осуществлялась членами группы Эфрона, которые следовали за Седовым буквально по пятам. Помощник Эфрона Смиренский поселился в соседнем с Седовым доме, откуда вёл за ним постоянное наблюдение.

Во время допроса в НКВД Эфрон заявил, что наблюдение за Седовым было поручено завербованному им агенту. После того, как этот агент был замечен Седовым, тот обратился к французской полиции, которая задержала "наблюдателя", допросила его и после допроса отпустила, но поставила его под жёсткий надзор. Поэтому на некоторое время была прекращена всякая связь группы Эфрона со Смиренским¹.

Когда Седов выехал на две недели в приморский городок Антибы (это был его единственный отдых за много лет), Рената Штейнер поселилась в одном с ним пансионе, откуда направляла ежедневные отчёты Эфрону и Смиренскому, находившимся в том же городке. При этом ей было сказано, что Седов - спекулянт оружием, снабжающий им франкистов².

Члены группы Эфрона поджидали Седова на вокзале города Мюлуза, куда он собирался выехать для встречи со швейцарским адвокатом, участвовавшим в расследовании московских процессов. Седов избежал гибели в этой ловушке только потому, что накануне намечавшейся поездки заболел и не смог выехать из Парижа. Летом 1937 года охота за Седовым была на время прекращена, потому что террористы были переброшены на организацию убийства Райсса, которое считалось в Москве более неотложным делом.

Друзья Седова не раз писали Троцкому, что его сын подвергается в Париже серьёзной опасности и настаивали на его переезде в Мексику. Признавая такую опасность несомненной, Седов считал Париж слишком важным постом, чтобы его можно было покинуть³.

В начале 1937 года Седов опубликовал во французском журнале "Confession" статью, в которой заявлял, что обладает отличным здоровьем и не

¹ Столица. 1992. № 39. С. 59.

² Poretzky E. K. Our own people. P. 238; Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. С. 44.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 7.

склонен к депрессии и самоубийству. Он предупреждал, что в случае его внезапной смерти виновников надо будет искать в лагере сталинистов¹.

В ноябре 1937 года Зборовский доносил, что Седов, опасаясь внезапного покушения, составил завещание, в котором указал, где хранится его архив².

В последнем письме Троцкому, отправленном 4 февраля 1938 года, Седов не сообщал о каких-либо признаках заболевания и рассказывал о своей кипучей деятельности в связи с предстоящим процессом по делу об убийстве Райсса³.

Болезнь Седова началась 10 февраля. В целях обеспечения его безопасности он не был помещён во французскую больницу, где требовалось предъявить паспорт и тем самым раскрыть его настоящее имя. Его устроили под именем французского инженера Мартэна в частную клинику, принадлежавшую русскому эмигранту.

Жанна Молинье настаивала, чтобы о болезни и местонахождении Седова не сообщалось даже его близким товарищам. Однако, как вскоре стало известно, Зборовский, навещавший больного, "конфиденциально" сообщил об этом некоторым французским троцкистам⁴.

Сразу же после помещения в больницу Седову была сделана операция аппендицита, после которой на протяжении четырёх дней наблюдалось явное улучшение его здоровья. Однако на пятую ночь Седов, находясь в состоянии бреда, бродил без всякого присмотра по коридорам больницы. Спустя ещё сутки наступила смерть.

Описывая своё состояние после получения известия о смерти сына, Троцкий замечал: "16 февраля самый чёрный день в нашей личной жизни... Вместе с нашим мальчиком умерло всё, что ещё оставалось молодого в нас самих"⁵.

Первые недели после смерти Седова совпали с сообщениями о новом московском процессе. "Мы живём с женой эти дни так же, как жили всегда, только под гнётом самой большой утраты, какую нам пришлось пережить, - писал Троцкий. - ...Почта приносит нам каждое утро многочисленные письма сочувствия со всех концов света... Мы читаем телеграммы из Москвы, уточняем детали в статьях... Отдых состоит в воспоминаниях о сыне, жизнь которого так неразрывно была связана с нашей жизнью за последние три десятилетия. Ночь и снова день. Нас поддерживает мысль, что мы продолжаем служить делу, которому служили всю жизнь"⁶.

В первом отклике на смерть сына Троцкий писал: "Рана ещё слишком свежа, и мне трудно ещё говорить, как о мёртвом, о Льве Седове, который был мне не только сыном, но и лучшим другом. Но есть один вопрос, на который я обязан откликнуться немедленно: это вопрос о причинах его смерти"⁷.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 29.

² Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 167.

³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 164.

⁴ Архив Троцкого. № 860.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 8.

⁶ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 165.

⁷ Там же. С. 164.

Считая весьма вероятным отравление Седова, Троцкий подчёркивал: в распоряжении ГПУ имеются исключительные научные и технические средства, которые могут крайне затруднить работу судебно-медицинской экспертизы. Тайны искусства отравления, усовершенствованного в связи с развитием военной химии, "недоступны, правда, простым смертным. Но отравителям ГПУ доступно всё"¹.

В мысли об отравлении Седова Троцкого укрепили прозвучавшие на третьем московском процессе сообщения о специальной лаборатории по испытанию новейших ядов, которая находилась в распоряжении Ягоды, и об ускорении светилами московской медицины смерти больных с помощью методов, которые не поддаются или трудно поддаются контролю. "С точки зрения интересующего нас вопроса, - подчёркивал Троцкий, - почти безразлично, были ли в данных конкретных случаях показания подсудимых правдивы или ложны. Достаточно того, что тайные методы отравления, заражения, содействия простуде и вообще ускорения смерти официально включены в арсенал ГПУ"².

19 июля 1938 года Троцкий направил письмо французскому следователю, занимавшемуся расследованием причин смерти Седова. В нём он заявлял, что версия следствия об естественном характере смерти (инфекция повлияла на организм, ослабленный после перенесённой операции) вызывает сомнения уже потому, что "в течение долгого времени, особенно же последних двух лет, Седов жил в обстановке постоянной блокады со стороны шайки ГПУ, которая на территории Парижа распоряжается почти с такой же свободой, как в Москве". Поэтому гибель Седова следует рассматривать не как обычный случай, а как неожиданную даже для врачей "смерть одинокого изгнанника после долгого единоборства между ним и могущественным государственным аппаратом, вооружённым неисчерпаемыми материальными, техническими и научными средствами... Дело идёт о совершенно определённой международной шайке, которая совершает уже не первое преступление на территории Франции, пользуясь и прикрываясь дружественными дипломатическими отношениями (между СССР и Францией - В. Р.)"³. В этом Троцкий усматривал причину того, что расследование причин смерти Седова на протяжении пяти месяцев не привело ни к каким результатам, подобно расследованию кражи архивов и попытки убить Седова в Мюлузе.

Одно из свидетельств загадочного характера смерти Седова Троцкий видел в том обстоятельстве, что оперировавший хирург спросил Ж. Молинье: не покушался ли ранее Седов на самоубийство. "Поворот к худшему в состоянии больного, - комментировал этот факт Троцкий, - оказался настолько резок и внезапен, что хирург, не зная ни личности больного, ни условий его жизни, увидел себя вынужденным прибегнуть к гипотезе самоубийства"⁴.

Получив новые сообщения о ходе расследования, Троцкий 24 августа направил дополнительное заявление следователю. Указывая на очевидные

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 7.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 28.

³ Там же. С. 29-30.

⁴ Там же. С. 29.

пробелы, допущенные следствием, он напоминал, что при расследовании дела об убийстве Райсса было твердо установлено: "В ряду врагов ГПУ и намеченных им жертв Лев Седов занимал первое место, рядом со мною. ГПУ не спускало с него глаз. В течение по крайней мере двух лет бандиты ГПУ охотились за Седовым во Франции, как за дичью... Можно ли допустить хоть на минуту, что ГПУ потеряло Седова из виду во время его помещения в клинику и упустило исключительно благоприятный момент? Допускать это органы следствия не имеют права"¹.

Троцкий называл ряд установленных следствием фактов, подтверждавших подозрения о насильственном характере смерти Седова. Директор клиники, в которой находился больной, по сведениям французской полиции, "сочувствовал большевикам". Настоящее имя Седова было сообщено только владельцу клиники Симкову, который разговаривал с больным по-русски, хотя тот был помещен в клинику под французским именем. Хирург, производивший операцию, отказался дать объяснения следователю, ссылаясь на профессиональную тайну. "Если бы смерть Седова естественно и неизбежно вытекала из характера его болезни, - писал по этому поводу Троцкий, - то у хирурга не могло бы быть ни малейшего интереса или психологического побуждения отказываться от дачи необходимых разъяснений"².

Следствие было осложнено тем, что вскоре после смерти Седова Симков потерял двух сыновей, ставших жертвой случайного обвала. В период, когда судьба исчезнувших мальчиков оставалась еще неизвестной, Симков в интервью французской газете заявил: если его сыновья похищены, то это может быть делом рук только троцкистов, стремящихся таким образом отомстить ему за смерть Седова. "Я должен прямо сказать, - писал Троцкий, - что такое предположение могло придти в голову либо человеку, совесть которого не была вполне спокойна; либо человеку, который враждует в смертельно враждебных мне и Седову политических кругах, где агенты ГПУ могли прямо натолкнуть мысль несчастного отца на фантастическое и возмутительное предположение"³.

Подозрительным Троцкий считал и то обстоятельство, что французская коммунистическая печать, ранее много писавшая о Седове (разумеется, во враждебном духе), не поместила ни единой строки о его смерти. "Такого рода "осторожность", - указывал Троцкий, - становится особенно многозначительной, если принять во внимание, что в острых для Москвы вопросах французская печать Коминтерна получает непосредственные инструкции от ГПУ через старого агента ГПУ Жака Дюкло и других"⁴.

В конце "Дополнительного заявления" Троцкий утверждал, что французская полиция не стремится к выяснению истины, поскольку "ГПУ имеет во французской полиции и над ней могущественных сообщников. Миллионы червонцев расходуются ежегодно на то, чтобы обеспечить безнаказанность

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 14-15.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 165.

сталинской мафии во Франции. К этому надо ещё прибавить соображения "патриотического" и "дипломатического" порядка, которыми с удобством пользуются убийцы, состоящие на службе Сталина и орудующие в Париже, как у себя дома. Вот почему следствие по делу о смерти Седова носило и носит фиктивный характер¹.

Разумеется, Троцкий обладал лишь обрывочной информацией об обстоятельствах смерти сына. Письма Эстрин и Зборовского по этому поводу могли только дезориентировать его, поскольку в них излагалась версия об естественном характере смерти и оспаривалось мнение Жанны Молинье об отравлении Седова².

Новые факты, связанные с обстоятельствами смерти Седова, выявились в 1955 году, при допросе Зборовского сенатской подкомиссией США. Здесь Зборовский вынужден был признать, что он передал резиденту ГПУ сведения о болезни Седова и клинике, в которую тот был помещён³.

Версия о смерти Седова как замаскированном убийстве находит подтверждение и в том, что она произошла в канун третьего московского процесса, на котором Седов обвинялся в новых преступлениях, в связи с чем он неизбежно выступил бы с убедительными опровержениями.

Изучив хранящиеся в московских архивах донесения Зборовского, Волкогонов пришёл к выводу, что остаётся мало сомнений в причастности НКВД к гибели Седова. Правда, прямых распоряжений об убийстве обнаружить не удалось. Волкогонов объяснял это тем, что подобные приказы давались устно, чтобы не оставлять компрометирующих следов. Кроме того, после завершения такого рода "операций" значительная часть связанной с ними документации уничтожалась⁴.

В следственном деле Шпигельглаза содержится упоминание последнего о том, что Ежов, получив известие о смерти Седова, сказал: "Хорошая операция. Вот здорово мы его, а?"⁵. Хотя Шпигельглаз на допросе назвал эти слова беспочвенным хвастовством и утверждал, что НКВД не имел отношения к смерти Седова, эти сообщения нельзя принимать на веру. Сталинские зарубежные спецслужбы имели столь разветвлённый характер, что данная операция могла быть осуществлена и без участия и даже ведома Шпигельглаза.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 15.

² Архив Троцкого. №№ 860, 15852.

³ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... February, 29. 1956. P. 92.

⁴ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 168.

⁵ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. С. 532.

XLVIII

Троцкий в Мексике

Естественно, что пристальное внимание сталинской агентуры было обращено не только на Седова, но и на Троцкого. Сразу же после его приезда в Мексику эта агентура принялась за организацию провокаций, ставивших целью ограничить возможность выступлений Троцкого в мировой печати. В начале 1937 года отказался от сотрудничества с Троцким некий Либер, ранее занимавшийся устройством статей Троцкого в наиболее популярные американские журналы и заключавший контракты с крупными американскими издательствами на публикацию его книг. Позднее Либер был разоблачен как агент НКВД¹.

В Мексике Троцкий был окружен плотным кольцом слежки. Помимо непосредственных агентов НКВД, информацию о его деятельности регулярно передавали посольства СССР в США и Мексике. Они посылали на имя членов Политбюро донесения о выступлениях Троцкого и откликах на них мировой прессы. При этом в угоду адресатам высказывания Троцкого часто преподносились в донесениях в фальсифицированном виде².

Д. Волкогонов, допущенный к материалам личного архива Сталина, обнаружил, что Сталин просматривал все номера "Бюллетеня Оппозиции", уделяя особое внимание статьям о собственной персоне³.

Во время пребывания в Мехико Троцкий узнал о завершении расправы над всеми его близкими родственниками. Как установил один из немногих уцелевших родственников Троцкого В. Б. Бронштейн, в 1937-1938 годах были расстреляны сын Троцкого С. Седов, старший брат Троцкого А. Д. Бронштейн, его сын Б. А. Бронштейн (большевик с 1912 года, активный участник гражданской войны), первая жена Троцкого А. Л. Соколовская, мужа дочери Троцкого П. Волков и М. Невельсон. Тогда же были арестованы сестра Троцкого О. Д. Каменева, жена Б. А. Бронштейна, второй сын и дочь А. Д. Бронштейна, первая жена Л. Седова, жена С. Седова и несколько более отдаленных родственников Троцкого⁴.

С самого начала пребывания Троцкого в Мексике просталинские элементы направляли свои неослабные усилия на то, чтобы лишить его права убежища. Давление на мексиканское правительство с целью добиться высылки Троцкого из страны было так велико, что президент Карденас, относившийся к Троцкому с глубоким уважением, ни разу не решился встретиться с ним.

¹ Dallin David Y. Soviet espionage. London, 1955. P. 420.

² Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 212.

³ Там же. С. 140.

⁴ Сообщение В. Б. Бронштейна автору книги. Более подробные сведения о репрессированных родственниках Троцкого содержатся в публикациях: Bronstein V. Stalin and Trotsky's Relatives in Russia. In: The Trotsky Reappraisal. Edinburg, 1992; Бронштейн В. Б. Троцкий, его ближайшие и дальние родственники - Из глубин времен. Выпуск 4. СПб, 1995.

В середине 1937 года улицы Мехико были заклеены листовками, в которых утверждалось: Троцкий в союзе с мексиканскими реакционными генералами готовит в стране реакционный переворот.

Такого рода акции возглавлялись руководителем Федерации мексиканских профсоюзов, сталинистом Ломбарде Толедано. В статье "Тоталитарное право убежища" Троцкий писал: "Толедано пока ещё не хозяин в Мексике. Он не может, по примеру своего учителя и патрона, расстреливать или отравлять безоружных эмигрантов. В его распоряжении остаются средства: клевета и травля. И он пользуется ими как можно шире"¹.

Троцкий указывал, что Толедано понимает под правом убежища "право въезда в Мексику для агентов ГПУ". Это замечание основывалось на действительных фактах. Материалы архивов НКВД и воспоминания его сотрудника Судоплатова свидетельствуют: уже в начале 1937 года в Мексику были направлены опытные разведчики-нелегалы для наблюдения за Троцким и подготовки террористического акта². При расследовании дела об убийстве Райсса обнаружилось, что непосредственные убийцы Роланд Аббиат и Мартины в феврале 1937 года вместе с другими головорезами побывали в Мексике. При обыске квартиры Аббиата были найдены карта Мексики, планы города Мехико и его окрестностей и копия заявления о предоставлении визы на въезд в Мексику³.

Мексиканская резидентура НКВД не брезговала и кустарными попытками организации террористического акта. Так, в начале 1938 года в дом Троцкого попытался проникнуть подозрительный субъект, выдававший себя за посыльного, принесшего подарок. После того, как охранники отказались впустить его в дом, он скрылся, оставив поблизости пакет со взрывчатым веществом⁴.

Засылка новой группы агентов началась весной 1938 года, когда в Париж прибыл представитель Центра, которому было поручено "продвинуть" Зборовского в окружение Троцкого, а в случае неудачи этого плана - направить в Мексику "пару-тройку немцев-троцкистов", которые "могут оказаться очень ценными в будущем"⁵.

В апреле 1938 года во французской печати появились сообщения о том, что для организации покушения на Троцкого в Мексику направлен агент ГПУ по имени Жорж Минк⁶. Этот человек, работавший, по свидетельству Кривицкого, в разведуправлении РККА, руководил шпионской группой в Дании до 1935 года, когда он был арестован в Копенгагене и приговорён к 18 месяцам тюремного заключения. После выхода из тюрьмы Минк направился в Испанию, где с его именем были связаны исчезновения, аресты и убийства Э. Вольфа, М. Рейна и других антисталински настроенных революционеров.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 16.

² Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. С. 208.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 24.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 32.

⁵ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 305-307.

⁶ Архив Троцкого. № 868, 869.

Попытки вербовки убийц происходили и в самой Мексике. Как сообщил в 1978 году один из бывших руководителей мексиканской компартии Валентин Кампо, коминтерновский эмиссар предложил ему организовать террористический акт против Троцкого. Когда Кампо наотрез отказался от выполнения этого задания, он был изгнан из партии¹.

Мексиканская агентура ГПУ действовала настолько успешно, что перехватывала важнейшую информацию, поступавшую к Троцкому из Европы. 19 ноября 1937 года Седов сообщал Троцкому: "Я в прошлом письме писал, что, вероятно, часть Вашей почты, если не вся, контролируется. Основано это на следующем. Один из работающих по этой части гепеуров^{2*} (Шпигельглаз - В. Р.) сказал моему информатору (Кривицкому - В. Р.) летом этого года: а мы уже имеем телеграмму из Мексики, что Троцкий знает, что появился Людвиг. Это было до того, как дело стало официально известным"³.

Бывший секретарь Троцкого Жан ван Эйженоорт в своих воспоминаниях рассказывает, что Троцкий не сомневался в намерениях НКВД внедрить своих агентов в его окружение, но тем не менее в ряде случаев не проявлял необходимой осторожности. Весной 1938 года секретари Троцкого обратились к европейским троцкистам с просьбой порекомендовать русскую машинистку. Вскоре пришёл ответ, что чешская девушка, в совершенстве владеющая русским языком, готова приехать в Мексику, но имеются подозрения в том, что она является сталинисткой. Когда Эйженоорт сообщил об этом Троцкому, тот сказал: "Пригласим её! Мы привлечем её на свою сторону".

14 мая Троцкий писал своему бывшему секретарю Яну Френкелю: "Она ещё совсем молодая женщина, ей всего восемнадцать лет. Я не верю, что она может быть ужасным агентом ГПУ. Даже если она питает симпатии к сталинистам и скверные намерения по отношению к нам,.. мы чувствуем себя достаточно сильными для того, чтобы наблюдать за ней, контролировать и перевоспитать её". Спустя месяц, вновь сообщая Френкелю о готовности немедленно принять эту девушку, Троцкий добавлял: "Восемнадцатилетняя девушка не сможет устраивать в нашем доме заговоры: мы сильнее. Через два или три месяца она будет полностью ассимилирована".

Аналогичными соображениями Троцкий руководствовался и в отношении Зборовского. Доверяя мнению покойного Седова и Лолы Эстрин, он ответил на подозрения одного из французских троцкистов, касавшиеся "Этьена": "Вы хотите лишить меня моих сотрудников"⁴.

На слушаниях сенатской подкомиссии, проходивших в 1955 году, Орлов рассказал: ещё в 1936 году он узнал о наличии в окружении Седова агента НКВД, которого "ценили настолько высоко, что о нём знал даже Сталин". Тогда же Орлов принял решение, оказавшись за границей, сообщить Троцкому об этом агенте.

¹ Нева. 1989. № 3. С. 204-205.

² Таким термином Троцкий и Седов пользовались в своих статьях и переписке для обозначения работников ГПУ-НКВД.

³ Архив Троцкого. № 17106.

⁴ Jean van Heijenoort. With Trotsky in exile. London. 1978. P. 101-102.

Находясь в Испании и Франции, Орлов приложил немалые усилия для того, чтобы подробнее узнать об этом провокаторе. Выполнение этого намерения было облегчено тем, что в парижской резидентуре высоко ценили Орлова и полностью доверяли ему. О существовании агента по имени Марк рассказал Орлову Алексеев - резидент, осуществлявший непосредственную связь со Зборовским. Сказав Орлову: "Если этот человек провалится, то моя голова слетит", Алексеев взял Орлова на одну из своих агентурных встреч со Зборовским, которая происходила в парижском парке. Расположившись на соседней скамейке, Орлов наблюдал, как "Марк" передавал Алексееву какие-то бумаги¹.

В 1965 году на допросе в ЦРУ Орлов утверждал, что сделал первую попытку предупредить Троцкого о провокаторской деятельности Зборовского ещё в 1937 году, но ему не удалось выяснить, дошло ли тогда его письмо до Троцкого².

27 декабря 1938 года Орлов послал Троцкому заказное письмо, напечатанное русскими словами на латинской машинке, поскольку пишущей машинки с русским шрифтом у него не было. Опасаясь, что сталинская агентура может перехватить письмо, адресованное лично Троцкому, Орлов направил его копию на имя Седовой.

Полагая, что в окружении Троцкого могут находиться шпионы, которым станет известным содержание письма, Орлов предпринял ещё один конспиративный маневр. Он представил себя в письме давним русским эмигрантом, родственником бежавшего из СССР ответственного работника НКВД Люшкова. Чтобы повысить доверие Троцкого к сообщаемой информации, он писал, что недавно побывал в Японии, где узнал от Люшкова о "наличии в центре вашей организации опасного провокатора, который долгое время был помощником Вашего сына Седова по изданию "Бюллетеня оппозиции". Далее перечислялись столь подробные и точные сведения о провокаторе, якобы полученные от Люшкова (имя, возраст, национальность, происхождение, семейное положение, внешний вид), что не могло оставаться никаких сомнений в том, о ком именно идёт речь. Орлов писал, что провокатор принимал активное участие в похищении архивов Троцкого и "доносил о каждом шаге Седова, о его действиях и переписке с Вами".

Сообщая, что Люшков высказывал опасения: НКВД будет пытаться подослать к Троцкому убийц через этого провокатора или через испанских агентов, посланных в Мексику под видом троцкистов, Орлов писал: "Главное, Лев Давидович, берегите себя. Не верьте ни одному человеку, который придёт к Вам с рекомендацией от этого провокатора, ни мужчине, ни женщине".

Рассказав, что провокатор регулярно встречается с советскими резидентами, Орлов просил Троцкого поручить "надёжным товарищам в Париже проверить биографию Марка и посмотреть, с кем он встречается. Нет сомнения, что Ваши товарищи увидят его с чиновниками из советского посольства".

¹ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... September, 28. 1955. Washington, 1962. P. 2-3.

² Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. С. 426.

Подписав письмо словами "Ваш друг", Орлов просил Троцкого не говорить никому об этом письме и особенно о том, что оно получено из США¹.

Документы, хранящиеся в московском досье Орлова, показывают, что он знал намного больше об операциях, направленных против Троцкого и троцкистов, чем то, о чём он сообщал в письме. В 1937 году он руководил слежкой за контактами между парижскими и испанскими троцкистами. В одном из донесений в "Центр" он докладывал о внедрении в испанскую троцкистскую группу очередного агента и об установлении контроля над "секретным каналом связи между этой группой и троцкистским центром в Париже".) При перечислении в письме Ежову тайных операций, о которых он был хорошо осведомлён, Орлов упоминал о "всей работе, проделанной "Тюльпаном" и "Гаммой" (секретная кличка агента НКВД Афанасьева, парижского куратора Зборовского). В руках Орлова оказались даже две страницы одного из рапортов Зборовского².

Можно полагать, что если бы Орлов обладал надёжным и безопасным каналом связи с Троцким, то он сообщил бы ему и об этих фактах. Он умолчал о них, видимо, всё из тех же конспиративных соображений, поскольку при возможном перехвате более подробного письма сталинской агентурой его авторство было бы легко установлено.

Не лишено оснований и следующее предположение: если бы Орлов сумел завязать систематические контакты с Троцким, то было бы предотвращено койоаканское убийство. Ведь Орлов встречался в Испании с матерью Меркадера и завербовал самого Меркадера, вместе с другими испанскими агентами направленного Центром в Мексику.

И Орлов, и Троцкий предприняли шаги к установлению регулярных контактов. Орлов в своём письме просил Троцкого поместить в американской троцкистской газете "Socialist Appeal" объявление о получении письма от "Штейна" (условное имя, которым было подписано письмо). Вскоре в этой газете появилось объявление, адресованное "Штейну": "Я настаиваю, чтобы вы немедленно обратились в редакцию "Socialist Appeal" и побеседовали с товарищем Мартином"³.

Одновременно Троцкий послал своим единомышленникам в Париж письмо, начинающееся словами: "Крайне конфиденциально, очень важно и очень настоятельно". В нём он сообщал, что получил весьма важную информацию от источника, который не идентифицирует себя, но утверждает, что встречался с крупными чинами ГПУ. Перечислив сообщённые Орловым сведения о "Марке", Троцкий подчёркивал: "Источник" (информатор) уверен, что будет несложно выследить связи провокатора с советским посольством". Троцкий выдвигал две возможные, по его мнению, версии об "источнике": 1. Он - "несмелый друг"; 2. "он действует по поручению ГПУ, желающего посеять деморализацию в наших рядах". Считая необходимым проверить полученные им сведения о провокаторе, Троцкий предложил создать в Париже комиссию из трёх

¹ Архив Троцкого. № 6137.

² Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. С. 369, 425-426, 544.

³ Legacy of Alexander Orlov. Washington, 1973. P. 15.

надёжных лиц, добавив к ним двух-трёх молодых людей, которые займутся тайной слежкой за контактами "Марка". "Если информация подтвердится, - писал Троцкий, - следует сообщить французской полиции о нём как участнике похищения архивов и добиться, чтобы ему не позволили исчезнуть"¹.

Вслед за этим Троцкий направил письмо члену социалистической рабочей партии США Райгу, в котором сообщал о помещённом им объявлении в газете и добавлял: "Если вы получите ответ, то вам следует лично встретиться с этим человеком. Этот вопрос может оказаться очень важным".

Однако связь Орлова с американскими троцкистами не была налажена. Орлов посетил редакцию "Socialist Appeal" и попросил показать ему "товарища Мартина", но заговорить с ним не решился, поскольку заподозрил в нём агента НКВД².

Весной 1939 года Троцкий рассказал о письме "Штейна" приехавшей к нему Лоле Эстрин и подробно расспросил её о Зборовском. Эстрин заявила, что уверена в безусловной честности "Этьена" и считает письмо делом рук ГПУ, стремящегося оторвать от Троцкого одного из самых преданных ему сотрудников³. После этого Троцкий направил друзьям письмо, в котором назвал предостережение "Штейна" "на 75 % провокацией, направленной на то, чтобы посеять подозрения по поводу верного товарища"⁴.

Вернувшись в Париж, Эстрин рассказала Зборовскому о своей беседе с Троцким. В июне 1939 года Зборовский известил Центр, что "Старик" не поверил доносу и считает письмо провокацией ГПУ⁵.

¹ Writing of Leon Trotsky. Supplement (1934-1940). N.Y., 1979. P. 818-819.

² Legacy of Alexander Orlov. P. 16.

³ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... March, 2. 1956. P. 137-138.

⁴ Writing of Leon Trotsky. Supplement (1934-1940). P. 950.

⁵ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. С. 368-369.

Заграничные убийства

Между тем события подтверждали актуальность предостережений Орлова. В то время, когда сталинская юстиция обвиняла троцкистов в подготовке террористических актов в СССР, за рубежом прошла серия актов террора против сторонников Троцкого и других революционеров, враждебных сталинскому режиму. На основе изучения архивов НКВД Д. Волкогонов пришёл к выводу, что агентура секретно-политического и иностранного отделов НКВД тайно уничтожила за пределами Советского Союза сотни людей¹.

Ареной политических убийств в 1937 году стала в первую очередь Испания, где от рук сталинистов погибли лидер ПОУМа А. Нин, бывший секретарь Троцкого Э. Вольф, австрийский революционер Курт Ландау, сын русского эмигранта, меньшевика Абрамовича М. Рейн и многие другие.

В других странах Европы НКВД, пользуясь услугами финансируемых им групп русских эмигрантов, также осуществил несколько политических убийств.

В начале 1938 года Сталин предпринял новую провокацию дипломатического характера, направленную против зарубежных троцкистов и прежде всего против самого Троцкого. Советский посол во Франции обратился во французское министерство иностранных дел с протестом от имени Верховного Совета СССР по поводу предоставления политического убежища "террористам" - "иностранцам русского происхождения". Одновременно советское правительство предложило создать при Лиге наций трибунал против террористов. Цель этой акции состояла в том, чтобы добиться выдачи Троцкого советским властям. Однако Троцкий и в данном случае перехватил политическую инициативу, направив заявление в юридическую секцию секретариата Лиги Наций. В этом заявлении, обращённом, по сути, к мировому общественному мнению, говорилось: "В течение последнего полугодия мир был свидетелем ряда *действительных* террористических актов, совершённых в разных странах по общему плану и при несомненном единстве цели. Я имею в виду не судебные и внесудебные убийства в СССР, где дело идёт, так или иначе, о легализованных действиях государственного аппарата, а акты открытого бандитизма на международной арене". Перечислив ряд случаев похищений и убийств, совершённых сталинистами за рубежом, Троцкий писал: "Даже та часть судебных и внесудебных расследований, которая стала до сих пор доступна общественному мнению, вполне достаточна для вмешательства Международного трибунала против централизованной мафии террористов, действующих на территории разных государств".

Троцкий выражал готовность при помощи свидетельских показаний, документов и неопровержимых политических доводов "доказать... что главой этой преступной банды является Иосиф Сталин, генеральный секретарь Всесоюз-

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 191.

ной Коммунистической партии СССР". В заключение он саркастически выражал надежду на то, что Литвинов, настаивавший на принятии взаимного обязательства правительств о выдаче террористов, "не откажет приложить своё влияние к тому, чтобы вышеназванный Иосиф Сталин как глава международной террористической банды был доставлен в распоряжение трибунала при Лиге наций"¹.

И в данном случае поединок между могущественным сталинским правительственным аппаратом и одиноким политическим изгнанником был по сути выигран последним. Создание международного трибунала было спущено на тормозах.

Тем временем в буржуазно-демократических странах продолжались таинственные похищения и убийства. Весной 1937 года в Нью-Йорке бесследно исчезла бывшая активистка компартии США Джульетта Стюарт Пойнтц, с 1934 года работавшая на советскую разведку, а в конце 1936 года порвавшая с компартией и приступившая к написанию мемуаров. В её похищении подозревались Жорж Минк и другой агент НКВД Шахно Эпштейн, редактор коммунистической газеты и в прошлом близкий друг Пойнтц².

В 1938 году произошло ещё одно коварное политическое убийство, сопровождавшееся грубой провокацией. 13 июля этого года в Париже загадочно исчез немецкий эмигрант Рудольф Клемент, работавший в 1933-1935 годах секретарём Троцкого, а затем ставший секретарём Бюро IV Интернационала. Клемент принимал активное участие в сборе материалов для расследования московских процессов и в подготовке учредительной конференции IV Интернационала. За пять дней до его исчезновения у него в метро был похищен портфель с бумагами. Клемент немедленно сообщил об этом похищении всем секциям IV Интернационала, предложив им прекратить рассылку писем по старым адресам.

Когда 15 июля французские троцкисты, получившие письмо Клемента, посетили его квартиру, они обнаружили в пустой комнате приготовленный и нетронутый завтрак; все вещи находились на своих местах, не имелось никаких признаков подготовки к отъезду.

Вскоре несколько европейских троцкистов, а затем и Троцкий получили однотипные письма за подписью "Фредерик". Этим псевдонимом Клемент действительно пользовался, но лишь до 1936 года, когда он заподозрил, что эта кличка стала известна НКВД или гестапо. В письмах говорилось о разрыве Клемента с движением IV Интернационала и в обоснование этого назывались имена лиц, якобы отошедших от этого движения. Среди этих имён значились и действительные отступники, и убитый в Испании Нин, и разоблачённые агенты НКВД, такие, как братья Соболевичусы (Сенин и Роман Вейль) и Я. Франк. Автор письма упоминал о вымышленных беседах Троцкого с Клементом по поводу допустимости "временных уступок фашистским верхам во имя пролетарской революции".

¹ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. С. 273-274.

² Dallin David J. Soviet Espionage. P. 415-416.

Виктор Серж, хорошо знавший Клементя, считал, что если даже это письмо, написанное на машинке, не было прямой фальсификацией сталинистов, то оно было продиктовано Клементу под дулом револьвера¹. О подложном характере письма свидетельствовало и написание адреса на конверте, который был составлен так, как пишут только русские: сперва значилось название города, затем название улицы (Клемент, как всякий европеец, обычно писал эти названия в обратном порядке).

В первом отклике на исчезновение Клементя Троцкий выражал уверенность, что он был убит, а письмо было сфабриковано агентами ГПУ. "Опровергнуть эту единственную приемлемую гипотезу, - писал Троцкий, - очень легко: "Фредерик" должен выйти из своего убежища и выступить с открытыми обвинениями"².

Вскоре Троцкий получил письмо от тетки Клементя. Она сообщала, что живущая в Германии мать Рудольфа находится в отчаянии из-за отсутствия каких-либо известий об исчезнувшем сыне. Это письмо, как подчёркивал Троцкий, "является лишним доказательством преступления ГПУ. Если бы Рудольф на самом деле добровольно покинул Париж, как хочет нас заставить думать ГПУ при содействии агентов разных категорий, то он, разумеется, не оставил бы в неизвестности свою мать"³.

Спустя несколько месяцев после исчезновения Клементя его тело, зверски расчленённое, было найдено в Сене. Окончательный свет на это преступление проливают воспоминания Судоплатова, который назвал имена агентов НКВД, убивших Клементя, и рассказал, как это убийство было осуществлено⁴.

Клемент был шестым секретарём Троцкого, умершим насильственной смертью. Четверо из них погибли в СССР, двое - за его пределами.

¹ Serge V. & Sedova N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 244.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 27-28.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 73. С. 16.

⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 58.

Л

Парижские интриги

Помимо организации убийств, ГПУ неустанно провоцировало конфликты и интриги среди сторонников Троцкого, особенно в кругу парижских троцкистов, где они возникали ещё при жизни Седова. Новый толчок им дали события, связанные с вступлением в этот круг Райсса, а затем Кривицкого. Райсс впервые встретился со Сневлитом 11 июня 1937 года. Через несколько дней Кривицкий узнал от Шпигельглаза: уже 13 или 14 июня в Москву поступило донесение о том, что "один из ответственных агентов" встречался со Сневлитом (спустя ещё 10 дней "Центру" стало известно, что этим агентом был Райсс)¹.

Когда Кривицкий рассказал обо всём этом Седову, последний в очередной раз пришёл к выводу, что в его ближайшем окружении находится провокатор. Но и тогда Седов не перестал доверять Зборовскому, который в свою очередь высказывал ему подозрения в том, что в утечке информации виновны Сневлит и Серж. Под влиянием этих интриг Седов послал Троцкому письмо с резкими обвинениями в адрес Сневлита за то, что тот задержал его, Седова, встречу с Райссом и не проявил должной заботы о безопасности Райсса².

Новый узел интриг завязался после смерти Седова, оставившего завещание, согласно которому он доверял свой архив только Ж. Молинье и никому иному³. Сообщая об этом Троцкому, Эстрин и Зборовский жаловались, что передачей архива в распоряжение Жанны Седов "лишил организацию всякого контроля над судьбой этих документов". В том же письме они сообщали, что помимо главного архива, хранящегося у Жанны, значительная часть архивов находится в их руках⁴.

Судьбой архива весьма интересовались в Москве. В донесении парижского резидента НКВД указывалось, что Ж. Молинье не доверяет Зборовскому и поэтому не соглашается на то, чтобы тот принимал участие в разборе архива⁵.

1 марта 1938 года Троцкий назначил комиссию для приёмки архива. Но и после этого Жанна заявила, что возражает против состава комиссии⁶.

После смерти Седова издание "Бюллетеня оппозиции" перешло всецело в руки Эстрин и Зборовского. На их имя Троцкий посылал свои статьи, копии которых Зборовский передавал резиденту НКВД, в результате чего они нередко оказывались в Москве ещё до их публикации.

Весной 1938 года "Центр" направил Зборовскому приказ "перенять дальнейшую связь с "Международным секретариатом" на себя"¹. Это задание уда-

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 628. Папка 10.

² Там же. Ящик 627. Папка 7.

³ Архив Троцкого. № 871.

⁴ Там же. № 860.

⁵ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 306.

⁶ Архив Троцкого. № 864.

лось осуществить благодаря тому, что Троцкий, зная о безграничном доверии, которое его сын питал к "Этьену", давал Зборовскому самые ответственные поручения. Вскоре Зборовский доложил "Центру": "Старик распорядился, чтобы меня ввели в секретариат и приглашали бы на все заседания Международного секретариата"². В другом донесении Зборовский сообщал: французские троцкисты предложили ему "взять на себя всю работу русской группы" и заявили, что будут признавать "представителем русской группы" только его³.

На Учредительном конгрессе IV Интернационала в сентябре 1938 года Зборовский был единственным, кто представлял делегацию от СССР. Он подробно информировал Центр об участниках конгресса и принятых на нём резолюциях.

Зборовский сделал всё возможное, чтобы не допустить перехода невозвращенцев на сторону троцкистов. Он предложил "Центру" распространять слухи о причастности Кривицкого к убийству Райсса⁴. Хотя эта провокация не удалась, Зборовский вместе с Эстрин информировали Троцкого о "ненадёжности" Кривицкого. В их письмах тенденциозно излагались сведения о сотрудничестве Кривицкого с меньшевиками и выражались сомнения в правдивости Кривицкого, который якобы "говорит только о том, что соответствует его интересам, и умалчивает невыгодное для него"⁵. В следующем письме делался вывод: "На В. (Вальтере) нужно поставить крест"⁶.

Аналогичная интрига развёртывалась вокруг Бармина, который открыто выражал издателям "Бюллетеня" своё недоверие и заявлял, что не рассматривает их в качестве представителей Троцкого⁷. В письме Эстрин Троцкому сообщалось: "Э. (Этьен) виделся с Барминым. Дело с ним не выйдет"⁸.

У издателей "Бюллетени оппозиции" возник конфликт и с рабочим-оппозиционером Таровым, бежавшим в 1936 году из СССР и при жизни Седова публиковавшимся в "Бюллетене"^{9*}. Эстрин сообщала Троцкому, что "Таров порвал с нами отношения"¹⁰.

Разжигая атмосферу склок и интриг в кругу людей, которые могли бы стать надёжными соратниками Троцкого, Зборовский особые усилия направлял на компрометацию Сневлита и Сержа (именуемых в переписке с Троцким "Менеджером" и "Литератором"). Желая предупредить сообщения последних о подозрениях, которые имелись у них против издателей "Бюллетеня", Эстрин и Зборовский писали Троцкому, что "менеджер" считает Этьена провокатором и

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 170.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 169-170.

⁴ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. С. 323.

⁵ Архив Троцкого. № 879.

⁶ Коллекция Николаевского. Ящик 627. Папка 2.

⁷ Архив Троцкого. № 863.

⁸ Там же. № 873.

⁹ Дальнейшая судьба Тарова сложилась трагически: во время войны он вступил в армянскую группу Сопротивления во Франции и был убит гитлеровцами в 1942 году.

¹⁰ Архив Троцкого. № 863.

высказывает подозрения по поводу того, на какие средства он живёт¹. В другом письме рассказывалось, что "литератор" подозревает "Паульсена" (кличка Эстрин) в работе на НКВД. Уверяя, что это делается с целью скомпрометировать Эстрин и тем самым сорвать издание "Бюллетеня", Эстрин и Зборовский писали, что передают эти сведения "под строжайшим секретом, при условии ни в коем случае ничем из этих сведений не пользоваться до получения от нас соответствующего письма (один неосторожный шаг может погубить всё дело, чрезмерная поспешность может поставить всех нас в очень тяжёлое положение)"².

Многие из писем издателей "Бюллетеня" Троцкому были заполнены намеками на сотрудничество Сержа с ГПУ. Рассказывая о беседе с вдовой Райсса, в которой принимал участие Серж, Зборовский писал: "В течение всего нашего разговора В. Серж ставил Эльзе Райсс вопросы разного рода о деятельности ГПУ, причём он выявлял знакомство с разными работниками этого "учреждения"³.

В следующем письме Эстрин и Зборовский писали о подозрениях Кривицкого относительно Сержа. Такие подозрения действительно существовали у Кривицкого (а также у Райсса), поскольку Серж был единственным известным оппозиционером, которого Сталин разрешил выпустить из ссылки за границу^{4*5}. Муслируя эти настроения Кривицкого, Эстрин и Зборовский писали: "По мнению В., "литератор" был послан со специальной целью сеять рознь в рядах IV Интернационала. В. даже говорил, что "литератору", вероятно, дали особые инструкции резко писать против Сталина, чтобы таким образом завоевать доверие"⁶.

К этому в другом письме авторы письма добавляли сплетни бытового характера, призванные создать впечатление, что Серж находится на содержании НКВД: "Репутация "литератора" такова - он всегда плачется, что у него нет денег... Живёт он вместе с тем не нуждаясь - содержит жену в пансионе, дочку маленькую в другом пансионе, а сам с сыном живёт, не нуждаясь". Утверждая, что "Лёва всегда относился с большим недоверием к "литератору", в биографии которого "довольно много тёмных мест", Эстрин и Зборовский не удержались и от того, чтобы бросить тень на поведение Сержа в СССР: "Мы, например, узнали, что "литератор" из ссылки писал очень жалобные письма, что ему очень тяжело живётся, и просил ему помочь. Здесь же его жена рассказывает, что они очень хорошо жили в ссылке, постоянно ели курицы и вообще никогда так хорошо не жили"⁷.

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 627. Папка 2.

² Там же. Ящик 628. Папка 10.

³ Там же.

⁴ Освобождение Сержа, бельгийского подданного, было результатом неустанных усилий Ромен Роллана, который, начиная с 1933 года, почти в каждом письме Горькому просил последнего способствовать выезду Сержа в Бельгию, а в 1935 году поднял этот вопрос в беседе со Сталиным.

⁵ Poretsky E. K. Our own people. P. 245.

⁶ Коллекция Николаевского. Ящик 628. Папка 10.

⁷ Там же. Ящик 627. Папка 2.

Интриги Зборовского были, по-видимому, инспирированы парижской резидентурой НКВД. Можно полагать, что временами сталинская агентура сознательно подбрасывала ему и Эстрин такую информацию о положении в СССР, которая призвана была дезориентировать Троцкого, спровоцировать его на выступления с оценками и прогнозами, не соответствующими действительности. Так, в письме от 14 февраля 1938 года рассказывалось о беседе с неким "иностраным журналистом, в 24 часа высланным из России". Со слов этого человека передавался целый букет небьлиц: "Никакого троцкизма в России, ни тем более в партии нет... преследуются главным образом правые уклоны... Вся свора сосредоточена против Сталина: в партии, в Политбюро и в армии. Рассказчик уверяет, что всё Политбюро, в особенности Калинин, Молотов, Ворошилов и Каганович, настолько против Сталина, что он не осмеливается внести ни одного предложения, проводит их самовластно, опираясь на Ежова и его аппарат, и ставит в известность Политбюро, что сделано то-то и то-то, т. е. постфактум". Столь же дезориентирующий характер носили и прогнозы "рассказчика": "Если будет война, Россия будет охвачена крестьянскими бунтами. Там, в деревне, идёт лютая борьба между единоличниками и колхозниками; это - два клана, постоянно друг с другом в драке". Со слов рассказчика передавались и "дезы" более частного характера, вроде того, что расстреляна Наталья Сац, "интимная подруга Орджоникидзе"¹.

Если в получаемых сообщениях о положении в СССР Троцкий, как правило, отсеивал всё сомнительное, то по-иному обстояло дело с информацией, касавшейся парижского круга троцкистов. Превентивные сообщения о подозрениях, которые питают Серж и Сневлит в отношении Зборовского, достигли своей цели: Троцкий встал на сторону провокатора. 2 декабря 1938 года он послал Эстрин и Зборовскому письмо следующего содержания: "Тов. Е. (Этьен) должен, по моему мнению, немедленно обратиться к Сн. и В. С. с требованием представить свои обвинения в компетентную комиссию... Здесь должно проявить самую энергичную инициативу, чтобы как можно скорее прижать обвинителей к стене"².

Считая Сневлита виновным в безответственности, проявленной в деле обеспечения безопасности Райсса, Троцкий написал статью "Ещё о товарищах Сневлите и Верекене", в которой содержалось немало неоправданно резких и несправедливых слов о Сневлите и его поведении в "деле Райсса" и столь же безоговорочное одобрение позиции Зборовского и Эстрин, которые, по словам Троцкого, "осветили действительную историю этого дела"³.

Таким образом, огромную роль в разрыве Троцкого с невозвращенцами, тянувшимися на первых порах к нему и Седову, и с крупными зарубежными политическими деятелями, близкими к нему по своим взглядам, сыграла тенденциозная и лживая информация, которая шла от лиц, на которых непосредственно держалось издание его главного детища - "Бюллетеня оппозиции". Попытки посеять рознь между Троцким и его наиболее видными зарубежными

¹ Архив Троцкого. № 860.

² Там же. № 7729.

³ Writings of Leon Trotsky. (1937-1938). N.Y., 1970. P. 338-239.

сторонниками дали свои результаты. Троцкий поверил тому, кому не следовало верить, но кто непрерывно клялся в безграничной преданности его делу, и порвал с теми, кто, хотя вступали с ним в полемику и делали некоторые неверные теоретические и политические выводы, могли бы оставаться его близкими соратниками.

Разрыв Троцкого с советскими невозвращенцами и зарубежными друзьями объяснялся не только провокациями Зборовского. Такие люди, как Кривицкий и Бармин, пережившие тяжёлую внутреннюю драму и вынужденные резко сменить свой образ жизни, могли бы сохранить чёткие идейные ориентиры при условии непосредственного общения с Троцким. В атмосфере такого постоянного живого общения и творческого диалога, необходимого политику и революционеру, могли бы сгладиться и разногласия между Троцким и такими выдающимися общественными деятелями, как Сневлит и Серж.

И на деятельности самого Троцкого болезненно сказывалось отсутствие живого общения с близкими ему по взглядам людьми, которое не могла заменить самая интенсивная переписка.

К этому следует прибавить некоторые особенности личности Троцкого, к которому приложимо известное изречение: "Наши недостатки есть продолжение наших достоинств". Сохраняя неизменную веру в силу больших политических идей, Троцкий одновременно относился с брезгливостью к подмене принципиальных идейных споров личными склоками, сплетнями и интригами. Неспособный к мелкому политиканству, он был в известном смысле беспомощен перед лицом подобных явлений, неизбежно вмешивающихся в политические отношения. Отсюда шла его сила в периоды революционного подъёма, когда такое политиканство вынуждено было отступать на задний план, и его известная слабость в периоды революционного спада, когда оно оказывало ощутимое влияние на расстановку политических сил. Эта слабость проявилась в 1923-1925 годах, когда Троцкий оказался одним против остальных членов Политбюро, сплотившихся на беспринципной основе борьбы против его влияния в партии и стране. Она же дала себя знать во второй половине 30-х годов, когда развернулись тёмные интриги внутри небольшого кружка его единомышленников.

Переоценивая возможности убеждения силой больших политических идей, Троцкий нередко упускал из виду "человеческое, слишком человеческое" (Ницше), т. е. чисто психологические, в том числе и низменные факторы, способные оказывать влияние на политическую борьбу. Ясность и пронизательность, неизменно присущие ему в оценке больших исторических событий и политического облика крупных исторических личностей, нередко изменяли ему в оценке конкретных человеческих отношений, в особенности когда они были отравлены провокацией. Отсюда - его известная податливость к недобросовестным и предвзятым оценкам, которые шли от Зборовского и Эстрин, и столь же неоправданная резкость по отношению к оклеветанным ими людям, которые могли бы стать его надёжной опорой в строительстве IV Интернационала.

Конец "ежовщины"

Осенью 1938 года Сталину стало ясно, насколько великая чистка ослабила Советский Союз и какими роковыми последствиями для страны может обернуться её продолжение. По-видимому, в это время он пришёл к выводу пожертвовать Ежовым, с которым большинство населения связывало кошмар чисток. Сталин расправлялся с "железным наркомом" постепенно, исподволь готовя общественное мнение к его устранению. 9 апреля 1938 года Ежов был назначен наркомом водного транспорта в дополнение к трём уже занимаемым им постам. А спустя четыре месяца после этого в Москву был переведён Берия, назначенный первым заместителем наркома внутренних дел и начальником Главного управления госбезопасности - той структуры НКВД, на которую возлагалось проведение политических репрессий.

К этому времени Ежов, говоря словами Хрущёва, "буквально потерял человеческий облик, попросту спился". Берия же после своего перевода в Москву открыто говорил Сталину и другим членам Политбюро, что арестовывают невинных людей, и "сетовал, где же будет край? На чём-то ведь надо остановиться, что-то предпринять"¹.

Аналогичные сигналы шли с мест, от молодых партийных работников, которые отваживались выразить своё сомнение в правомерности продолжения массовых репрессий. Так, 23 октября 1938 года первый секретарь Сталинградского обкома Чуянов направил Сталину письмо, в котором приводил факты провокаций, пыток и фальсификаций, чинимых органами НКВД. Не будучи облечён, как и все другие партийные секретари, полномочиями по контролю за деятельностью "органов", Чуянов просил Сталина создать комиссию по проверке деятельности областного управления НКВД².

Многочисленные письма о творящемся в стране произволе поступали в ЦК и от рядовых граждан. Например, В. Черноусов из Одессы писал: "Сейчас нет в стране почти ни одного дома, откуда кто-нибудь не сидел бы. Получилась в конце концов такая картина, что вся страна против Советской власти... При чрезвычайно низкой у нас заработной плате, при отсутствии предметов первой необходимости никто ещё вдобавок не уверен, что он завтра не окажется в тюрьме. Трудно ли после этого догадаться, какие настроения существуют в массах".

Ленинградец В. Антипов описывал "жуткие картины на вокзалах больших и малых городов", где ютились тысячи семей, выселенных из родных мест за то, что в их составе были судимые и отбывающие наказание. "Дают 24 часа на выезд - люди в панике продают за бесценок имущество и едут куда глаза гля-

¹ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 78.

² Берия: конец карьеры. С. 393-394.

дят". Автор письма объяснял эти выселения тем, что "работники некоторых управлений НКВД распоясались до произвола"¹.

Первый признак изменений в репрессивной политике появился 17 ноября 1938 года, когда было принято секретное постановление СНК и ЦК "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия". В нём положительно оценивалась работа, проделанная органами НКВД по "очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров", в том числе "переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч." Постановление указывало, что "очистка" должна продолжаться, но с использованием "более совершенных и надёжных методов".

После этой преамбулы в постановлении перечислялись "крупнейшие недостатки и извращения в работе органов НКВД и Прокуратуры": массовые необоснованные аресты, упрощённое ведение следствия и суда, грубое нарушение процессуальных норм и т. д. При конкретизации этих положений раскрывалась царящая в правоохранительных органах атмосфера произвола и попрания прав арестованных: "следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечёркнутые записи показаний, помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы, включаются не подписанные и не утверждённые обвинительные заключения".

Вина за всё это - в истинно сталинском духе - возлагалась на "врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД", которые сознательно фальсифицировали следственные документы, создавали провокационные дела на невинных людей и в то же время "спасали от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД". Таким образом, постановление указывало на необходимость ещё одной чистки и построения новой серии амальгам, сводящихся к отождествлению следователей-фальсификаторов со шпионами и заговорщиками.

Постановление ЦК запрещало проведение новых массовых операций по арестам и высылкам, ликвидировало судебные тройки и даже указывало на необходимость "обеспечения за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав"².

Вслед за принятием этого постановления Сталин взялся непосредственно за Ежова. К этому его подхлестнуло бегство за рубеж Орлова и Люшкова, а также исчезновение наркома внутренних дел Украины Успенского. Как вспоминал Хрущёв, Сталин сообщил ему о намечавшемся аресте Успенского. Однако захватить того не удалось, поскольку он сбежал. Спустя некоторое время Сталин сказал Хрущёву, что, видимо, Ежов подслушал их телефонный разговор и предупредил Успенского³.

¹ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 243-244.

² Исторический архив. 1992. № 1. С. 124-126.

³ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 87.

17 ноября Ежов направил Сталину заявление, в котором каялся, что "дал возможность Люшкову скрыться в Японии и Успенскому пока неизвестно куда". Другой свой "большой промах" Ежов усматривал в том, что не завершил разоблачения "заговорщиков из НКВД" и "во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут другого". В своё оправдание Ежов ссылаясь на то, что "заговорщикам из НКВД и связанным с ними иностранным разведкам за десяток лет минимум (до его прихода в наркомат - В. Р.) удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников". Пытаясь в очередной раз представить гигантскими масштабы вражеской деятельности, Ежов сообщал, что "иностранную разведку по существу придется создавать заново", поскольку весь иностранный отдел НКВД оказался засорен шпионами. В заключение Ежов подчёркивал, что, несмотря на "большие недостатки и промахи" в своей работе, он "при повседневном руководстве ЦК - НКВД погромил врагов здорово"¹.

19 ноября Политбюро удовлетворило просьбу Ежова об освобождении его от обязанностей наркома внутренних дел. Однако в принятом постановлении ничто не указывало на то, что Ежову предстоит недолго оставаться на свободе. Там говорилось, что Ежов освобождается от должности наркома внутренних дел из-за "его болезненного состояния, не дающего ему возможности руководить одновременно двумя большими Наркоматами"². За ним сохранялись посты секретаря ЦК, председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта.

25 ноября было опубликовано сообщение о замене Ежова на посту наркома внутренних дел Берией. Уже в первые месяцы своего пребывания на этом посту Берия арестовал большинство руководителей аппарата НКВД в центре и на местах. В 1939-1940 годах были судимы и расстреляны такие палачи и фальсификаторы, как Фриновский, Заковский, Николаев-Журид, Б. Берман, М. Берман, Ушаков-Ушимирский и многие другие. С особым усердием, как вспоминал Хрущёв, Берия "завершил начатую ещё Ежовым чистку чекистских кадров еврейской национальности"³. Для подготовки смены арестованным работникам был объявлен призыв в НКВД "лучших комсомольцев", которые после прохождения краткосрочных курсов занимали освободившиеся посты.

После снятия Ежова с поста наркома внутренних дел советские люди стали смелее называть прошедшие страшные годы ежовщиной. Можно полагать, что сам этот термин, призванный возложить на Ежова всю ответственность за большой террор, вышел из сталинской канцелярии. Во всяком случае Сталин в кругу приближенных не раз говорил о вине Ежова в расправах над невинными людьми, явно желая, чтобы эти его слова получили широкое распространение. Авиаконструктор Яковлев, относившийся к числу немногих людей, которые пользовались доверием и расположением Сталина, вспоминал, как на одном из ужинов Сталин заговорил о повсеместной нехватке хороших работников, при-

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 168-170.

² Там же. С. 168.

³ Вопросы истории. 1990. № 6. С. 81.

совокупив к этому: "Ежов - мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат - говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК - говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом - оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Много невинных погубил. Мы его за это расстреляли!"¹.

Психологически достоверной выглядит описанная в романе К. Симонова "Солдатами не рождаются" сцена беседы Сталина в 1943 году с генералом Серпилиным, репрессированным в 1937 году и возвращённым в армию накануне войны. Когда Сталин выразил удивление по поводу того, что Серпилин только во время войны узнал о выпущенном в 1940 году танке Т-34, Серпилин "неожиданно для себя сказал то, что было совсем не обязательно говорить:

- В сороковом году, товарищ Сталин, я ещё был в гостях у Николая Ивановича.

- У какого Николая Ивановича? - спросил Сталин с какой-то даже веселой заинтересованностью, вызванной неожиданностью ответа.

- Мы, военные, когда сидели, Ежова так между собой называли, - сказал Серпилин; отступить было поздно, раз сорвалось, надо договаривать.

Сталин рассмеялся. Потом перестал смеяться и... посмотрев мимо Серпилина, повернул в пальцах даже скрипнувшую от этого трубку, - Ежова мы наказали".

После ухода Серпилина Сталин наедине с собой размышляет: "Оказывается, эти военные там, у себя в лагерях, называли этого Ежова по имени и отчеству - Николаем Ивановичем. Придавали этому слишком маленькому человеку слишком большое значение. С политической точки зрения не так плохо, но смешно!"².

В ноябре 1938 года при загадочных обстоятельствах умерла жена Ежова Хаютина. Согласно показаниям её первого мужа, директора Харьковского инструментального завода А. Ф. Гладуна, арестованного весной 1939 года, она в середине 20-х годов "восторгалась троцкистами". Бабель, хорошо знавший Хаютину, показал на следствии, что она "вращалась в обществе троцкистов - Лашевича, Серебрякова, Пятакова, Воронского"³. В 30-е годы Хаютина фактически руководила редакцией журнала "СССР на стройке", ответственным редактором которого был Пятаков.

В деле Ежова находятся письма Хаютиной, в которых она просила "проверить всю мою жизнь, всю меня... Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то несодеянных преступлениях"⁴. В октябре 1938 года Хаютина была направлена для лечения нервно-психического заболевания в санаторий, где через месяц скончалась.

На публике Ежов появился в последний раз на торжественном заседании, посвящённом 15-й годовщине со дня смерти Ленина. На XVIII съезде он не присутствовал и не был избран в состав ЦК. 10 июня 1939 года он был аресто-

¹ Яковлев А. Цель жизни. М., 1969. С. 509.

² Симонов К. Солдатами не рождаются. М., 1981. С. 609-610, 612.

³ Поварцов С. Причина смерти - расстрел. С. 149, 151.

⁴ Шенталинский В. Рабы свободы. С. 67.

ван. Лица, производившие обыск, в его служебном кабинете, были удивлены не только обилием бутылок с водкой, запрятанных в шкафах за книгами, но и найденными в письменном столе использованными пулями, завёрнутыми в бумажки, на которых было написано: "Зиновьев", "Каменев", "Смирнов"¹. Эти "сувениры" Ежов хранил, очевидно, на память о первом московском процессе.

Только через три месяца после ареста Ежова было подписано постановление о привлечении его к уголовной ответственности. В нём воспроизводился стандартный набор обвинений: в "изменнических шпионских связях с кругами Польши, Германии, Англии и Японии", в насаждении заговорщических кадров и руководстве антисоветским заговором в НКВД, в подготовке государственного переворота и террористических актов против Сталина, Молотова и Берии. К этому перечню было добавлено чисто уголовное обвинение в мужеложстве.

Составленное спустя ещё несколько месяцев обвинительное заключение представляло более сложную амальгаму. К вымышленным преступлениям здесь были добавлены и действительные преступления, например, создание Ежовым "в авантюристически-карьеристских целях" дела о своём ртутном отравлении, упоминавшегося на процессе "право-троцкистского блока". Ежову вменялась в вину и организация убийств "целого ряда негодных ему лиц", пытавшихся "разоблачить его предательскую работу".

2 февраля 1940 года дело Ежова, составившее 11 томов, было вынесено на закрытое заседание Военной коллегии под председательством неизменного Ульриха. На суде Ежов заявил, что признания в преступлениях были даны им в результате жесточайших избиений. По поводу обвинения в терроре он резонно говорил: "Если бы я захотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело". Отвергая обвинения в работе на польскую разведку, он сказал, что начал свою работу в НКВД с "разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК. В их руках была советская разведка".

Вместе с тем Ежов признавал себя виновным "в не менее тяжких преступлениях", за которые его "можно и расстрелять". В последнем слове он назвал своей "огромной виной" то обстоятельство, что, вычистив 14 тысяч чекистов, не довёл эту работу до конца. "Кругом меня были враги народа, мои враги, - говорил он. - Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крыльшком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа". Своё последнее слово Ежов завершил просьбой передать Сталину, что будет умирать с его именем на устах².

На следующий день после суда Ежов был расстрелян. Об его аресте и расстреле официально не сообщалось. Его имя не фигурировало и в перечнях "врагов народа", оно просто исчезло со страниц печати.

После снятия Ежова с поста наркома внутренних дел несколько десятков тысяч человек, находившихся под следствием, были освобождены с прекра-

¹ Там же.

² Совершенно секретно. 1992. № 4. С. 6-7.

щением их дел. Произошла и некоторая разгрузка лагерей. В 1939 году было освобождено беспрецедентно большое число узников ГУЛАГа - 327,4 тыс. чел.¹ Конечно, среди них были и уголовники, но немалую часть освобождённых составляли политзаключённые, дела которых были пересмотрены.

С начала 1939 года в печати стали появляться сообщения об исключении из партии и привлечении к уголовной ответственности клеветников, по чьим доносам были арестованы невинные люди. Во многих городах прошли открытые суды над клеветниками и следователями-фальсификаторами. Авторханов утверждает, что присутствовал в качестве свидетеля на суде над руководителями Чечено-Ингушского наркомата внутренних дел, состоявшемся в 1942 году².

Разоблачения судебных фальсификаций подхлестнули многих арестованных и их родственников к подаче заявлений с просьбой о пересмотре дел. Этих жалоб оказалось так много, что в областных и районных центрах были созданы специальные комиссии для их проверки. Секретарь Старорусского райкома Горев, возглавлявший одну из таких комиссий, рассказывал, что ей было разрешено разбирать дела только тех, кто находился в то время под следствием; на сгинувших в тридцать седьмом "наша власть не распространялась". В итоге трёхмесячной работы комиссия составила пять томов документов, изобличавших бывшего начальника райотдела НКВД Бельдягина и его подручных в грубейших злоупотреблениях властью. После передачи этих материалов областному прокурору Бельдягин, занимавший к тому времени пост начальника Псковского областного управления НКВД, и трое следователей были арестованы и судимы³.

"Послеежовские" реабилитации не коснулись, однако, практически никого из видных деятелей партии и государства, следствие по делам которых не было завершено к концу 1938 года. На протяжении 1939-1940 годов все эти лица были судимы и в подавляющем большинстве расстреляны.

Конец "ежовщины" не означал какого-либо пересмотра исторических фальсификаций, пущенных в обращение после великой чистки. Напротив, все эти фальсификации в конце 1938 года были воспроизведены в книге, по которой предстояло черпать знания об истории несколькими поколениями советских людей.

¹ Аргументы и факты. 1989. № 45.

² Октябрь. 1992. № 10. С. 132.

³ Ефимов И. И. Не сотвори себе кумира. С. 391.

ЛП

Фальсификация истории

После третьего московского процесса сталинским приспешникам стало ясно, что отныне не существует никаких ограничений для фабрикации новых фальсификаций, в особенности касающихся Троцкого. Их усердие разыгралось настолько, что даже Сталину приходилось временами его умерять. Так, в конце 1938 года Ежов и Берия представили Сталину докладную записку о результатах "проведённых мероприятий по розыску документов, подтверждающих провокаторскую деятельность Троцкого". Первым таким "документом" именовалась книга воспоминаний председателя Петроградского Совета в 1905 году Хрусталёва-Носаря, в которой якобы говорилось о Троцком как сотруднике охранки. К этому шефы НКВД присовокупляли: им "стало известно", что Хрусталёв-Носарь, чья провокаторская деятельность была разоблачена в первые месяцы после Октябрьской революции, был расстрелян по приказу Троцкого, выпущенному последним ради того, чтобы избавиться от свидетеля своей службы в царской тайной полиции. Второй "документ" представлял сфабрикованное сообщение английской разведки о том, что в годы мировой войны литературная деятельность Троцкого в США оплачивалась "немцами и лицами, им сочувствующими". В третьем "документе" говорилось, что Троцкий наряду с Хрусталёвым-Носарём и Луначарским состоял сотрудником бывшего жандармского управления. В отличие от "книги" Хрусталёва-Носаря, о существовании которой до сих пор не имеется никаких подтверждений, последний документ не был простой выдумкой Ежова и Берии; он был обнаружен ещё в 1917 году и тогда же направлен Керенскому и Бурцеву, наиболее квалифицированному специалисту по разоблачению провокаторов в русском революционном движении. Оба они признали этот документ очередной фальшивкой - из числа тех, которые в большом количестве бытовали в то время¹.

Столь же беспардонную попытку скомпрометировать дореволюционное прошлое Троцкого предпринял ретивый фальсификатор сталинской школы Е. Ярославский. 25 сентября 1938 года он направил Сталину письмо, в котором говорилось об "изученных" им совместно со Шкирятовым показаниях бывшего Главкома Красной Армии Вацетиса, которые являются "ошеломляющим документом", "убийственным приговором Троцкому". Эти показания, писал Ярославский, подтверждают сложившееся у него "убеждение" в том, что Троцкий до 1917 года был завербован германским генеральным штабом и царской охранкой. Предлагая провести следствие для проверки этих версий, Ярославский обосновывал это предложение возникшей в его голове "гипотезой": "Если Троцкий мог пойти на такое чудовищное предательство по отношению к Ленину, к Сталину, к республике Советов (имелась в виду утвердившаяся в то время в советской историографии интерпретация поведения Троцкого в 1918 году как "предательского" - В. Р.), то почему не допустить, что его позиция в

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. I. С. 82-83.

период сколачивания и деятельности августовского блока и раньше не диктовалась троцкистским "лозунгом": каждый делает революцию для себя^{1*} (курсив мой - В. Р.)².

Конечно, Сталину не могло не представляться заманчивым пустить в обиход версии и "документы", состряпанные его услужливыми приспешниками. Однако в конечном счёте он не позволил этим документам выйти за пределы своего кабинета: слишком свежа была память о сокрушительных ударах, нанесённых Троцким даже по более "скромным" историческим подлогам. Кроме того, Сталину было известно, что Троцкий работает над его биографией. Естественно было ожидать, что в ответ на новую разухабистую клевету Троцкий ускорит публикацию находящихся в его распоряжении материалов о сомнительных моментах в дореволюционной биографии самого Сталина.

Очевидно, по тем же причинам Сталин отверг угодливые предложения о "подчистке" некоторых неприятных для него высказываний Ленина. Так, он не дал хода инициативе Стасовой и Сорина, представивших ему в мае 1938 года предложения о внесении "исправлений" в записи выступлений Ленина с критикой сталинской позиции по вопросу о Брестском мире³.

В ряде случаев Сталин запрещал публикацию таких книг, где лесть по его адресу превосходила все мыслимые пределы. 16 февраля 1938 года он направил в Детиздат письмо, в котором предложил "сжечь" присланную ему на просмотр рукопись книги некой Смирновой "Рассказы о детстве Сталина". Указывая, что эта книжка "изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений", придуманных "охотниками до сказок", "брехунами" и подхалимами, Сталин усматривал особый вред в том, что она "имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев"⁴. Это письмо Сталина, ставшее известным в литературно-издательских кругах, не было опубликовано. Оно впервые увидело свет в конце 1953 года, когда сталинские преемники, открывшие первый тур критики "культа личности", сочли необходимым опереться в этой критике на авторитет самого Сталина.

В годы великой чистки Сталин находил время для того, чтобы держать под своим неослабным контролем выход мемуарных работ и художественных произведений на историко-партийную тему. К 20-летию Октябрьской революции с его благословения были выпущены произведения, сразу же объявленные "вершинами" советского искусства: повесть А. Толстого "Хлеб" и фильм М. Ромма "Ленин в Октябре". Те же произведения, которые хотя бы в чём-то отклонялись от господствующих канонов, запрещались. Такой запрет был наложен, в частности, на дальнейшую публикацию повести М. Шагинян "Билет по истории", первая часть которой вышла в издательстве "Молодая гвар-

¹ Этот нелепый лозунг представлял, разумеется, очередную выдумку самого Ярославского.

² Источник. 1994. № 6. С. 97.

³ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. С. 282.

⁴ Свободная мысль. 1993. № 10. С. 29.

дия". Это произведение о детстве и юности Ленина было названо в постановлении Политбюро "политически вредным" и "идеологически враждебным"¹.

На исходе великой чистки Сталин решил дать партии, народу и зарубежному коммунистическому движению новый идеологический путеводитель, названный им "энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма". Он посчитал, что в этой "энциклопедии" ключевыми должны стать не вопросы марксистской теории, а более доступные массам вопросы истории. В этих целях была создана комиссия, состоявшая из старых и молодых фальсификаторов, которой было поручено написать учебник по истории партии.

В мае 1937 года Сталин опубликовал письмо составителям учебника, в котором предложил схему периодизации истории ВКП(б) и потребовал сделать особый акцент на "борьбе большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями"². При этом преодоление "внутрипартийных противоречий и разногласий" трактовалось как беспощадная борьба с оппозициями, представленными как клубок змей, разоблаченных и уничтоженных благодаря прозорливости Сталина.

Комиссия свела воедино все прежние фальсификации партийной истории, накопленные с 1923 года, и дополнила их историческими подлогами, обнаруженными на трёх московских процессах. Сталин подверг присланную ему рукопись тщательному редактированию и написал главу "О диалектическом и историческом материализме", включавшую набор примитивных догм, по которым несколько поколений советских людей вынуждены были черпать свои представления о содержании марксистской философии.

Там, где фальсификаторы останавливались, не решаясь самовольно вставлять в учебник особенно грязную клевету, Сталин решительно исправлял их "упущения". Так, он вписал в "Краткий курс", что левоэсеровский мятеж был поднят в 1918 году с ведома не только Бухарина, но и Троцкого.

Когда директор Музея революции Самойлов обратился к Сталину с просьбой передать для экспонирования в музее несколько написанных или правленных им страниц рукописи "Краткого курса", Сталин ответил раздраженной запиской: "Не думал, что на старости лет займётесь такими пустяками. Ежели книга уже издана, в миллионах экземпляров, - зачем Вам рукописи? Чтобы успокоить Вас, я сжѐг все рукописи"³.

В 1947 году Сталину был представлен макет его "Краткой биографии", в котором повторялась официальная версия о том, что "Краткий курс" был написан "комиссией под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии". Сталин зачеркнул эту привычную фразу и на её место вписал новую, повторенную в тысячах книг, брошюр и статей: "В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)"⁴.

¹ Там же. С. 30.

² Большевик. 1937. № 9. С. 8.

³ Голоса истории. Т. 22. Вып. 1. М., 1990. С. 217.

⁴ Реабилитация. С. 58.

Непосредственно перед выходом "Краткого курса" Сталин распорядился создать совещание пропагандистов Москвы и Ленинграда, на котором присутствовали все члены Политбюро. Он выступил на совещании с речью, где впервые было указано, что новый учебник является "единым руководством", которое ЦК официально рекомендует как выражение мысли, взглядов партии". Данное "руководство", в отличие от всех прежних учебников и учебных пособий по истории партии, не имевших "согласия (и одобрения) ЦК", не должно было, по его словам, вызывать "никаких сомнений"¹.

Эти мысли Сталин настойчиво повторял, вмешиваясь в выступления других ораторов. Заявив, что раньше в изучении теории и истории было "очень много местного, личного, индивидуального", он подчеркнул, что после появления "единообразного учебника" будет необходимо проводить "единообразие... через печать".

Прервав выступление пропагандиста Шварева, Сталин поинтересовался тем, возникают ли во время учебных занятий обсуждения и споры между слушателями. Шварев ответил, что "раньше в практике это бывало. Бывали дискуссии по ряду вопросов, но сейчас ещё мы к этому не приступили". Вслед за этим состоялся обмен репликами между пропагандистом и кремлёвскими вождями:

Молотов: Вопросы-то задают на семинарах? Споры бывают на этой почве?

Шварев: Конечно, бывают.

Сталин: Троцкисты не попадаются при этом?

Шварев: Нет, товарищ Сталин, у нас не было таких².

Положения о "единообразии" были закреплены в Постановлении ЦК от 14 ноября 1938 года "О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП(б)". Содержание этого постановления было настолько одиозным, что последний раз оно было опубликовано в сборнике "КПСС в резолюциях и решениях" в 1954 году, а в последующих изданиях этого сборника отсутствовало.

В постановлении ЦК "Краткий курс" именовался "официальным, проверенным ЦК ВКП(б) толкованием основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающим никаких произвольных толкований". Не оставляя сомнений в том, что применительно к данной книге обычные критерии развития научного знания должны быть отброшены, постановление указывало: "Издание "Курса истории ВКП(б)", одобренного ЦК ВКП(б), кладётся конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии"³.

Кодификация идеологических и исторических мифов в "Кратком курсе" - этой энциклопедии сталинского догматизма и фальсификаций - призвана была служить полному вытравливанию исторической памяти народа, казённо-бюрократической деформации его политического сознания.

¹ История и сталинизм. С. 75-76.

² Там же. С. 77.

³ Правда. 1938. 15 ноября.

В постановлении ЦК фактически утверждалась установка на непрерываемость не только каждого положения, но каждой фразы, каждой буквы этого канонического издания. Данная установка выдерживалась столь последовательно, что даже обращения известных историков в ЦК с указанием на содержащиеся в этой книге фактические ошибки, допущенные по недосмотру авторов, не привели к исправлению ни одной из этих ошибок.

В постановлении ЦК обосновывалась новая методология освещения истории. "Краткий курс" противопоставлялся прежним учебникам, излагавшим историю ВКП(б) "прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях"¹.

Это противопоставление понадобилось потому, что из "Краткого курса" были исключены имена большинства лиц, действительно творивших историю партии и безвестно сгинувших в великой чистке. Это определило многолетнюю традицию "белых пятен" и "забытых имён" в историко-партийной литературе. Исключение делалось лишь для двух групп большевиков. К первой относились жертвы открытых процессов, вся деятельность которых была объявлена "предательской" и "изменнической". Стиль соответствующих обобщающих пассажей столь специфичен, что выдает несомненное авторство Сталина. "Эти белогвардейские козявки, - говорилось при упоминании о подсудимых московских процессов, - забыли, что хозяином Советской страны является Советский народ, а господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь - временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам. Эти ничтожные лакеи фашизма забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа. Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу. НКВД привёл приговор в исполнение. Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешёл к очередным делам"².

Вторая группа "упомянутых" включала нескольких большевиков, которым "посчастливилось" умереть естественной смертью, и обойму "ближайших соратников", само наличие которой свидетельствовало: Сталин принял окончательное решение оставить их на свободе. По-видимому, не случайно выход "Краткого курса" совпал с завершением арестов старых большевиков. Место почти поголовно истреблённых героев Октябрьской революции и гражданской войны на страницах учебника заняли люди, не принимавшие никакого участия в этих событиях, либо игравшие в них незначительную роль. "Новая история, - писал по этому поводу Троцкий, - превращает всех вождей большевистской партии в изменников, а участниками гражданской войны, победоносного восстания назначает нынешних адъютантов Сталина". Крайним выражением этих исторических манипуляций была фраза о том, что "в Белоруссии подготавливал солдатскую массу к восстанию т. Ежов". В этой связи Троцкий напоминал, что, "когда Ежов впервые появился на арене большой политики в 1935 г., имя

¹ Там же.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 332.

его не было известно решительно никому¹. Впрочем, имя Ежова, о судьбе которого Сталин к моменту выхода "Краткого курса" ещё не принял окончательного решения, фигурировало лишь в первом издании книги. Изъятие двух упоминаний о Ежове стало единственным "выбросом" из "Краткого курса".

Конечно, Сталин не был бы Сталиным, если бы он не сочетал догматически-канонический подход к "Краткому курсу" с призывами покончить с начётничеством, буквоедством и схоластикой в общественных науках. Постановление ЦК от 14 ноября осуждало "боязнь смелой постановки теоретических вопросов", "упрощенчество и вульгаризацию", в результате которых "вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лжетеоретиками и пропагандистами с полужсеровских позиций"². Таким образом, Сталин, одобрявший книгу, насквозь пропитанную культовым духом, в постановлении о ней критиковал не что иное, как культ личности. Впрочем, вскоре это понятие было изъято из партийного лексикона - вплоть до 1953-1956 годов, когда преемники Сталина стали использовать его для характеристики всей совокупности сталинских ошибок и преступлений.

Попутно постановление ЦК включало ещё один важный сюжет, непосредственно не относившийся к рассматриваемым в нём вопросам истории. Оно требовало покончить с "пренебрежительным отношением" к советской интеллигенции, которое объявлялось в безапелляционно-приказном и угрожающем тоне "диким, хулиганским и опасным для советского государства"³. Эти положения служили теоретическим обоснованием окончательного перемещения социальной опоры сталинского режима с рабоче-крестьянских масс на верхушечный слой интеллигенции, превратившийся во вторую - после правящей бюрократии - привилегированную группу советского общества.

В период великой чистки было завершено перемещение в спецхраны библиотек всей выпущенной ранее историко-партийной литературы, которая была заменена бесчисленными компиляциями, состоявшими из окавыченных или раскавыченных сталинских цитат и формулировок "Краткого курса".

После директивного запрещения "различных точек зрения" в трактовке вопросов теории и истории партии несколько поколений советских обществоведов, преподавателей общественных наук в школах и вузах, пропагандистов и агитаторов были обречены на механическое повторение всех нелепостей и фальсификаций, содержавшихся в "Кратком курсе".

Духовное калечение советских людей продолжалось и после поругания "Краткого курса" на XX съезде КПСС. Значительная часть историко-партийной литературы 20-30-х годов оставалась спрятанной в спецхранах. На всякое положительное и даже нейтральное упоминание о деятелях бывших оппозиций сохранялось безусловное табу. В новых учебниках, книгах и статьях по истории партии она представляла по-прежнему во многом обезличенной.

Именно поэтому советские историки оказались не готовыми к тому, чтобы идейно противостоять валу антикоммунистической литературы, издававшейся

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 274.

² Правда. 1938 15 ноября.

³ Там же.

в 50-80-е годы на Западе и с конца 80-х годов хлынувшей внезапным потоком на страницы советской печати.

В условиях, когда дозволенные версии истории большевизма носили фальсификаторский характер, литераторы и публицисты, стремившиеся к познанию исторической правды, вынуждены были разрабатывать свои версии этой истории в одиночку, либо пользоваться версиями, распространяемыми "самиздатом" и "тамиздатом". Этим объясняется тот факт, что даже такой выдающийся советский писатель, как Василий Гроссман в своих книгах "Жизнь и судьба" и "Всё течёт" вступил на путь очернения Ленина и ленинизма.

Великая чистка и сопутствовавшие ей исторические фальсификации глубоко деформировали социальное сознание советского народа, оттолкнули от коммунистического движения миллионы людей за рубежом. В результате этого Сталину удалось беспрепятственно заключить сговор с Гитлером, ставший прологом второй мировой войны. О событиях, предшествовавших этой, самой кровопролитной в истории человечества войне, я предполагаю рассказать в своей следующей книге "Мировая революция и мировая война".

Приложение I

Из истории разоблачения сталинских преступлений

Сразу же после смерти Сталина началось освобождение и реабилитация лиц, репрессированных при сталинском режиме. Любопытно, что инициатива в этом деле, как признавал впоследствии Хрущёв, поначалу принадлежала Берии, который "поднял тогда этот вопрос, подработал его, внёс соответствующие предложения, и мы (т. е. члены Президиума ЦК - В. Р.) согласились с ним"¹. Эти акции касались в основном лиц, репрессированных в последние годы жизни Сталина, когда Берия не ведал делами МГБ. Что же касается жертв репрессий 30-х годов, то члены "коллективного руководства" приступили к пересмотру их дел лишь накануне XX съезда КПСС.

В первые послесталинские годы, как вспоминал Хрущёв, "мы сами были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и ещё не освободились от посмертного давления, хотя и не могли представить себе, что все эти расстрелы могли оказаться необоснованными, что это, говоря юридическим языком, сплошное преступление"².

Хрущёв рассказывал, что ложность этой позиции он впервые почувствовал в Югославии, куда он прибыл летом 1955 года для примирения с Тито. Объясняя в беседе с югославскими руководителями массовые репрессии происками Берии, он заметил, что югославы "стали улыбаться и подавать иронические реплики. Это нас раздражало, и мы, защищая Сталина, вступили в большой спор, дошедший даже до скандала". Под влиянием этого спора Хрущёв вскоре публично выступил против югославов в защиту Сталина. "Сейчас всем ясно, что это было неправильно, - признавался Хрущёв. - Тут у меня была позиция человека, который не осознал необходимость разоблачить до конца преступления Сталина..."³.

Уже в 1954 году генеральный прокурор СССР Руденко представил в ЦК КПСС данные о численности репрессированных с 1921 по 1954 год и некоторые другие материалы, касавшиеся сталинских репрессий. После этого Хрущёв задал Руденко вопрос: насколько обоснованы обвинения, которые предъявлялись на открытых процессах видным деятелям партии. Руденко ответил, что "с точки зрения юридических норм никаких данных для осуждения этих людей не существовало. Всё основывалось только на личных признаниях, а личные признания, добытые путём физических и моральных истязаний, не могут служить базой для осуждения людей". Когда же Хрущёв заявил, что сам слышал, как подсудимые признавались в своих преступлениях, "Руденко улыбнулся: "Тут искусство тех, кто вёл следствие и кто проводил суд. Видимо, доводили людей до такого состояния, что у них имелся единственный способ

¹ Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 88.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 87.

покончить со страданиями и издевательствами - признаться, а следующим шагом была смерть"¹.

После этого, по словам Хрущёва, у него "возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же всё-таки велось следствие,.. какие существовали исходные материалы для ареста и что показало потом следствие по этим арестам?"². Эти вопросы Хрущёв поднял на заседании Президиума ЦК, где было принято решение создать комиссию для обстоятельного расследования всех этих вопросов. 31 декабря 1955 года был утверждён состав этой комиссии (секретари ЦК Поспелов и Аристов, председатель КПК Шверник и его заместитель Комаров). В отчёте комиссии, представленном в Президиум ЦК КПСС 9 февраля 1956 года, сообщалось, что за 1935-1940 годы было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503 человека³. Решение Президиума ЦК о засекречивании этих цифр Хрущёв объяснял тем, что "после долгой истерии охоты на "врагов народа" мы так и не смогли психологически сбросить груз прежнего"⁴.

Как подчёркивал Хрущёв, "записка комиссии Поспелова сверлила мне мозг". Ещё до её получения он - конспиративно от других членов Президиума ЦК - приступил к подготовке своего закрытого доклада на XX съезде партии. К его написанию, помимо доверенных аппаратчиков, было привлечено несколько бывших партийных работников, проводивших около 20 лет в сталинских тюрьмах и лагерях.

О своём решении выступить с этим докладом Хрущёв сообщил другим членам Президиума лишь во время одного из перерывов между заседаниями XX съезда. Как только Хрущёв кончил говорить, остальные члены Президиума выступили с резкими возражениями. Особенно нервно реагировал Ворошилов: "Разве возможно всё это рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, нашей страны? Этого же в секрете не удержишь. Что же мы скажем о нашей личной роли?.. Нас притянут к ответственности".

Хрущёв в ответ выдвинул тщательно продуманные соображения, неявно указывая, что его собственная вина меньше, чем вина других членов Президиума ЦК, в 30-е годы стоявших ближе него к Сталину. "Я, да и многие другие, - говорил он, - находились в таком положении, что, конечно, не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе поручено, а остальное тебе не говорят, и не суй носа дальше этого. Мы и не совали нос. Но не все были в таком положении. Некоторые из нас знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь степень ответственности разная. Я лично готов как член ЦК партии с XVII съезда и как член Политбюро с её XVIII съезда нести свою долю ответственности, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался произвол". На эти аргументы опять последовала крикливая реакция, в особенности со стороны

¹ Там же. С. 88-89.

² Там же. С. 81.

³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 81.

⁴ Вопросы истории. 1992. №6-7. С. 83.

Ворошилова, Кагановича и Молотова: "Да ты понимаешь, что произойдет?" Ворошилов заявил, что вообще не следует поднимать вопроса о массовых репрессиях. "Ну кто нас спрашивает?" - повторял он". Оппоненты Хрущёва ссылались и на то, что в отчётном докладе ЦК, уже зачитанном на съезде, о сталинских преступлениях ничего не говорилось; между тем Хрущёв предлагал выступить, по существу, со вторым докладом, во многом дезавуирующим отчётный доклад ЦК.

Ситуация изменилась лишь после того, как Хрущёв, апеллируя к уставным партийным нормам, поставил остальным членам Президиума ультиматум: если не будет решения Президиума по этому вопросу, он выступит перед съездом от своего собственного имени. "Идёт съезд партии, - заявил он. - Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчётный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчётного доклада". К этому Хрущёв добавил веский нравственный аргумент: "Даже у людей, которые совершили преступления, раз в жизни наступает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесёт им если не оправдание, то снисхождение"¹. Только после этого им было получено согласие на то, что доклад будет зачитан от имени Президиума ЦК.

Сообщение Хрущёва в начале 90-х годов было фактически подтверждено Кагановичем, который рассказывал Чуеву: "Хрущёв... сказал: Я сделаю доклад. Возражали. Возражал я, Молотов, Ворошилов. Не скажу, чтобы мы активно выступали против... Невозможно было. Факты были, факты есть, съезд ждёт... Может, это ошибка наша была. Расколоть съезд не хотели"².

Приняв решение о закрытом докладе в суматохе и спешке, члены Президиума поначалу сошлись на том, что доклад будет носить секретный характер. Как рассказывал Хрущёв летом 1956 года членам делегации итальянской компартии, "мы считали, что доклад не будет опубликован, в противном случае мы бы его построили иначе. Более того, решение поставить этот вопрос было принято не при подготовке к съезду, а в ходе его. Поэтому мы были лишены возможности посоветоваться с братскими партиями и в достаточной степени сбалансировать положительные и отрицательные стороны в отношении Сталина"³. Факты и обобщения, содержащиеся в докладе, были настолько ошеломляющими для руководителей "братских партий", что, например, Тольятти довёл его содержание до сведения только членов секретариата своего ЦК, остальным деятелям руководства ИКП "были сообщены лишь политические стороны доклада"⁴.

На XX съезде КПСС было принято лишь краткое решение по докладу. Об этом решении, как и о самом закрытом докладе Хрущёва в опубликованных

¹ Там же. С. 84-85.

² Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 99.

³ Источник. 1994. № 2. С. 84.

⁴ Там же. С. 81.

материалах съезда ничего не сообщалось. Тем не менее уже спустя несколько дней после завершения съезда этот доклад стал зачитываться не только в партийных организациях, но и на массовых собраниях с участием комсомольцев и беспартийных.

Естественно, что в этих условиях утечка информации за рубеж была неизбежной. "Секретный" доклад Хрущёва через несколько недель после его зачитания был полностью опубликован за рубежом (в СССР его публикация произошла только в 1989 году). Очень скоро зарубежные журналисты задали вопрос Хрущёву об аутентичности опубликованного на Западе документа. Своим ответом Хрущёв поставил себя в конфузное положение, заявив, что такого документа он не знает, "и пусть на этот вопрос отвечает разведка США". "А как я должен был ответить, если речь шла о секрете?", - комментировал Хрущёв это своё заявление в мемуарах¹.

Сразу после XX съезда были приняты решения о массовом пересмотре политических дел предшествующих лет и освобождении невинных людей, оставшихся в лагерях и ссылках. 19 марта 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление о создании 97 комиссий Президиума Верховного Совета для "проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвинённого в совершении преступлений политического характера", а также в должностных и хозяйственных преступлениях. Для контроля за деятельностью этих комиссий была создана Центральная комиссия под председательством Аристов. По сообщению Аристов, направленному 17 октября 1956 года в ЦК КПСС, данными комиссиями были рассмотрены дела на 176 325 человек, из которых 100 139 были освобождены, а 42 016 были снижены сроки наказания. Из числа осуждённых за политические преступления на свободу вышли 50 944 человека².

При обсуждении отчёта комиссии Аристов на заседании Президиума ЦК Молотов "возмутился, что много выпустили"³. За год до этого Каганович при обсуждении вопроса о пересмотре ряда фальсифицированных дел бросил реплику Руденко: "Вы сейчас привлекаете к ответственности тех, кто ранее арестовывал, а мы вас будем привлекать к ответственности за то, что освобождаете"⁴.

13 апреля 1956 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС "Об изучении материалов открытых судебных процессов". Для этого была создана новая комиссия во главе с Молотовым, в которую вошли Каганович, Ворошилов, Аристов, Фурцева, Шверник, Сулов, Поспелов и Руденко. По словам Аристов, на заседаниях этой комиссии "споры шли самые острые... Позиция Молотова и Кагановича была совершенно определённой и твёрдой с самого первого заседания. Они говорили о том, что процессы эти правильные, что они были в интересах партии, и так должно было быть"⁵.

¹ Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 84.

² Исторический архив. 1993. № 4. С. 81.

³ Исторический архив. 1993. № 6. С. 45.

⁴ Исторический архив. 1994. № 1. С. 56.

⁵ Исторический архив. 1993. № 4. С. 62, 80.

После рассмотрения представленных Серовым и Руденко документов о применении запрещённых законом методов следствия, грубой фальсификации дел и незаконных расстрелах многих тысяч людей, Молотов и Каганович начали кое-что признавать. Однако они по-прежнему утверждали, что репрессии были продиктованы "политической целесообразностью". По словам Хрущёва, Молотов "сделал всё, чтобы не допустить серьёзного разбирательства этих дел"¹. В итоге Комиссия представила в ЦК КПСС "выводы по рассмотренным материалам". В этом документе говорилось, что "массовые репрессии по государственной линии явились результатом злоупотребления властью со стороны И. В. Сталина, а также пробравшихся в органы НКВД карьеристов и провокаторов, фальсифицировавших дела на честных советских граждан". К этим выводам, фактически не шедшим дальше формулировок доклада Хрущёва на XX съезде, был добавлен явно навязанный Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым "вывод", что "оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева... не имеется, поскольку они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма в СССР"².

Между тем обнародованные Хрущёвым на XX съезде факты, связанные с массовыми репрессиями, вызвали законное недоумение рядовых коммунистов по поводу того, как могут оставаться в составе Президиума ЦК ближайшие приспешники Сталина, разделявшие с ним ответственность за эти репрессии. Как заявляли аппаратчики на июньском Пленуме 1957 года, им пришлось выдерживать "натиск коммунистов, чтобы оправдать Маленкова, Кагановича и Молотова"; "езде, на всех собраниях, без никакой организации этого, требовали персональной ответственности Кагановича, Молотова, Маленкова за искривление революционной законности. Мы спускали это на тормозах, в порядке перестраховки, только сообщали об этих настроениях в информации ЦК"³.

Тем временем Хрущёв с помощью своих сторонников в партийном аппарате и в руководстве МГБ накапливал материалы об участии Молотова, Кагановича и Ворошилова в репрессиях. На заседаниях Президиума ЦК всё чаще стали оглашаться документы с их санкциями на аресты и расстрелы. По этому поводу главные сталинисты заявляли: "Тогда было такое время, что мы могли сделать, тогда самим надо было садиться в тюрьму"⁴.

Хрущёв неоднократно ставил вопрос о возвращении к разбирательству открытых процессов. За несколько дней до последней схватки в Президиуме ЦК он заявил, что "Зиновьева ни за что расстреляли". В ответ на это "Каганович и Молотов подняли резкий шум: позвольте, зиновьевцы были нашими противниками. Но так и не объясняли, за что их объявили врагами народа, за что расстреляли"⁵.

¹ Исторический архив. 1994. № 2. С. 41.

² Исторический архив. 1993. № 4. С. 80.

³ Исторический архив. 1994. № 1. С. 8, 9.

⁴ Исторический архив. 1993. № 3. С. 16.

⁵ Исторический архив. 1994. № 1. С. 67.

Тогда же Хрущёв прямо заявил об ответственности "ближайших соратников" Сталина за массовые репрессии. "Вот, товарищи, мы рассматриваем материалы, реабилитируем посмертно коммунистов, расстрелянных невинно, - сказал он. - Как же быть с виновниками этих расстрелов, будем ли возвращаться к этому вопросу или будем продолжать замалчивать это перед партией?"¹.

Особое раздражение Молотова, Кагановича и Ворошилова вызвало заявление Хрущёва перед намечавшейся поездкой членов Президиума ЦК на празднование 250-летия Ленинграда. Хрущёв сказал, что теперь руководители партии впервые едут в Ленинград, чтобы принести ленинградцам радость, а раньше они привозили туда слезы и кровь. При этом он имел в виду прежде всего приезд в Ленинград в 1934 году Сталина, Молотова и Ворошилова для расследования убийства Кирова, вслед за чем десятки тысяч людей были высланы из Ленинграда, а сотни бывших ленинградских оппозиционеров были направлены в ссылку или лагеря.

В свете всего сказанного представляется не лишённым основания заявление Хрущёва на июньском пленуме ЦК 1957 года о том, что Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков планировали его снятие с поста первого секретаря ЦК, а Серова - с поста председателя КГБ, чтобы "захватить органы государственной безопасности, захватить архивы как там, так и в Центральном Комитете партии. Тогда уж никаких их надписей на документах не обнаружишь. А то ведь там на предсмертных письмах невинно приговорённых к смерти людей есть их леденящие кровь надписи, чудовищные приветствия"².

В середине июня Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков, заручившись поддержкой ещё трёх членов Президиума ЦК и тем самым получив "арифметическое большинство", подняли вопрос о снятии Хрущёва с поста первого секретаря ЦК. Наряду с догматическими доводами и нелепыми обвинениями, они ставили Хрущёву в вину и те его качества и действия, которые впоследствии были объявлены проявлениями "субъективизма и волюнтаризма". В ответ Хрущёв и его сторонники делали упор на преступлениях своих оппонентов в годы сталинизма. На заседаниях Президиума Жуков и другие сторонники Хрущёва огласили ряд документов, обличающих Молотова, Кагановича и Ворошилова в "расправе с кадрами". Это вызвало негодование последних, заявивших, что обнаружение правды о массовых репрессиях приведёт к гибели революционного движения, непоправимому ущербу партии и даже к её расколу³.

Вскоре по требованию "рядовых" членов ЦК был созван внеочередной пленум ЦК для рассмотрения вопроса о сохранении Хрущёва на посту первого секретаря. Этот пленум вылился в суд над "антипартийной группой". Но даже столкнувшись с единодушием ЦК, её члены продолжали доказывать "вредность" обращения к теме Сталина и репрессий. Особенно агрессивно вёл себя Каганович, который кричал на участников пленума и даже пытался дать "гео-

¹ Исторический архив. 1993. № 5. С. 41.

² Исторический архив. 1994. № 2. С. 18.

³ Исторический архив. 1993. № 5. С. 41, 45.

ретическое" обоснование "ущерба", который партия понесёт, по его мнению, в результате дальнейшего разоблачения сталинских преступлений. На требование Жукова: "Давайте говорить об ответственности за преступления, за расстрелы, это самый важный вопрос", Каганович ответил: "Вопрос, который поставлен, - это вопрос политики (Жуков: и уголовный). Его надо рассматривать не под углом зрения 1957 года, а под углом зрения 1937-1938 года. Так требует марксистская диалектика". Руководствуясь подобным толкованием "диалектики", Каганович упрямо твердил: "Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы, не желая этого, перед всем миром... Когда вы, товарищи, ворошите это дело, мы вновь начинаем эту волну, эту кампанию, которая немного улеглась, которую партия пережила... Мы не должны поднимать это дело... Я политически подхожу к вопросу, а не юридически. Политически вредна такая постановка вопроса для партии, для государства, для обороны, для внешней политики. Я не могу согласиться с этим"¹.

Каганович заявил, что воспринял доклад Хрущёва о Сталине "с большой болью. Я любил Сталина и было за что его любить - это великий марксист"². По поводу зачитанных на пленуме документов, свидетельствовавших о его активной роли в организации террора, Каганович говорил: "были преувеличения, излишества - как говорят, в драке кулаков не считают..."³. В связи с упоминаниями о его репрессивной политике на железнодорожном транспорте, Каганович утверждал, что он "защитил сотни тысяч (! - В. Р.) людей, железнодорожников, а часть людей, которые по бумагам казались врагами, мы арестовывали"⁴.

Более сдержанно, но, по сути, в том же духе выступал и Молотов, заявивший, что в вопросе о Сталине "у нас допускалась некоторая неправильность, которую мы должны исправить". По-прежнему превознося заслуги Сталина, Молотов сетовал на то, что в последнее время советская печать "скромно умалчивает о Сталине, как будто эти 30 лет Сталин не играл выдающейся роли в истории нашей партии и Советского государства".

В своё оправдание Молотов зачитал казуистические формулировки из постановления ЦК от 30 июня 1956 года, согласно которым всякое выступление против Сталина "было бы не понято народом, и дело вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе". В ответ из зала раздался голос: "Вы сочинили (это), чтобы закрыть свои преступления"⁵.

Наиболее чётко поставил точки над *i* Шепилов, который, не будучи лично замаранным в репрессиях, тем не менее с беспокойством говорил о том, *что* означает, по существу, обнародование преступлений сталинской клики: "Вы предлагаете, чтобы мы сейчас перед коммунистическими партиями, перед нашим народом сказали: во главе нашей партии столько-то лет стояли и руко-

¹ Исторический архив. 1993. № 3. С. 44-45.

² Там же. С. 44.

³ Исторический архив. 1994. № 1. С. 37.

⁴ Исторический архив. 1993. № 3. С. 43.

⁵ Исторический архив. 1993. № 4. С. 11.

водили люди, которые являются убийцами, которых нужно посадить на скамью подсудимых. Скажут: какая же это марксистская партия?.. Я говорил и тов. Жукову: те факты, которые он приводит, - это факты, но зачем сейчас это делать, кому от этого польза?"¹.

Участники "антипартийной группы" недвусмысленно давали понять своим главным оппонентам, что те также разделяют вину за репрессии 1937-1938 годов. Наиболее воинственно выступал во этому поводу Каганович, обвинивший Жукова во "фракционном маневре", поскольку тот "вытащил фамилии двух-трёх человек, которые подписывали документы, а других не упоминает... Топит тех, кого выгодно, и замалчивает других". Рассчитывая распределить вину за злодеяния сталинской клики, так сказать, равномерно на всех руководителей, выживших в годы большого террора, Каганович напоминал, что директивы о репрессиях подписывали все тогдашние члены Политбюро, а во всех республиках и областях действовали тройки во главе с первыми секретарями партийных комитетов. Обратившись с вопросом к Хрущёву: "А Вы разве не подписывали бумаги о расстреле на Украине?", Каганович вслед за этим перенёс удар на Жукова, в связи с чем между ними состоялся примечательный диалог:

Каганович: А что же Вы, товарищ Жуков, будучи командиром дивизии, не подписывали?

Жуков: Ни одного человека не поставил под расстрел.

Каганович: Это проверить трудно... А вы что, не одобряли политику ЦК, политику борьбы с врагами?

Жуков: Борьбы с врагами, но не расстрелов.

Каганович: Мы всех тонкостей не знали. (Sic! - В. Р.).

Труднее пришлось Хрущёву, который в 1937-1938 годах занимал значительно более высокие посты, чем Жуков. "Все мы одобряли, - признавался Хрущёв. - Я много раз голосовал и клеймил, как предателя, например, Якира... После процесса (генералов) я тоже выступал на собраниях, вызывал против них гнев народа". Такое своё поведение Хрущёв объяснял тем, что верил в правоту обвинений, "так как считал, что вы разобрались, что он враг, а вы обманули наше доверие. А вы членом Политбюро тогда были, вы должны были узнать"².

Во время работы пленума его участники квалифицировали действия Молотова, Кагановича, Маленкова, прежде всего в годы большого террора, не как "ошибки", а как тяжкие преступления, заслуживающие уголовного наказания. "Вы должны нести суровое наказание и, как кровавый человек, - обращался к Маленкову Жегалин, - должны быть не только исключены из партии, но и преданы суду"³. Аналогичные выводы в отношении Кагановича были сделаны в выступлении Полянского, который заявил: "Тов. Каганович занимался всем: металлургией, углем, сельским хозяйством, транспортом, и я должен сказать, что он держался на этих должностях за счёт репрессий и палаческих методов руководства хозяйством... С его рук течет кровь честных людей. Вы десятки

¹ Исторический архив. 1993. № 4. С. 16-17.

² Исторический архив. 1993. № 3. С. 43.

³ Исторический архив. 1994. № 1. С. 9.

тысяч невинных людей расстреляли - и Вы имели моральное право сидеть в Президиуме Центрального Комитета!

Жуков. Ему за решёткой сидеть!

Полянский. Да, ему за решёткой сидеть или за те злодеяния, которые он совершил, больше дать¹.

Когда же речь заходила об оценке Сталина и репрессий в целом, формулировки выступавших заметно смягчались. Так, Куусинен говорил, что "вследствие *некоторых* грубых ошибок Сталина у нас временно получилось *частичное отклонение* от такого режима, который, согласно учению Ленина, должен осуществляться на диктатуре пролетариата (курсив мой - В. Р.)"².

Мягкость санкций, которые следовало применить к Молотову, Кагановичу и Маленкову, Жуков обосновывал тем, что не надо "давать врагам пищу". "Для того, чтобы не компрометировать наши руководящие органы, я не предлагаю сейчас судить эту тройку или исключать из партии. Это должно быть достоянием только партии и не должно пока выйти за пределы партии. Здесь, на Пленуме, не тая, мы должны сказать всё, а потом мы посмотрим, что с ними делать". Жуков признавал, что "виноваты и другие товарищи, бывшие члены Политбюро", но заявлял, что "эти товарищи (Хрущёв и Микоян - В. Р.) своей честной работой, прямою заслужили, чтобы им доверял Центральный Комитет, вся наша партия, и я уверен, что мы их будем впредь за их прямоту, чистосердечные признания признавать руководителями"³.

Временами взаимные обвинения и самооправдания "вождей" принимали трагикомический характер. И Хрущёв, и его оппоненты, по существу признавали, что их участие в репрессиях было вызвано страхом за собственную шкуру. Когда Хрущёв бросил Ворошилову многозначительную реплику: "И тебе не надо говорить, что не боялся Сталина. Все, кто не боялся, были уничтожены, они уже сгнили, их уже нет", Ворошилов не нашёл ничего лучшего, чем ответить: "Я случайно не сгнил"⁴.

Выходя в критике сталинских преступлений на наиболее болезненно воспринимаемый сталинистами сюжет - убийство Кирова, Хрущёв сказал: "Я и сейчас не верю, что к этому делу имеет отношение Зиновьев... После убийства С. М. Кирова сотни тысяч людей легли на плаху. Зачем это нужно было? Это и сейчас является загадкой, и нужно было бы разобраться. Но разве Молотов разберёт? Нет. Он дрожит перед этим, он боится даже намек по этому вопросу; Каганович в таком же положении"⁵. Обращаясь к Молотову, Хрущёв заявлял, что "надо вернуться к этому делу (расследованию московских процессов и массовых репрессий 30-х годов - В. Р.)... В историю этого периода надо внести ясность и показать Ваше лицо"⁶.

¹ Исторический архив. 1993. № 6. С. 66.

² Там же. С. 45.

³ Исторический архив. 1993. № 3. С. 19-20.

⁴ Исторический архив. 1993. № 6. С. 38.

⁵ Исторический архив. 1994. № 2. С. 41.

⁶ Исторический архив. 1993. № 4. С. 62.

Однако в последующие годы, избавившись от своих главных оппонентов, Хрущёв не решился до конца разоблачить сталинские преступления. Факты, приведённые на июньском пленуме, не были обнародованы. Члены "антипартийной группы" не только не были привлечены к суду, но даже были оставлены в партии и получили хотя и третьеразрядные, но всё же руководящие должности.

Правда, была создана новая комиссия по расследованию сталинских преступлений. Импульсом к обнародованию некоторых её выводов послужило обращение в ЦК перед XXII съездом КПСС (1961 год) не угомонившегося Молотова, который обвинил авторов проекта новой Программы КПСС в её "немарксистском характере". Разгневанный этим Хрущёв дал зелёный свет оглашению на съезде некоторых фактов, приводившихся на июньском пленуме ЦК 1957 года. Однако он не решился обнародовать на съезде ни обстоятельства, связанные с убийством Кирова, ни факты, свидетельствовавшие о подлинном характере московских процессов.

Лишь в мемуарах, написанных в конце 60-х годов, Хрущёв признал, что Рыков, Бухарин и другие главные подсудимые московских процессов "заслуживают того, чтобы называться вождями". Тот факт, что в свою бытность первым секретарём ЦК он не довёл дело до пересмотра открытых процессов 30-х годов, он объяснял "двойственностью нашего поведения" и нажимом со стороны руководителей "братских компартий". "Мы опять боялись договорить до конца, хотя не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были жертвами произвола. На открытых процессах присутствовали руководители братских компартий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров. Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на неопределённый срок. Думаю, что правильнее было договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь!"¹.

Половинчатость и непоследовательность в разоблачении преступлений сталинской клики явились одним из главных факторов загнивания постсталинского политического режима, которое привело к его падению в начале 90-х годов.

¹ Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 88.

Приложение II

Статистика жертв массовых репрессий

1. Мифы.

На протяжении нескольких десятилетий советская и зарубежная общественность находилась под влиянием статистических выкладок, в которых число репрессированных по политическим мотивам в СССР, как правило, завышалось на порядок. При этом кочевавшие из работы в работу статистические данные принадлежали не специалистам - статистикам или демографам, а дилетантам в этой области, умалчивавшим, какими источниками и какой методикой они руководствовались при проведении своих подсчётов.

Завышение численности жертв политических репрессий - явление, и ранее встречавшееся в истории. В повести "Турский священник" Бальзак писал: "Люди иронического склада ума, получили бы, вероятно, немалое удовольствие от тех странных рассуждений, в которые пускались аббат Бирото и мадемуазель Гамар... Кто не рассмеялся бы, слушая, как они утверждают, опираясь на поистине своеобразные доказательства,.. что более миллиона трёхсот тысяч человек погибло на эшафоте во время революций"¹. Персонажи Бальзака, однако, довольствовались обсуждением своих "доказательств" в частных разговорах, а не тиражировали их на весь мир.

Не то было с современниками сталинских репрессий. Ошеломлённые их невиданным размахом, они публиковали придуманные ими цифры, выдавая их за достоверные. Так, в 1945 году А. Бармин утверждал, что в концентрационных лагерях СССР находится 12 миллионов человек².

Подобные фантастические цифры фигурировали в самиздатовских или "тамиздатовских" произведениях, написанных в 50-60-е годы советскими авторами, особенно теми, кто сам прошёл через лагеря. Так, в романе "Факультет ненужных вещей" Ю. Домбровский писал как о чём-то само собой разумеющемся и не нуждающемся в доказательствах, что в 1937-1938 годах "по самым скромным подсчётам, число заключённых превысило десять миллионов"³.

О психологических причинах многократного преувеличения численности населения лагерей самими заключёнными писал в романе "В круге первом" А. Солженицын, отмечавший с известной долей иронии: "Зэки были уверены, что на воле почти не осталось мужчин, кроме власти и МВД". Эти личные представления людей, неоднократно перебрасываемых в различные пересыльные тюрьмы и лагеря и встречавших там огромное количество всё новых лиц, невольно диктовали мифы, бытовавшие среди арестантов. Солженицын писал, что "в тюрьмах вообще склонны преувеличивать число заключённых, и когда на самом деле сидело всего лишь двенадцать-пятнадцать миллионов человек,

¹ Бальзак О. Собр. соч. Т. 5. М., 1952. С. 28-29.

² Barmin A. One who survived. N.-Y. 1945. P. 325.

³ Новый мир. 1988. № 8. С. 125.

зэки были уверены, что их двадцать и даже тридцать миллионов"¹. Последняя фраза представляла "маленькую хитрость" Солженицына. Она призвана была создать впечатление, будто "объективный" автор, указывающий на преувеличения зэков, сам приводит абсолютно достоверную цифру. Между тем, если зэки называли цифру, завышенную всего в полтора-два раза по сравнению с цифрой, приводимой Солженицыным, то последний завысил свою цифру в 5-6 раз по сравнению с действительным числом заключённых.

Значительный вклад в распространение фальсифицированных статистических данных внёс А. В. Антонов-Овсеенко, проявляющий в своих работах о сталинизме необыкновенную лёгкость в обращении с фактами. В книге "Портрет тирана", вышедшей в 1994 году, он утверждает, что пик репрессий приходился на 1938 год, когда в лагерях находилось 16 млн. заключённых, а несколько выше указывает, что такое же количество лагерников было и в 1933 году². В книге неоднократно повторяется, что с 1935 по 1940 год было арестовано 19 млн. 840 тыс. чел., из которых 7 миллионов были расстреляны. Чтобы повесить доверие к этим цифрам, Антонов-Овсеенко без тени стеснения заявляет, что они содержались в некоей справке КГБ, представленной после XX съезда в ЦК КПСС³.

Более близкие к истине, но также завышенные цифры содержатся в недавних публикациях Д. Волкогонова и Р. Медведева. Так, Медведев пишет, что по политическим мотивам только в 1936-1938 годах было арестовано не менее 5 млн. чел. Ещё более странно выглядит его утверждение о том, что "общее число заключённых в СССР 1941-1942 гг. примерно равно числу бойцов действующей армии. И потери людей в это время на Востоке (т. е. в лагерях - В. Р.) и на Западе (т. е. на фронте - В. Р.) были также примерно равны"⁴.

В дезинформирование общественности о масштабах сталинских репрессий внёс вклад и Хрущёв, утверждавший в своих мемуарах, что к моменту смерти Сталина в лагерях содержалось около 10 миллионов человек⁵. Завышение действительной цифры в четыре раза понадобилось ему, очевидно, для того, чтобы значительней представить свою роль в освобождении политзаключённых (которая была бы должным образом оценена современниками и потомками и без этого преувеличения).

Для опровержения подобных "подсчётов" было достаточно привести статистические данные, находившиеся в распоряжении властных структур, - ведь органы ОГПУ-НКВД-МГБ вели тщательный бюрократический учёт численности арестованных, расстрелянных и находившихся в лагерях. Однако лживая, неповоротливая и трусливая правящая бюрократия не пошла на снятие грифа секретности со статистики репрессий даже в первые годы развернувшегося в СССР наступления антикоммунистических сил, которые оперировали фантастическими данными о десятках миллионах жертв "большевистского террора".

¹ Новый мир. 1990. № 3. С. 109.

² Антонов-Овсеенко А. В. Портрет тирана. М., 1994. С. 270, 388.

³ Там же. С. 100, 426.

⁴ Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. С. 405, 455-456.

⁵ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 82.

Противопоставить этим измышлениям достоверные данные горбачёвское руководство решилось лишь на исходе своего правления.

Несмотря на появление в 90-х годах многочисленных публикаций, раскрывающих подлинную численность репрессированных по политическим мотивам, "демократическая" публицистика продолжает оперировать произвольными цифрами, преследуя этим прозрачные политические цели. Так, журналист Ю. Феофанов, "обгоняя" всех своих предшественников-фальсификаторов, в канун президентских выборов 1996 года объявил, что только в 30-е годы от репрессий погибло 16-20 миллионов человек и лишь "один Бог знает, сколько душ загублено советской коммунистической властью"¹.

2. Численность осуждённых по политическим мотивам.

Вскоре после смерти Сталина Президиум ЦК КПСС затребовал от правоохранительных органов данные о численности лиц, осуждённых за "контрреволюционные преступления". В докладной записке, представленной в феврале 1954 года генеральным прокурором СССР Руденко, министром внутренних дел Кругловым и министром юстиции Горшениным, указывалось: с 1921 года по 1 февраля 1954 года по обвинениям в контрреволюционных преступлениях было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания - 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах - 2 369 220, к ссылке и высылке - 765 180 человек. Из этого числа примерно 2,9 млн. человек были осуждены внесудебными органами (коллективом ОГПУ, "тройками" и Особым совещанием), около 900 тыс. человек - судами, военными трибуналами, Спецколлективом и Военной коллегией Верховного Суда². Близкие к этому цифры (3 778 234 репрессированных, в том числе 786 098 расстрелянных) впервые были обнародованы в начале 90-х годов руководящими работниками КГБ³.

Следует заметить, что в этих данных присутствует, хотя и в небольшой мере, повторный счёт, поскольку многие политзаключённые, прежде всего из числа оппозиционеров, осуждались за этот период по 2-5 раз.

В 1992 году начальник отдела регистрации и архивных форм Министерства безопасности Российской Федерации сообщил данные, охватывающие все годы Советской власти. Согласно этим данным, за 1917-1990 годы по обвинению в государственных преступлениях и по некоторым другим аналогичным статьям Уголовного кодекса было осуждено 3 853 900 человек, из которых 827 995 чел. были приговорены к высшей мере наказания⁴. Эти данные также не ставят под сомнение близость к истине данных, содержащихся в справке 1954 года. Расхождения в численности приговорённых к высшей мере наказания могут быть объяснены тем, что в последнем случае понятие "политзаключённые" толковалось более расширительно ("осуждённые по некоторым другим аналогичным статьям Уголовного кодекса"), а также тем, что часть приговоров к

¹ Известия. 1996. 3 июня.

² История СССР. 1991. № 5. С. 152-153.

³ Известия. 1990. 13 февраля; Неделея. 1990. № 20. С. 11.

⁴ Известия. 1992. 3 августа.

высшей мере наказания не была приведена в исполнение и при пересмотре дел была заменена приговором к длительным срокам лишения свободы.

Динамика политических репрессий была отражена в составленной в 1954 году работниками МВД таблице, характеризующей численность осуждённых по делам, проходившим через органы ВЧК-ОГПУ-НКВД в 1921-1940 годах. Эти данные несколько превышают число осуждённых по собственно политическим делам в 20-е годы, поскольку органы ВЧК-ОГПУ вели в этот период следствие и по некоторым другим видам преступлений, например, экономическим.

Согласно данным таблицы, в 1921 году, когда на части советской территории ещё велись военные действия и насчитывалось немало белогвардейских банд, число осуждённых составило 35,8 тыс. чел. Оно резко упало в последующие два года (6 тыс. в 1922 и 4,8 тыс. в 1923 году), а затем стало расти, достигнув 17,8 тыс. в 1926 и 33,8 тыс. в 1928 году. Последующий, более значительный рост отражает расширение репрессий по отношению к оппозиционерам, беспартийным специалистам и в особенности к крестьянам, дававшим вооружённый отпор чрезвычайным мерам и насильственной коллективизации. По сравнению с 1929 годом (56,2 тыс. чел.) число жертв политических репрессий увеличилось в 1930 году почти вчетверо, достигнув 208 тыс. чел. На протяжении дальнейших трёх лет число репрессированных измерялось также трёхзначными цифрами (180,7; 141,9 и 239,7 тыс. чел.). Уменьшившись в 1934 году в 3 раза по сравнению с 1933 годом, после убийства Кирова оно превысило показатели периода насильственной коллективизации (267,1 тыс. в 1935 и 274,7 тыс. в 1936 году)¹.

В 1937-1938 годах произошёл качественный скачок, о котором пойдёт речь в разделе 6.

3. Численность лиц, находившихся в местах лишения свободы и в спецпоселениях.

Первым источником статистических данных по этому вопросу являются результаты переписи 1937 года (объявленной фальсифицированной и вредительской, поскольку она отражала неблагоприятную картину демографического развития СССР в 30-е годы) и переписи 1939 года. Согласно данным этих переписей, в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях содержалось на 1 января 1937 года не менее 1,8 млн. чел., на 21 февраля 1939 года - не менее 2,6 млн. чел.². Из этого числа около миллиона человек составляли спецпоселенцы, т. е. бывшие раскулаченные, подвергнутые депортации. Для этой категории населения в конце 30-х годов было отменено лишение гражданских прав, в результате чего условия жизни в спецпоселениях приблизились к общим по стране.

Более детальные данные содержатся в сводной статистической отчётности ГУЛАГа, докладных записках руководства ГУЛАГа на имя наркомов внутренних дел и докладных записках последних на имя Сталина. Эти данные статистического учёта, проводившегося с бюрократической аккуратностью в недрах

¹ Хрестоматия по истории России. 1917-1940. М., 1994. С. 385-386.

² Социологические исследования. 1990. № 8. С. 45.

самой репрессивной машины, с полным основанием могут быть признаны достоверными. Ведь руководство НКВД не было заинтересовано в преуменьшении численности заключённых - уже потому, что производственные планы лагерей рассчитывались в соответствии с числом находившихся там арестантов.

В 1940 году централизованная картотека ГУЛАГа содержала данные почти на 8 миллионов человек, включая 1) лиц, находившихся в то время в заключении, 2) отбывших свой срок и вышедших на свободу и 3) умерших в лагерях¹. В целом же, как следует из архивных материалов ГУЛАГа, за 1921-1953 годы через лагеря прошло примерно 10 млн. чел.

О динамике движения заключённых свидетельствуют данные об их совокупной численности, составлявшиеся на 1 января каждого года. На эту дату в 1930 году в лагерях содержалось 175 тыс., в 1933 году - 334,3 тыс. человек. Численность заключённых в лагерях и исправительно-трудовых колониях составила в 1934 году 510,3 тыс. чел., в 1935 году - 965,7 тыс., в 1936 - 1296 тыс., в 1937 - 1196 тыс., в 1938 году - 1882 тыс., в 1939 - 1672 тыс., в 1940 году - 1660 тыс. чел.²

Таким образом, даже в годы великой чистки численность заключённых не превышала одного процента населения страны. Эта доля в 2-3 раза больше соответствующего показателя в 1994 году, когда в тюрьмах, исправительно-трудовых и воспитательных колониях Российской Федерации содержалось более 600 тыс. заключённых.

До начала сталинских репрессий численность заключённых была намного ниже. В сентябре 1923 года в РСФСР насчитывалось 79 947 заключённых, из которых 4,8 % (т. е. около 4 тыс. человек) были осуждены за государственные преступления³. Эти показатели свидетельствуют о наступлении гражданского мира и резком снижении общеуголовной преступности в стране, только что вышедшей из семилетнего периода войн.

В 1926 году в местах заключения Российской Федерации содержалось 97,3 тыс. осуждённых, что составляло немногим более 0,1 процента от численности населения РСФСР (92,8 млн. чел.)⁴. Эта доля примерно в пять раз ниже соответствующего показателя в США нынешнего времени.

К началу войны численность заключённых в лагерях и колониях ГУЛАГа составила 2,3 млн. чел. (рост за 1940-1941 годы произошёл в результате репрессий на территориях, присоединённых в 1939-1940 годах к СССР, и введения уголовного наказания за прогулы и иные нарушения трудовой дисциплины).

С начала войны по декабрь 1944 года в лагеря прибыло 2550 тыс. чел. и убыло из лагерей 3440 тыс. чел.⁵. Снижение числа заключённых объясняется главным образом тем, что на укомплектование Красной Армии были направлены сотни тысяч человек, досрочно освобождённых (в основном из числа

¹ Социологические исследования. 1990. № 6. С. 17.

² История СССР. 1991. № 5. С. 152.

³ Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. С. 90.

⁴ Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 329.

⁵ Социологические исследования. 1991. № 7. С. 3.

осуждённых за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления). Только в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 октября 1941 года из мест заключения было освобождено 600 тыс. чел., из которых 175 тыс. были мобилизованы в Красную Армию¹. Вместе с тем в годы войны было в основном прекращено освобождение отбывших срок заключения троцкистов и других лиц, осуждённых "за особо тяжкие государственные преступления".

После окончания войны численность заключённых стала вновь расти. За всё время существования ГУЛАГа максимальное число заключённых (2561 тыс. чел.) падает на 1950 год². На тот же год приходится и наибольшее число лиц, находившихся в местах частичного лишения свободы, - около 3 млн. чел. К этому контингенту, включавшему спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, относились в основном народы, депортированные в годы войны.

Среднемесячное количество заключённых в тюрьмах колебалось от 350,5 тыс. в январе 1939 года (максимальная цифра) до 155,2 тыс. в январе 1944 года (минимальная цифра)³.

4. Смертность заключённых.

За период с 1 января 1934 года по 31 декабря 1947 года в лагерях умерло 962,1 тыс. человек. В 1937-1938 годах число умерших составляло 5,5-5,7 %, в 1939 году - 3,29 % от годового контингента заключённых. В абсолютных цифрах число умерших составило в 1937 году - 25,4 тыс. чел., в 1938 году - 90,5 тыс., в 1939 году - 50,5 тыс., в 1940 году - 46,7 тыс. человек. Особенно высокой смертность была в 1941-1943 годах, когда умерло 516 тыс. чел. Пик смертности (248,9 тыс. чел.) пришёлся на 1942 год⁴.

5. Численность политических заключённых в лагерях.

В предыдущих разделах приводились данные обо всей численности заключённых, включая осуждённых за насильственные, корыстные, должностные, хозяйственные и иные преступления. Численность заключённых, которые были, осуждены по обвинению в контрреволюционных (государственных, политических) преступлениях, составляла (по состоянию на 1 января каждого года) в 1934 году 135,2 тыс. человек, в 1935 году - 118,3, в 1936 году - 105,9, в 1937 году - 104,8, в 1938 году - 185,3, в 1939 году - 454,4 тыс. чел. На протяжении 1940-1941 годов она оставалась примерно на том же уровне, что и в 1939 году, затем упала до 268,9 тыс. в 1944 году и вновь поднялась до 579 тыс. в 1950 году⁵.

Часть репрессированных по политическим мотивам была осуждена по уголовным статьям. В то же время по 58 статье нередко осуждались уголовники,

¹ Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991. С. 419.

² Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10.

³ История СССР. 1991. № 5. С. 153.

⁴ Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14-15, 19.

⁵ История СССР. 1991. № 5. С. 152.

преступные действия которых квалифицировались как вредительство, диверсии, саботаж и т. д. С учётом этих обстоятельств наиболее серьёзный исследователь статистики сталинских репрессий В. Н. Земсков считает, что "соотношение между политическими и уголовниками весьма относительно, но в принципе оно соответствовало реальному составу заключённых ГУЛАГа"¹.

Одна из наиболее грязных сталинских амальгам состояла в том, что после войны борцы со сталинизмом и невинно осуждённые оказались объединены в одну категорию государственных преступников с власовцами, полицаями, карателями и другими приспешниками оккупантов, т. е. коллаборационистами, которые были сурово наказаны не только в СССР, но и в других странах, освобождённых от фашизма.

6. Численность репрессированных в годы великой чистки.

Данные о количестве репрессированных в 1937-1938 годах не были рассекречены вплоть до начала 90-х годов. Единственное, на что решился в этом плане Хрущёв, - это сообщить на XX съезде о том, что число арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году в 10 раз по сравнению с 1936 годом².

Впервые данные о числе жертв великой чистки были приведены на июньском пленуме ЦК 1957 года, где сообщалось, что в 1937-1938 годах было арестовано свыше полутора миллионов человек, из которых 681 692 чел. были расстреляны³. Более точные данные о числе арестованных (1 372 329 человек) содержались в справке председателя Комиссии Президиума ЦК Шверника, составленной в начале 1963 года⁴.

Таким образом, около трети актов политических репрессий, осуществлённых за все годы Советской власти, приходится на эти два страшных года.

Ещё более поразительной выглядит динамика приговорённых к высшей мере наказания (по делам ВЧК-ОГПУ-НКВД). За 7 лет нэпа (1922-1928 годы) их численность составила 11 271 чел. В 1930 году число расстрелянных увеличилось до 20 201 чел. и затем стало снижаться, составив 10 651 чел. в 1931 году и 9 285 чел. за пять последующих лет (1932-1936 годы). В 1936 году по политическим обвинениям было расстреляно 1 118 человек. В 1937 году число расстрелянных увеличилось по сравнению с предшествующим годом в 315 раз (!), составив 353 074 чел. Почти такое же количество расстрелянных (328 618 чел.) пришлось на 1938 год, вслед за чем этот показатель резко упал, составив 4 201 чел. за 1939 и 1940 годы⁵.

Число расстрелянных в 1937-1938 годах более чем в 7 раз превышает число расстрелянных за остальные 22 года господства сталинизма (за 1930-1936 и 1939-1953 годы было расстреляно 94 390 человек⁶). Масштабы государствен-

¹ Там же.

² Реабилитация. С. 34.

³ Коммунист. 1990. № 8. С. 103.

⁴ Источник. 1995. № 1. С. 120.

⁵ Отечественные архивы. 1992 № 2. С. 28

⁶ XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 54.

ного террора в годы великой чистки не имеют аналога в человеческой истории.

7. Статистика реабилитаций.

К 1954 году в тюрьмах и лагерях находилось 467 946, а в ссылке - 62 462 осуждённых за контрреволюционные преступления¹. В результате досрочного освобождения и реабилитации лиц, относящихся к этой категории, на начало 1959 года оставалось в местах заключения 11 тыс. чел., осуждённых по политическим мотивам².

За 1954-1961 годы было реабилитировано (в том числе посмертно) 737 182 человек и отказано в пересмотре дел 208 448 осуждённым³. Реабилитация, хотя и более медленными темпами, продолжалась в 60-80-е годы.

Новый этап реабилитации начался на третьем году "перестройки". За 1987-1989 годы было реабилитировано 838 630 человек и отказано в реабилитации 21 333 лицам. К последней группе относились изменники родины и каратели времен Отечественной войны, участники и пособники националистических бандформирований и бывшие работники административных органов, уличенные в фальсификации уголовных дел. К моменту распада Советского Союза в его республиках остались нерассмотренными около 1,5 млн. следственных дел⁴.

Таким образом, статистика реабилитаций совпадает с цифрами, приведёнными в разделе 5.

8. Численность репрессированных членов партии.

В 1991 году ответственный работник КПК при ЦК КПСС Катков сообщил, что среди лиц, репрессированных в 1937-1938 годах, было 116 885 коммунистов⁵. Эта цифра представляется явно заниженной по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, значительная часть репрессированных в те годы была исключена из партии перед арестом. Типичной была картина, описанная А. Мильчаковым: в преддверии ареста коммуниста членов его партийной организации вызывали в райком и говорили: "Его надо исключить из партии, а то он будет арестован с партбилетом"⁶. Поэтому в следственных делах и приговорах такие люди проходили как беспартийные.

Во-вторых, среди репрессированных были сотни тысяч людей, исключённых из партии во время предыдущих партийных чисток. На февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Сталин сообщил, что в стране насчитывается 1,5 миллиона исключённых из партии с 1922 года. При этом в некоторых регионах и на многих предприятиях число исключённых превышало число

¹ Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. С. 272.

² Социологические исследования. 1991. № 7. С. 15.

³ XX съезд КПСС и его исторические реальности. С. 63.

⁴ Реабилитация. С. 328; Известия. 1992. 3 августа.

⁵ Правда. 1991. 14 апреля.

⁶ Реабилитирован посмертно. С. 141.

членов партии. Например, на Коломенском паровозостроительном заводе на 1400 членов партии приходилось 2 тыс. бывших коммунистов¹. Естественно, что на эту категорию и в особенности на лиц, исключённых за участие в оппозициях, было обращено особое внимание органов НКВД.

Близкими к истине представляются цифры, приведённые А. Д. Сахаровым в статье "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Здесь отмечалось, что в 1936-1939 годах было арестовано более 1,2 млн. коммунистов, что составило половину общей численности партии. Из них, по данным Сахарова, вышло на свободу 50 тыс. чел., остальные были расстреляны (600 тыс. чел.) или погибли в лагерях².

Более детальное представление о численности репрессированных коммунистов может дать сопоставление данных партийной статистики. На момент проведения XVII съезда (февраль 1934 года) в партии насчитывалось 1 872 488 членов и 935 298 кандидатов, на момент проведения XVIII съезда (март 1939 года) 1 588 852 членов и 888 814 кандидатов³. Если бы в 1934-1938 годах не было массовых партийных чисток и репрессий, а все кандидаты были переведены в члены партии, то в партии к XVIII съезду насчитывалось бы около 2,8 млн. членов (поправки на естественную смертность не могут быть значительными, так как в 1934 году примерно 90 процентов членов партии и почти 100 процентов кандидатов составляли люди в возрасте до 50 лет). Кроме того, приём в партию, прекращённый в 1933 году, был возобновлен с 1 ноября 1936 года. С этого времени и до марта 1939 года членами партии стали сотни тысяч человек, не состоявших к XVII съезду в кандидатах. Поскольку же основная часть лиц, исключённых из партии в 1933-1938 годах, была подвергнута политическим репрессиям, нетрудно прийти к выводу, что коммунисты составляли, по самым минимальным подсчётам, более половины жертв большого террора.

В некоторых регионах потери коммунистов в процентном выражении были выше, чем в целом по стране. Так, в компартии Украины число членов партии сократилось с 456 тыс. в 1934 году до 286 тыс. в 1938 году, т. е. почти на 40 %⁴.

Приведённые данные показывают справедливость мысли Троцкого: "Для установления того режима, который справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии"⁵.

Этот тезис подтверждается и судьбой тех коммунистов, каким удалось выжить в сталинских тюрьмах и лагерях. Как замечал А. Д. Сахаров, "только единицы из числа реабилитированных были допущены к работе на ответственных должностях, ещё меньше смогли принять участие в расследовании преступлений, свидетелями и жертвами которых они были"⁶. Между тем ко

¹ Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 21.

² Вопросы философии. 1990. № 2. С. 13.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 88.

⁴ Очерки по истории компартии Украины. Киев. 1961. С. 430, 452.

⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 261.

⁶ Вопросы философии. 1990. № 2. С. 13.

времени реабилитации многие коммунисты, занимавшие в прошлом ответственные посты, не были старше тогдашних партийных бонз. Например, бывший генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мильчаков, реабилитированный в 1955 году, был на год моложе Сулова и на четыре года моложе Пельше. Естественно было бы ожидать, что этому человеку, обладавшему большим политическим опытом, будет предоставлена ответственная работа в партийном или государственном аппарате. Между тем Мильчаков после реабилитации был отправлен на пенсию, тогда как Сулов и Пельше продержались у власти ещё 25 лет. "Новобранцы 1937 года", занимавшие в 50-х годах ключевые аппаратные посты, не были склонны поступиться и малой толикой своей власти в пользу большевиков, освобождённых из тюрем и лагерей.

Оглавление

Введение	1
I "Массовые операции"	7
II Январский пленум ЦК: "об ошибках парторганизаций"	13
III Январский пленум ЦК: дело Постышева	18
IV Подготовка к третьему процессу	23
V Эпизод с Крестинским	32
VI Бухарин и Вышинский	35
VII "Заговор" 1918 года	40
VIII Загадка Бухарина	45
IX Орбита Ягоды	50
X Отравления и отравители	54
XI Что на процессе было правдой?	59
XII Главный подсудимый	64
XIII Внутриполитические цели процесса	68
XIV Внешнеполитические цели московских процессов	71
XV Генеральный прокурор	75
XVI Приговор	80
XVII Международный резонанс процесса	83
XVIII Троцкий о московских процессах	90
XIX Историческая судьба московских процессов	96
XX Сталин и его ближайшее окружение	104
1. Молотов	110
2. Каганович	117
3. Ворошилов	124
4. Микоян	127
5. Андреев	129
6. Калинин	131
7. Жданов	132
8. Хрущёв	133
9. Берия	136
10. Маленков	138
11. Мехлис	139
12. Шкирятов	140
XXI В недрах Политбюро	142
XXII Ликвидация Центрального Комитета	145
XXIII Партийный аппарат	155
XXIV Армия	163
XXV НКВД	173

XXVI Комсомол.....	180
XXVII Беспартийная интеллигенция	184
XXVIII Народ	192
XXIX Великая чистка глазами врагов Советской власти.....	198
XXX Великая чистка глазами русской эмиграции.....	201
XXXI Великая чистка глазами коммунистов	206
XXXII Были ли виновные?.....	221
XXXIII Оппозиционеры в лагерях.....	230
XXXIV Воркутинская трагедия.....	234
XXXV Кому была выгодна великая чистка?.....	239
XXXVI Новобранцы 1937 года.....	243
XXXVII Кто и как был наказан после смерти Сталина	248
XXXVIII Террор против зарубежных коммунистов	252
XXXIX Невозвращенцы 1937 года.....	267
1. Игнатий Райсс	267
2. Вальтер Кривицкий	272
3. Александр Бармин	274
XL Невозвращенцы 1938 года.....	277
1. Александр Орлов	277
2. Фёдор Раскольников.....	280
XLI Вердикт комиссии Дьюи	284
XLII Большевизм, сталинизм, троцкизм	289
XLIII "Шумиха вокруг Кронштадта"	299
XLIV "Их мораль и наша"	306
XLV "Старику было бы трудно без сынка"	319
XLVI Агент по кличке "Тюльпан"	322
XLVII Смерть Льва Седова.....	326
XLVIII Троцкий в Мексике.....	331
XLIX Заграничные убийства	337
L Парижские интриги	340
LI Конец "ежовщины"	345
LII Фальсификация истории.....	351
Приложение I	
Из истории разоблачения сталинских преступлений	358
Приложение II	
Статистика жертв массовых репрессий.....	368